РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ФАКУЛЬТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
КАФЕДРА ИСТОРИИ РОССИИ

М.Н. Мосейкина

«РАССЕЯНЫ, НО НЕ РАСТОРГНУТЫ»: РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В 1920-1960 гг.

Москва
Российский университет дружбы народов
2011

УДК 325.2:94(8)"1920-60"
ББК 63.3
М 81

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Р е ц е н з е н т ы:
доктор исторических наук, доцент *А.В. Антошин,*
кандидат исторических наук *Е.М. Миронова*

Мосейкина, М.Н.

М 81 «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. [Текст] : монография / М.Н. Мосейкина. – М. : РУДН, 2011. – 384 с.

ISBN 978-5-209-04231-0

Монография посвящена анализу послереволюционной и послевоенной волн русской эмиграции в странах Латинской Америки. Выявлены региональные особенности формирования русских колоний на территории латиноамериканских стран в 1920-1960-е гг.; в тесной связи с их иммиграционной политикой показаны правовой статус эмигрантов, особенности экономической и социокультурной адаптации. Значительное место уделено анализу участия русской диаспоры в политических процессах периода «холодной войны» и в этом контексте проблемам взаимоотношения представителей старой и новой эмиграции на континенте. В книге реконструируется история контактов диаспоры и родины, раскрывается отношение эмигрантского сообщества в странах Латинской Америки к репатриационной политике СССР.

Книга рассчитана на специалистов, преподавателей и студентов гуманитарного профиля, а также всех интересующихся историей Русского зарубежья.

УДК 325.2:94(8)"1920-60"
ISBN 978-5-209-04231-0 ББК 63.3

© Мосейкина М.Н., 2011
© Российский университет дружбы народов, Издательство, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 4

Раздел I. Формирование русской диаспоры на латиноамериканском континенте (1920–1945 гг.) 26

Глава 1. Послереволюционная миграция русских беженцев за океан как международно-правовая проблема 26

Глава 2. Численность, состав и правовой статус переселенцев в контексте иммиграционной политики латиноамериканских стран 59

Глава 3. Проблемы «колонизации» и социально-экономической адаптации 99

Глава 4. «Русский очаг» вдали от родины: культура русских эмигрантов как фактор сохранения национальной идентичности 123

Глава 5. Процессы политической институционализации русской эмиграции 161

Глава 6. «Оборонцы» и «пораженцы»: позиция русской эмиграции в странах Латинской Америки накануне и в годы Второй мировой войны 188

Раздел II. Русские перемещенные лица в Латинской Америке (1945–1960-е гг.) 207

Глава 1. Деятельность международных организаций и политика латиноамериканских стран в отношении беженцев из Европы в послевоенный период 207

Глава 2. География расселения и процессы правовой и социально-экономической адаптации эмигрантов 233

Глава 3. Политическая деятельность русской эмиграции в условиях «холодной войны» 251

Глава 4. Культурная жизнь русской эмиграции на чужбине 274

Глава 5. Диаспора и родина: проблемы взаимодействия и противостояния 309

Заключение 337

Список источников и литературы 341

Именной указатель 379

ВВЕДЕНИЕ

Русская эмиграция в истории XX века представляла собой этнокультурную общность, базировавшуюся на традициях национальной культуры и языка, на основе которых и утвердился феномен Русского зарубежья. Его основные центры располагались на всех континентах. Примерно 20 лет назад «начался уникальный в истории мировой цивилизации процесс возвращения в Россию ее зарубежного мира»[1], составной частью которого является русская эмиграция в странах Латинской Америки. Созданный на пространстве южноамериканского континента «Русский мир» насчитывает сегодня около 130 тысяч человек, где можно выделить не менее десяти направлений русских эмиграционных потоков, среди которых наиболее крупными стали Аргентина, Бразилия, Уругвай, Парагвай, Венесуэла.

На разных этапах существования русской диаспоры за рубежом в ее составе сохранялась значительная часть выходцев из России, которые, несмотря на потерю прежнего социального, сословно-классового и профессионального статуса, отстаивали в своей повседневной жизни право оставаться русскими, сохранить себя как единое целое, полностью не раствориться в чужом для них мире. О том, что в условиях Латинской Америки это была непростая задача, свидетельствует тот факт, что латиноамериканские переселенческие социумы, повторяли модель «плавильного котла» и пространство «мультикультурализма» здесь оказалось достаточно ограничено[2]. Но именно благодаря

[1] *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. – М., 2008. – С. 9.

[2] *Давыдов В.М.* Цивилография и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки. – М., 2006. – С. 36, 40. За период 1904–1930 гг.

смешению наций нынешняя Латинская Америка представляет собой важнейшую составляющую культурно-цивилизационного многообразия современного мира, свой вклад в которую внесла и русская диаспора.

Эту часть граждан латиноамериканских стран наше государство признало соотечественниками, т.е. лицами, хотя и проживающими за пределами РФ, но связанными с Россией историческими, этническими, культурными, языковыми и духовными узами, стремящимися сохранить свою российскую самобытность и испытывающими потребность в поддержании контактов и сотрудничестве с Россией[1]. Соотечественники за рубежом превратились таким образом в неотъемлемый атрибут современного мирового порядка. Научное осмысление этого феномена, изучение накопленного ими опыта адаптации в инокультурную среду и при этом сохранения национальной идентичности представляют собой не только научную, но и практическую задачу. Сегодня укрепляется понимание того, что Россия и зарубежный «Русский мир» – части одного этнокультурного полюса.

Работа над избранной темой была начата автором в середине 1990-х гг. в рамках участия в международных научных конференциях по проблемам адаптации русского послереволюционного зарубежья в Институте российской истории РАН под руководством академика Ю.А. Полякова и доктора исторических наук Г.Я. Тарле. Одновременно данная тема оказалась тесно связанной с проблематикой научных школ, сложившихся в Российском университете дружбы народов. Здесь на факультете гуманитарных и социальных наук, в рамках Центра историко-антрополо-гических исследований, созданного при кафедре истории России, изучаются имагологические проблемы взаимовосприятия народов России и стран Азии, Африки и Латинской Америки, а научная философская школа РУДН уже многие годы занимается проблематикой диалога цивилизаций «Восток–

общее число переселенцев на латиноамериканский континент составило в целом по региону 8,7 млн человек.

[1] См.: От Съезда до Конгресса соотечественников (сборник материалов Института стран СНГ). – М., 2001. – С. 43-46.

Запад», которая также актуализирует изучение различных аспектов проблем межцивилизационного взаимодействия и культурной идентичности диаспор. На заключительном этапе работы над темой продвижению исследования в этой области способст-вовало участие автора в коллективном научном проекте «Русский мир и Россия: модели и факторы единства и разъединения в XX веке», реализация которого осуществлялась под эгидой фонда «Русский мир».

Свидетельством востребованности данной темы в последние годы стал также возросший интерес российского общества к историческому и культурному наследию русского зарубежья латиноамериканских стран. Подтверждением тому служит создание при участии Института Латинской Америки РАН общественного Фонда «Русский Очаг», главной целью которого является научное исследование истории и жизни русской эмиграции, истоков и причин ее возникновения, влияния русской национальной культуры на культуру латиноамериканских стран. Аналогичную задачу по поиску, изучению, сохранению и популяризации мирового творческого наследия выдающегося скульптора XX века С.Д. Эрьзи, многие годы прожившего в Аргентине, поставили перед собой и создатели Международного фонда искусств его имени.

Непосредственный интерес к изучению истории русской эмиграции в Латинской Америке в послереволюционный период вызван тем, что после 1917 г. здесь впервые с дореволюционных времен подавляющее большинство эмигрантов представляли этнические русские, т.е. восточнославянский компонент в этой части эмиграции пополнился белой эмиграцией и позднее – перемещенными лицами. По социальному составу это были представители белой армии и российского флота, казачества, духовенства, техноэлиты, творческой интеллигенции, крестьянства, которые не приняли советскую власть или потерпели поражение в гражданской войне либо были «вытолкнуты» с территорий государств-лимитрофов. Во многом это была вторичная эмиграция, которая направлялась за океан из Европы и Китая в поисках свободных земель и трудовой занятости и ко-

торой пришлось столкнуться с незнакомым языком, непривычным для европейца климатом, иным типом культуры и религии. Надежды на скорое падение советской власти и последующее возвращение домой явились причиной нежелания части русских, оказавшихся в Латинской Америке, принимать иностранное гражданство и всячески противостоять процессам денационализации и ассимиляции, связанным, по выражению профессора П.Е. Ковалевского, с «потерей своего русского облика, русских традиций и русских качеств»[1].

В случае с Латинской Америкой сохранять духовную и культурную общность эмигрантам традиционно помогали Русская православная церковь, а также русские школы, газеты и книги, библиотеки, русские театры. Формированию диаспоры способствовала также идейно-политическая жизнь эмиграции, деятельность созданных ею политических, корпоративных, культурно-просветительных организаций, «ставших со временем своего рода «заповедниками» русской культуры, языка и традиций в изгнании». Одновременно, адаптируясь, представители русского зарубежья привнесли в Латинскую Америки элементы образованности, культуры и научных достижений. Их усилиями были созданы факультеты в университетах, школы балетного искусства и вокала, велась подготовка технических кадров.

В современном эмигрантоведении в рамках разработки общетеоретических и методологических проблем изучения эмиграционных процессов и истории русского зарубежья дана оценка эмиграции как политического и интеллектуального явления, выявлены типы и структурные параметры адаптации, представлен анализ менталитета диаспоры как производной ее адаптивного функционирования[2]. Начало разработке проблем

---

[1] Наша страна. – 1998. – 30 апреля.

[2] См.: *Поляков Ю.А.* Адаптация и миграция в историческом контексте // Адаптация российских эмигрантов (конец XIX-XX в.): Исторические очерки. – М., 2006. – С. 5-20; *Тарле Г.Я.* История российского зарубежья: термины, принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции: 1917-1940. – М., 1995. – С. 16-24; *Она же*. Об особенностях

адаптации эмиграции как самостоятельного научного направления в отечественной историографии было положено группой академика Ю.А. Полякова, возглавляющего Центр изучения истории территории и населения России Института российской истории РАН[1]. В качестве основных направлений в изучении адаптации наряду с определением правового статуса, дифференцированного изучения различных социальных слоев и профессиональных групп, уровня их политической и общественной активности, учеными выделяется отношение эмигрантов к своей родине, национальным ценностям, что представляется весьма важным в связи с изучением истории связи диаспоры и родины как важного фактора сохранения идентичности. Указанные еще в советской литературе уровни адаптации (физиологический, биологический, психологический и социальный) были дополнены лингвистическим и географическим признаками, которые приобретают особую актуальность при переселении

изучения истории адаптации российских эмигрантов в XIX-XX веках // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX-XX ве-ках. – М., 1996. – С. 19-22; *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье XIX – первой половины XX века: некоторые итоги изучения проблемы // Исторические записки. – М., 2000. – № 3; *Он же*. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. – М., 2008; *Левин З.И.* Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). – М., 2001; *Ионцев В.А.* Международная миграция населения: теория и история изучения. – М., 1993; *Пушкарева Н.Л*. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. – 1996. – № 1. – С. 6-18; *Сабенникова И.В*. Российская эмиграция (1917-1939): сравнительно-типологическое исследование. – Тверь, 2002; *Она же*. Российская эмиграция 1917–1939 годов: структура, география, сравнительный анализ // Российская история. – 2010. – № 3. – С. 58-80; *Бочарова З.С.* Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории. – М., 2011 и др.

[1] См.: История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX вв.: Сб. ст. / чл.-кор. РАН Ю.А. Поляков (отв. ред.). – М., 1996; Адаптация российских эмигрантов (конец XIX-XX в.). Исторические очерки. – М., 2006; История российского зарубежья. Эмиграция из СССР–России. 1941-2001 гг.: Сб. ст. / Под ред. акад. Ю.А. Полякова, д.и.н. Г.Я. Тарле. – М., 2007 и др.

жителей России в далекие, экзотические страны Латинской Америки, Африки, Азии[1].

В работе на основе историко-антропологического подхода акцентируется внимание на изучении истории повседневной жизни эмигрантов, образа жизни рядового человека и его семьи, оказавшихся на отдельных исторических пространствах в непривычных для них условиях и потому демонстрировавших различные формы адаптации, характер и уровень восприятия чужой культуры, степень сохранения национальной идентичности. В этой связи автор обращается к такому объекту исследования, как «опыт», включающий в себя различные стороны экономической, общественной и культурной жизни, которые сохраняли актуальность в диаспоре на протяжении длительного периода времени[2].

Важное место в современном эмигрантоведении занимает проблема диаспоральности народов в условиях активных миграционных процессов XX – начала XXI в. При этом в отечественной и зарубежной литературе еще продолжаются дискуссии по поводу самой дефиниции «диаспора»[3]. Наиболее распространенное определение диаспоры включает в себя обозначение

---

[1] См.: *Поляков Ю.А*. Адаптация и миграция – важные факторы исторического процесса // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX-XX вв. – М., 2007. – С. 13-14; Адаптация российских эмигрантов (конец XIX-XX в.): Исторические очерки. – М., 2006. – С. 30.

[2] См.: *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. – М., 2008. – С. 23-25.

[3] См.: *Тощенко Ж. Чаптыгова Т.* Национальная диаспора как объект этносоциологического исследования. – М., 1997; *Полоскова Т*. Диаспоры в системе международных связей. – М., 1998; *Дятлов В.* Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. – 1999. – № 1. – С. 8-24; *Левин З.И.* Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). – М., 2001; *Тишков В.* Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Диаспоры. – 2003. – № 2. – С. 160-183; *Попков В*. Феномен этнических диаспор. – М., 2003*; Поляков Ю.А.* Адаптация российских эмигрантов (конец XIX-XX в.): Исторические очерки. – М., 2006. – С. 23.

сообщества конкретной этнической или религиозной принадлежности, выходцев из одной или нескольких стран, компактно поселившихся за пределами родины. Академик В.А. Тишков дополняет это определение такими двумя аспектами, как историческая ситуативность и личностная идентификация[1].

Применительно к истории русской эмиграции можно говорить также о том, что на ее основе в результате революции и в последующем мировой войны сложилась «диаспора катаклизма» (выражение Р. Брубейкера), которая (и это убедительно иллюстрирует пример латиноамериканских стран) располагалась более компактно по сравнению с обычными диаспорами (как в случае с дореволюционной трудовой или современной дисперсной эмиграцией, в ходе которой люди рассеяны в пространстве и оказываются намного слабее укоренены в принимающих их странах).

Диаспору нередко рассматривают также как общественную модель, создающую идентичность, которая может предложить некие коллективные ориентиры и сформировать общественные институты. В случае с русской послереволюционной и послевоенной диаспорой коллективная память как основополагающий момент самосознания диаспорной общины в странах-реципиентах была воплощена в перенесенных за рубеж традициях русской истории и культуры, в сохранении государственной символики и самого имени «Россия», что достаточно образно нашло отражение в воспоминаниях Р. Гуля, которые он так и назвал «Я унес Россию»[2]. В результате можно сказать, что на момент складывания русской послереволюционной диаспоры за рубежом она сохраняла идентичность, сформированную в стране исхода и базировавшуюся при этом не на принципах этничности, а принципах российской государственности (православия и монархизма).

---

[1] См.: *Тишков В. А*. Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв.: Сб. ст. – М., 2001. – С. 14.
[2] См.: *Гуль Р.* Я унес Россию. Апология эмиграции. Т. 1-2. – Нью-Йорк, 1981.

В рамках культурологического подхода актуализируется также проблема межкультурных коммуникаций или диалога культур (через образование, сохранение культурного наследия, религиозных традиций и др.), важность которого как теоретического подхода, приходящего на смену мультикультурализму развития, подчеркивается в ряде современных российских и зарубежных исследований[1]. Устойчивым основанием культурно-цивилизационной идентичности в межкультурном диалоге служит религиозное измерение. В работе особо отмечается роль Русской православной церкви за границей (РПЦЗ) и религиозного фактора в целом как средства сохранения идентичности русской эмиграции и одновременно поддержания межконфессионального диалога РПЦЗ в рамках инокультурного и иноконфессионального пространства латиноамериканских стран.

В последние годы наряду с терминами «эмиграция», «диаспора» в научный оборот вошло также понятие «Русский мир». Подобный феномен уже получил в ряде работ научное толкование, однако обсуждение данной проблемы еще продолжается[2]. Следует поддержать тезис о том, что Русский мир есть одна из форм культурного поведения и идентичности, в котором приоритетную роль играют самоопределение, русскость (духовность) на фоне сохранения таких изначальных консолидирующих факторов, как культура и язык[3].

---

[1] См.: *Василенко И.А.* Диалог цивилизаций. – М., 1999; Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. – М., 2002; Глобализация и мультикультурализм: Коллективная монография / Отв. ред. Н.С. Кирабаев. – М., 2005; *Зотов А.Ф.* Диалог культур. – М., 2004; Диалог цивилизаций и посткризисный мир: Мат-лы XII конференции / Отв. ред. Н.С. Кирабаев. – М., 2010 и др.

[2] См.: *Никонов В.* Русский, российский, русскоязычный мир //http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=20961; *Цымбурский В.* «Остров Россия» // http://archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/island_russia; *Щедровицкий П.Г.* Русский мир. Возможные цели самоопределения// http://www.archipelag.ru/authors/shedrovicky_petr/?library=2015; *Полоскова Т., Скринник В*. Русский мир: мифы и реалии. – М., 2003 и др.

[3] См.: *Тишков В.А*. Русский мир // Стратегия России. – 2007. – № 6 // http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii.html.

Еще одной важной методологической проблемой является проблема периодизации истории русской эмиграции и совпадающей с ней истории адаптации. В современном эмигрантоведении сложилась общепринятая периодизация, которой придерживается и автор данной работы, включающая в себя дореволюционную, послереволюционную (после 1917 г.), именуемую «первой волной», послевоенную, именуемую «второй» волной эмиграции, «третью», которая определена в рамках периода с середины 1960-х до середины 1980-х гг. и «четвертую» – современную (после 1991 г.) волну эмиграции, которая совпадает с постсоветским периодом истории нашей страны.

Ряд отечественных исследователей придерживаются иной точки зрения на проблему общей периодизации истории Российского зарубежья. В первую очередь, среди историков-американистов принято считать в качестве «первой волны» массовую дореволюционную эмиграцию за океан, преимущественно трудовую[1]. Данную точку зрения разделяют академик Ю. А. Поляков, Е. И. Пивовар, Г. И. Каневская и ряд других авторов, также предложивших в хронологии истории российского зарубежья начальным считать период массовой дореволюционной эмиграции из России второй половины XIX – начала XX в.[2] В рамках дискуссии Г. Я. Тарле ввела понятие «первая постре-

[1] См.: *Тудоряну Н.Л.* Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма (в Германию, Скандинавские страны и США). – Кишинев, 1986; *Нитобург Э.Л.* У истоков русской диаспоры в Америке // США. Экономика, политика, идеология. – 1996. – № 7. – С. 84-95;*Он же*. У истоков русской диаспоры в США: вторая волна // США. Экономика, политика, идеология. – 1998. – № 8. – С. 70-83; *Он же*. У истоков русской диаспоры в США: третья волна // США–Канада.–1999. –№ 1-2. – С. 80-88.

[2] См.: *Поляков Ю.А*. Историческая наука: люди и проблемы. – М., 1999. – С. 46; *Тарле Г.Я.* История адаптации российских эмигрантов в литературе 1990-х гг. Эволюция понятий // Адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.): Исторические очерки. – М., 2006. – С. 62; История Российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX–XX в.): Сб. статей. – М., 2004. С. 37; *Пивовар Е.И*. Российское зарубежье: социально-культурный феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. – М., 2008. С. 68-75; *Каневская Г.И.* История русской эмиграции в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.): Автореф. дис. … докт. ист. наук. – СПб., 2008. – С. 13.

волюционная волна», однако в дальнейшем, уточняя терминологию, исследовательница назвала эту волну «второй массовой эмиграцией», происходившей в сравнительно короткие сроки – в 1917 – начале 1920-х гг., в экстремальных условиях острого революционного кризиса и по разным направлениям (на запад и восток)[1].

В данной работе с учетом этнонационального состава постреволюционной эмиграции в странах Латинской Америки и ее вклада в формирование социокультурного пространства, именуемого «Русским миром», берется за основу периодизация истории русской эмиграции, отсчет которой был положен событиями революции 1917 г. и Гражданской войны. При этом история «первой» и «второй» волн эмиграции на латиноамериканский континент рассматривается в тесной связи с практическим опытом трудовой деятельности и общественно-политической жизни выходцев из Российской империи в странах Латинской Америки в дореволюционный период.

Историография изучения российской эмиграции прошла в своем становлении несколько этапов и насчитывает сегодня уже столетнюю историю. Но лишь в последние десятилетия, после отказа от идеологического диктата, данная проблема в работах отечественных исследователей вышла на новый уровень научного осмысления. Приоритетным стало изучение феномена зарубежной России 1920–1930-х гг. Авторы обратились к анализу основных центров русского рассеяния, изучению истории военной, политической и культурной эмиграции, проблем ее социально-правовой, экономической, культурной адаптации, истории исторической и общественно-политической мысли Российского зарубежья[2]. Вместе с тем специального исследования,

---

[1] См.: *Тарле Г.Я.* История адаптации российских эмигрантов в литературе 1990-х гг. Эволюция понятий // Адаптация российских эмигрантов (конец XIX-XX в.): Исторические очерки. – М., 2006. – С. 62-63.

[2] См.: Адаптация российских эмигрантов (конец XIX-XX в.): Исторические очерки.– М., 2006; Российская военная эмиграция в 1920-30-е годы / Бегидов А.М., Ершов В.Ф., Парфенова Е.Б., Пивовар Е.И. – Нальчик, 1998; *Ершов В.Ф.* Российское военно-политическое зарубежье в 1918–

предметом которого явилась бы история русской эмиграции в странах Латинской Америки в 1920–1960-е гг., до настоящего времени не проводилось, хотя в связи с обозначившейся в историографии региональной специализацией в научных исследованиях можно говорить о формировании заметной и многообразной исследовательской базы отдельных проблем истории латиноамериканской ветви русской эмиграции конца XIX–XX в.

Первые сведения о заокеанской эмиграции в Южную Америку, включая некоторые статистические данные, содержали работы, опубликованные еще в дореволюционный период, в которых наиболее широко освещалась проблема участия в процессах колонизации латиноамериканской сельвы русских немцев и евреев[1]. В советской историографии 1920–1930-х гг. в ра-

---

1945 гг. – М., 2000; *Будницкий О.В*. Нетипичный Маклаков (О политической деятельности В.А. Маклакова) // Отечественная история. –1999. – № 2. – С. 12-26; *Там же.* – № 3. – С. 64-81; *Он же.* Деньги русской эмиграции: колчаковское золото: 1918-1957. – М., 2008; *Голдин В.И.* Солдаты на чужбине. Русский Обще-Воинский Союз, Россия и Русское зарубежье в XX–XXI веках. – Архангельск, 2006; *Бочарова З.С.* «…не принявший иного подданства»: Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1930-е годы». – СПб., 2005; *Пеньковский Д.Д.* Эмиграция казачества из России и ее последствия (1920–1945 гг.). – М., 2006; *Миронова Е.М.* Дипломаты Русского зарубежья в борьбе за обеспечение правового положения беженства // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. Сб. науч. тр. – СПб., 2006. – С. 25-43; *Кононова М.М.* Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг.). – М., 2004; *Омельченко Н.А*. В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности (историко-политический анализ). – СПб,. 1996; *Вандалковская М.Г.* Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. XX в. – М., 2009; *Антоненко Н.В*. Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20–30 гг. XX в.). – Мичуринск, 2011 и др.

[1] См.: *Беркенгейм А.М.* Развитие колонизации в Аргентине // Русская мысль. – М., 1894. – № 9; *Лапин Е.* Настоящее и будущее еврейской колонизации в Аргентине: доклад, чит. в ЦК ЕКО. – СПб., 1894; *Гроссман В.* Еврейская колонизация в Аргентине // Еврейская нива. – СПб., 1913. – № 1.

ботах главным образом историко-публицистического характера также в связи с освещением общемировых миграционных процессов затрагивались различные аспекты колонизационных проблем в истории стран Латинской Америки[1]. С конца 1930-х гг. и на протяжении почти трех десятилетий в отечественной историографии не появилось сколько-нибудь значительных работ об эмиграции из России/СССР на южноамериканский континент. Лишь в 1960–1980-е гг. эмигрантская тема стала выделяться в самостоятельное направление в советской историографии, что было связано с расширением источниковой базы, в том числе за счет появления мемуарной литературы реэмигрантов. В трудах известных латиноамериканистов тех лет Р.А. Зиновьевой, Л.С. Шейнбаум были проанализированы миграционные процессы в странах Латинской Америки в XIX–XX вв., в связи с которыми освещались проблемы адаптации европейской иммиграции в инокультурную среду, ее вклада в социально-экономическое развитие континента, воздействия на изменение антропологического типа местного населения и т.д., однако при этом роль русскоязычного населения в данных исследованиях не получила специального освещения[2].

К истории трудовой и революционной эмиграции из Российской империи за океан в своих работах обратились в эти годы Н.В. Королев, Н.Л. Тудоряну, А.М. Черненко, благодаря чему были значительно расширены представления о причинах эмиграции в Южную Америку и политике царского правительства в этом вопросе, об особенностях социально-экономической

---

[1] См.: *Крюков Н.А*. Как живут земледельцы в Аргентине // Человек на земле. – М., 1922; *Волков А.* Иммиграция и колонизация в Аргентине // Мировое хозяйство и международная политика. – 1927. – № 7. – С. 109-115; *Комиш Лео*. В стране будущего. Мои скитания по Аргентине. – Л., 1924; *Витвер И.А.* Бразилия и Аргентина. – М.–Л., 1930; *Витвер И.А.* Южная Америка. – М., 1930 и др.

[2] См.: *Зиновьева Р.А.* Латинская Америка: миграции населения и рост промышленного пролетариата. – М., 1978; *Шейнбаум Л.С.* Аргентинский этнос: этап формирования и развития. – Л., 1989; Этнические процессы в странах Южной Америки. – М., 1981 и др.

жизни трудовых эмигрантов, о различных аспектах их правового положения и политической деятельности за рубежом[1]. При этом история славянской эмиграции (прежде всего украинской, белорусской, польской) наиболее полно была представлена в работах А.А. Стрелко, который основное внимание уделил ее социальному составу, движению объединения славянских трудовых организаций, в том числе в годы Второй мировой войны[2]. Автор приходит к выводу о том, что отрыв от родины, языковая изоляция, отсутствие поддержки со стороны правительства стимулировали людей к объединению и созданию религиозных, культурно-просветительных и общественно-политических организаций. Однако в силу идеологических причин истории белой эмиграции в странах Латинской Америки автор касался лишь фрагментарно.

Новый интерес к проблемам российской эмиграции, включая ее латиноамериканское направление, проявился в 1990-е гг. в связи с оформлением в качестве самостоятельной темы в отечественной историографии истории Русского послереволюционного зарубежья и проблем адаптации русских переселенцев в странах рассеяния. В работах современных отечественных исследователей начался процесс переосмысления старых представлений о послереволюционной эмиграции и разработки новых методологических подходов (в том числе историко-антропологического, историко-культурного и др.), выявления основных центров формирования русской диаспоры за рубежом в 1920–1930-е гг., ее вклада в мировой миграционный процесс. Среди характерных черт историографии 1990-х гг. был

---

[1] См.: *Королев Н.В.* Страны Южной Америки и Россия (1890–1917 гг.). – Кишинев, 1972; *Тудоряну Н.Л.* Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма (в Германию, Скандинавские страны и США). – Кишинев. 1986; *Черненко А.М.* Российская революционная эмиграция в Америке (конец XIX – 1917). – Киев, 1989.

[2] См.: *Стрелко А.А*. Трудящаяся иммиграция из России в Бразилию. Конец 19 – начало 20 в. // Россия, СССР, Бразилия –150 лет отношений. – М.: ИЛА РАН, 1980. – С. 62–91; *Стрелко А.А.* Славянское население в странах Латинской Америки (Исторический очерк). – Киев, 1980.

также рост интереса к так называемой «периферии» – к балканским странам, «восточной ветви» эмиграции, к которым добавились Австралия, Южная Америка, Африка.

На новом этапе приоритет в изучении эмиграции в странах Южной Америки по-прежнему оставался за отечественными латиноамериканистами. Важный вклад в разработку этого направления исторической науки внес известный специалист в области российско/советско-латиноамериканских отношений А.И. Сизоненко, в трудах которого (в том числе благодаря личным контактам с представителями русской диаспоры) впервые были раскрыты многие ранее неизвестные сюжеты из жизни белой эмиграции на континенте, связанные с особенностями ее адаптации и сохранения национальной идентичности, характером политической деятельности. Особый интерес в этой связи представляет материал о судьбе русских дипломатических миссий в странах Латинской Америки в послереволюционный период[1].

История «Русского Парагвая» и, в частности, судьбы генерала И.Т. Беляева, его роли в создании здесь гомогенного русского очага с культивированием в нем «исконно русских» ценностей – православия, монархизма, патриотизма получила освещение в работах Б.Ф. Мартынова. Автором показан также вклад русских военных в победу Парагвая в годы его войны с Боливией в 1932–1935 гг., а в мирное время – в развитие теоре-

---

[1] См.: *Сизоненко А.И.* Русские открывают Латинскую Америку. – М., 1992; *Он же.* По страницам газеты русских монархистов // Латинская Америка. – 1995. – № 9. – С. 65-68; *Он же*. Русская диаспора в Латинской Америке: проблемы сохранения национальной самобытности // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX-XX веках: Сб. ст. – М., 2006. – С. 146-151; *Он же.* Русская эмиграция в Аргентине // Изучение латиноамериканистики в Российском университете дружбы народов: Доклады и выступления ученых РУДН на X Всемирном конгрессе латиноамериканистов 26-29 июня 2001 г. – М., 2002. – С. 150-161; *Сизоненко А.И., Панков Н.А*. Наши соотечественники в Латинской Америке. – М., 2002; *Сизоненко А.И.* Русские в Латинской Америке (очерки). – М., 2005; *Он же.* Дипломатические портреты (о российских и советских дипломатах в Латинской Америке). – М., 2007 и др.

тической и прикладной науки, образования, организацию дорожного хозяйства республики, создание фортификационных сооружений и т.д. [1]

В ряде публикаций и обобщающем очерке по истории русского зарубежья в странах Латинской Америки среди характерных черт русской послереволюционной эмиграции были названы разобщенность русской колонии, деление ее на «советскую» и «белую»; невостребованность русского языка, в частности, в связи с неразвитостью торговых связей с СССР в межвоенный период, изоляция от Родины и как следствие – быстрая ассимиляция русских иммигрантов во втором и третьем поколениях[2].

Латиноамериканская ветвь русского послереволюционного зарубежья представлена также в публикациях по истории русской диаспоры в отдельных странах региона. В этом контексте изучается жизнь и судьба деятелей науки, искусства, образования, предпринимателей и их вклада в экономическую и культурную жизнь латиноамериканских стран[3]. В популярной

---

[1] См.: *Мартынов Б.Ф.* Парагвайский Миклухо-Маклай. Повесть о генерале Беляеве. – М., 1993; *Он же*. Парагвайские встречи // Латинская Америка. – 1995. – № 9. – С. 53-59; *Он же*. Русский Парагвай. Повесть о генерале Беляеве, людях и событиях прошлого века. – М., 2006 и др.

[2] См.: Русское зарубежье в Латинской Америке. – М., 1993.

[3] См.: *Боровков А.Н.* Русская колония в Мексике // Латинская Америка. – 1987. – № 9. – С. 114-119; *Шейнбаум Л.С.* Русские в Аргентине (Из истории российской эмиграции) // Латинская Америка. – 1993. – № 5. – С. 113-120; *Мартынов Б.Ф.* Русские в Бразилии // Латинская Америка. – 1995. – № 11. – С. 78–84; *Владимирская Т.Л.* Русские мигранты в Парагвае // Вопросы истории. – 1995. – № 11-12. – С. 158-160; *Нечаева Т.Ю.* Адаптация русских эмигрантов в Латинской Америке // Латинская Америка. – 1996. – № 12. – С. 64–71; *Хисамутдинов А.А.* Русские в Бразилии // Латинская Америка. – 2005. – № 9. – С. 86-100; *Российский М.А.* Русское зарубежье на Кубе: Страницы истории. – М., 2002; *Коваль О.В.* Формирование политических центров белорусской диаспоры в межвоенный период // История народов России. Мат-лы XV Всероссийской научно-практической конференции. Москва, РУДН, 19–20 мая 2011 г. – М.: РУДН, 2011. – С. 195-201; *Moiseev A., Egorova O.* Los rusos en Cuba. Cronicos historicas: juicios y testimonies. – La Habana, 2010; Del proyecto

серии «Русские за границей» вышла книга С.Ю. Нечаева «Русские в Латинской Америке», в которой представлены биографические очерки наиболее заметных (при этом малоизвестных широкому кругу читателей) представителей «первой» и «второй волны» русской эмиграции в странах латиноамериканского рассеяния, в том числе генералов Н.Ф. Эрна, А.П. Балка, Е.А. фон Шварца и других представителей военной эмиграции, а также деятелей русской культуры[1].

Одновременно в работах Е.Н. Дика, Э.Г. Путятовой продолжилась разработка истории дореволюционной эмиграции из России в странах Латинской Америки, прежде всего в Аргентине и Мексике, в контексте российско-латиноамериканских политических и экономических отношений[2]. В центре внимания современных исследователей остается также деятельность революционной эмиграции на континенте[3]. Благодаря привлече-

---

«El escultor ruso Erzia y la Argentina». Articulos de los autores latinoamericanos sobre el escultor ruso. Yuri Paporov. El Gran Erzia: Reconocimiento y tragedia. Novela literaria y documental. – М., 2010 и др.

[1] См.: *Нечаев С.Ю.* Русские в Латинской Америке. – М., 2010.

[2] См.: *Дик Е.Н.* Иммиграционный аспект российско-латиноамериканских отношений // Латинская Америка. – 1994. – № 11. – С. 95-97; *Он же.* У истоков российской эмиграции в Мексике: 1906–1926 годы (По мексиканским источникам) // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. – М., 1997. – С. 130–134; *Путятова Э. Г.* Русские источники по истории трудовой эмиграции в Южную Америку в конце XIX – начале XX в. // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. – М., 1997. – С. 71-78; *Она же.* Российские эмигранты в Аргентине (конец XIX – начало XX в.) // Латинская Америка. –2005. – № 7. – С. 75-81; *Она же*. Россия и Южная Америка: трудовая эмиграция и дипломатические отношения в конце XIX – начале XX в. – СПб., 2006; *Она же*. Российская трудовая эмиграция в Аргентине в период Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2007. – Сер 2. – Вып. 2; *Она же.* Российские иммигранты в Южной Америке: проблема социокультурной адаптации (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2008. – Сер. 2. – Вып. 1 и др.

[3] *Хейфец В.Л.* Провал «аргентинских Лениных». Коминтерн, коммунистическая партия и российская эмиграция в Аргентине, 1919–1922 гг. //

нию новых документов в работах санкт-петербургских ученых Л.С. Хейфеца и В.Л. Хейфеца получила отражение политика Коминтерна по проникновению в Латинскую Америку и связанная с ней деятельность представителей русской революционной эмиграции на континенте.

При этом до последнего времени малоисследованной остается история «второй (послевоенной) волны» русской эмиграции в Латинской Америке. Судьба ее прямо или опосредованно прослеживается прежде всего через эмигрантскую публицистику[1]. Единственная специальная работа в отечественной историографии, посвященная истории становления русской колонии в Венесуэле в послевоенный период, принадлежит Э.Л. Нитобургу[2]. В связи с общей историей репатриации и международного урегулирования положения перемещенных лиц частично данная тема была затронута в трудах В.Н. Земскова, П.М. Поляна, в которых на основе данных Управления по ре-

---

Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. – СПб., 2000. – С. 93-101; *Хейфец Л.С.* Коминтерн в Латинской Америке. – СПб., 2004; *Хейфец В.Л.* Американская и российская радикальная эмиграция в Мексике в 1920-е гг. // Актуальные проблемы американистики. – Нижний Новгород, 2003. – С. 131-137; *Он же.* Российская эмиграция как фактор развития левого движения Мексики // Зарубежная Россия. 1917-1939. Кн. 2. – СПб., 2003. – С. 94-101; *Ортис Р.* Красные заговорщики: подрывная деятельность в Мексике в 20-е годы XX века // Латиноамериканский исторический альманах. – 2005. – № 6. – С. 67–84; *Анна Рибера Карбо*. Сеня Флешин: русский анархист, мексиканский фотограф // Латинская Америка. – 2006. – № 4. – С. 79-87 и др.

[1] См.: Врангелевцы в Бразилии. – Сан-Пауло, 1958; Леонтий (Филиппович), архиепископ. Церковная жизнь в Венесуэле // Епархиальный вестник Венесуэльской епархии. – 1959. – № 5. – октябрь-ноябрь; Российские офицеры // Труд Южно-Американского отдела Института по исследованиям проблем войны и мира им. Н.Н. Головина. – Буэнос-Айрес, 1959; *Поремский В.Д.* Политическая миссия российской эмиграции. – Посев. 1954; *Константинов Д.,* протоиерей. Мюнхенский Институт. Из истории второй российской политической эмиграции // Трибуна русской мысли. – М., 2002. – № 4. – С. 133-144 и др.

[2] См.: *Нитобург Э.Л.* Об истоках русской колонии в Венесуэле // Новая и новейшая история. – 1999. – № 2-3. – С. 90-94.

патриации и Международной организации по делам беженцев и перемещенных лиц (ИРО) впервые приведены статистические сведения о численности и национальном составе послевоенной эмиграции в Латинской Америке, в том числе по отдельным странам[1]. В работах А.А. Хисамутдинова, П.Н. Базанова, А.В. Антошина, С.В. Волкова, в связи с историей «второй волны» эмиграции получили освещение отдельные аспекты институционализации русской эмиграции в латиноамериканских странах, ее участия в политических процессах периода «холодной войны»[2]. Собрана солидная информационная база по истории русского воинства за рубежом, в том числе в отдельных странах Латинской Америки, которая содержится в справочно-биографических изданиях[3]. Результаты поисков по формирова-

[1] См.: *Земсков В.Н.* К вопросу о репатриации советских граждан. 1944-1951 гг. // История СССР. – 1990. – № 4. – С. 26-41. *Он же.* Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба // Социс. – 1995. – № 5. – С. 3-12; *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. – М., 2002. – С. 217, 232.

[2] См.: *Хисамутдинов А.А.* По странам рассеяния: История российской эмиграции первой волны в Китае, странах АТР и Южной Америке в 1900–1970-е годы. Ч. 2. – Владивосток, 2000; *Антошин А.В.* Российские монархисты – легитимисты в эмиграции в Бразилии после Второй мировой войны // Восьмые Романовские чтения. Тезисы регион. конф. – Екатеринбург, 2004. – С. 100–104; *Он же.* Российские эмигранты в условиях «холодной войны» (середина 1940-х – середина 1960-х гг.). – Екатеринбург, 2008; *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917-1988). 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 2008; *Волков С.В.* Русская военная эмиграция. Издательская деятельность. – М., 2008 и др.

[3] См.: *Волков С.В.* Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. – М., 2002; *Он же.* Офицеры флота и морского ведомства. Опыт мартиролога. – М., 2004; *Он же.* Офицеры армейской кавалерии: Биографический справочник. – М., 2009; *Окороков А.В.* Молодежные организации русской эмиграции (1920-1945). – М., 2000; *Он же.* Русская эмиграция: политические, военно-политические и военные организации. – М., 2003*;* *Он же.* Знаки русской эмиграции 1920-1990. – М., 2005; *Чичерюкин-Мейнгардт В.Г.* Воинские организации Русского зарубежья после Второй мировой войны. – М., 2008 и др.

нию картотеки некрополя русского рассеяния в странах Латинской Америки, и прежде всего в Аргентине, Бразилии, Парагвае, представлены в сборниках «Михайлов день. Журнал исторической России», которые выходят с 2005 г. [1]

В последние годы начала складываться собственно эмигрантская историография изучаемой проблемы. Событием в научной жизни стал выход в свет в 2009 г. тематических сборников «Русские в Уругвае: история и современность»' и «Русские в Мексике», которые являются плодом совместного сотрудничества отечественных латиноамериканистов с представителями русской диаспоры в этих странах[2]. В них нашли отражение малоизвестные аспекты истории белой эмиграции, позиция проживавших здесь русских в годы Второй мировой войны, показана роль русских культурно-просветительных центров в деле сохранения русского языка, культуры и связей с родиной. В книгах приводятся воспоминания и значительное число редких фотодокументов. Еще одной работой, посвященной русской диаспоре в Чили и ее вкладу в экономическое, научное и культурное развитие страны, стала монография чилийских историков О. Ульяновой и К. Норамбуэны «Русские в Чили», изданная в двух версиях – русской и испанской[3]. В ряду эмигрантских изданий следует также выделить публикации проживающих в Аргентине И.Н. Андрушкевича, М.А. Кублицкой, посвященные как общим проблемам истории белой эмиграции и перемещенных лиц в этой стране, так и рассмотрению частных биографий, сюжетам политической и культурной жизни Русского зарубежья, истории поседневности отдельных социальных групп в русском рассеянии[4].

---

[1] См.: Михайлов День 1-й. Журнал исторической России. – Ямбург, 2005; Михайлов День 2-й. Журнал исторической России. – СПб., 2010.

[2] См.: Русские в Уругвае: история и современность. – Монтевидео, 2009; Русские в Мексике. – М., 2009.

[3] См.: *Ульянова О., Норамбуэна К.* Русские в Чили. – Santiago, 2009.

[4] *Андрушкевич И.Н.* Полковник Николай Александрович Андрушкевич // Михайлов День 1-й. Журнал исторической России. – Ямбург, 2005. – С. 141-148; *Андрушкевич И.Н.* Русская белая эмиграция. (историческая

Таким образом, в отечественной и эмигрантской историографии получили освещение различные аспекты расселения, адаптации, экономической и культурной жизни русской эмиграции в странах Латинской Америки. Были проанализированы отдельные профессиональные группы внутри диаспоры, роль Русской православной церкви за рубежом в процессе адаптации русских беженцев в латиноамериканских странах. Вместе с тем, несмотря на имеющуюся историографическую базу исследования и разработку новых подходов в освещении темы, многие ее аспекты остаются недостаточно исследованными: продолжает дискутироваться вопрос о численности и динамике расселения русской эмиграции в отдельных странах, слабо исследована иммиграционная политика латиноамериканских правительств и ее влияние на правовой статус русских переселенцев, недостаточно изучены экономическая и социокультурная адаптация русской эмиграции, роль международных и эмигрантских организаций помощи беженцам; практически не обращались к истории «второй волны» эмиграции в странах Латинской Америки, особенностям ее адаптации; вне поля зрения специалистов остаются многие важные аспекты ее политической и культурной деятельности, позиция в годы Второй мировой войны и история связи с Родиной.

справка) [Электронный ресурс] // http://ricolor.org/history/re/30/ (интернет-портал «Россия в красках»); *Кублицкая М.А.* Русские воины в Аргентине. Часть I. Кадеты. – Буэнос-Айрес: Издание Объединения кадет Российских кадетских корпусов в Аргентине, 2004; *Кублицкая М.А*. Русские могилы в Аргентине. Никифор Аввакумович Чоловский // Михайлов День 1-й. Журнал исторической России. – Ямбург, 2005. – С. 184-198. *Кублицкая М.А*. Русские могилы на Британском кладбище в Буэнос-Айресе, Аргентина // Михайлов День 2-й. Журнал исторической России. – СПб.: Б. и., 2010. – С. 282-17; *Кублицкая М.А.* Русские издательства, типографии и библиотеки в Аргентине [Электронный ресурс] // http://emigrantika.ru/publications/838-bookiv (сайт «Эмигрантика.ru. Русское зарубежье»); *Кублицкая М.А.* Пушкин в Аргентине [Электронный ресурс] // http://xxl3.ru/kadeti/kublitskaya.htm (сайт профессора Л.Л. Лазутина).

Работа написана на основе широкого круга источников, основу которого составляют неопубликованные архивные материалы из 60 фондов, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Архиве внешней политики Российской империи (АВП РИ), Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Российском государственном военном архиве (РГВА), архиве-фонде Библиотеки «Русское зарубежье» имени Александра Солженицына, Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), Отделе рукописей Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН (ОР ИМЛИ РАН), Документальном фонде Центрального музея Вооруженных Сил РФ, Русском архиве Университета г. Лидс (Великобритания). В исследовании использовано также большое количество публицистических материалов, в том числе представленных в эмигрантской периодике, мемуарная литература (включая рукописные материалы) и эпистолярное наследие русской эмиграции.

Целью данной монографии служит выявление особенностей и интегративных черт истории русской эмиграции в странах Латинской Америки в 1920–1960-е гг., изучение факторов и результатов ее адаптации. В этой связи важно рассмотреть, как осуществлялся процесс размещения русских переселенцев за океаном, какую роль в этом играли Лига Наций, Верховный секретариат по делам русских беженцев во главе с Ф. Нансеном и эмигрантские организации; определить численность, социальный состав и характер занятости эмигрантов, выявить основные направления оказания помощи русским беженцам со стороны благотворительных организаций, дипломатических миссий, Русской православной церкви за рубежом; определить правововой статус эмигрантов в связи с особенностями иммиграционной политики стран континента; выявить степень институционализации русской диаспоры, показать характер деятельности политических, корпоративных, культурно-просветительных организаций русской эмиграции; раскрыть степень ее включенности в политические процессы Русского зарубежья; оценить вклад русской эмиграции в экономическую и культур-

ную жизнь латиноамериканских стран, определить специфику ее контактов и связей с СССР в послевоенный период. Данная работа является первой попыткой обобщающего исследования истории русской эмиграции в странах Латинской Америки в 1920–1960-е гг. и процессов ее адаптации.

Раздел I

ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ НА ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ (1920-1945 гг.)

Глава 1

ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННАЯ МИГРАЦИЯ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ ЗА ОКЕАН КАК МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА

История русской послереволюционной эмиграции связана в первую очередь с историей белой эмиграции, к числу которой относили тех, кто не принял власть большевиков и покинул Советскую Россию после 25 октября 1917 г., кто боролся против нее с оружием в руках и вынужден был после поражения бежать за границу, а также всех тех, кто, оставаясь за рубежом, был лишен советского гражданства (так называемых апатридов). Послереволюционная эмиграция, как справедливо отмечает исследователь русского военного зарубежья В.И. Голдин, формировалась поэтапно, и «ее волны выплескивались на зарубежные берега, уже начиная с 1918-19 годов», что было связано с конкретными событиями Гражданской войны и интервенцией[1].

Эмигранты покидали страну разными путями: легально (24 апреля 1919 г. было принято Постановление СНК о выдаче

[1] См.: *Голдин В.И.* Русское военное зарубежье в XX веке. – Архангельск, 2007. – С. 22.

заграничных паспортов российским гражданам, «против выезда которых не встречалось возражений со стороны НКВД и НК по военным делам») и нелегально. Существовала также государственная практика насильственной высылки на основании декрета ВЦИК и СНК от 10 августа 1922 г. «Об административной высылке», которой подверглись представители политической оппозиции, интеллигенция, духовенство. Кроме того, в соответствии с Постановлением СНК от 28 октября 1921 г. прав гражданства лишались некоторые категории лиц, находившихся к тому времени за границей, в том числе пробывшие вне СССР свыше пяти лет[1].

В географическом смысле зарубежная Россия также не представляла собой единого целого. Русские эмиграционные потоки двигались в западном, северо-западном, южном и дальневосточном направлениях. Их представители оказались рассеяны по разным странам и континентам. П.Н. Милюков насчитывал 25 государств (без стран Америки), где в 1924 г. жили русские эмигранты. Центрами Русского зарубежья в Западной Европе были Берлин, Париж, Прага, в меньшей степени и в течение более короткого времени – Белград, Рига, София. Особым районом эмигрантского рассеяния стал Китай, куда устремились остатки войск адмирала А. В. Колчака, отрядов генерала В.О. Каппеля, атамана Г.М. Семенова, а также США, Канада, государства Северной Африки и Южной Америки.

В результате наплыва беженецев проблема русской эмиграции превратилась в международную и оказалась в центре внимания таких организаций, как Лига Наций, Международная организация Красного Креста. 27 июня 1921 г. известный норвежский ученый, исследователь Арктики Фритьоф Нансен , который в 1920–1921 гг. являлся главой Комиссии Лиги Наций по оказанию помощи беженцам и военнопленным, был назначен на должность Верховного комиссара по делам русских беженцев. Пути решения беженской проблемы заключались в урегу-

[1] См.: *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция 1917–1939 годов: структура, география, сравнительный анализ // Российская история. – 2010. – № 3. – С. 64.

лировании правового положения беженцев, находившихся за границей, их расселении, трудоустройстве и репатриации тех, кто хотел вернуться на родину[1]. И если в начальный период деятельности этой международной организации основной акцент делался на улучшении положения иммигрантов и урегулировании их личного статуса, то начиная с середины 1920-х гг. главное внимание было сосредоточено на переселении и трудоустройстве беженцев, выработке их правового статуса.

В проведении переписи и установлении отношений с правительствами разных стран по поиску работы для русских беженцев принимало участие Международное бюро труда (МБТ) Лиги Наций, ставившее задачу «выяснить возможность участия в расходах тех государств, помощь которых русским беженцам была до сих пор менее значительна»[2]. 22-24 августа и 16-19 сентября 1921 г. была проведена Конференция представителей заинтересованных государств, на которой было принято решение после переписи всех русских беженцев в Европе и определения их профессии опросить все государства на предмет того, какие категории работников из русской беженской среды могли бы легче всего у них устроиться; привлечь к совместной работе частные организации и «вместе с ними найти необходимые средства для срочной помощи переселенцам»[3].

После создания должности Верховного комиссара по беженским делам руководить процессами урегулирования беженского вопроса на Балканском полуострове, где размещалась большая часть русских эмигрантов, был назначен Самуэль Хор, с которым сотрудничал Земгор и который учредил Особый комитет по беженским делам под председательством английского полковника Проктора. От русского беженства в комитет были приглашены С.В.Тухолка и профессор И.П.Алексинский, рабо-

---

[1] См.: *Бочарова З.С.* Деятельность Лиги Наций по урегулированию статуса беженцев // Правовое положение российской эмиграции в 1920-1930-е годы. – СПб., 2006. – С. 12.

[2] ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 56. Л. 191.

[3] Там же.

тавший в Главном управлении Российского Красного Креста[1]. Представителем Лиги Наций в Константинополе в этот период являлся полковник Л. Чайльдс.

Наряду с международными организациями, вопросами урегулирования положения беженцев занимались русские эмигрантские объединения – Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (Земгор), Российское общество Красного Креста (РОКК), Совещание русских послов и его постоянный орган – Совет послов, представителем которого при Верховном комиссаре по делам русских беженцев Лиги Наций являлся К.Н. Гулькевич, и др. В соответствии с поставленными задачами одним из направлений деятельности вышеназванных организаций стало «колонизационное дело». При Земгоре во Франции был образован Колонизационный отдел во главе с князем В.А. Оболенским и В.И. Выборовым, при Особом совещании РОКК – Эмиграционная комиссия под председательством С.Н. Третьякова. Распорядительная Коллегия Земгора принимала меры к тому, чтобы добиваться согласия славянских стран на прием к себе русских колонистов. Параллельно с этим путем переговоров с правительствами выяснялись условия приема русских эмигрантов как для поселения, так и на те или иные работы. Наибольшую трудность представлял при этом вопрос об изыскании средств для организации переселения и оказания помощи эмигрантам в местах их новой жизни, в связи с чем выяснялся вопрос об учреждении Колонизационного банка для кредитной помощи переселенцам[2]. Деньги на переселение выделяло английское правительство, АРА, в числе жертвователей были частные лица. Так, по просьбе Ф. Нансена средства поступали от Еврейских колонизационных обществ, международных еврейских организаций и др.

Основной поток беженцев из России пришелся на годы Гражданской войны. В конце 1920 г. только из Крыма в Кон-

[1] ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 56. Л. 191. – Л. 30.

[2] См.: Бюллетень Российского Земско-городского комитета помощи беженцам (далее – Бюллетень РЗГК). – 15 марта 1921 г. – № 2. – С. 6.

стантинополь прибыло не менее 200 тыс. человек, из них, примерно 70 тыс. – офицеров и солдат врангелевской армии, которые были размещены в лагерях на Галлиполийском полуострове, острове Лемнос и в районе Чаталджи, в 50 км от Константинополя. Гражданские лица размещались в лагерях близ Константинополя. Всего через Константинополь за несколько лет проследовало более 300 тыс. белоэмигрантов.

Условия пребывания в беженских и военных лагерях Константинополя и его окрестностей были чрезвычайно тяжелыми. З.М. Берг (выпускница историко-филологического факультета Московского университета), оказавшаяся с семьей после крымской эвакуации в Константинополе, вспоминала:

«…Приехали в Константинополь все мы беженцы без гроша в кармане. Как существовать?..

Я стала искать заработка. Первое мое место было в госпитале, во дворе мыть посуду. Это продолжалось недолго. Второе место – помогать доктору госпиталя во время перевязки раненых…(*На полях помета*: «Французский госпиталь и французский ресторан для солдат»).

Очень скоро, не помню почему, меня перевели в военный ресторан – подавать обед офицерам и солдатам. Обедающих было 500, может быть 1000 человек. С утра нужно было в кухне (в подвале) очистить 2-3 мешка (!!!) картошки. Чистили 2 негра и несколько русских женщин. С 12 часов дня начиналось подавание обеда. По узкой, скользкой винтовой лестнице еду несли наверх в зал. Обед продолжался час или 2 – не помню. – Уставала я ужасно…»[1].

Работавший в 1922–1926 гг. в Константинополе в составе Международного комитета Красного Креста П. А. Гессе также признавал, что «рассовывая – рассылая из этой мышеловки эмигрантов, нигде столько человеческого горя, страданий, унижений, слез отчаяния, столько наверное не видел никто»[2].

---

[1] *Берг З.М.* Мои воспоминания. Рукопись. – Париж, 1966. – С. 55-56 // Из личного архива профессора Н.Г. Георгиевой.

[2] ГА РФ. Ф. 6127. Оп. 1. Д. 8. Л. 26.

Подтверждением сказанному служило письмо подъесаула Терско-Астраханского казачьего полка И. Попандопуло от 28 июня 1921 г. с острова Лемнос: «Последние семь месяцев тяжелы, как период скучного сидения без дела... Пришлось пережить период ужасных лишений во всех сторонах жизни… Французы нас кормили так, что голод не сильно чувствовался... Последнее время стало лучше со стороны жизненных условий, но зато явилась страшная усталость вообще от этого семимесячного интернирования и от безделья. Я так тоскую по какой-либо полезной работе, что если бы кто-либо нанял меня мести улицу, то я считал бы себя счастливейшим человеком… До тошноты надоели камни Лемноса. Хочется … почувствовать над головой не гудящую от ветра парусину палатки, а крепкий потолок человеческого жилья»[1].

В ноябре 1920 г. к решению задачи эвакуации остатков белой армии из Турции и размещения ее на Балканах приступил Русский совет во главе с Главнокомандующим Русской армией П.Н. Врангелем. Представитель Российского общества Красного Креста в Женеве Ю.И. Лодыженский отмечал, что на путях разрешения беженского вопроса много и плодотворно потрудился штаб Врангеля и особенно начальник штаба генерал П.Н. Шатилов, а также местные представители Общевоинского союза, с которым женевская миссия Красного Креста поддерживала тесную связь[2]. 9 января 1921 г. генералом П.Н. Врангелем по инициативе Центрального объединенного комитета общественных организаций по оказанию помощи русским беженцам был учрежден Эмиграционный совет, задачей которого являлось объединение правительственных и общественных органов и частных групп беженцев в общей работе по организации и руководству всем делом русской эмиграции.

Согласно положению, в состав Эмиграционного совета, кроме четырех представителей Русского главного командования, входили три представителя от Центрального объединенно-

---

[1] ГА РФ. Ф. 6127. Оп. 1. Д. 8. Л. 56-57.

[2] См.: *Лодыженский Ю.И.* От Красного Креста к борьбе с коммунистическим Интернационалом. – М., 2007. – С. 75.

го комитета в составе Всероссийского земского союза, Всероссийского союза городов и Российского общества Красного Креста и два представителя от Общественного бюро русской эмиграции. Кроме того, к участию в работе были привлечены князь Н.Б. Щербатов и член Донского Войскового Круга Н.А. Скачков, из иностранцев – председатель Американского общества Красного Креста в Константинополе, член Международного общества Красного Креста майор Ледерэ и специалист по вопросам эмиграции в Южную Америку Л. де Берри. Председателем Эмиграционного совета был избран С.Н. Ильин[1].

Эмиграционный совет установил постоянные контакты с главноуполномоченным по делам русских беженцев в Лондоне Е.В. Саблиным, с Российским обществом Красного Креста по отделу эмиграции и Комитетом земств и городов в Париже, с русской делегацией помощи военнопленным и беженцам в Германии. После переименования Эмиграционного совета в Совет по расселению русских беженцев в его функции входило: получение и широкое распространение сведений о странах, в которые могла быть направлена эмиграция, а также об условиях приема, размещения и устройства в них русских беженцев; обращение с ходатайствами к правительствам намеченных к эмиграции стран о разрешении переселения русских беженцев на возможно льготных условиях; изыскание средств на организацию переселения; учет и группировка лиц, выразивших желание эмигрировать, организация переселения; расселение русских беженцев в районе Константинополя путем создания здесь земледельческих колоний, лесорубочных товариществ и проч.[2]

При обсуждении плана эмиграции Совет пришел к заключению, что русские должны быть расселены в первую очередь в европейских, близлежащих к России славянских странах и Турции, и лишь только после этого речь могла идти о переселе-

---

[1] См.: Совет по расселению русских беженцев. Материалы по эмиграции (Бразилия, Аргентина, Канада). Вып.1. – Константинополь, 1921. – С. 115.

[2] Там же. – С. 117.

нии за океан. Совет обратился с ходатайствами к правительствам Югославии, Болгарии о предоставлении свободных земель для устройства русских колоний. Расселение происходило вплоть до мая 1923 г., в результате в эти и другие страны из военных лагерей и района Константинополя было перевезено более 38, 8 тыс. человек. Однако, несмотря на предпринимаемые меры, рассчитывать в целом на положительное решение проблемы не приходилось, так как, например, Болгария на тот момент не имела достаточного количества казенных земель для устройства русских колоний. Несмотря на свободные территории в так называемой Новой Сербии, въезд в Югославию русским из других стран без наличия крупных финансовых средств также был затруднен в связи с тем, что здесь уже было принято до 30 тыс. русских беженцев и некоторым из них была предоставлена денежная субсидия. В результате, как отмечал К.Н. Гулькевич, препятствием для расселения Константинополя стали не столько финансовые трудности, сколько отсутствие страны, куда можно было беженцев направить[1].

В ответ на ходатайства о содействии в урегулировании положения русских беженцев в Константинополе Ф. Нансен сообщал, что помимо решения вопроса об удостоверениях личности, принимаются меры к эвакуации беженцев в другие страны. В этих условиях международная помощь, которая поступала со стороны Лиги Наций и Колонизационного отдела Международного общества Красного Креста, была направлена на содействие процессам колонизации земель главным образом за пределами европейского континента. Из-за существовавшей квоты в США и трудностей с иммиграцией в Канаду на повестку дня встал вопрос о колонизации русскими беженцами Южной Америки. Инициатива осуществления подобной акции исходила от председателя Международного бюро труда Лиги Наций А. Тома, план которого предусматривал использование зе-

[1] *Бочарова З.С.* «…не принявший иного подданства»: Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920-1930-е годы». – СПб., 2005. – С. 29.

мельных пространств Южной Америки для расселения русских беженцев, находившихся в избытке в Европе.

Понимая всю меру ответственности за осуществление переселенческих планов, эмигрантские организации, в частности, Земгор, РОКК, Совет по расселению русских беженцев считали своим долгом получить более достоверные сведения о странах предполагаемой иммиграции. Такие материалы, включая выдержки из иммиграционного законодательства, поступали, в частности, от бывших официальных представителей российских дипмиссий в Бразилии и Аргентине, от частных лиц и издавались в виде отдельных брошюр[1]. Так, в конце марта 1921 г. вышел в свет первый сборник материалов по эмиграции в Аргентину, Бразилию, Канаду, подготовленный Советом по расселению русских беженцев. В лагерях гражданских беженцев организовывались специальные лекции на эту тему[2]. Осенью 1921 г. к накоплению и распространению через прессу сведений о государствах Южной Америки совместно с эмигрантскими организациями приступило французское правительство.

Наиболее подробная информация первоначально имелась по иммиграционным возможностям Аргентины и Парагвая[3]. Аргентина, которая и до революции была второй после США страной, куда направлялся основной поток трудовых эмигрантов из России, при известных условиях рассматривалась Советом по расселению как одна из наиболее подходящих стран[4]. Однако после окончательного выяснения возможностей расселения русских эмигрантов за океаном, в первую очередь, с точки зрения наличия свободных земель, Колонизационные отделы Российского общества Красного Креста и Российского земско-

---

[1] См.: Материалы к вопросу об эмиграции в Бразилию. Издание российского Земско-Городского комитета помощи российским гражданам за границей. – Париж, 1921.

[2] См.: Совет по расселению русских беженцев. Материалы по эмиграции (Бразилия, Аргентина, Канада). Вып.1. – Константинополь, 1921.

[3] См.: Бюллетень РЗГК. – 15 марта 1921 г. – № 2. – С. 10.

[4] См.: Совет по расселению русских беженцев. Материалы по эмиграции… Вып. 1. – Константинополь, 1921. – С. 19.

городского комитета помощи беженцам в союзе с Русским колонизационным обществом в Лондоне из всех латиноамериканских государств выделили именно Бразилию как страну с наиболее благоприятными условиями для получения земли и возможностями ее обработки. Кроме того, Совет по расселению русских беженцев получил реальные предложения земельных участков в Бразилии для русских беженцев из Турции. В частности, руководство бразильского штата Сан-Пауло через французское командование выразило согласие принять от 10 до 20 тыс. русских беженцев, обещая дать землю, работу и «необходимые авансы на обзаведение – при непременном условии… работы на земле»[1].

Однако информация об условиях проживания в латиноамериканских странах, поступавшая с мест, была малоутешительной. Так, бывший российский генеральный консул в Рио-де-Жанейро Вильдгаузен сообщал, что постановка эмиграционного дела в Бразилии не могла считаться хорошо организованной и что прибывавшие сюда эмигранты долгое время терпели большие неудобства и лишения, прежде чем удавалось обустроить отведенный им участок земли и получить с него достаточно продуктов для пропитания своих семейств. Кроме того, опасения вызывали особенности климата и непривычные условия труда, трудности со сбытом произведенного продукта[2].

В связи с этим дипломат настаивал на необходимости перед отправкой людей в Южную Америку заключать предварительные соглашения, в частности, с правительством Соединенных Штатов Бразильской Республики по всем вопросам колонизации российских беженцев и особенно в части предоставления льгот для их расселения и устройства на местах. В условиях отсутствия у российской стороны в тот период дипломатического или консульского представительства предлагалось инте-

---

[1] См.: Бюллетень РЗГК. – 15 марта 1921 г. – № 2. – С. 24.

[2] См.: Совет по расселению русских беженцев. Материалы по эмиграции и устройству земледельческих колоний в окрестностях Константинополя. Вып. 2. – Константинополь, 1921. – С. 24.

ресы русских поставить под защиту и покровительство какой-либо европейской державы, например, Франции[1].

Вместе с тем, в письме от 3 мая 1921 г. на имя председателя Бюро Совета по расселению русских беженцев Г. Брандта российский консул признавал, что не следовало считать, будто русские люди, осевшие на далеких землях, были окончательно для России потеряны. «Оставаясь в отдаленных, мало населенных местностях внутреннего Бразильского плоскогорья, среди населения менее культурного, чем они сами, – писал Вильдгаузен, – они сохраняют свою самобытность, или даже среди польско-русских поселений, где культурное ядро скоро начинает нивелировать их.

…Оставаясь в своем кругу и среди бразильцев, имея свое духовенство и даже своего учителя, как в Рио Гранде до Суль, они остаются русскими также прочно, как германские колонисты штата Санта-Катарина остаются немцами, и при возникновении благоприятных условий они могут с пользою возвратиться на родину»[2].

Во второй половине апреля 1921 г. французское командование, расходы которого на содержание русских беженцев составляли до 40 млн франков ежемесячно, решило ускорить «дело разгрузки» Константинополя и его окрестностей от русских, состоявших на французском обеспечении. С 1 июля 1922 г. Константинопольский комитет помощи русским беженцам во главе с Проктором полностью прекратил выдачу пайков. Расселение осуществлялось в двух направлениях – в Бразилию (куда на постоянное место жительства собиралось выехать свыше 2 тыс. человек) и в Советскую Россию. В результате около 3 тыс. русских беженцев было отправлено в эти страны. Беженцы, выезжавшие в Бразилию по линии Совета по эвакуации, получали билеты со значительной скидкой. Паспорта Нансена и турецкие паспорта, завизированные у бразильских консулов, не вызывали возражений у французских властей. Поэто-

[1] Совет по расселению русских беженцев… – С. 25.
[2] Там же. – С. 24.

му все приехавшие из Франции имели нансеновские паспорта, у некоторых они были оплачены пятирублевым золотым сбором[1]. С ноября 1926 г. визы из Турции выдавались бесплатно испанским консулом.

Тем не менее в целом переселенческий процесс протекал со значительными трудностями. Во-первых, Франция по соображениям экономии государственных средств готова была заниматься отправкой только тех русских, которые состояли «на французском пайке», и категорически отказывала в перевозке других беженцев. В свою очередь, правительства латиноамериканских государств в своей иммиграционной политике отдавали предпочтение сельскохозяйственным рабочим и их семьям и ограничивали допуск представителям интеллигентных профессий. Существовали также опасения, что русских переселенцев в Латинской Америке ожидала участь чернорабочих на частных и общественных землях безо всякой надежды сделаться самостоятельными колонистами-собственниками и таким образом завоевать себе обеспеченное и свободное существование. Кроме того, в Бразилии сохранялась угроза отправки переселенцев обратно.

В этой связи Совет по расселению русских беженцев обратился к Земгору и Главному управлению Российского общества Красного Креста в Париже с просьбой принять самые энергичные меры к получению разрешения на право переселения не только лиц, состоявших на «французском пайке», но и всех других беженцев, желавших эмигрировать, а также к обеспечению для русских переселенцев в Бразилии возможности сделаться там самостоятельными хозяевами-собственниками. Совет также признал необходимым в случае массового переселения в Бразилию учредить в этих странах представительство для защиты русских беженцев. Кроме того, крайне желательным считалось до начала массового переселения отправить специальную группу для обследования условий проживания не только в Бразилии, но и в других государствах Южной Америки.

[1] ГА РФ. Ф. 6127. Оп. 1. Д. 8. Л. 50 (об.).

В частности, в качестве страны, пригодной для русской колонизации, Лига Наций рассматривала также Парагвай. На переселение сюда казаков выделялось 20 тыс. англ. ф. ст.[1] Международными экспертами Лиги Наций были разработаны условия колонизации, произведены соответствующие расчеты, в соответствии с которыми земля здесь должна была предоставляться в собственность путем продажи в кредит. При этом на 4/5 ее стоимости учреждался долгосрочный ипотечный кредит, погашаемый в течение 30-40 лет; оставшаяся 1/5 часть стоимости оплачивалась в течение пяти лет, начиная со второго года образования колонии. Предполагалось также выделение строительного кредита в размере 800 – 1, 2 тыс. дол. на девять–десять лет и продовольственного – на три года в размере 200 дол. на семью. Средний размер ежегодных обязательных платежей в течение первых десяти лет определялся Международным бюро труда в 250 дол., исходя из стоимости земли в 20 дол. за один гектар. На подобных условиях в Парагвае предполагалось организовать около десяти колоний по сто хозяйств, на что, по расчетам международных экспертов, потребовалось бы затратить 1, 5 млн дол. кредита[2]. К сожалению, как показало исследование, не все удалось реализовать из намеченного, точно так же, как и избежать ошибок и просчетов в этом деле.

Одновременно Бюро Совета по расселению русских беженцев обратилось с просьбой к Ю. И. Лодыженскому предложить Лиге Наций уделить должное внимание русскому вопросу, а также обсудить вопрос о расселении русских в Комитете Международного общества Красного Креста. Это было важно, поскольку в Совет поступали сведения о чрезвычайно неблагоприятных условиях, в которых оказалась, в частности, в Бразилии первая партия русских переселенцев, вследствие чего из 400 человек, выехавших в эту страну, 229 не были там приняты и вернулись обратно[3].

---

[1] ГА РФ. Ф. 6679. Оп. 1. Д. 92. Л. 2.

[2] ГА РФ. Ф. 6679. Оп. 1. Д. 92. Л.3.

[3] См.: Совет по расселению русских беженцев. Материалы по эмиграции (Бразилия, Аргентина, Канада). Вып. 1. – Константинополь, 1921. – С. 122.

После того, как 5 июля 1922 г. на Женевской конференции представителей правительств был утвержден текст сертификата для беженцев, получившего название «нансеновский паспорт», и правила его выдачи, переселение беженцев в другую страну допускалось на основании специального разрешения с обеспечением определенных привилегий лицам «русского происхождения», хотя при этом не предоставлялись гарантии на возвращение в страну исхода.

Следует отметить, что латиноамериканские страны не желали принимать эмигрантов с нансеновскими паспортами, в которых было зафиксировано следующее положение: «без права возвращения в страну, выдавшую его». В результате потребовалась дополнительная работа по изменению условий выдачи сертификатов и формированию оборотного фонда для финансовой поддержки переселений, что было сделано на межправительственной конференции 12 мая 1926 г. В частности, в отношении лица, имевшего право на получение сертификата, была изменена формулировка с прежней («русского происхождения, не принявший никакого другого подданства») на новую: «всякое лицо русского происхождения, которое не пользуется или перестало пользоваться покровительством СССР и которое не приобрело новой национальности»[1]. Новая юридическая формулировка дала возможность расширить круг лиц, имевших право на приобретение нансеновского паспорта. Кроме того, вводился принцип выдачи выездной визы, наряду с визой на право обратного въезда в страну, выдавшую сертификат. Нансеновский паспорт, заменивший эмигрантам национальный (или международный) паспорт, выдавался страной-реципиентом и терял силу, если эмигрант возвращался на территорию Советской России либо покидал эту страну легально. В 1927 г. была создана межправительственная совещательная комиссия по делам беженцев при Верховном комиссариате, в состав которой с правом совещательного голоса входили юристы-

[1] *Бочарова З.С.* Деятельность Лиги Наций по урегулированию статуса беженцев // Правовое положение российской эмиграции в 1920-1930-е годы. – СПб., 2006. – С. 16.

эмигранты К.Н. Гулькевич, Я.Л. Рубинштейн, Б.Э. Нольде и которая занималась рассмотрением правовых и организационных вопросов. Тем не менее в конечном итоге предложение о превращении сертификата в полноценный паспорт так и не было принято, в результате беженцы-апатриды оказались выделенными из общего числа полноправных граждан. Сложившееся многообразие правовых и политических факторов определяло нестабильность положения эмиграции, отсутствие четкой международно-правовой линии регулирования данного явления[1].

Очередной всплеск интереса к переселению в заокеанские страны наметился к середине 1920-х гг. Он был вызван рядом причин: активизацией процесса вытеснения российской эмиграции из Турции, «полосой признания» Советской России, а также экономическим кризисом, в результате которого в Западной Европе вслед за стабилизацией европейского рынка труда около 200 тыс. российских беженцев остались без работы. Тогда же на международном уровне в рамках Верховного комиссариата по делам русских беженцев, который занимался проблемой их расселения и трудоустройства, вернулись к вопросу (который поднимался еще в 1923 г.) отправки в Бразилию специального представителя для изучения состояния дел на месте.

К этому времени в рамках Лиги Наций произошла структурная реорганизация органов по беженскому вопросу, в результате которой Верховный комиссар по делам беженцев был выведен из подчинения Секретариату Лиги Наций и переведен в Международное бюро труда во главе с его директором А. Тома, в ведение которого с 1 января 1925 г. передавалось и трудоустройство беженцев, включая их переселение в Южную Америку.

В том же году в Аргентину, Бразилию, Уругвай, Парагвай была направлена специальная миссия Лиги Наций в составе со-

---

[1] *Сабенникова И.В.* Правовое положение российской эмиграции 1920–1930-х гг. в странах-реципиентах: сравнительный анализ // Правовое положение российской эмиграции 1920–30-е годы. – СПб., 2006. – С. 59.

трудников Верховного комиссариата – английского полковника Проктора и Т. Джонсона. В отчете главы миссии полковника Проктора отмечалось, в частности, что правительство Аргентины принимало только колонистов, земледельческих рабочих и лиц, желавших поселиться на земле, и решительно выступало против переселения тех, кто намеревался обосноваться в городах[1]. Аналогичная ситуация складывалась и в других странах континента. По результатам поездки для координации процесса переселения с иммиграционными службами стран-приема было решено создать два эмигрантских Бюро Лиги Наций – в Буэнос-Айресе и Рио-де-Жанейро, на содержание которых были ассигнованы 100 тыс. швейцарских франков[2]. Представителями МБТ в этих странах стали соответственно: в Аргентине – бывший представитель Лиги Наций в Константинополе полковник Л. Чайльдс и его русский помощник И.Н. Чумаков, в Бразилии – бывший помощник Чайльдса по Константинополю П.А. Гессе[3].

Для российской стороны было очевидным, что рядом с чиновниками из Лиги Наций должны были быть представители беженства. Дело в том, что к тому времени все официальные дипломатические миссии в латиноамериканских странах были закрыты, в результате «наши соотечественники постоянно испытывали нужду в советах по вопросам, не касавшимся специально их беженского состояния, а просто гражданского характера», в которые, как справедливо отмечалось, «представители Лиги Наций и не будут входить»[4]. В свою очередь, эмигрантская общественность аргентинской столицы высказывала претензии к Л. Чайльдсу по поводу его «безвольности» в вопросе поиска земель, в результате чего земли, которые предлагались чиновнику, были «абсолютно никуда не годны», а их владельцы стремились «с помощью «белых рабов» поправить свои обстоя-

[1] ГА РФ. Ф. 6532. Оп. 1. Д. 73. Л. 38.
[2] ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 92. Л. 13.
[3] ГА РФ. Ф.6127. Д. 8. Оп.1. Л. 26 (об.).
[4] ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 92. Л. Л. 12.

тельства»[1]. В этой ситуации М.Н. Гирс предлагал просить представлять интересы российского беженства в Аргентине от имени Совета послов хорошо ему известного по годам дипломатической работы в Латинской Америке отца К.Г. Изразцова, однако, как известно, Совет послов так и не нашел средств на создание и содержание своего представительства в Южной Америке.

Тем временем в Бразилию в качестве представителя Международного бюро труда прибыл П.А. Гессе, который достаточно серьезно подошел к своим новым обязанностям[2]. Перед отъездом для «Последних новостей» в Париже им был подготовлен ряд статей из серии «Бразилия и вопросы русской эмиграции в Южной Америке». По прибытии в 1926 г. на место П.А. Гессе получил здесь поддержку французского посла, который, как отмечалось, «всегда и неизменно высказывал самый горячий интерес к делу устройства русских беженцев», и посла США в Бразилии, также принявшего в делах миссии «самое деловое... участие»[3].

Сам П.А. Гессе мечтал о рациональном, культурном «переселенческом деле», для чего, живя в Бразилии, изучал его постановку в других странах, собирал информацию, слушая старожилов, учил язык и никакой активной работы по переселению и колонизации не предпринимал, отчего «заставлял нервничать Центр». С каждым новым днем, проведенным в Бразилии, П.А. Гессе, по его собственному выражению, «нажимал на тормоз, останавливающий поток наших соотечественников, готовящихся кинуться на новую авантюру», притом, что А. Тома как руководитель МБТ просил его переселять по меньшей мере по 10 000 человек за год[4]. П.А. Гессе выступил автором проекта организации в Бразилии земледельческих кооперативов, ходатайствовал о принятии на службу молодых русских агрономов (численностью до 40 человек), которые после окончания агро-

[1] *Бочарова З. С.* «…не принявший иного подданства»… – С. 99.
[2] ГА РФ. Ф. 6127. Оп. 1. Д. 8. Л. 26 (об.).
[3] Там же. Л. 54 (об.) – 55.
[4] Там же. Л. 26.

номического факультета в Праге нуждались в работе по специальности[1].

Однако массовое переселение русских в Бразилию с теми средствами, которыми на тот момент располагало МБТ, было, по мнению российского представителя, просто преступлением. Деятельность по разрешению беженской проблемы в Бразилии осложнил также выход этой страны из состава Лиги Наций в 1928 г. в знак протеста против принятия Германии в качестве ее постоянного члена (позднее из Лиги Наций вышли в 1935 г. Парагвай и в 1938 г. Чили. «Люди, создавшие проблему переселения русских в Бразилию, – заявлял П.А. Гессе, – ничего не понимали ни в Бразилии, ни в русских…»[2]. Объясняя свою позицию в письме М.М. Новикову, ректору Русского народного университета в Праге, он отмечал, что русская эмиграция «достаточно уже намучилась, чтобы совершать над нею эксперименты», результаты которых для него еще оставались загадкой[3]. По сути, как признавал П.А. Гессе, он фактически вступил в противостояние со своим руководством, критикуя пункт за пунктом знаменитый раппорт комиссии Проктора, посетившей Латинскую Америку и рекомендовавшей отправлять за океан русских переселенцев для колонизации земель. Потеряв за два года проживания в Бразилии здоровье, в том числе вследствие тяжелой акклиматизации, П.А. Гессе удалось убедить Центр в том, что переселение в Бразилию в сложившейся ситуации было «абсурдом» и что необходимо было искать более подходящие условия для переселения людей в другие страны Южной Америки.

Таким образом, для многих руководителей общеэмигрантских организаций становилось очевидным, что переселение за океан не представляло собой общего решения вопроса о трудоустройстве безработной массы. По мнению бывшего начальника Переселенческого управления РОКК Г.В. Глинки, это был лишь один из видов существенной помощи беженству, который

[1] ГА РФ. Ф. 6127. Оп. 1. Д. 8. Л.15.
[2] ГА РФ. Ф. 6127. Оп. 1. Д. 8. Л. 26 (об.).
[3] Там же. Л. 15 (об.) – 16.

как частичная мера мог при известных условиях оказаться выходом для некоторых, хотя и немногочисленных групп русских людей, а потому заслуживал «сочувствия и дальнейшей поддержки со стороны Бюро Труда»[1]. Вместе с тем, сама организация дела, как считал Г.В. Глинка, требовала обязательного привлечения к участию в нем русского представительства на местах и немедленного широкого осведомления беженцев о действительных условиях переселения, а до того момента, пока оставались не до конца выясненными обычные в практике переселенческого дела сведения о свойствах колонизуемых земель, правовом положении переселенцев, условиях расселения и видах помощи, следовало прекратить «всякие записи и вербовки переселенцев на местах скопления беспризорных беженцев» и устранить от участия в этом деле представителей русских общественных организаций[2].

Однако данный процесс уже сложно было контролировать, поскольку к нему подключились различные зарубежные и эмигрантские организации, частные лица, иммиграционные структуры самих латиноамериканских стран, пароходные общества[3]. Так, в 1920 г. образовалось Русское колонизационное общество в Англии. В Финляндии при Особом комитете по делам беженцев начало действовать Бюро эмиграции под председательством П.А. Краац, которое располагало ценными докладами о южноамериканских государствах от лиц, которые провели там много лет[4]. В январе 1925 г. Главноуполномоченный РОКК Б. Е. Иваницкий разослал письма по своим представительствам в разных странах с просьбой организовать учет лиц, изъявивших желание переехать в Южную Америку. В Германии в ответ на полученный циркуляр инициативу в данном вопросе проявил руководитель отделения РОКК в этой стране С.Д. Боткин, попытавшийся под свой контроль взять отправку беженцев за океан, которая на тот момент находилась в руках

[1] ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 92. Л. 3.
[2] Там же. Л. 4-5.
[3] Бюллетень РЗГК. – 15 марта 1921 г. – № 2. – С. 24.
[4] Там же.

делегата МБТ в Германии Шлезингера, а также профессора В. Брунста. В свою очередь, правительство Германии в условиях роста безработицы в стране высказало согласие оказать содействие МБТ в деле переселения беженцев из Германии за океан, выделив на это 100 тыс. марок[1].

Особенно заметно возросло число подобных организаций после поездки на латиноамериканский континент в 1925 г. миссии Лиги Наций. Тогда в один год в Европе были созданы четыре Колонизационных общества по приобретению земель в Америке и организации на них хозяйств русских эмигрантов[2]. Как показал анализ деятельности такого рода организаций, наиболее активным среди них было общество «Русская земледельческая колония», созданное в Праге во главе с князем П.Д. Долгоруким и секретарем С.В. Маракуевым, которое осуществляло деятельность по формированию средств на переселенческое движение за океан, в первую очередь в виде ссуд от Международного бюро труда. В этой связи были разработаны «Устав русских колоний в Южной Америке», а также проект кредитного банка с предполагаемым участием русских колонистов, чешского частного и государственного капитала[3]. Там же, в столице Чехословакии, другая организация – Общество русских эмигрантов по переселению в Южную Америку начала осуществлять сбор паевых взносов с будущих колонистов[4].

5 октября 1925 г. Министерством внутренних дел Королевства сербов, хорватов и словенцев был официально утвержден устав Русского колонизационного общества по вопросам переселения в Парагвай от имени генерала И.Т. Беляева, который развернул в этой стране деятельность по созданию «Русского очага» из патриотически настроенной эмиграции. Через газету «Новое время» в Белграде И.Т. Беляев обратился с призывом к соотечественникам, преимущественно инженерам, переезжать в Парагвай. Говоря о целях деятельности Общества,

---

[1] См.: *Бочарова З. С.* «…не принявший иного подданства»… С. 86-87.
[2] ГА РФ. Ф. 6532. Оп. 1. Д. 65. Л. 70.
[3] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 108. Л. 4.
[4] ГА РФ. Ф. 6532. Оп. 1. Д. 71. Л. 193.

его председатель А.П. Пилкин отмечал: «Мы полагаем, что наша работа имеет двойной смысл и значение: первое, что мы уже отмечали, это сохранение здоровых сил русской эмиграции. Если русской эмиграции будет предоставлена возможность переселения в Южную Америку и поселения там на земле, то в свое время Россия получит оттуда обратно большое число здоровых и ценных во всех отношениях культурных работников. Второе – работа в Южной Америке и тех, которые вернутся в Россию, и тех, которые останутся там навсегда, не пропадет для России даром, создав центр русского национального влияния там, где его никогда не было. В истории других стран мы имеем яркие примеры государственного значения здоровой и материально сильной эмиграции»[1].

В декабре 1925 г. в Берлине было создано Русское колонизационное товарищество во главе с Б.И. Солодовниковым, который в своем письме К.Н. Гулькевичу писал: «…Надежда на скорое возвращение на родину потеряна. Государства Европы тяготятся русской эмиграцией. Положение самих эмигрантов – ухудшается. Растет преступность и проституция. Кочевой образ жизни эмиграции пагубно отражается на воспитании и образовании подрастающего поколения.

Между тем значительный процент русских эмигрантов обладает научным, административным или хозяйственным стажем, а революция и беженство научили многих и физическому труду… Поэтому единственный выход для тех кто не может вернуться на родину – это колонизации»[2].

Руководство Товарищества направило официальное письмо бывшему российскому посланнику в Аргентине Е.Ф. Штейну с предложением обратиться в Министерство земледелия Аргентины и Бразилии, в официальные местные учреждения, равно, как и к представителям Лиги Наций в этих странах с просьбой предоставить наиболее полные сведения о количестве земли, условиях ее приобретения, оплаты, способах кредитования

[1] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 96. Л. 9.
[2] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 108. Л. 4.

и т.д.[1] При предварительном обследовании вопроса о месте колонизации правление Товарищества остановилось на Бразилии с учетом того, что здесь имелось достаточно территорий «со здоровым климатом и плодородной почвой». Кроме того, не столь высокой по сравнению с другими государствами была стоимость земель; и, наконец, учитывалось то обстоятельство, что промышленность Бразилии была развита сравнительно слабо и это открывало возможность использования знаний и опыта русских специалистов[2].

Одной из главных проблем, с которой сразу же столкнулись русские организаторы переселенческого дела в Латинскую Америку, стал финансовый вопрос, связанный с выделением средств на переезд и обустройство эмигрантов. МБТ, которое брало на себя выдачу возвратных ссуд (часть средств предоставлялась самими странами), предложило специальную схему получения переселенцами необходимой для переезда суммы. В этих целях на имя представителя Международного бюро труда по месту проживания оформлялось заявление с просьбой о финансировании, копия которого направлялась зам. председателя административного совета Нансеновского офиса в Женеве К.Н. Гулькевичу для ходатайства перед Лигой Наций о выделении требуемой суммы. Заимообразно предполагалось выдавать субсидии тем лицам, которые указывали место переселения и при наличии у них поручителя, удовлетворявшего требованиям МБТ. В каждом отдельном случае К.Н. Гулькевич пытался содействовать разрешению финансовых и других проблем русских переселенцев в страны Латинской Америки, он постоянно отстаивал интересы созданных для этой цели в Европе русских колонизационных обществ. О некоторых результатах его деятельности А.П. Пилкин в письме К.Н. Гулькевичу от 21 июля 1925 г. сообщал следующее: «В прошлом году в Парагвае на службе правительства находился всего один русский – генерал Беляев. В настоящее время на службе парагвайского правитель-

[1] ГА РФ. Ф. 6532. Оп. 1. Д. 65. Л. 194.
[2] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 108. Л. 5.

ства состоят: генерал Беляев, в военном министерстве; генерал Эрн, преподаватель офицерской школы; инженер Шмагайлов, в военном министерстве; инженер Авраменко, департамент инженеров; горный инженер Пятницкий, геолог министерства финансов; инженер-электрик Сахаров, в военном министерстве; капитан I ранга, князь Туманов, инструктор флота; военный топограф Якубовский, департамент инженеров. Незамещенных имеется еще 8 вакансий и ожидается получение дальнейших.

Теперь, благодаря Вашему содействию, устранено главное препятствие, и мы в состоянии успешно вести нашу работу в этом направлении. Кредит, представленный нам под Вашу гарантию для этой цели в размере 1000 долларов, даст нас возможность отправить 8, а в случае предполагаемого майором Джонсоном понижения стоимости переезда через океан 10 лиц»[1].

Однако сам К.Н. Гулькевич неоднократно призывал не торопиться с переселением в Америку, заверяя представителя МБТ в Буэнос-Айресе Л. Чайльдса в том, что, когда настанет время отправления переселенцев в Южную Америку, он «готов нести перед ним ответственность за выбор лиц, намеченных нашими колонизационными обществами», но первоначально, по его мнению, важно было, чтобы туда «были направлены лица, исключительно пригодные к пионерской работе», вокруг которых уже в будущем могли бы собраться «элементы менее крепкие»[2].

В письме С.В. Маракуеву от 9 января 1926 г. К.Н. Гулькевич вновь отмечал, что Международному бюро труда приходится считаться с крайней ограниченностью средств в фонде Нансена. По этой причине МБТ лишь в исключительных случаях считало возможным выдавать ссуды на переезд в Южную Америку и притом только тем переселенцам, которым удавалось заручиться приглашением на службу и работодатели которых брали на себя обязательства перед Бюро гарантировать

[1] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 96. Л. 17.
[2] ГА РФ. Ф. 6532. Оп. 1. Д. 65. Л. 277.

«исправный возврат ссуды ежемесячными вычетами из жалованья законтрактованных ими переселенцев»[1]. В связи с этим, отвечая на очередную просьбу С.В. Маракуева оказать содействие в переселенческом вопросе, Константин Николаевич писал: «С радостью возьмусь за хлопоты об упоминаемых Вами 25 беженцах, желающих переселиться в Южную Америку, если им удастся выполнить указанное предварительное условие»[2].

В то же время сам К.Н. Гулькевич просил Совещание послов изыскать ссуду в размере 4–5 тыс. дол. на устройство первого русского поселка в Парагвае, на что управляющий делами Финансовой комиссии этой организации В.И. Новицкий ответил, что об ассигновании какой-либо суммы на «указанную цель» не могло быть и речи, поскольку средства комиссии были настолько незначительны, что она не имела возможности изыскать денег «на нужды первой необходимости в размере 4-5000 франков, не говоря уже о 4-5000 долларах»[3].

10-12 мая 1926 г. на совещании Лиги Наций с участием представителей правительств ряда стран вновь обсуждался вопрос о принципах финансирования русской колонизации в Южной Америке. Согласно проекту, представленному еще на сентябрьской 1925 г. сессии Лиги Наций, предполагалось создать особый (оборотный) фонд в 100 тыс. ф. ст., из которого бы выдавались возвратные ссуды на нужды переселения и обустройство эмигрантов на местах. Необходимые средства должны были формироваться путем установления нового налога на самих русских беженцев размером в пять золотых франков в год (один золотой франк был равен шести бумажным франкам), взимаемых с каждого лица, достигшего 16 лет, при получении им сертификата и других обязательных документов[4].

Совещание просило также правительства зарубежных стран авансировать Международному бюро труда суммы, соответствовавшие числу беженцев, проживавших в пределах от-

[1] ГА РФ. Ф. 6532. Оп. 1. Д. 65. Л. 261.
[2] Там же.
[3] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 93. Л. 14.
[4] ГА РФ. Ф. 6532. Оп. 1. Д. 65. Л. 92.

дельных государств Европы, с тем чтобы потом эти деньги каждое государство, собрав с эмигрантов, удержало бы в свою пользу. С учетом того, что число беженцев превышало миллион человек, совещание ожидало мобилизации капитала в 5 млн золотых франков – достаточного, как считалось, для реализации указанной цели. Дважды, в январе и в марте 1926 г., представители стран приглашались для обсуждения этого вопроса в Женеву, однако встречи не состоялись, и намеченную сумму собрать не удалось[1].

Комментируя сложившуюся ситуацию, С.В. Маракуев отмечал, что даже если бы часть государств и согласилась на финансирование проекта, все равно требуемая сумма едва ли была бы собрана, поскольку в то время паспорт Лиги Наций брали только при переезде из страны в страну, внутри же каждого государства беженцы пользовались местным удостоверением личности, как, например, «cart d identite» во Франции, которое не облагалось налогами. «Таким образом, можно предположить, – совершенно справедливо выражал опасения С.В. Маракуев, – что постановление Совещания при Лиге Наций рискует остаться мертвою буквою, а, следовательно, и надежды на кредит из этого источника пока надо считать поставленным под сомнение»[2]. И даже в случае, если бы были отпущены по проекту МБТ 100 тыс. ф. ст., что равнялось 500 тыс. дол., то с учетом того, что на одно хозяйство в среднем требовалось до 1 тыс. дол., соответственно на выделявшиеся средства можно было организовать не более 500 хозяйств и то – не в один год. В качестве альтернативы С.В. Маракуев предлагал создать Колонизационное общество, в котором будущие колонисты сами были бы акционерами и вносили свой небольшой пай[3]. При этом колонисты должны были быть «не только нравственно благонадежные, но и политически безопасные», поскольку, как отмечалось, «колонисты, которые через месяц по прибытии провозгласят там советскую республику, совершенно не нужны

[1] ГА РФ. Ф. 6532. Оп. 1. Д. 65. Л. 134.
[2] Там же. Л. 92-93.
[3] Там же. Д. 5. Л. 3.

Аргентинскому или Бразильскому Правительству». Поэтому сведения о себе кандидат в колонисты обязан был подкрепить «ссылкою на рекомендации вполне благонадежных лиц»[1].

Проблема международного финансирования переселенческого дела оставалась и в дальнейшем в центре внимания международных организаций. В соответствии с принятым 20 сентября 1928 г. планом реорганизации дела помощи беженцам, предложенным Верховным комиссаром и директором МБТ, все обязанности Международного бюро труда по устройству оставшихся к тому времени в Европе 200 тыс. безработных беженцев передавались в созданную 14 декабря 1928 г. при Верховном комиссаре Межправительственную совещательную комиссию. Однако к 1930 г., вскоре после доклада полковника Л. Чайльдса о ситуации с русскими беженцами в Южной Америке, Верховный комиссариат окончательно отошел от идеи переселения, хотя к тому времени, по данным Земгора, здесь были расселены уже десятки тысяч русских и армянских беженцев[2]. Кроме того, после смерти Ф. Нансена в 1930 г. была расформирована беженская секция Лиги Наций и вместо нее 1 апреля 1931 г. образована автномная организация – Международный офис по делам беженцев им. Ф. Нансена во главе с известным юристом, членом Постоянной палаты международного суда в Гааге, председателем Международного комитета Красного Креста М. Губером. Международный офис стал коллегиальным органом, в состав которого вошли, в частности, генеральный секретарь Лиги Наций, директор МБТ, члены Межправительственной совещательной комиссии по делам беженцев и др.[3] Данная организация просуществовала вплоть до конца 1938 г., после чего на конференции во французском городе Эвиане ее заменил Межправительственный комитет по делам беженцев с новой структурой и функциями. Центром междуна-

[1] ГА РФ. Ф. 6532. Оп. 1. Д. 65. Л. 3(об.).
[2] Бюллетень РЗГК. – 13 мая 1930 г. – № 59-60. – С. 22; Бюллетень РЗГК. – 15 декабря 1929 г. – № 55. – С. 16-17.
[3] Адаптация российских эмигрантов (конец XIX-XX в.): Исторические очерки. – М., 2006. – С. 103.

родной помощи беженцам при Лиге Наций стал в те годы Верховный комиссариат в Лондоне во главе с Г. Эмерсоном[1].

Как нам удалось установить, в тесном контакте с Верховным комиссариатом действовало Объединение русских, окончивших высшие учебные заведения в Чехословацкой Республике (ОРОВУЗ) и созданный при нем Переселенческий отдел, который ходатайствовал перед Секретариатом Лиги Наций о получении займов на отъезд за границу и на оплату виз (из Фонда переселения) выезжавшим в заокеанские страны. ОРОВУЗ занимался отправкой людей индивидуально, семьями, а также группами, сформированными из специалистов. Легче всего было в те годы получить аргентинскую визу, труднее – в Бразилию и другие южноамериканские республики, где, в частности, требовалось предъявить наличность около 7 тыс. чешских крон (как, например, в Парагвае) или получить вызов родственников из Америки. Для поездки в указанные государства Южной Америки Лига Наций отпускала средства из расчета: 1) на проезд до порта (Гамбург, Гавр и др.); 2) на билет (улучшенный, 3-го класса, с довольствием) на пароход до порта в Южной Америке; 3) на железнодорожные билеты в самой Америке. Обычно процесс оформления ходатайства на получение средств на проезд занимал от 10 дней до 5 недель. При этом обязательным считалось личное присутствие просителя для получения визы и ведения переговоров с представителем Лиги Наций о возможности получения займа на переселение. Условием для получения займа являлось наличие двух-трех поручителей, в случае с ОРОВУЗ, предпочтительно чехов, в крайнем случае русских, но обязательно лиц, «обеспеченных постоянной службой» или собственников, имевших свое дело[2]. Так, в частности, летом 1927 г. Правление ОРОВУЗ обращалось с просьбой «об исходатайствовании» ссуды в размере 2, 8 тыс. чешских крон члену Объединения инженеру В. Семенову на проезд в Арген-

[1] См.: Адаптация российских эмигрантов (конец XIX-XX в.): Исторические очерки. – М., 2006. – С. 106.
[2] ГА РФ. Ф. 5985. Оп. 1. Д. 157. Л. 38 (об).

тину[1]. Часто Пражское ОРОВУЗ и само выступало поручителем, в силу чего оно было обязано исполнять обязательства перед международным Насеновским комитетом, который требовал взыскания выданных ссуд у поручителей.

Обнаруженный нами список членов ОРОВУЗ, получивших по ходатайству и под поручительство Правления этой организации разрешение на ссуду для переезда в Бразилию и Аргентину, свидетельствует о том, что выделяемые ссуды, которые были получены эмигрантами, составляли от 2,2 до 8,7 тыс. чешских крон. Дальнейшая проблема для получивших ссуды заключалась лишь в ее своевременном погашении. Однако к началу 1930-х гг. положение с выплатами заметно осложнилось в связи с начавшимся экономическим кризисом. Как отмечалось в письмах, люди, выехавшие за океан, нередко по несколько лет не имели постоянного места работы, перебиваясь случайными заработками. Так, в письме инженера-механика А. Стролинга из Аргентины от 2 апреля 1934 г. в адрес Правления ОРОВУЗ сообщалось, что, прибыв в марте 1931 г. в аргентинскую столицу, он так и не смог здесь найти постоянную работу. Несмотря на это, им был сделан первый взнос в счет долга в размере 15 аргентинских песо представителю Лиги Наций в Аргентине И.Н. Чумакову, который, как отмечалось многими, всячески поддерживал эмигрантов, понимая, столь сложно им было устроиться в стране, где «даже на хлеб не достает»[2]. Просьба, с который обращался эмигрант в адрес правления ОРОВУЗ, была следующего содержания: «Надеюсь... что Вам удастся отстоять мои интересы перед Лигой Наций и тем самым продлить срок погашения по причине безработицы, вследствие которой в течение двух лет я не имел возможности трудоустроиться, что могло быть подтверждено г. Чумаковым (который к тому времени переехал в Женеву. – *М.М.*) и Союзом русских инженеров в Аргентине»[3]. В случае невыполнения обязательств эмигрантом поручитель обязан был сам лично выплачивать ссуду; из-за

[1] ГА РФ. Ф. 5985. Оп. 1. Д. 145. Л. 85.
[2] Там же. Д. 157. Л. 40-41.
[3] Там же.

кризиса, таким образом, многие поручители потеряли солидные суммы[1].

Одновременно в Европе в условиях разразившегося экономического кризиса продолжилась деятельность различных частных колонизационных обществ. В сентябре 1933 г. в Париже по инициативе генерала И.Т. Беляева с участием его брата Н.Т. Беляева и парагвайского консула Х. Лапьера был создан Колонизационный центр по организации иммиграции в Парагвай во главе с председателем донским атаманом А.П. Богаевским и инициативная группа «Станицы имени генерала Беляева» по проведению записи желающих отправиться в Парагвай[2]. Пропаганда переселения в эту страну осуществлялась с помощью рекламных брошюр, листовок и созданной в 1934 г. в Париже газеты «Парагвай» («Le Paraguy»), выходившей на русском и французском языках. В этот же период в столице Франции появился еще один Союз русских эмигрантов для переселения в Южную Америку, созданный в целях агитации и координации отправки беженцев за океан.

В Европе хорошо была известна деятельность Варшавского эмиграционного синдиката, игравшего главную роль в структуре польских эмиграционных органов на территории западноукраинских земель[3]. В 1933 г. в Буэнос-Айресе и Рио-де-Жанейро были открыты представительства синдиката, получившего на льготных условиях крупную земельную концессию в Перу, Боливии и других латиноамериканских странах и осуществлявшего переселение в Латинскую Америку преимущественно украинцев и евреев с территории Западной Украины. Со ссылкой на польскую прессу, в материалах Земгора сообщалось также о проекте графа Б. Бобринского по созданию особого «государства эмигрантов» на территории Никарагуа и Коста-Рики путем расселения в них на деньги США до 100 тыс. рус-

---

[1] ГА РФ. Ф. 5985. Оп. 1. Д. 157. Л. 49.

[2] См.: *Мартынов Б. Ф.* Русский Парагвай. Повесть о генерале Беляеве, людях и событиях прошлого века. – М., 2006. – С. 174-175.

[3] См.: *Качараба С.П.* Эмиграция из Западной Украины. 1919-1939. – Львов, 2003. – С. 106. (укр. яз.).

ских эмигрантов в «землевладельческие особые поселки». Как отмечалось, правительства названных стран предполагали также использовать русских эмигрантов на случай возникновения каких-либо беспорядков в стране[1].

Земгор, предоставляя на страницах своих изданий информацию о подобных «заокеанских проектах», призывал эмиграцию к осторожности в этом деле, как и в случаях с аналогичными попытками вовлечь большие массы русской эмиграции в столь рискованные и чреватые часто тяжелыми последствиями предприятия[2]. В начале 1930-х гг. журналист К. Парчевский, давая оценку деятельности различного рода кампаниям по переселению, также называл ее «дешевым и недобрым соблазном», в который вовлекались сотни несчастных русских[3], что свидетельствовало больше о коммерциализации данного предприятия, чем о его гуманитарной составляющей.

Свою деятельность по агитации за переселение в Южную Америку в этот период продолжили агенты пароходных компаний, представители иммиграционных служб латиноамериканских стран, частные переселенческие общества. Среди них – Главное переселенческое управление Аргентины, Бразильское переселенческое управление министерства земледелия и Бразильская государственная компания агрикультуры, иммиграции и колонизации, которые поддерживали связь с переселенческими агентами за границей, заключали контракты с пароходными компаниями и правлениями железнодорожных обществ, осуществляли вербовку рабочих и обеспечивали им проезд до места назначения за счет принимающей стороны[4]. Правительства Уругвая, Парагвая, Перу, Чили на таких же условиях обеспечивали въезд в свои страны дешевой рабочей силы. В Европе

---

[1] См.: Бюллетень РЗГК. – № 59-60. – 13 мая 1931 г. – С. 24.

[2] См.: *Парчевский К.* В Парагвай и Аргентину. Очерки Южной Америки. – Париж, 1936. – С. 299.

[3] Там же.

[4] ГА РФ. Ф. 5804. Оп. 2. Д. 161. Л. 2; Календарь газеты «Русский в Аргентине». – Буэнос-Айрес, 1936. – С. 58.

часть полномочий по решению этих задач осуществляли консулы латиноамериканских государств.

Параллельно к делу переселения русских беженцев подключились различные частные эмигрантские компании в Северной и Южной Америке, в задачу которых входила регистрация семей и содействие созданию ими земледельческих хозяйств. В частности, существовал план колонизации Мексики русскими земледельцами, который был предложен В.М. Черновым мексиканскому правительству, следствием чего стало создание Американско-Славянского колонизационного треста во главе с Ф.С. Масветовым[1]. В Аргентине вопросами колонизации занималось эмигрантское общество «Новыя земли» (председатель – А.А. Егоров), в Бразилии – бразильская компания Северной Параны (ее российским представителем являлся Б.Я. Кисверк) и английская компания Brazil Land CATTLE & PACKING Compani, имевшая представительство в г. Сан-Паулo – «Empreza Colonizadora» во главе с Н.Т. Даховым, прибывшим в Бразилию в составе первой группы врангелевцев[2]. Ситуацией с организацией переселения русских беженцев из Европы умело пользовались также вербовщики – чаще из числа эмигрантов, которых, в частности, в Бразилии через Союз кофейных плантаторов владельцы специально нанимали для работы в Европе. Известны случаи их проникновения на территорию СССР, например, в Киев, откуда в 1926 г. была отправлена партия завербованных из тринадцати семейств[3]. Вербовщики предлагали при этом бесплатный проезд и провоз багажа без ограничений в весе, двухлетний контракт на работу на кофейных плантациях и т.д. Одновременно они знакомили желающих переселиться со специальной декларацией, в которой говорилось о возможных трудностях при устройстве на работу на кофейных плантациях. Декларация заканчивалась словами: «Про-

[1] См.: Социалист-революционер. – 1931, июль. – № 4. – С. 9, 15-16.
[2] См.: Календарь газеты «Русский в Аргентине». – Буэнос-Айрес, 1936. – С. 75.
[3] БФ РЗ. Ф. 1. М-237. Оп. 1. Кн. 5. Л. 1627.

читал, предупрежден, даю подписку не проситься обратно на Родину за счет советского правительства»[1].

Таким образом, после окончания Гражданской войны в России и начала исхода за рубеж белой эмиграции возникла международная проблема русского беженства, которая в процессе своего разрешения прошла несколько этапов.

Первый этап, начавшийся с 1920–1921 гг., совпал с периодом создания наряду с Лигой Наций и Международным бюро труда новых международных и эмигрантских институциональных структур, специально занимавшихся процессами расселения русских беженцев, в том числе в страны Латинской Америки, в их числе Верховный комиссариат по делам русских беженцев при Лиге Наций, Эмиграционный совет (затем – Совет по расселению русских беженцев), Колонизационные отделы Земгора и РОКК, Совещание русских послов, а также частные эмигрантские колонизационные общества. Выбор Южной Америки в качестве нового места жительства русских беженцев был обусловлен отсутствием в них каких-либо серьезных иммиграционных ограничений, наличием достаточного количества свободных для заселения земель и их относительно невысокой стоимостью, а также перспективами использования профессионального опыта и знаний русских специалистов для развития национальных экономик.

На данном этапе происходил сбор информации о государствах Латинской Америки как потенциальных странах-реципиентах, в том числе через установление связей с представителями остававшихся там русских дипломатических миссий. Под эгидой Верховного комиссариата по делам русских беженцев предпринимались серьезные меры по международно-правовому регулированию эмиграции, содействию в ее расселении и будущем трудоустройстве в странах латиноамериканского рассеяния.

Следующий этап в разрешении проблемы русских беженцев начинается с 1925 г. Он совпал с введением нансеновских

[1] БФ РЗ. Ф. 1. М-237. Оп. 1. Кн. 5. Л. 1628.

паспортов, сыгравших важную роль на этапе поиска нового места жительства, и с передачей вопросов трудоустройства беженцев в ведение Международного бюро труда, благодаря чему переселение за океан (по сравнению с дореволюционным периодом) приобрело более организованные формы и получило международную правовую и финансовую поддержку.

На этом этапе назначаются официальные представители МБТ в странах Латинской Америки, которые уже на местах могли координировать процессы переселения русских беженцев за океан. Завершается данный период 1930 г., когда Верховный комиссариат по делам беженцев отошел от идеи переселения в Южную Америку, после чего вплоть до 1939 г. данный процесс практически полностью осуществлялся через частные колонизационные общества и непосредственно иммиграционных агентов в Европе.

В целом, несмотря на активную деятельность Лиги Наций и других организаций, решить полностью на международном уровне проблему финансирования переселения беженцев за океан так и не удалось, вследствие чего русские эмигранты, отправлявшиеся в страны Латинской Америки, часто оставались один на один со своими проблемами в чужой стране.

Глава 2

ЧИСЛЕННОСТЬ, СОСТАВ И ПРАВОВОЙ СТАТУС ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В КОНТЕКСТЕ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СТРАН

Представители русской послереволюционной эмиграции начали прибывать на латиноамериканский континент уже в 1918 г., но наибольший ее поток пришелся на 1920–1921 гг. – время окончания Гражданской войны и начало исхода белой эмиграции из России. Проживавший в Аргентине В.В. Бодиско так писал об этом периоде:

«…Белая Вандея закончилась первым в мировой истории организованным отступлением через море – исходом Армии и семейств военнослужащих, включая гражданское управление, госпиталя, учебные заведения. Только Крымская эвакуация вынесла с собою около ста тысяч военных и пятидесяти прочих лиц, включая тридцать тысяч женщин и семь тысяч детей. А ведь ей предшествовали еще две эвакуации – Одесская и Новороссийская. Это не было бегство, это было отступление, так как о длительном пребывании заграницей и мысли не могло быть. Все почитали свой исход, как временную передышку, отдых для накопления новых сил, столь нужных для продолжения борьбы за Россию. Галлиполи, Константинополь, Лемнос, Бизерта и, наконец, расселение по разным странам Европы и даже Америки, вплоть до экзотического Парагвая… Так зародилась, хлынула и разлилась по миру «первая волна». Не все эмигранты того времени были участниками Белой борьбы. Многие просачивались через границы еще начиная с 1918 года, уходя от надвигающегося ужаса… Кроме эмигрантов, заграницей оказалось еще огромное количество наших соотечественников, оставшихся у себя дома, но оказавшихся на положении нежелательных меньшинств, вследствие передвижения границ. В Польше их было пять с половиной миллионов, в Румынии 750 тысяч, в Прибалтике около четырехсот. Если материальное положение этих людей изменилось сравнительно мало, так как они не ли-

шились своих жилищ, земель и имущества, то их правовой статус и прежде всего национальное самосознание и гордость были ущерблены до крайности…»[1].

К началу «русского исхода» в странах Латинской Америке уже существовала колония выходцев из бывшей Российской империи. Это была главным образом трудовая и незначительная политическая и религиозная эмиграция. Всего же, по данным отечественных исследователей, с 1851 по 1920 г. в Аргентину переселилось 163,8 тыс. человек, в Бразилию – 107,6 тыс. человек, в Уругвай – 7,4 тыс. человек[2]. Что касается Аргентины, то санкт-петербургская исследовательница Э.Г. Путятова, ссылаясь на архивные источники, отмечает, что к 1917 г. россияне составили здесь около 100 тыс. человек[3]. Эта точка зрения подтверждается донесениями (январь 1919 г.) из Буэнос-Айреса бывшего главы российской миссии в этой стране Е.Ф. Штейна, в которых тот указывал, что «в Аргентине официально считается, или вернее считалось до войны, около ста тысяч русских, к которым причислялись как природные русские, так и немцы из приволжских и южных губерний, эстонцы, латыши, поляки и финляндцы, евреи, евреи-сионисты и даже евреи колонисты поселений Барона Гирша, окончательно порвавшие связь с Россией»[4].

Представленная на континенте славянская трудовая эмиграция состояла в основном из крестьянства западных губерний, часть из которых к тому времени адаптировалась и интегрировалась в латиноамериканское общество, сохранив при этом свою идентичность, язык. Другая часть в начале 1920-х гг. реэмигрировала в Советскую Россию. Аргентинская газета «Новый мир», публиковавшая сведения о движении иммиграции по

---

[1] Доклад В.В. Бодиско на 9-м кадетском съезде, 1984 г. // http://xxl3.ru/kadeti/dumi.htm#perva (сайт проф. Л. Л. Лазутина).

[2] См.: Миграционные процессы в России и СССР. Вып. I. – М., 1991. – С. 79.

[3] См.: *Путятова Э. Г.* Российские эмигранты в Аргентине (конец XIX – начало XX в.) // Латинская Америка. – 2005. – № 7. – С. 75.

[4] ГА РФ. Ф. Р–5806. Оп. 1. Д. 7. Л. 7 (об.).

полугодиям, которые демонстрировали тенденцию к возрастанию потока переселенцев из России, одновременно в 1921–1923 гг. отмечала тенденцию к реэмиграции из стран Латинской Америки, а также США и Канады[1]. Только голод, охвативший СССР в 1922–1923 гг., по сведениям издания, приостановил этот процесс, но затем, когда страна постепенно начала преодолевать тяжелые последствия катастрофы, поток желавших выехать на родину вновь начал возрастать[2]. В ряде номеров этой русской эмигрантской газеты за 1923 г. печатались полностью все официальные постановления и правила въезда и выезда из СССР, на основании чего газета делала заключение о том, что схема возвращения русских эмигрантов на родину представляла собой довольно сложную процедуру и создавала на их пути многочисленные бюрократические препятствия[3]. Тем не менее в Советскую Россию вернулись, например, эмигранты – активисты коммунистического движения, потемкинцы[4]. В середине 1920-х гг. по идеологическим соображениям, а также в связи с хозяйственными трудностями 260 жителей русской колонии уругвайского г. Сан-Хавьер во главе с их лидером В. Лубковым возвратились в СССР, где создали кооператив на выделенных им землях в безжизненных Сальских степях юга страны[5].

Одновременно в эти же годы в Южную Америку направлялся встречный поток послереволюционной эмиграции из Ев-

---

[1] См.: Новый мир. Буэнос-Айрес. – 15 июля 1923 г. – № 497.

[2] Там же.

[3] Там же. – 22 июля 1923 г. – № 498; 2 сентября 1923 г. – № 504; 24 ноября 1923 г. – № 182 и др.

[4] В 1956 г. 91 потемкинец был награжден орденом Красного Знамени, в их числе, двое реэмигрантов из Аргентины – П.И. Подзолкин и А.С. Сиротин.

[5] Русские в Уругвае … – С. 59. Поселение, созданное лубковцами, было названо «Новый Израиль». В ходе коллективизации религиозные кооперативы стали реорганизовываться в колхозы, а наиболее активные из их членов были арестованы. В «Новом Израиле» было репрессировано 40 чел., включая самого В. Лубкова. В 1950-х гг. поселение было переименовано в «Красный Октябрь», где до сих пор живут потомки основателей уругвайского Сан-Хавьера.

ропы. «Полуголодное существование в лагерях при уменьшенном пайке, – отмечалось в майском номере «Бюллетеня Российского земско-городского комитета помощи беженам» за 1921 г., – а затем и сведения о результатах первых отправок солдат и казаков в Советскую Россию, о трагической судьбе многих уехавших – эти два момента оказались решающими в настроениях беженской массы. Безвыходность положения, отсутствие перспектив и надежд получить скоро заработок заставили многих наиболее энергичных и сильных искать нового счастья в новых заокеанских странах...»[1]. Среди них были военные, специалисты в разных отраслях, лица со средним и высшим техническим образованием, сельскохозяйственные рабочие, казачество.

В сообщении венской резидентуры Иностранного отдела ОГПУ от 7 июля 1924 г. с обзором белого движения в русской эмиграции говорилось о том, что в погоне за заработком эмигранты «бросают насиженные места и едут в другие страны Европы, Африки, в Северную и Южную Америку» и что «этот переезд принял прямо эпидемический характер»[2].

Сама идея обустройства русских беженцев в странах Северной и Южной Америки в целях колонизации в сфере сельскохозяйственного труда появилась в первые дни «русского исхода». США, первоначально поддержавшие эту идею, после принятия законов 1921 и 1924 гг. об иммиграционном потолке и этнической квоте от нее отказались. Оставались страны Южной Америки, которые к тому времени практиковали в государственном масштабе привлечение на свои земли колонистов из Европы, хотя после Первой мировой войны роль иммиграции в демографических и этнических процессах этого региона также стала ослабевать, что было связано, с одной стороны, с резким сокращением трудовой эмиграции из Европы, с другой – с ог-

---

[1] Бюллетень Российского земско-городского комитета помощи беженцам. – 15 мая 1921 г. – № 3-4. – Л. 48-49.

[2] Русская военная эмиграция 20-40-х годов: Документы и материалы. – Т. 4. – М., 2010. – С. 128-129.

раничениями допуска иммигрантов, введенными правительствами этих государств.

Основными странами расселения эмигрантов по-прежнему оставались Бразилия, Аргентина, Уругвай, Парагвай. В частности, в Бразилию, в начале 1921 г. запись и отправка беженцев организовывалась французским правительством, главным образом для работ на кофейных плантациях[1]. 26 апреля 1921 г. французский пароход «Рион» вывез из Константинополя во Францию 3,4 (3,5) тыс. человек. Зав. Колонизационным отделом РЗГК В. И. Выборов принимал участие в дальнейшей отправке русских беженцев из Тулона в Бразилию. При этом он передал им 2 библиотеки, 26 малых аптечек первой необходимости и аванс на непредвиденные расходы. Но в последний момент президент Бразилии наложил вето на переезд эмигрантов из России, в результате чего больше половины их них высадилась на Корсике, а из довезенных только первая партия осталась рабочими на кофейных плантациях, вторая же, испугавшись тяжелых условий, была привезена обратно в Константинополь на средства Франции, после чего французское правительство отказалось от дальнейших экспериментов[2]. В результате на какое-то время внимание международных организаций вновь переключилось на переселение русских беженцев в Сербию, Чехословакию, Болгарию[3]. Земско-городской комитет также со своей стороны содействовал осуществлению этих мер и облегчению условий переселения.

В июне 1921 г. в результате переговоров между генералом П.Н. Врангелем и союзным командованием из Константинополя через Францию в Бразилию с помощью полковника В.Г. Фе-

---

[1] См.: Бюллетень Российского земско-городского комитета помощи беженцам. – 15 мая 1921 г. – № 3-4. – Л. 48-49.

[2] См. об этом: *Пеньковский Д.Д.* Эмиграция казачество из России и ее последствия (1920–1945 гг.). – М., 2006. – С. 209-210.

[3] См.: Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей. Отчет о деятельности (февраль 1921 – апрель 1922) // Бюллетень Российского земско-городского комитета помощи беженцам. – 15 декабря 1922 г. – № 9010. – С. 12.

зи-Желинского – бывшего начальника штаба Донского конного корпуса генерала К.К. Мамонтова была отправлена первая группа врангелевцев численностью около 400 человек во главе с полковником А. П. Брагиным. В июле того же года выехала вторая группа во главе с самим В.Г. Фези-Желинским, который считается основателем русской белой колонии в Бразилии[1]. Всего, по некоторым данным, благодаря Лиге Наций в Бразилию было переправлено таким образом около 1800 человек[2].

Далекие государства с богатым земельным фондом, который по своим качествам мало чем уступал южнорусским черноземам, представлялись идеальным решением проблем прежде всего для значительной части казаков, оказавшихся в Европе без средств существования и возможности заниматься своим исконным делом. Те из них, кто принимал решение об отъезде, обращались в Общеказачий сельскохозяйственный союз или в Бюро по труду Пражского Земгора. По данным генерала Е.К. Миллера, в 1922 г. из армии в Бразилию были отправлены около 3 тыс. казаков. В 1923 г. по различным подсчетам, на которые ссылался белый генерал, в Бразилию перебралось еще 800 человек, в Парагвай – 600 человек[3]. В Аргентину переехала первая группа из 80 человек, в которую вошли представители Донского, Кубанского, Терского и Оренбургского войск. По прибытии в Буэнос-Айрес часть группы осталась в Аргентине, часть уехала в Парагвай, откуда затем многие вернулись обратно в Аргентину[4].

В 1920-е гг. и особенно в период боливийско-парагвайской войны 1932–1935 гг. свою иммиграционную политику активизировал Парагвай. Благодаря генералу И.Т. Беляеву сюда в течение 1920 – начала 1930-х гг. прибыло несколько сотен русских военных, включая казаков.

---

[1] См.: Владимирский вестник. – Сан-Пауло, 1956. – № 63 (октябрь). – С. 38-39.
[2] Там же. – С. 39.
[3] См.: Военная эмиграция 20–40-х годов: Документы и материалы. Т. 4. – М., 2010. – С. 219.
[4] См.: Крестная ноша // Трагедия казачества. – М., 1994. – С. 437.

В эти и последующие годы в страны Южной Америки прибывали также белоэмигранты с Дальнего Востока, которые вместе с врангелевскими офицерами составили «культурное ядро» русских колоний в Латинской Америке[1].

Вслед за представителями белого движения на южноамериканский континент большими партиями начали прибывать русские, украинцы, белорусы из Польши и Румынии. Это было связано с тем, что в Бессарабии, которая попала под власть Румынии, а также в Западной Украине и Западной Белоруссии, которые вошли в состав Польши, началась политика выдавливания местных жителей и заселения «освободившихся» земель румынами и поляками, следствием чего стало закрытие русских школ, клубов, некоторых православных храмов. В результате если из Советской России в 1920-е гг. трудовая эмиграция фактически прекратилась, то с территорий бывшей Российской империи, которые не вошли в состав СССР – Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии, Литвы, Эстонии, она продолжалась. Так, в 1924 г. в Бразилию из Бессарабии на собственные средства выехало 4 тыс. семей русских крестьян. За ними последовали выходцы из Польши и Прибалтики, в числе которых были представители русской интеллигенции, офицеры, служившие у генерала Н.Н. Юденича. По свидетельству аргентинской газеты «Голос труда», на начало 1920-х гг. самой многочисленной здесь была именно экономическая эмиграция из крестьян преимущественно Западных и Юго-Западных губерний России, покинувших родину как в поиске заработка, так и по политическим причинам[2]. Наряду с украинцами, белорусами, русскими, в страны Латинской Америки продолжилась эмиграция еврейских и армянских беженцев.

В 1930-е гг. благодаря деятельности Варшавского эмиграционного синдиката, а также массовой агитации агентов пароходных товариществ еще тысячи западно-украинских крестьян эмигрировали в Мексику, Бразилию, Аргентину, Уругвай, на

[1] БФ РЗ. Ф.1. М-237. Оп. 1. Кн. 5. Л. 1659.
[2] См.: Голос труда. – Буэнос-Айрес, 17 марта 1923 г.

Кубу. Агитация велась также в пользу эмиграции в Перу, Чили, Панаму, в колонию русского генерала И. Т. Беляева в Парагвае[1]. И несмотря на то, что значительная часть эмигрантов, вывезенная в 1920–1930-е гг. из Польши, имела польские паспорта и продолжала считаться подданными этого государства, польские консулы часто отказывали в помощи тем, кто собирался вернуться на родину[2]. Всего, по данным В. М. Кабузана, в 1921–1939 гг. с территории государств-лимитрофов за океан переселилось почти 750 тыс. человек; из них в США – 518,5 тыс. (69,1%), оставшиеся 231,5 тыс. человек расселились главным образом в Канаде и странах Южной Америки[3].

С началом коллективизации и раскулачивания в СССР среди эмигрантов появились выселенные крестьяне, которые на свой страх и риск добирались в Латинскую Америку, в частности, в Бразилию в одиночку через Среднюю Азию, Индию и Дальний Восток. В 1933 г. на пароходе «Флорида», следовавшем из Индии в Южную Америку, оказалось 55 таких пассажиров – уроженцев Сибири, Семипалатинской, Вятской, Полтавской областей, а также выходцев из Средней Азии и с Северного Кавказа[4].

Общая численность русских эмигрантов в странах Латинской Америки в разные периоды их расселения до сих пор точно не определена. Как справедливо отмечала Г.Я. Тарле, литература на этот счет «крайне скудна, отрывочна и противоречива»[5]. В Аргентине, в частности, в национальную перепись населения, являющуюся важным источником по международным

---

[1] См.: *Качараба С.П.* Эмиграция из Западной Украины. 1919-1939. – Львов, 2003. – С. 110 (укр. яз.).

[2] БФ РЗ. Ф. 1. М-237. Оп. 1. Кн. 5. Л. 1628.

[3] См.: *Кабузан В.М.* Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. – СПб., 1996. – С. 314.

[4] См.: *Парчевский К.* В Парагвай и Аргентину. Очерки по истории Южной Америки. – Париж, 1936. – С. 28.

[5] См.: Адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.): Исторические очерки. – М., 2006. – С. 192.

миграциям, вопросы о месте рождения иммигранта, его родителей и годе приезда в страну были включены лишь с 1947 г.

Некоторые данные можно почерпнуть из сведений самих эмигрантов. Так, например, К. Парчевский в книге «В Парагвай и Аргентину» отмечал, что к началу 1930-х гг. в аргентинской столице проживало около 500 русских белых эмигрантов, в Монтевидео – около 400, в Сан-Пауло – более 2 тыс. человек[1]. По данным И.Ф. Лихоманова, в Бразилии русских белоэмигрантов было на тот период не более десяти процентов, из них в г. Сан-Пауло проживало около 1 тыс. человек, и численность их увеличилась лишь после Второй мировой войны в связи с прибытием сюда перемещенных лиц и русских беженцев из Китая[2]. В.Д. Поремский (руководитель Народно-трудового союза), опиравшийся на достаточно репрезентативные, хотя и выборочные подсчеты Дж. Симпсона, приводил следующие данные по «внеевропейским странам»: к 1937 г. в Аргентине проживали 1 тыс. человек, в Бразилии – 2 тыс., Уругвае –500 человек, Парагвае – на 1922 г. – 20 тыс., в 1937 г. – 500 человек).[3] Данные по Парагваю представляются, на наш взгляд, завышенными.

Очередная волна переселения в Южную Америку совпала по времени с разразившимся в начале 1930-х гг. мировым экономическим кризисом, затронувшим в первую очередь «бесподданных русских эмигрантов» в европейских странах. М.Д. Каратеев, находившийся в этот период в Бельгии, вспоминал, как ему выдали удостоверение «инженера-химика» и согласно новым законам он уже не имел права ни на какую другую работу – «даже на продажу на улице газет или шнурков для

---

[1] См.: *Парчевский К.* В Парагвай и Аргентину... – С. 46, 50, 234.

[2] БФ РЗ. Ф.1. М-237. Оп. 1. Кн. 5. Л. 1659.

[3] См.: *Поремский В.Д.* Стратегия антибольшевицкой эмиграции. Избранные статьи 1934-1997. – М., 1998. – С. 138. Поремский опирался на переписи российских эмигрантов, выборочно проведенные в 1938 г. Дж. Симпсоном по заданию Британского королевского общества иностранных связей (при содействии фонда Рокфеллера) непосредственно в странах рассеяния.

ботинок»[1]. Кроме того, для всех предприятий устанавливалась обязательная норма, ограничивавшая число служащих иностранцев десятью, а позднее и пятью процентами. В таком незавидном положении оказались тысячи наших соотечественников в Европе. В ряде стран, включая Францию, Бельгию, нередки были случаи арестов и высылки безработных русских по обвинению в бродяжничестве.

По мере ухудшения экономической ситуации в мире и на фоне ужесточения въездного режима Аргентиной и Бразилией эмиграционный поток беженцев направлялся в такие страны латиноамериканского континента, как Парагвай, Мексика, Чили, Уругвай. Так, к концу 1934 г. усилиями генерала И.Т. Беляева, который продолжал заниматься реализацией идеи «Русского очага» в Парагвае, сюда из Европы было отправлено шесть эмигрантских групп общей численностью свыше 400 человек, преимущественно из казаков и бывших белых офицеров во главе с полковником В.Ф. Гесселем и бывшим начальником Корниловского военного училища полковником Н. Кермановым[2]. На призыв к колонизации парагвайских земель откликнулись также представители русских меньшинств в государствах-лимитрофах, а именно старообрядцы, представители русской эмигрантской интеллигенции из Польши, несколько сот крестьянских семей из Волынской губернии[3]. В результате к середине 1930-х гг. в Парагвае насчитывалось до 1,2 тыс. человек русских эмигрантов, из них в столице, по сведениям «Иллюстрированной России», проживало более 400 человек[4]. К началу Второй мировой войны русских в этой стране, по разным данным, было уже не менее 2 тыс. человек. Кроме того, в 1930 г. в парагвайскую провинцию Чако прибыло около 2 тыс. немцев-менонитов, бежавших из СССР в связи с коллективизацией.

---

[1] *Каратеев М.* По следам конквистадоров. История группы русских колонистов в тропических лесах Парагвая. – М., 1991. – С. 9.
[2] См.: Буэнос-Айрес–Асунсьон. – Буэнос-Айрес, 1935. – С. 24.
[3] Там же. – С. 28.
[4] См.: Иллюстрированная Россия. – Париж, 22 июня 1935 г.

Мексика, которую вплоть до начала XX в. относили к периферии мировых миграционных движений, также предпринимала, хотя и не столь активно, как соседние страны, усилия по привлечению эмигрантов и колонистов, в том числе из России. Однако эта политика не имела особого успеха по причине прежде всего экономических условий, в частности, низких заработков рабочих. Тем не менее еще в дореволюционный период мексиканскими дипломатами постоянно подчеркивались преимущества переселения в Мексику поволжских немцев, финнов, предлагалась сезонная эмиграция русских рабочих с Дальнего Востока на железнодорожное строительство. Позже появились проекты широкой аграрной колонизации на севере Мексики усилиями немцев-менонитов из России[1]. Однако после того, как мексиканское правительство первым из государств Латинской Америки установило дипломатические отношения с СССР в 1924 г., оно делало все возможное, чтобы затруднить прибытие туда так называемых «русос бланкос» – белых русских (*исп. яз.).* Эта политика лишь частично ослабла после разрыва дипломатических отношений с СССР в 1930 г., когда вновь появились сообщения о планах по переселению нескольких тысяч русских землепашцев в Мексику, правительство которой в связи с отсутствием каких-либо обязательств перед СССР изъявило желание принять на своей территории русских земледельцев[2]. Но по причине того, что концессии на приобретение земель находились в частных руках и в стране отсутствовали специальные государственные органы по трудоустройству эмигрантов, переселенческий процесс в Мексику так и не приобрел масштабного характера[3]. Хотя в эмигрантских газетах тех лет периодически появлялась информация о реализации планов по заселению отдельных областей Мексики русскими крестья-

[1] См.: *Дик Е.Н.* Русские в Мексике: эмиграция и адаптация // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XX–XX веках / Под ред. акад. Ю.А. Полякова. – М., 1996. – С. 163.
[2] Там же. – С. 164.
[3] См.: Совет по расселению… Вып. 1. – С. 102.

нами[1], которые прибывали сюда в годы «великой депрессии» через вторые и третьи страны, в основном из Китая и Японии. Многие ехали через Мексику в ожидании очередной «квоты» для русских беженцев и эмигрантов в США, но оставались здесь по разным причинам. По данным всеобщей переписи населения, число европейцев, проживавших в Федеральном округе Мехико в период с 1930 по 1950 г., увеличилось с 15 259 до 26 156 человек[2].

В Чили, для которой, в отличие от других латиноамериканских стран, не была характерна аграрная колонизация или направленная иммиграция, имела место индивидуальная и семейная иммиграция. Всего в 1920–30-е гг., по данным чилийских исследовательниц О. Ульяновой и К. Норамбуэны, русская колония насчитывала здесь не более 100 человек. В их числе были офицеры русской армии, включая одного генерала, инженеры, врачи, адвокаты, агрономы, коммерсанты, земледельцы и др. Но костяк иммиграции составляли прибывшие еще до революции евреи[3]. В период кризиса начала 1930-х гг. численность русской колонии в Чили, как и в других странах, возросла за счет эмигрантов из Европы и с Дальнего Востока, прибывших с территории оккупированного Японией Китая. Чилийские власти приветствовали представителей «белой», европейской иммиграции как наиболее предпочтительной по сравнению с «желтой» иммиграцией из Китая. По переписи 1930 г. в стране было зафиксировано 1343 выходца из «Российской империи», и это, как считают чилийские ученые, было максимальное число русских за всю историю страны[4].

---

[1] См.: Бюллетень Российского земско-городского комитета помощи беженцам. – 13 мая 1930 г. – № 59-60. – С. 23-24.

[2] См.: *Delia A.Salazar*. La poblacion extranjera en Mexico (1895-1990). Un recunto con base en los Gensos Generales de Poblacion. – Mexico, 1996 // Цит. по: *Анна Рибера Карбо*. Сеня Флешин: русский анархист, мексиканский фотограф // Латинская Америка. – 2006. – № 4. – С. 87.

[3] *Ульянова О., Норамбуэна К.* Русские в Чили. – Santiago, 2009. – С. 180.

[4] Там же. – С. 146.

Полковник А.П. Брагин после посещения в 1934 г. Латинской Америки опубликовал в газете «Возрождение» свой доклад на тему «По Южной Америке», в котором говорилось о том, что русские в те годы оказались также в Колумбии, Эквадоре, Перу, Панаме[1]. Имелись сведения, что в армии генерала Аугусто Сандино в Никарагуа, который вел борьбу против США, также были русские[2].

Для послереволюционной, как и дореволюционной эмиграции в Латинской Америке были характерны высокая доля в ее составе трудового самодеятельного населения, в котором преобладали бессемейные мужчины от 20 до 40 лет, т.е. люди самого трудоспособного и активного возраста. Аналогичная ситуация сохранялась и в последующие годы, включая послевоенную волну эмиграции, когда большинство перемещенных лиц, прибывавших в латиноамериканские страны, также состояли из мужчин, преимущественно холостых в возрасте 35–40 лет[3].

Важным фактором, определяющим статус эмигрантов, является характер международно-правового регулирования и внутреннего государственного регулирования положения эмиграции в разных странах, характер иммиграционного законодательства в них. В результате работы Лиги Наций и принятия международно-правовых документов были преодолены первоначальные различия в законодательствах зарубежных стран о предоставлении гражданства (условия и порядок его предоставления) и достигнута определенная унификация национальных законодательств[4]. В свою очередь, принятие нансеновского паспорта в качестве единого идентификационного документа содействовало закреплению правового статуса русских эмигрантов и их права на перемещение.

---

[1] ГА РФ. Ф. Р–6094. Оп. 1. Д. 48. Л. 20.
[2] БФ РЗ. Ф. 2. Оп. 1. Картон № 6. Д. 37. Л. 5 (об.).
[3] АВП РФ. Ф. 070. Оп. 17. Папка № 108. Д. 12. Л. 18.
[4] См.: *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция 1917–1939 годов: структура, гео-графия, сравнительный анализ // Российская история. – 2010. – № 3. – С. 63.

Практическое решение проблем русского беженства после их расселения лежало на правительствах стран-реципиентов. Поскольку формирование международного права, межправительственные соглашения, принятые при содействии Лиги Наций, касавшиеся беженцев, не являлись общим правилом для всех государств, а постоянно эволюционировали, то и законодательная практика по отношению к иностранцам была многообразна, вследствие чего реальное правовое положение русских эмигрантов в различных странах также имело свою специфику[1].

В Латинской Америке одной из специфических черт исторического развития региона являлось колонизационное движение. Начиная со второй половины XIX в., оно непосредственно влияло на выработку государствами иммиграционной политики, направленной прежде всего на содействие земледельческой колонизации европейцами. В частности, в Аргентине правовая основа иммиграционной политики была заложена Конституцией Аргентинской Республики 1853 г., в которой впервые в истории конституционализма было закреплено положение о привлечении иностранцев для быстрого развития страны. Ст. 25 обязывала федерацию «содействовать европейской иммиграции» и запрещала любые ограничения для иностранцев, «которые приезжают с целью обрабатывать землю, содействовать развитию промышленности, распространять науки». В ст. 20 говорилось, что иностранцы пользуются всеми гражданскими правами, могут заниматься любым промыслом, торговлей и профессиональной деятельностью, обладать недвижимым имуществом, покупать и продавать его, делать завещания, плавать на судах по рекам и в прибрежных водах; излагать свои мысли в прессе без предварительной цензуры; исповедовать свободно свою религию; обучать и учиться[2].

---

[1] См.: *Бочарова З.С.* «…не принявший иного подданства»: Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920-1930-е годы». – СПб., 2005. – С. 165.

[2] См.: Constitucion Argentina de 1853; История государства и права зарубежных стран // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/istrp/40.php (сайт «Библиотека Гумер»).

В Конституции было закреплено положение о том, что «аргентинская нация не признает никаких преимуществ крови и рождения, никаких титулов; все жители равны перед законом». В ней гарантировалось право иностранца натурализоваться через два года по прибытии в страну, хотя власти могли допустить натурализацию и раньше[1]. Данное право было зафиксировано позднее в законе о «Гражданстве и натурализации» (№ 346), принятом в октябре 1869 г. и призванном облегчить интеграцию иммигрантов в аргентинское общество. В нем, в частности, гарантировалось досрочное получение гражданства иностранцем в случае, если он работал в государственной администрации или администрации провинций, служил в вооруженных силах Аргентины, участвовал в боевых действиях на ее стороне, владел недвижимой собственностью в одной из колоний республики, а также если принес стране практическую пользу в изобретательстве, в развитии промышленности, строительстве железных дорог, в сфере образования и т.д., в том числе если способствовал заселению территорий, принадлежавших Аргентине, а именно Огненной Земли, Антарктиды, островов на юге Атлантического океана; а также если имел супруга или ребенка – аргентинца по рождению[2].

Важное психологическое значение для прибывших в страну иностранцев имел тот факт, что аргентинским законодательством признавалось право каждого гражданина, проживавшего на территории страны, на самозащиту не только при нападении или вторжении в его дом, но даже при простом оскорблении личности. В Аргентине существовала свобода вероисповедания, благодаря чему дети, например, проживавших здесь духоборов были освобождены от воинской повинности[3]. Изучавший проблемы колонизации в странах Латинской Америки в дореволюционный период Е. Лапин подтверждал, что, хотя

---

[1] См.: Constitucion Argentina de 1853.

[2] ГА РФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 32. Л. 1 (об.). Аргентинцами считались дети, родившиеся на аргентинской территории, независимо от национальности их родителей.

[3] ГА РФ. Ф. 6532. Оп. 1. Д. 65. Л. 21.

действительная жизнь в Аргентине часто шла вразрез с законами, тем не менее свободу труда и передвижения и свободу совести здесь можно было считать «вполне обеспеченной за каждым обитателем»[1].

6 октября 1876 г. в стране был принят закон «Об иммиграции и колонизации» (№ 817), известный как «Закон Авельянеды», который регулировал вопросы иммиграции и отдельно колонизации (заселения пустующих территорий) и на основании которого был создан Генеральный департамент иммиграции при Министерстве внутренних дел (преобразованный позднее в Национальное миграционное управление), осуществлявший в целом функции надзора за исполнением закона в отношении иммигрантов[2]. Одновременно была введена должность «агента по иммиграции», работавшего в европейских государствах и имевшего право заключать контракты при найме на работу. Трудовыми предложениями для иммигрантов в стране занимались создаваемые Бюро по трудоустройству.

Вторая часть закона была посвящена колонизации (заселению) как частной, так и государственной. По новому закону, иммигрант прибывал в страну за счет государства или организаций, занимавшихся переселенческими проблемами. Государство за свой счет гарантировало иммигранту проживание в течение первых пяти дней пребывания в Аргентине, отправку к месту будущей работы, а также покрывало расходы на первые десять дней после переезда. Для получения этих и некоторых других привилегий иммигрант обязан был предоставить свидетельство о его способности заниматься тем или иным видом деятельности, выданное консулами или агентами по иммиграции, работавшими за рубежом, либо местными властями при

---

[1] *Лапин Е.* Настоящее и будущее еврейской колонизации в Аргентине. – СПб., 1894. – С. 15.

[2] См.: *Альварес К.Х.* Интеграция русскоязычных иммигрантов в аргентинское общество: национальные особенности и глобальные тенденции: Дис. … канд. полит. наук. – СПб., 2005. – С. 120. Н. Авельянеда – гос. деятель Аргентины, в 1866–1874 гг. – министр юстиции, в 1874–1880 гг. – президент Аргентины.

наличии предварительной консульской легализации[1]. Однако политика колонизации не давала желаемого результата и потому основной поток иммигрантов продолжал направляться в города. Тем не менее на основе «Закон Авельянеды» с 1890 по 1930 г. в Аргентине был принят самый большой иммиграционный поток[2].

Следует отметить еще один аспект заокеанской эмиграции. Речь идет о вербовке русских женщин «для разврата» в странах Южной Америки, главным образом в дома терпимости Аргентины. На это неоднократно в свое время обращал внимание российский генеральный консул в Буэнос-Айресе. По его данным, в 1895 г. здесь насчитывалось до 4 тыс. европейских проституток, более половины из которых были русские и польки. Но если в 1880-х гг. это явление носило случайный характер, то к концу 1890-х гг., как отмечалось в отчетах российского Министерства иностранных дел, подобная вербовка под прикрытием эмиграции получила широкое распространение и превратилась в «выгодный промысел». В Юго-Западных губерниях, Царстве Польском были обнаружены многочисленные разветвленные преступные группировки, которые нередко действовали под видом благотворительных ассоциаций взаимной помощи[3]. В этой связи в 1902 г. в Париже состоялась международная конференция, обсуждавшая меры по борьбе с этим негативным явлением. В результате были заключены совместные международные акты, в том числе Соглашение о принятии административных мер для осуществления международной борьбы с указанным социальным злом и Конвенция об оказании договаривающимися государствами взаимной судебной помощи в том же направлении. Первый из этих актов был подписан 18 мая 1904 г. представителями 12 государств, включая Россию и Бразилию. 4 мая 1910 г. была заключена Конвенция, также подписанная Россией, устанавливавшая обязательство для до-

---

[1] См.: *Альварес К.Х.* Интеграция русскоязычных иммигрантов … – СПб., 2005. – С. 121.
[2] Там же. – С. 118-119.
[3] АВП РИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 120. (1895). Л. 225-227.

говаривающихся государств преследовать в судебном порядке совращение в разврат несовершеннолетних женщин и девушек, а также и совершеннолетних в случае, если для того было употреблено насилие, угрозы или обман или деяния, являющиеся отдельными частями подобного преступления, совершенного за границей[1]. Конвенция устанавливала порядок обмена судебных поручений по делам подобного рода, справками о судимости и проч.[2] Однако, несмотря на все усилия государств, неконтролируемая проституция сохранялась и в дальнейшем, принося доходы ее организаторам.

Активным участником мировых миграционных процессов в межвоенный период оставалась Бразилия. В соответствии с бразильской Конституцией и законом «О полной натурализации» 1889 г., все иностранцы, проживавшие на территории страны к 15 ноября 1889 г., признавались бразильскими гражданами[3]. На основании декрета «О натурализации иностранцев» от 12 ноября 1902 г. (№ 904) бразильское гражданство предоставлялось также иностранцам, владевшим в Бразилии недвижимостью и женатым на бразильских женщинах, и если у них имелись дети, родившиеся в Бразилии, с тем, однако, условием, чтобы они прожили в Бразилии больше двух лет.

Согласно «Введению в гражданский кодекс», иностранец, утративший свое гражданство (подданство) по происхождению и не приобретший другого гражданства или имеющий двойное подданство, подчинялся бразильским законам с момента его поселения в Бразилии[4]. Натурализованные иностранцы здесь также пользовались всеми гражданскими и политическими правами, могли занимать различные государственные должности, кроме должностей президента и вице-президента республики, сенатора и депутата: первого – до истечения шести, а второго – четырех лет со дня натурализации. От иммигрантов требовалось добропорядочное поведение в нравственном и граждан-

[1] АВП РИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 120. (1895). Л. 227.
[2] АВП РИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 141. (1909). Л. 19.
[3] ГА РФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 40. Л.71.
[4] ГА РФ. Ф. 5804. Оп. 2. Д. 161. Л. 7.

ском отношении, подтвержденное официальными документами. Не разрешалась натурализация иностранцев, которые в Бразилии или за границей были судимы или осуждены «за убийство, кражу, грабеж, злостную несостоятельность, подлог, контрабанду, мошенничество, подделку монеты и сводничество»[1].

В Парагвае, в соответствии с Конституцией 1870 г., иностранцы, прибывавшие в страну, освобождались от всех налогов и обязательной воинской службы. Но в отличие от соседней Аргентины, правительство этой страны было не в состоянии оказывать иммигрантам действенную помощь сельхозорудиями, денежными ссудами и т.п.[2] Наоборот, обязательным условием для всех прибывавших в Парагвай эмигрантов было наличие первоначального капитала, что не способствовало массовой иммиграции в страну. Тем не менее на основании закона 1903 г. здесь также развернулась кампания по привлечению иммигрантов-земледельцев[3]. Первыми, кто смог воспользоваться этим законом, были выходцы из России, преимущественно немцы, поляки, украинцы – так называемая трудовая эмиграция. В соответствии с Конституцией, все иностранцы в Парагвае пользовались правом свободного, беспаспортного передвижения в пределах государства, въезда и выезда, занятия торговлей и промыслами, свободы слова, печати, собраний, вероисповедания, приобретения недвижимости, отчуждения ее и передачи по завещанию. По парагвайским законам никаким ограничениям или обложению налогами не подлежали иностранцы, «приезжавшие в страну для работы и преподавания в сфере наук и искусства»[4]. Одновременно, согласно Конституции, натурализовавшиеся иммигранты призывного возраста, а также все мужчины, родившиеся на территории Парагвая, являлись военнообязанными.

---

[1] ГА РФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 40. Л. 1-8.

[2] См.: Этнические процессы в странах Южной Америки. – М., 1981. – С. 371.

[3] ГА РФ. 6378. Оп. 2. Д. 3. Л. 17.

[4] Парагвай. Париж. 15 сентября. 1934 г. // Цит. по: ГА РФ. Ф. 6378. Оп. 2. Д. 3. Л. 8.

Еще в первой половине XIX в. начали формироваться основы иммиграционной политики Чили. В 1843 г. здесь была создана специальная комиссия для рассмотрения проектов колонизации юга страны, результатом которой стал закон, принятый в ноябре 1845 г. и разрешавший «на 6 тысячах десятин невозделанных земель основать колонии местных уроженцев и иностранцев, прибывших в страну с целью поселиться здесь и создать полезные предприятия»; «наделить их необходимым количеством земель, оказать помощь инвентарем, семенами и прочим, что требуется для обработки земли, чтобы поддержать их в первый год»[1]. Важным пунктом закона стала легализация иммигрантов в Чили, что положило начало легальному иммиграционному процессу в этой стране.

В 1888 г. в Чили была создана Главная инспекция по колонизации, ставшая основным координирующим органом внутри страны, и Служба колонизации, представлявшая интересы инспекции в Европе. Через год в Сантьяго начало функционировать Бюро иммиграции, которое занималось устройством стихийно прибывавших иммигрантов. В том же году право получить статус колониста было предоставлено всем эмигрировавшим в Чили без предварительного контракта при условии обращения за ним в первый год пребывания в стране.

В соответствии с Положением о свободной иммиграции от 24 июня 1905 г., свободным иммигрантом в Чили считался «любой иностранец – выходец из Европы и США, земледелец, шахтер или человек, способный работать по иной профессии в торговле или промышленности, возрастом не старше 50 лет, который в состоянии был доказать свою нравственность и работоспособность и приехавший в республику через Службу иммиграции, чтобы наняться на уже существующие или создающиеся в стране предприятия»[2]. От въезжающего эмигранта требовалось выполнение ряда условий, включая предоставление свидетельства о рождении, документов о состоянии здоровья,

[1] *Ульянова О., Норамбуэна К.* Русские в Чили. – Santiago, 2009. – С. 18-20.
[2] *Там же.* – С. 34, 36.

нравственности, специальности. 14 октября 1907 г. вместо Главной службы иммиграции в Чили была создана Главная инспекция по колонизации и иммиграции, включавшая в себя два подразделения: *колонизации*, которое занималось предоставлением статуса колониста местным жителям и иностранцам; контролем за выполнением контрактов и соглашений об иностранной колонизации, и *иммиграции,* выполнявшего функции службы иммиграции внутри страны[1]. В том же году в Европе была создана чилийская Главная служба иммиграции с резиденцией в Генуе.

Конституция Боливии (1831, 1834, 1839, 1843 гг.) признавала гражданами (включая право избирать и быть избранным) иностранцев, служивших республике и защищавших ее с оружием в руках. В соответствии с Конституцией страны, принятой в XX в., гражданами Боливии признаются иностранцы, прожившие в республике два года, объявившие о своем желании приобрести гражданство Боливии и получившие на законных основаниях свидетельство о натурализации, а также те иностранцы, которые по достижении установленного законом возраста поступили на военную службу. Иностранцы могли получить гражданство и через год пребывания в стране, но лишь в том случае, если: а) их супруги или дети – боливийские граждане; б) если они регулярно занимались сельским хозяйством или промышленной деятельностью; в) если работали в сфере образования, науки и техники[2].

В целом, как показал рассмотренный материал, ко времени появления послереволюционной волны русской эмиграции в странах Латинской Америки уже сформировалась законодательная база иммиграционной политики, которая с разной сте-

---

[1] См.: Reglamento de Inmigracion Libre, 26 de septiembre de 1907. Memoria de la Inspeccion General de Colonizacion e Inmigracion. 1908. P. 30-37. LXXV. P. 802 // Цит. по: *Ульянова О., Норамбуэна К.* Русские в Чили. – Santiago, 2009. – С. 37.

[2] См.: *Карлос Д. Меса Хисберт*. Президентское правление в Боливии: между силой и законом (сокращенный вариант). – М., 2006. – С. 61-62.

пенью эффективности призвана была обеспечить процесс правовой адаптации послереволюционной эмиграции.

Как установила И.В. Сабенникова, по окончании Первой мировой войны въезд в республики Южной Америки для иностранцев оговаривался рядом условий и во многом зависел от наличия правильно завизированного паспорта, сертификата о медицинском состоянии и для некоторых стран подтверждением «хорошей репутации». Для въезда в Аргентину, Бразилию, Уругвай был необходим также сертификат об иммиграции. В Аргентине требовались паспорт, юридический или полицейский сертификат пассажира и индивидуальная учетная карточка пассажира. В Бразилии по закону эмигранту следовало иметь при себе любой документ, удостоверяющий личность и профессию, при этом консульская виза была не обязательна, но желательна во избежание затруднений со стороны морской полиции. В некоторых странах не требовалось возобновления разрешения на жительство или же оно возобновлялось инстанциями каждые три (Чили) или шесть (Боливия) месяцев[1].

В ряде латиноамериканских стран условия въезда зависели также от своевременной регистрации в полиции – как, например, в Перу и Колумбии, или от наличия определенной суммы денег – как в Парагвае, где эмигрант обязан был предоставить парагвайскому консулу чек на сумму в 750 франков и более как доказательство того, что переселенец имеет средства для «первого обзаведения»[2].

После 1922 г. русских эмигрантов в Аргентине, Бразилии, Парагвае принимали с нансеновскими паспортами. В сентябре 1922 г. правительство Боливии в письме на имя заместителя Генерального секретаря Лиги Наций, несмотря на опасения по поводу проникновения на его территорию политически нежелательных элементов из Европы и США, также подтвердило готовность принять «образец удостоверения и текст о порядке его выдачи, одобренный Конференцией делегатов правительств на

---

[1] См.: *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция (1917-1939): сравнительно-типологическое исследование. – Тверь, 2003. – С. 83.

[2] См.: Иллюстрированная Россия. – Париж, 22 июня 1935 г.

заседании, посвященном проблемам российских беженцев», проходившем в Женеве 3-6 июля 1922 г.[1] Русским беженцам, прибывавшим в Аргентину и Бразилию с нансеновскими паспортами, право на полную «натурализацию», как уже отмечалось, давало их двухлетнее проживание в этих странах.

На протяжении 1920–1930-х гг. происходило дальнейшее изменение иммиграционной законодательной базы латиноамериканских стран, в частности, в сторону ее ограничения. Так, в официальном письме представителя российской миссии в Бразилии от 18 августа 1920 г. сообщалось, что введенные во время войны «немногие ограничения для граждан неприятельских стран были отменены после ратификации мирного трактата с Германией» в ноябре 1919 г. и что за тот же период времени, по распоряжению министра внутренних дел Бразилии, была приостановлена натурализация иностранцев – не только граждан неприятельских стран, но и некоторых других, в том числе и русских, прибывших сюда после большевистского переворота[2].

В феврале 1921 г. президент Бразильской Республики утвердил принятый Национальным конгрессом новый закон, согласно которому вводился запрет на въезд всякому иностранцу – «увечному, калеке, слепому, психически больному, нищему, страдающему неизлечимой или тяжелой заразной болезнью», «приезжающему в страну с целью проституции», а также всем старше 60 лет. Исключение делалось для тех эмигрантов, кто обладал определенным количеством финансовых средств или чьи проживавшие в стране родственники «отвечали за них в письменном заявлении, составленном и подписанном в присутствии полицейской власти»[3]. В законе также оговаривалось право высылки иностранца до истечения пятилетнего срока его пребывания в стране. Иностранец, проживший более пяти лет в Бразилии, мог быть выслан в том случае, если им применялись

---

[1] Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920-1930-е гг.): Сб. док-ов и мат-ов / Сост. З.С. Бочарова. – М., 2004. – С. 216-217.
[2] ГА РФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 40. Л. 1
[3] ГА РФ. Ф. 5804. Оп. 2. Д. 161. Л. 9.

акты насилия с целью достижения «торжества религиозных убеждений или политических мнений», а также если по своему поведению он считался опасным для общественного порядка или национальной безопасности[1].

Вместе с тем, как отмечалось в «Записке о правовом положении русских эмигрантов в иностранных государствах» от 10 января 1921 г., подготовленной специалистом в области международного частного права А. Н. Мандельштамом, бразильский закон о подданстве так же, как «английский, итальянский, северо-американский, норвежский, швейцарский, голландский, польский, португальский, румынский», не устанавливал «никакого различия в пользовании гражданскими правами между иностранцами вообще и теми из них, которые подали прошение о принятии в местное подданство, но в оное еще не приняты»[2]. Начиная с 1920 г. натурализация в Бразилии производилась на общих основаниях. Число бывших русских граждан, на тот период натурализованных или подававших прошения о натурализации, постоянно увеличивалось[3].

В некоторых странах Латинской Америки в рассматриваемый период были введены ограничения на иммиграцию по национальной принадлежности, в частности, в Боливию был ограничен въезд русских, поляков и евреев, в Чили – евреев, в Перу – поляков и евреев, в Венесуэлу – «восточных» евреев[4]. В Бразилии существовала двухпроцентная ежегодная квота для мигрантов любой национальности. Для русских она составляла 2 тыс. человек, однако практически никогда не заполнялась.

В первой четверти XX в. во многом под влиянием экономических трудностей и в целях не допустить в страну наплыва революционных элементов в странах Латинской Америки наблюдается ужесточение иммиграционного законодательства.

---

[1] ГА РФ. Ф. 5804. Оп. 2. Д. 161. Л. 9.
[2] ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 46. Л. 412 (об.); АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 1. Л. 13.
[3] ГА РФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.
[4] *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция (1917-1939): сравнительно-типологическое исследование... – С. 83.

В частности, в Аргентине первые шаги в этом направлении были предприняты еще в 1902 г. вместе с «Законом о пребывании иностранцев» (предоставившим исполнительной власти полномочия по задержанию и высылке из страны иностранцев) и в 1910 г. – с принятием «Закона о социальной защите», который был призван не допустить в страну европейских иммигрантов – носителей анархистской идеологии. После Первой мировой войны, в соответствии с новым законом об иммиграции 1920 г., конкретизировалось понятие «эмигрант»: им считался «всякий иностранец, занимавшийся поденным трудом, ремесленник, мастеровой, земледелец моложе 60 лет в отношении моральном, физическом и прилежания, не имевший никаких недостатков»[1]. Кроме того, как и в Бразилии, в Аргентине для ряда лиц были введены ограничения на въезд в страну. В частности, сюда не допускались дети до 16 лет без родителей, а также все те, кто мог оказаться бременем для общества и государства, включая инвалидов, душевнобольных, нищих, цыган[2]. Для всех иммигрантов обязательным также было предоставление свидетельства о несудимости за последние пять лет, которое выдавалось властями той страны, в которой эмигрант до этого проживал.

В 1923 г., вслед за Соединенными Штатами Америки, Аргентина осуществила шаги по дальнейшему регулированию иммиграции, прибегнув к более строгому отбору переселенцев. Декретом от 31 декабря 1923 г. был пересмотрен «Закон Авельянеды». К старым ограничениям на въезд «нежелательных элементов» добавились новые, запрещавшие, например, допуск одиноких женщин с детьми до 15 лет[3]. Ограничения коснулись также иммигрантских масс с Украины, из Польши и России в связи с тем, что они нередко воспринимали Аргентину как транзит на пути в Северную Америку.

---

[1] Новый мир. – Буэнос-Айрес. – 26 июня 1921 г.
[2] Там же.
[3] См.: *Шейнбаум Л. С.* Аргентинский этнос: этап формирования и развития. – Л., 1989. – С. 100.

Начиная с 1923 г. аргентинские консулы, в соответствии с циркуляром № 192 Министерства иностранных дел, не могли выдавать разрешение на въезд в страну, а только проверять документы на их соответствие требованиям данного циркуляра. В список документов входили специальные разрешения или верительные документы для въезда в Аргентину, требуемые Генеральным департаментом иммиграции; паспорт родной или другой страны проживания; справки, выданные юридическими или полицейскими властями страны, где был выдан паспорт, подтверждающие отсутствие судимости за уголовные преступления или факта нахождения под следствием за преступления общественного порядка в течение пяти лет до момента выезда; а также требовались справки, подтверждающие, что иммигрант не страдает физическими или психическими заболеваниями, снижающими его трудоспособность; что он не является нищим; и, наконец, консульская учетная карточка, подтверждающая персональные данные пассажира и подлинность документов и т.д. Одновременно в соответствии со специальной «Инструкцией для консулов» и в свете процветавшей в Аргентине торговля женщинами им вменялось в обязанность не допустить в страну любого, «подозреваемого в торговле женщинами, или одинокой женщине, которая будет вовлечена в проституцию, или любому другому человеку, являющемуся активным или пассивным участником безнравственных или незаконных действий»[1]. Данный указ позволял осуществлять довольно жесткий контроль над прибывавшими в страну иностранцами. В результате мер, принятых правительством Аргентины, массовая иммиграция из европейских стран сюда начала ослабевать, а с 1930 г. – значительно снижаться.

Для получения визы от аргентинского консула для русских обязателен был нансеновский паспорт[2]. В ряде случаев русские эмигранты, отправлявшиеся в Аргентину для занятия

---

[1] *Альварес К. Х.* Интеграция русскоязычных иммигрантов в аргентинское общество: национальные особенности и глобальные тенденции: Дис. … канд. полит. наук. – СПб., 2005. – С. 177-178.

[2] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 3. Л. 43.

научной деятельностью, получали благодаря своим соотечественникам с мест официальное приглашение и необходимое для получения ссуды на проезд поручительство. При наличии подобных документов для получения разрешения на въезд достаточным было предъявить аргентинскому консулу дополнительно диплом, поскольку на такую категорию эмигрантов распространялись привилегии, установленные законом об иммиграции для «personas decentes y de representacion social» (выдающихся и общественно значимых персон – *пер. с исп. яз.*), в которых остро нуждалась страна[1].

По прибытии в Аргентину на руки иммигранту выдавался документ, удостоверявший личность, – «седула» (*исп. яз.*), который стоил пять песо и давал право беспрепятственного передвижения по стране, т.е. был равнозначен паспорту, но при этом не гарантировал избирательного права и не был действителен при осуществлении банковских операций[2]. Вторым документом, получаемым переселенцем, было удостоверение о добропорядочном поведении – «сертификато де буэна кондукта» (*исп. яз.*), требуемое при приеме на работу, а спустя два года – для получения аргентинского гражданства, которое по закону о натурализации 1920 г. предоставлялось начиная с 18 лет всем иностранцам, прожившим в стране два года[3]. При этом, как отмечал побывавший здесь К. Парчевский, национальность иммигранта, получавшего гражданство, устанавливалась по месту его рождения, вне зависимости от записи в паспорте: если город Вильно – то поляк, город Париж – француз и т.д., что часто вызывало непонимание у иммигрантов[4]. Многие эмигранты первой волны и некоторые их потомки в Аргентине в надежде на

---

[1] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 3. Л. 42.

[2] Русский в Аргентине. 19 марта 1938 // ГА РФ. Ф. 6784. Оп. 1. Д. 162. Л. 10 (об); *Паласио Мигель.* 15 лет в Латинской Америке [Электронный ресурс] // http://rusecuador.ru/content/russkoyazychnye-smi-ob-ekvadore/7447-15-let-v-latinskoj-amerike.

[3] См.: *Шостаковский П.* Путь к правде. – Минск, 1960. – С. 284.

[4] См.: *Парчевский К.* В Парагвай и Аргентину. Очерки по истории Южной Америки. – Париж, 1936. – С. 232-233.

скорое возвращение на родину так и прожили с нансеновскими паспортами, и только, когда появилась возможность в 1990-е гг. посетить Россию, вынуждены были оформить аргентинское гражданство.

В 1935 г. был принят новый закон об иммиграции в Парагвае, который закреплял льготные условия, предоставляемые иммигрантам-земледельцам, но которые были обязаны подтвердить свою квалификацию земледельца соответствующей отметкой в паспорте либо отдельным документом. Что касается иммигрантов-ремесленников, то они могли пользоваться льготами иммигрантов-земледельцев только в следующих случаях: во-первых, если приехали в составе семьи земледельцев из более чем трех человек; во-вторых, если прибыли по вызову родственников либо знакомых, обосновавшихся в одной из колоний; в-третьих, если человек направлялся в определенную колонию, где по заявлению Департамента земель и колоний он обязан был посвятить себя работе по специальности, полезной для колонии. В случае, если иммигрант, нарушив взятые на себя обязательства, обосновывался в городе, то он обязан был вернуть департаменту стоимость льгот, полученных им при въезде в страну[1].

По новому закону ограничения на въезд касались дипломированных специалистов – врачей, инженеров и др., которые обязаны были выдержать соответствующие экзамены в высших учебных заведениях. Исключение составляли врачи, которые могли практиковать без подтверждения диплома в радиусе 15 км от места работы парагвайского врача. Аналогичные требования предъявлялись к инженерам. Несмотря на определенные ограничения, не натурализовавшиеся иностранцы в Парагвае пользовались многими гражданскими правами, в частности, могли участвовать в муниципальных выборах, быть избранными в муниципальные советы и др.[2]

---

[1] См.: Возрождение. – Париж. – 26 октября 1935 г.
[2] ГА РФ. Ф. 6378. Оп. 2. Д. 3. Л. 120.

Под влиянием мирового экономического кризиса, а также активизации левых сил, вызванной началом гражданской войны в Испании в 1936 г., в ряде латиноамериканских стран были введены новые административные ограничения, в том числе касавшиеся легального въезда в страны. Так, например, основную долю граждан, прибывавших в Аргентину в этот период, составляли лица, принимаемые только в порядке воссоединения семей[1]. В 1938 г. исполнительная власть страны через специальный декрет ввела положение о необходимости для иммигрантов «предварительного разрешения на свободную высадку на берег», тем самым государство получило право заранее разрешать (или запрещать) иностранцу въезд и (или) пребывание на территории Аргентины.

В проекте нового аргентинского закона об иммиграции от 1939 г. к эмигрантам предъявлялись требования предоставлять, наряду с паспортом и медицинским свидетельством, удостоверение от аргентинского консула, подтверждающее, что данное лицо было намерено заниматься своей профессией в течение двух лет. Первоочередное право на въезд получали представители таких профессий, как артисты, ученые, а также специалисты в области тех видов искусства или промышленности, которые являлись новыми или еще слабо развитыми в стране. При этом натурализовавшиеся в Аргентине мигранты могли выписывать детей и родителей без специального разрешения и без каких-либо препятствий. Политические убеждения также не входили в список запрещений[2].

В Чили правительство генерала Ибаньеса дель Кампо, с подозрением относившееся ко всем выходцам из Советского Союза и видевшее в них скрытых «коммунистических агентов», издало в 1930 г. запрет на выдачу свидетельств о предоставлении гражданства эмигрантам из СССР, прожившим в Чили менее шести лет. При этом действие указа распространялось и на

---

[1] См.: *Шейнбаум Л.С.* Аргентинский этнос: этап формирования и развития... – С. 138.

[2] См.: Русский в Аргентине. – Буэнос-Айрес. – 26 августа 1939 г.

белых эмигрантов, которые также попали в категорию «подозреваемых в коммунизме»[1].

Правительство Бразилии законом от 18 апреля 1938 г. запрещало иностранцам заниматься политической деятельностью, что предполагало запрет на организацию обществ, клубов или каких-либо других структур политического характера, а также на проведение шествий, манифестаций, празднование национальных дат, распространение среди соотечественников публикаций политического характера, использование флагов или другой символики зарубежных политических партий и т.д.[2]

В Боливии специальным правительственным декретом о социальной защите от 7 апреля 1937 г. также был введен запрет на всякую деятельность по распространению коммунистических, анархических, большевистских идей, которая характеризовалась как «социал-экстремистская». Этим законом были предусмотрены следующие меры наказания: в случае, если экстремистская деятельность осуществлялась боливийцем по национальности, он лишался гражданских прав на десять лет; в случае с натурализованным боливийцем следовало лишение его гражданства и после отбытия наказания – экстрадиция из страны[3].

---

[1] См.: *Ульянова О., Норамбуэна К.* Русские в Чили. – Santiago, 2009. – С. 147.

[2] НИОР РГБ. Ф. 587. Картон № 1. Д. 6. Л. 2-4.

[3] РГВА. Ф. 501. Оп. 3. Д. 304/1. Л. 20. Аналогичный закон был принят Национальным конгрессом Боливии еще 18 января 1911 г., согласно которому исполнительная власть имела право экстрадировать с территории страны любого иностранного гражданина, осужденного или подозреваемого в преступлениях, а также того, чье поведение угрожало национальной безопасности или вызывало нарушение общественного правопорядка. Согласно ст.III закона, власти могли воспрепятствовать также въезду на территорию страны любого иностранца, чье прежнее поведение подпадало под две вышеназванные статьи. При этом иностранец, подвергнутый высылке, обязан был в течение трех дней покинуть страну; при необходимости в течение этих дней власти в целях национальной безопасности могли издать приказ о его задержании до момента выезда из страны.

В феврале 1937 г. в докладе председателя Военной правительственной хунты Боливии полковника Торо Руйловы отмечалось, что «коммунизм носит международный характер», что он «несовместим с нормами суверенитета и независимости, ведет к нарушению законных прав и гарантий местных жителей», «что коммунистическая доктрина базируется на беспорядках, разрушениях и насилии и влечет за собой преступления против внешней и внутренней безопасности государства»[1]. Правительство предупреждало в связи с этим, что «граждане какой-либо национальности, которые пытаются заниматься распространением коммунистических взглядов, будут находиться под наблюдением полиции и будут подвергнуты законному преследованию как нарушители общественного порядка»[2], что собственно и происходило во многих странах с жесткими авторитарными режимами.

В 1939 г. правительство Уругвая внесло свои изменения в иммиграционное законодательство, в соответствии с которыми была сокращена квота для еврейской иммиграции, в республику допускались только евреи-земледельцы[3]. По принятому в стране закону иностранцы не имели также права на получение работы в государственных учреждениях[4].

В годы Второй мировой войны с целью совершенствования иммиграционной политики на континенте и ускорения процессов адаптации и ассимиляции эмигрантов правительствами латиноамериканских стран был созван I Межамериканский демографический конгресс, прошедший в Мексике 12–21 октября 1943 г. В резолюции конгресса содержались рекомендации ла-

---

[1] РГВА. Ф. 501. Оп. 3. Д. 304/1. Л. 21.

[2] Там же.

[3] См.: Русский в Аргентине. – Буэнос-Айрес. – 30 декабря 1939 г. «Банко Израилита» являлся одним из богатейших банков, который приобрел в департаменте Рио-Негро огромное имение с целью организовать там еврейскую земледельческую колонию из нескольких тысяч евреев, приехавших в качестве земледельцев в Уругвай. В действительности таковыми стали 40 семей.

[4] АВП РФ. Ф. 070. Оп. 15. Папка № 105 (1947–1948 гг.). Д. 10. Л. 13.

тиноамериканским странам принять «соответствующие меры для облегчения процесса ассимиляции иммигрантов, помогая быстрому приспособлению их культуры к культуре страны проживания и добиваясь того, чтобы каждый иммигрант приобрел минимум навыков, необходимых для восприятия норм, которые управляют социальной жизнью страны, принявшей иммигрантов»[1]. Была также поставлена задача стремиться к тому, чтобы дети иммигрантов, хотя и не родившиеся на американской территории, получили воспитание, «требуемое соответствующим государством от своих подданных».

Правовое положение русских эмигрантов в странах латиноамериканского континента было осложнено отсутствием в них полноценной правовой и финансовой помощи со стороны официальных дипломатических миссий. В материалах Совета по расселению русских беженцев за 1921 г. говорилось, что «здесь каждая национальность живет своей колонией, поддерживая своих соотечественников, дает им работу; русских поддержать некому и собственно русской колонии здесь нет»[2].

Вместе с тем, в Аргентине, по замечанию К. Парчевского, авторитет и своеобразное положение «неофициального российского консула и представителя» занимал в те годы протопресвитер К.Г. Изразцов, глава Русской православной церкви в этой стране, освобожденный от должности секретаря дипломатического отдела Российской миссии еще Временным правительством[3]. Реэмигрант П. Шостаковский, долгие годы проживший в Аргентине, также признавал в своих мемуарах, что сразу после 1917 г. отец К.Г. Изразцов оказался единственным человеком, который в качестве настоятеля Русской церкви «занимал какой-то официальный пост в русской колонии» и мог дать официальную справку правительству, полиции и т.д.[4].

---

[1] *Архимандрит Августин (Никитин).* Русский храм в Буэнос-Айресе [Электронный ресурс] // spbda.ru/news/a-262.html (сайт Санкт-Петербургской Православной духовной академии).

[2] Совет по расселению… – Вып. 1. – С. 47.

[3] См.: *Парчевский К.* В Парагвай и Аргентину... – С. 258.

[4] См.: *Шостаковский П.* Путь к правде... – С. 302.

Проблема защиты прав русских апатридов в странах Латинской Америки решалась также в течение некоторого времени усилиями старых представительных учреждений – русских миссий и консульств, официальная деятельность которых была приостановлена после прихода к власти большевиков. В дореволюционный период в Латинской Америке действовали три российских дипломатических представительства в ранге миссий: в Рио-де-Жанейро (представлявшая также Россию в Парагвае), в Буэнос-Айресе и Мехико[1]. После 1917 г. от обязанностей посланников были освобождены Е.Ф. Штейн – в Аргентине и А.И. Щербатский – в Бразилии. Однако Е.Ф. Штейн, к тому времени породнившийся с семьей аргентинского министра иностранных дел Гальярдо, продолжал вплоть до своего отъезда в 1931 г. выполнять дипломатические функции от имени России. А.И. Щербатский вскоре покинул страну, хотя бразильские власти еще несколько лет после свержения Временного правительства поддерживали его дипломатическое представительство в Рио-де-Жанейро, где в те годы и до конца своей жизни находился поверенный в делах российского посольства Г. Бранд[2]. Образовавшаяся в 1920-е гг. в г. Мехико небольшая колония русских также продолжала группироваться вокруг бывшего генерального русского консула в этом городе В.Л. Венденгаузена-Розенберга, проживавшего в Мексике с 1907 г. В начале 1920-х гг. он помогал с устройством в стране русским эмигрантам, которые позднее объединились вокруг салона его супруги – баронессы Венденгаузен[3].

---

[1] Цит. по: *Путятова Э.Г.* Российско-южноамериканские отношения в годы Первой мировой войны // Научно-теоретический журнал «Научные проблемы гуманитарных исследований». – Пятигорск, 2009. – Вып. 9 (2). – С. 106 [Электронный ресурс] // http://npgi.ru/gournal/9_(2)_2009.pdf.

[2] См.: *Сизоненко А.И., Панков Н.А.* Наши соотечественники в Латинской Америке. – М., 2002. – С. 19.

[3] См.: *Дик Е.Н.* Русские в Мексике: эмиграция и адаптация // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. – М., 1996. – С. 164-165.

Расходы на содержание российских дипмиссий в годы Гражданской войны частично несло колчаковское правительство. Однако, как установил О. В. Будницкий, в его смету не были включены представительства на Дальнем Востоке, а также в странах Южной Америки – в Аргентине, Бразилии, Мексике, и в США, которые должны были обеспечиваться за счет «боксерского вознаграждения» и средств Российского государства, находившихся на счетах в США[1].

В частности, по данным товарища министра иностранных дел Омского правительства В.Г. Жуковского, российское консульство в Буэнос-Айресе со времени большевистского переворота получало установленные суммы за счет пошлинных сборов, а миссия в том же городе содержалась частью на личные средства посланника Е.Ф. Штейна, частью – на доходы от церковного дома, возглавляемого протопресвитером отцом К.Г. Изразцовым (около 40 ф. ст. в месяц), а также на средства, которые посланник получал от проживавших здесь православных сирийцев и от созданного в мае 1917 г. «Русского кружка» в г. Росарио, членами которого являлись состоятельные русские евреи (по 16 ф. ст. в месяц)[2].

Тем не менее В.Г. Жуковский лично обращался в Министерство финансов правительства Колчака с просьбой о переводе денег миссии и консульству в Рио-де-Жанейро и миссии в

---

[1] См.: *Будницкий О.В.* Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918-1957. – М., 2008. – С. 142. «Боксерское вознаграждение» – контрибуция в сумме до 10 млн руб. в год, которая выплачивалась России за ущерб, нанесенный в ходе боксерского восстания 1900 г. в Китае, которое имело целью освобождение страны от иностранного засилья. После подавления восстания соединенными силами держав между ними и Китаем был подписан «Боксерский пакт», в соответствии с которым на Китай была возложена огромная контрибуция в 450 млн таэлей. Выплата ее была рассрочена на 39 лет с начислением 4% годовых, что в сумме составляло 1,5 млрд руб. Из этого «боксёрского вознаграждения» России причиталось около 29%, Германии – 20, Франции – около 16, Великобритании, Италии, Японии, США и Бельгии, вместе взятым, – около 34, остальным – около 1%.

[2] Там же. – С. 38.

Буэнос-Айресе. При этом он отмечал, что если раньше они получали средства из Вашингтона, то на тот момент суммы, находившиеся в распоряжении посла в Соединенных Штатах, «оказались исчерпаны». В частности, в октябре 1919 г. товарищ министра финансов просил перевести Е. Ф. Штейну по меньшей мере 1 тыс. ф. ст. «ввиду истощения личных средств Посланника и крайней нежелательности дальнейшего существования российской Миссии за счет пособий, получаемых от частных лиц, частью притом иностранцев»[1].

Сам Е.Ф. Штейн в личной переписке также указывал на полное отсутствие у него денежных средств, замечая, что у миссии «никогда никаких особых фондов или денежных остатков не было». Более того, миссия оказалась еще должна около 6 тыс. песо одному из местных банков по займу, заключенному по поручению бывшего Временного правительства для «водворения в Россию «жертв царского режима» – всевозможных политических эмигрантов, в число которых включены были Керенский и укрывшиеся здесь бунтовщики матросы с нашего броненосца «Потемкин»[2]. Разъясняя ситуацию с финансами, Е.Ф. Штейн ссылался также на церковь в Буэнос-Айресе, возглавляемую отцом К.Г. Изразцовым, которая владела доходным домом, дававшим хорошую ренту. Получаемые с нее средства вплоть до начала 1921 г. целиком шли на содержание приема и поддержание дипломатической миссии, в связи с чем отец К.Г. Изразцов писал: «Полагаю, что это, вероятно, единственный случай в истории Российского Министерства Иностранных Дел… Вспомнят ли об этом когда-нибудь с благодарностью? ... Во имя справедливости я должен добавить, что большая часть этого долга была уплачена Советом Послов»[3].

После перехода Русской православной церкви в Аргентине в ведение Западно-Европейского митрополита Евлогия целе-

---

[1] См.: *Будницкий О.В.* Деньги русской эмиграции… – С. 244.
[2] ГА РФ. Ф. 5806. Оп. 1. Д. 7. Л. 100 (об.).
[3] Состояние Православной церкви в Южной Америке. Доклад протопресвитера Константина Изразцова Русскому заграничному синоду. – Владимирово, 1929. – С. 9.

вое расходования средств, имевшихся в ее распоряжении, изменилось. Так, в постановлении Высшего церковного управления Русской зарубежной церкви от 23 ноября (9 декабря) 1920 г., подписанном в Константинополе митрополитом Антонием, говорилось, что «Высшее Церковное Управление… снимает с Российского Посланника в Аргентине Е.Ф. Штейна все права юридического представителя Церкви в этой стране, и передает таковые права в полном объеме Настоятелю Православной Церкви в Южной Америке Протоиерею о. Константину Изразцову о том, что даются полномочия представительствовать перед аргентинскими властями и судами в качестве главы и представителя Русских Православных Церквей в Южной Америке с правом, на основании этих полномочий, покупать и продавать недвижимость, уплачивать и получать всякие деньги для церкви, принимать пожертвования и наследства в пользу Церкви и т.п.»[1].

Так, к отцу К.Г. Изразцову, с 1923 г. – протопресвитеру и Администратору Русских православных церквей в Южной Америке, фактически вновь перешло положение «неофициального российского консула», оказывавшего правовую, а также финансовую помощь прибывавшим в Аргентину православным священникам, бывшим офицерам и нижним чинам врангелевской армии[2]. При этом, по признанию капитана II ранга Б.К. Шуберта, личные отношения между Е.Ф. Штейном и отцом К.Г. Изразцовым были сложными. Лишь после того, как Е.Ф. Штейн был вынужден отказатья от церковных доходов, эти отношения улучшились[3]. Как писал в своем письме генерал-лейтенанту М.Н. Лукомскому в октябре 1926 г. Б.К. Шуберт, оба были материально обеспечены: Е.Ф. Штейн – доходами от консульской части, отец К.Г. Изразцов – доходами от церкви и церковного имущества[4].

---

[1] ГА РФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 114. Л. 17.
[2] См.: *Парчевский К.* В Парагвай и Аргентину... – С. 258.
[3] ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 92. Л. 41(об.).
[4] ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 92. Л. 41.

В другом своем письме от 8 августа 1927 г., адресованном князю Н.Л. Оболенскому, Б.К. Шуберт сообщал, как в 1920 г. по прибытии в Буэнос-Айрес из Монтевидео он первым делом явился к Штейну с просьбой о содействии. В результате тот снабдил его рекомендательными письмами и карточками к влиятельным лицам, хотя не имевшими особого успеха[1]. Б.К. Шуберт признавал также, что материальной помощи Е.Ф. Штейн не оказывал, ссылаясь на полное отсутствие каких-либо фондов у миссии. В марте 1921 г. он был приглашен в США, где встречался с Б.А. Бахметьевым, от которого получил деньги для прибывавших в Аргентину беженцев, положенные затем в банк на текущий счет сроком на год.

Эти действия бывшего посланника вызвали неоднозначную реакцию в русской колонии, и на собрании было принято решение о создании специальной комиссии по контролю за выдачей Е.Ф. Штейном пособий беженцам, против чего последний не возражал. Одновременно он устроил в аргентинской столице благотворительный концерт, давший благодаря его огромным связям блестящий сбор, что позволило вырученные таким образом деньги, не трогая счета в банке, направить на пособия беженцам[2]. Проживавший в Аргентине генерал А. В. фон Шварц вспоминал: «Несмотря на то, что русское правительство, пославшее Е.Ф. Штейна в Аргентину, уже не существовало, он все же продолжал признаваться посланником... Благодаря его большой бдительности, уму и умению ладить с людьми он был очень любим в аргентинском обществе и поддерживал с властями самые дружеские отношения. Для русской колонии он был необходим, так как всегда охотно, а подчас и очень терпеливо, шел на помощь всем, кто искал ее у него. Он продолжал исполнять должность посла до 1931 года, когда оставил ее и переселился в Соединенные Штаты. С его отъездом русская колония осталась без защитника и без какой-либо поддержки»[3].

---

[1] БФ РЗ. Ф. 2. Оп. 1. Картон № 6. Д. 67. Л. 9.
[2] БФ РЗ. Ф. 2. Оп. 1. Картон № 6. Д. 67. Л. 9-10.
[3] Цит. по: *Нечаев С.Ю.* Русские в Латинской Америке. – М., 2010. – С. 110.

Сложным оставалось также финансовое положение русского посланника в Бразилии А.И. Щербатского, руководившего по совместительству консульством в Мексике, который задолжал к тому времени 316 ф. ст. французскому консулу в г. Вальпараисо и 214,5 ф. ст. – уругвайскому министру иностранных дел[1]. В своем письме на имя министра иностранных дел С.Д. Сазонова от 19 апреля 1920 г. он писал: «… В распоряжении состоящей под моим управлением Миссии, – а также вверенного мне Консульства – не имеется никаких сумм, кроме сравнительно небольших пошлинных сборов – поэтому удовлетворять полугодовым содержанием чинов онаго не предвидится возможности… Не найдется ли возможным до наступления критического момента… сделать распоряжение о переводе мне, – через Посольство наше в Вашингтоне – причитающуюся вверенному мне Консульству на содержание и др. расходы сумм также и за остающиеся две трети текущего года»[2].

По данным А.И. Сизоненко и Н.А. Панкова, начиная с 1918 г. российскому представительству со стороны бразильского правительства оказывалась финансовая помощь в сумме до 25 тыс. мильрейсов[3]. В январе 1920 г. поверенный в делах русского посольства Г. Брандт вновь попросил о финансовой помощи, и ему был открыт кредит из фонда национальной обороны Бразилии. Миссия во главе с Г. Брандтом, обслуживавшая к тому времени правительство П.Н. Врангеля, официально просуществовала в этой стране до конца 1920 г., когда была окончательно закрыта в связи с эвакуацией белой армии из Крыма. Деятельность миссии сыграла также важную роль в том, что правительство Бразилии широко открыло двери перед белоэмигрантами из России[4].

---

[1] См.: *Будницкий О.В.* Деньги русской эмиграции. Колчаковское золото. 1918-1957… – С. 144.

[2] ГА РФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 39. Л. 1-1 (об.).

[3] См.: *Сизоненко А. И., Панков Н. А.* Наши соотечественники в Латинской Америке… – С. 19.

[4] Там же. – С. 20.

Особая роль в деле правовой защиты русских эмигрантов в Парагвае, где никогда не было никаких дипломатических миссий, принадлежала генералу И.Т. Беляеву. По его инициативе Министерством иностранных дел этой страны для компактно организованных групп русских была утверждена система группового паспорта с единой въездной аргентинской и парагвайской визами. От переселенцев при этом требовалось подтверждение диплома об образовании и «факта неучастия в Красной Армии»[1]. Созданные генералом русские колонии (всего было пять колоний и кооператив «Родина») находились в ведении и под верховным покровительством парагвайского Департамента земель и колоний. Две организации – «Русский очаг» («Ogar ruso» – *исп. яз.*) и общество «Защиты русского земледельца в Парагвае» («Pro Argricultur Ruso» – *исп. яз.*), в соответствии с правительственным декретом, были признаны юридическими лицами, что обеспечивало колонистам правовую защиту со стороны государства[2].

И.Т. Беляевым был разработан также проект закона о правах и привилегиях русских иммигрантов, принятый палатой депутатов 12 сентября 1934 г. Ст. 10 закона предоставляла созданной им организации «Защиты русского земледельца в Парагвае» право формирования русских колоний в течение десяти лет. Переселенцам гарантировались при этом свобода вероисповедания, право создания школ и других учебных заведений с обязательным преподаванием в них национального языка без ущерба для преподавания русского языка и общего преподавания по программам, принятым в национальных учебных заведениях; право страхования имущества на случай пожара и др.[3]

Таким образом, основными центрами расселения русских эмигрантов в Латинской Америке в межвоенный период являлись Аргентина, Бразилия, Уругвай, Парагвай, где укрупнение хозяйств и ориентация экономики на экспорт сельхозпродукции требовали решения проблемы дополнительной рабочей силы, в

---

[1] НИОР РГБ. Ф. 587. Картон № 1. Д. 36. Л. 1.
[2] См.: *Парчевский К.* В Парагвай и Аргентину… – С. 110.
[3] НИОР РГБ. Ф. 587. Картон № 1. Д. 36. Л. 1–2.

результате чего правительства этих стран продолжали следовать курсу поощрения иммиграции. Однако динамика численности русских эмигрантов в рассматриваемый период менялась в зависимости от характера иммиграционной политики указанных стран.

Наибольший поток русских переселенцев в Латинскую Америку приходится на 1920-е гг., когда в этом процессе принимали активное участие Верховный комиссариат по делам русских беженцев, Международное бюро труда, эмигрантские общественные и частные организации.

В 1930-е гг. численность притока русской эмиграции из Европы снижается, что было обусловлено как свертыванием финансирования этого процесса со стороны Лиги Наций, так и ограничительными мерами в иммиграционной политике самих латиноамериканских стран, когда понижалась процентная норма для въезда иностранцев, вступали в силу ограничения в праве выбора местожительства и труда, усиливалась безработица.

Правовая база иммиграционной политики латиноамериканских стран также постоянно корректировалась на протяжении всего межвоенного периода под влиянием внутренних и международных условий. Политика властей в этой области была избирательна и не всегда отвечала интересам прибывавших в страну иностранцев, тем не менее с учетом специфики новой волны переселенцев она создавала благоприятную правовую базу для процесса адаптации русской эмиграции, осложненного не только незнанием языка и спецификой климатических условий, но и совершенно иным типом социокультурной жизни, отсутствием официальных дипломатических миссий в странах проживания, хотя по мере возможностей остававшиеся здесь какое-то время российские посланники оказывали свое содействие в расселении и правовом обеспечении представителей белого движения. При этом оказываемая ими помощь не распространялась на трудовую эмиграцию, прибывшую на континент еще в дореволюционный период и отличавшуюся левыми, радикальными политическими взглядам и симпатиями к СССР.

Глава 3

ПРОБЛЕМЫ «КОЛОНИЗАЦИИ» И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ

Процесс социально-экономической адаптации различных социальных групп русской эмиграции в странах Латинской Америки имел свою специфику, обусловленную территориальными, природно-климатическими, демографическими, социально-экономическими и политическими условиями в странах расселения. Несмотря на то, что традиционно в своей иммиграционной политике латиноамериканские власти отдавали предпочтение земледельцам, делая ставку на размещение их в сельской местности, однако прибывавшие сюда белоэмигранты стремились остаться в городах, хотя попасть на службу и вообще устроиться там иностранцам было довольно трудно: местные власти не давали на этот счет никаких гарантий. При этом в Латинской Америке не было такой сильной конкуренции, которая существовала, например, в США и ряде других стран, тем не менее, как отмечал И.Ф. Лихоманов, и жалованье здесь было весьма незначительным[1]. Конкуренцию русским составляли испанцы и итальянцы, для которых не существовало языковых барьеров.

В свою очередь, от русского эмигранта требовалось знание не только испанского или португальского, но также английского или французского языков, поскольку большая часть промышленных предприятий в латиноамериканских странах находилась в руках иностранного капитала. Так, например, в Бразилии, мелкая торговля, небольшие предприятия, ремесла были сосредоточены главным образом в руках португальцев[2]. Преимущества при поступлении на государственную службу имели лица с техническим образованием, но и от них требовалось хорошее знание языка, рассчитывать на работу они могли также только после сдачи государственного экзамена по специально-

[1] БФ РЗ. Ф. 1. М-237. Оп. 1. Кн. 5. Л. 1659.
[2] Там же. Л. 1657.

сти, при этом в правительственные учреждения доступ иностранцам был закрыт[1]. Кроме того, в Бразилии иностранным специалистам и прежде всего из России был ограничен доступ на ряд государственных объектов, например, на строительство каналов для ирригации, доков и др., где эти вакансии замещались местным населением[2].

В результате большинство из эмигрантов вынуждено было браться за тяжелый и низкооплачиваемый труд. В период с 1900 по 1924 г. специалисты-иммигранты в Бразилии составляли 8,6%; низкоквалифицированные – 91,4%. Они работали в основном на строительстве железных дорог и в железнодорожных мастерских. В период сельскохозяйственных работ в стране широко использовался труд сезонных рабочих. Иммигранты из России были заняты также в крупных зерновых хозяйствах, на работах по уходу за скотом и в скотобойнях на юге страны, на плантациях сахарного тростника и вырубке диких деревьев (кебрачо) на севере Бразилии[3].

Обустройством русских эмигрантов, поселившихся в бразильской столице г. Рио-де-Жанейро, в течение двух лет непосредственно занимался направленный сюда в 1926 г. представитель Международного бюро труда П.А. Гессе. По приезде в Рио он нашел русскую колонию довольно значительной, но абсолютно не организованной[4]. Его предложение организовать общество с целью оказания помощи в обустройстве вновь приезжавшим и «быть в известной степени консультативным органом» первоначально охотно было встречено русской колонией, учредившей Русское общество. Однако через некоторое время из-за политических разногласий оно распалось, и тогда П.А. Гессе решил открыть двери собственного дома, чтобы сохранить, по его собственному выражению, какое-то «географи-

[1] БФ РЗ. Ф. 1. М-237. Оп. 1. Кн. 5. Л. 1623, 1641.
[2] Там же. Л. 1660.
[3] См.: Календарь «Русский в Аргентине». – Буэнос-Айрес, 1936. – С. 40-46.
[4] ГА РФ. Ф. Р–6127. Оп. 1. Д. 8. Л. 54 (об.).

ческое место», куда могли бы направляться вновь приезжающие и где могли бы решаться вопросы русской иммиграции[1].

Так, к середине 1920-х гг. большинство прибывших в Бразилию составляли эмигранты из Франции, которые свой приезд объясняли не столько безработицей в Европе, сколько «отсутствием перспектив на будущее». Их принимали в качестве рабочих, шоферов, механиков, хотя в прошлом многие из них принадлежали к привилегированным слоям русского общества, и потому, как отмечал П. А. Гессе, «деклассирование... в рядовые рабочие французских заводов» их не удовлетворяло и свою поездку в Бразилию многие из них связывали с мечтою вновь «инклассироваться» в обеспеченные слои общества, т.е. скоро разбогатеть»[2]. Однако сложные материальные условия, с которыми пришлось столкнуться беженцам, очень быстро их разочаровали. Спустя какое-то время многие уже мечтали о возвращении обратно во Францию, где, по их словам, физический труд не был «так утомителен, как в тропиках, где даже для рабочего существуют культурные развлечения, русские организации, русская пресса и русские книги»[3].

Иные настроения наблюдались у тех беженцев, которые приехали в Бразилию из Константинополя: после долголетней и вынужденной безработицы в Турции возможность получения заработка, хотя бы минимального, чрезвычайно их воодушевляла. По профессиональному составу это также были люди разных профессий: коммерсанты, врачи, актеры, музыканты, педагоги, квалифицированные и неквалифицированные рабочие. По свидетельству П.А. Гессе, практически все они нашли работу либо по специальности, либо в области, близкой к профессии[4]. И в этом как представитель МБТ он оказывал им личное содействие.

Благодаря соглашению, заключенному представителем Лиги Наций полковником Л. Чайльдсом в июле 1926 г. с одной

[1] ГА РФ. Ф. Р–6127. Оп. 1. Д. 8. Л. 54(об.).
[2] Там же. Л. 51.
[3] Там же. Л. 51(об.).
[4] Там же. Л. 52.

из местных компаний, русским эмигрантам предлагались места шоферов, слесарей, механиков и чернорабочих. Все, кто имел рекомендательные письма от П.А. Гессе, получал эту работу, хотя ставки были невысокими[1].

На первое место по числу иммигрантов в Бразилии вышел самый богатый штат Сан-Пауло. Русские рассматривали его как наиболее благоприятное место для проживания, так как здесь имелось большое количество фабрик и заводов с достаточно высокой оплатой труда и хороший климат: штат располагался на плоскогорье, на высоте 700 м выше уровня моря. В этой связи К. Парчевский писал: «Русские, и их довольно много, больше двух тысяч, живут в Сан-Пауло, промышленном центре Бразилии, главном городе штата того же наименования и непримиримом сопернике столицы на политическое первенство в стране»[2].

Однако первое время и здесь русские эмигранты вынуждены были браться за самую низкооплачиваемую работу, поскольку по бразильским законам именно людям интеллигентных профессий сложнее всего было устроиться по специальности. В результате многие из офицеров-врангелевцев работали плотниками, чернорабочими на стройках, но позднее, изучив португальский язык, часть из них смогла получить места в электрической, телефонной, газовой компаниях, которые в то время находились в руках англичан. Иностранные фирмы охотно принимали русских к себе на службу, убеждаясь в том, что они более серьезно относились к своим обязанностям и были более пунктуальны, чем бразильцы[3]. Всего, согласно бразильским источникам, 33% от общего числа русских с техническим образованием из состава послереволюционной эмиграции так и не смогли устроиться в Бразилии по специальности, работа 16% из них вообще никак не была связана с профессиональной подготовкой. 76% русских трудились в иностранных компаниях и на предприятиях, где оказались востребованы специальности

[1] ГА РФ. Ф. Р–6127. Оп. 1. Д. 8. Л. 53.
[2] См.: *Парчевский К.* В Парагвай и Аргентину… – С. 234.
[3] БФ РЗ. Ф. 1. Оп. 1. М-237. Кн. 5. Л. 1660.

чертежников, землемеров, межевых инженеров, строителей и др.[1] Но в целом, по воспоминаниям И.Ф. Лихоманова, среди русских оставалось много нуждающихся, особенно из числа людей зрелого возраста, и подобная ситуация сохранялась вплоть до окончания Второй мировой войны, когда в связи с проблемой перемещенных лиц появились международные организации, приступившие к оказанию существенной помощи русским беженцам и эмигрантам[2].

Особенно остро проблемы материального положения русской эмиграции проявились в период экономического кризиса начала 1930-х гг., во время которого от затяжной безработицы страдали выходцы из России. «Без представителя, без защиты, без моральной поддержки, которую имеют другие национальности, русские переселенцы, – писал в аргентинском журнале «Сеятель» автор статьи «Российская эмиграция и безработица», – самые жалкие люди. Русский человек, лишившийся работы, обречен на голодную смерть. Он не может устроиться, ибо нас причисляют к большевикам, несмотря на то, что большинство из нас не только равнодушны к этой новой системе, закрепощающей человека, но даже и враждебны»[3].

К.Н. Гулькевич, говоря о положении беженцев в период кризиса, также отмечал, что лишение эмигрантов права работать отнимало у них единственную возможность честным трудом прокормить себя и семью, тем более, что они не могли вернуться к себе на родину. «Переселение за океан в нынешних условиях, – писал он в 1933 г., – почти неосуществимо, но и оно не могло бы улучшить их положение, ибо кризис распространился на все страны»[4].

В Уругвае многие русские переселенцы по причине того, что сельское хозяйство в стране было развито слабо и не имело

---

[1] См.: *Хисамутдинов А. А.* Русские в Бразилии // Латинская Америка. – 2005. – № 9. – С. 91.
[2] Там же.
[3] Сеятель. – Буэнос-Айрес, 1933. – № 4. – С. 13.
[4] *Гулькевич К. Н.* Русская эмиграция и Лига Наций // Современные записки. – 1933. – № 53. – С. 451.

поддержки со стороны государства, также уезжали в города, где осваивали новые профессии. Подавляющее большинство эмигрантов работали здесь плотниками, столярами, арматурщиками по железобетону и имели к середине 1940-х гг. трудовой стаж в этой области 10–15 лет; часть из них работала чернорабочими на холодильных установках мясокомбинатов[1]. Здесь русские устраивались офицерами на китобойные суда[2].

Значительная русская колония в межвоенный период сложилась в Аргентине. Среди прибывших сюда в начале 1921 г. белоэмигрантов было три генерала, офицеры флота и армии, профессора и т.д. «Некоторые из офицеров, – сообщалось в «Бюллетене Земгора», – первое время грузили мешки в порту и занимались пересыпанием зерна, но и это теперь трудно получить непрофессиональному и не записанному в соответствующую «федерацию» рабочих»[3]. Русские инженеры, механики, электротехники, представители других технических специальностей с трудом могли устроиться по специальности, поскольку крупных предприятий в стране не было, а на имевшихся требовалось знание английского, французского, итальянского, бельгийского или немецкого языков[4]. Прибывавшим на континент белоэмигрантам не приходилось рассчитывать также на помощь русской колонии, поскольку православных на тот момент здесь было немного и почти все они, как отмечалось, были «поголовно рабочие, превратившиеся тоже почти поголовно в максималистов, а громаднейшее большинство (более 120 000) – евреи, проживающие в колониях и почти всюду по провинциям в городах и поселках, в качестве торговцев»[5].

Тем не менее, по словам издателя газеты «Русский в Аргентине» И. Стапрана, в конечном итоге «почти все устрои-

---

[1] АВП РФ. Ф. 0133. Оп. 15. Папка № 105 (1947/1948 гг.). Д. 10. Л. 13.
[2] ГА РФ. Ф. Р–6378. Оп. 2. Д. 3. Л. 13.
[3] Бюллетень Российского земско-городского комитета помощи беженцам. – 15 марта 1921 г. – № 2. – С. 10.
[4] См.: Совет по расселению… Вып. 1. – Константинополь, 1921. – С. 47.
[5] Бюллетень Российского земско-городского комитета помощи беженцам. – 15 марта 1921 г. – № 2. – С. 10.

лись» инженерами в казенных и частных учреждениях, конторщиками, переводчиками, банковскими служащими, некоторые занимались врачебной практикой, адвокатурой. У некоторых были собственные предприятия: в городе открывались русские парикмахерские, хлебопекарни, сапожные мастерские. «Не богато, но зажиточно», – делал вывод И. Стапран[1]. Хотя встречались среди эмигрантов и богатые владельцы, в их числе были, например, приехавшие в Аргентину еще в начале XX в. предприниматель Е.А. Рогов, имевший фабрики в Аргентине, Франции, Чили; бывший крупный киевский банкир Власов; владелец рыбного и торгового флота, «молчаливый биллионер», как назвала его «Тайм», Коптенко. Все они охотно брали к себе на работу соотечественников[2].

Свой бизнес имели эмигранты в Уругвае. В частности, семья Касторновых открыла первую в стране бензозаправку; Забелины создали первую и самую крупную автобусную компанию «Собелин», открыв первый рейс между городами Сан-Хавьер и Фрай-Бентос, столицей департамента Рио-Негро[3]. В Парагвае бывший судовладелец из Николаева поручик В. Канонников основал речную судоходную компанию, которую с 1952 г. возглавил его сын, ставший впоследствии одним из самых богатых и влиятельных граждан Парагвая[4].

В Чили многие из эмигрантов приобрели в те годы состояние на вывозе чилийского вина в Азию и Америку[5]. Русские, проживавшие в Панамской Республике, по сведениям белоэмигранта П. Гордиенко, также занимались большей частью коммерцией; некоторые из них служили в американских воинских частях по охране Панамского канала[6]. В Колумбии рус-

---

[1] *Парчевский К.* В Парагвай и Аргентину… – С. 237.

[2] См.: *Башкирова Г., Васильев Г.* Путешествие в Русскую Америку (рассказы о судьбах эмиграции). – М., 1990. – С. 197.

[3] См.: Русские в Уругвае… – С. 74.

[4] См.: *Мартынов Б. Ф.* Русский Парагвай. Повесть о генерале Беляеве, людях и событиях прошлого века. – М., 2006. – С. 169.

[5] ГА РФ. Ф. Р–6378. Оп. 2. Д. 3. Л. 13.

[6] БФ РЗ. Ф. 2. Оп. 1. Картон № 6. Д. 37. Л. 5 (об.).

ские работали в американской компании «Стандарт Ойл»[1]. Смогли удачно найти работу некоторые русские специалисты в Мексике[2].

Русские офицеры, многие из которых имели высшее техническое образование, получили возможность устроиться главным образом как специалисты, переводчики, педагоги в связи с тем, что, например, в Аргентине и Бразилии иностранцы не принимались на службу в войсках. Так, в Аргентине военный инженер, георгиевский кавалер генерал А.В. фон Шварц в течение многих лет работал профессором фортификации в Высшей военной школе и на Высших военных курсах Военной академии в Буэнос-Айресе (где одним из его учеников был будущий президент Аргентины Хуан Доминго Перон); русский генерал А.А. Бейер консультировал при лаборатории газового завода; капитан I ранга Б.К. Шуберт служил переводчиком технической литературы в Морском министерстве[3]. 15 русских офицеров, преимущественно летчиков, оказавшихся в Чили, имели прямое отношение к организации авиационного и автомобильного сообщения в этой стране[4].

В Парагвае, как следовало из докладной записки, подготовленной Колонизационным комитетом Парагвая в Международное бюро труда в 1926 г., кроме земледельцев требовались рабочие специальности – кузнецов, плотников, слесарей, механиков, строителей, а также агрономов, врачей, кооператоров в соотношении: 10 специалистов на 100 земледельцев, что создавало эмигрантам немало сложностей при трудоустройстве в городах[5]. Тем не менее благодаря генералу И.Т. Беляеву многие

---

[1] ГА РФ. Ф. Р–6378. Оп. 2. Д. 3. Л. 10.

[2] См.: *Дик Е.Н.* Русские в Мексике: эмиграция и адаптация // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. – М., 1996. – С. 165.

[3] См.: *Парчевский К.* В Парагвай и Аргентину… – Париж, 1936. – С. 239; *Шостаковский П.* Путь к правде. Воспоминания. – Минск, 1960. – С. 206.

[4] ГА РФ. Ф. Р–6378. Оп. 2. Д. 3. Л. 12.

[5] ГА РФ. Ф. Р–6343. Оп.1. Д. 92. Л. 1.

русские офицеры и военные специалисты нашли в этой стране наиболее полное применение своему опыту. В частности, генералы И.Т. Беляев и Н.Ф. Эрн служили в военном министерстве; генерал С.П. Бобровский руководил инженерным департаментом Управления путей сообщения и общественных работ. Кроме того, многие офицеры получили места в Департаменте общественных работ в качестве землемеров, топографов, инструкторов по пулеметному делу, преподавателей военного училища морских кадетов и т.д.[1] Часть русских военных эмигрантов была востребована на профессорско-преподавательской работе в Университете г. Асунсьон. Всего, по сообщению парижской газеты «Возрождение», удачно устроились в этой стране несколько сотен русских[2].

По различным данным, в годы Чакской войны 1932–1935 гг. между Парагваем и Боливией на стороне Парагвая приняли участие от 62 до 86 бывших русских офицеров-добровольцев, среди которых были начальники крупных штабов, командир дивизии; двенадцать офицеров командовали полками, другие – батальонами, ротами, батареями. Начальником штаба одной из парагвайских дивизий, затем командующим парагвайской артиллерией был капитан царской армии С.Л. Высоколян. Ему первому из иностранцев был присвоен чин генерал-лейтенанта армии. Генералом стал также полковник Н.Ф. Эрн[3].

---

[1] См.: Часовой. Париж. – 15 сентября 1936 г. – № 174. – С.14–16; *Хисамутдинов А.А.* По странам рассеяния: История российской эмиграции первой волны в Китае, странах АТР и Южной Америке в 1900–1970-е годы. В 2-х ч. Ч. 2. – Владивосток, 2000. – С. 143.

[2] См.: Возрождение. – Париж, 1927, 22 декабря. – № 933.

[3] См.: *Мартынов Б. Ф.* Парагвайский Миклухо-Маклай. Повесть о генерале Беляеве. – М., 1993. – С. 52. Особо отличились в годы войны в Чако генерал С.П. Бобровский, майор Н. Чирков, капитан I ранга В. Канонников, капитан Ю. Бутлеров (потомок выдающегося химика, академика А.М. Бутлерова) и др.

Однако значительная часть перебравшихся за океан беженцев по-прежнему нуждалась в материальной помощи, которая тем не менее не входила в круг задач Верховного комиссариата по делам русских беженцев во главе с Ф. Нансеном, поэтому она являлась заботой прежде всего русских благотворительных организаций. В частности, важную роль в процессе адаптации эмиграции в странах Латинской Америки сыграли отделения таких организаций, как Российское общество Красного Креста (старой организации) (РОКК)[1], Зарубежный союз русских военных инвалидов (ЗСРВИ) и некоторые другие. Средства РОКК, размещавшиеся еще со времен Первой мировой войны в западных странах, пополнялись из фондов финансовых органов главных военных командований белых армий, союзного командования, иностранных благотворительных и краснокрестных организаций, Лиги Наций, представителей христианских церквей[2].

Но особо важную роль в деле социальной адаптации эмиграции в Латинской Америке сыграла Русская православная церковь за рубежом, которая, как уже отмечалось, была тесным образом связана с личностью протопресвитера отца К.Г. Изразцова, прослужившего более 40 лет настоятелем русской церкви в Аргентине и одновременно навещавшего приходы в Парагвае, Уругвае, Бразилии[3].

С августа 1924 г., после прибытия на континет белой эмиграции, протопресвитер К.Г. Изразцов стал уполномоченным РОКК в Аргентине. Помимо моральной поддержки прибывавшим в страну офицерам и нижним чинам врангелевской

---

[1] После роспуска в 1918 г. советским правительством РОКК, 26 февраля 1921 г. в Париже было организовано Главное управление РОКК, объединившее уцелевшие части старой организации и признанное Международным комитетом Красного Креста.

[2] См.: *Бочарова З. С.* Роль эмигрантских общественных организаций в Германии в адаптации российского беженства (начало 1920-х гг.) … – С. 167.

[3] См.: Состояние православной церкви в Южной Америке: Доклад протопресвитера Константина Изразцова Русскому заграничному синоду. 15–28 апреля 1929. – Буэнос-Айрес, 1929. – С. 6.

армии, православным священникам оказывалась материальная помощь, для чего отец К.Г. Изразцов образовал капитал в 8 тыс. песо, из которого финансировались эмигрантские объединения и организации в начале их деятельности.

«Для новоприезжих земляков с 1920 года… мы употребляли и теперь прилагаем все усилия, – отмечал отец К.Г. Изразцов в своем докладе Русскому заграничному синоду в 1929 г. – чтобы хоть немножко утешить и помочь им и для этого использованы уже все источники и всего этого, все-таки мало, потому что люди едут и едут из Европы в Южную Америку, говоря в объяснение, что «больше некуда ехать, русских никуда не пускают»[1]. Отец К.Г. Изразцов открыл ночлежный дом для русских иммигрантов, им же было создано «Общество взаимопомощи для инженеров и техников»[2]. В период голода в России 1921–1922 гг. русской колонией также была оказана существенная помощь соотечественникам на родине. Из донесения отца К.Г. Изразцова следовало, что он лично ездил по городам с целью сбора средств. В результате в апреле 1922 г. за счет церкви было собрано и отправлено в Россию через Американскую администрацию помощи (АРА) 1291 песо, к лету 1923 г. эта сумма составляла уже 7664 песо. Кроме того, через Красный Крест в Россию направлялись одежда, мануфактура, продовольствие[3]. В общей сумме Русской православной церковью в Аргентине был организован сбор пожертвований в пользу голодающих на сумму 10 тыс. песо, тем самым, как отмечал отец К.Г. Изразцов, русские эмигранты «доказали свою солидарность с общероссийским несчастьем»[4]. Одновременно на имя Патриарха Тихона было подготовлено 40 посылок на сумму 1, 2 тыс. песо, однако из-за запрета, наложенного большевиками, помощь была от-

---

[1] Состояние Православной церкви в Южной Америке: Доклад протопресвитера Константина Изразцова Русскому заграничному синоду. 15–28 апреля 1929. – Буэнос-Айрес, 1929. – С. 7.

[2] ГА РФ. Ф. Р–6094. Оп. 1. Д. 219. Л. 5.

[3] ГА РФ. Ф. Р–6343. Оп. 1. Д. 219. Ч. 2. Л. 49-49(об).

[4] Состояние Православной церкви в Южной Америке. Доклад протопресвитера Константина Изразцова... – С. 7.

правлена в адрес 20 титулярных и викарных епископов из российских губерний, наиболее пострадавших в период голода[1].

Постепенно в белоэмигрантской среде Аргентины развернулась частная благотворительность. Например, ею занимались представительницы известных в России семей московских промышленников Боронат – С.А. Боронат и купцов Красильниковых – сестры Александра и Татьяна, которые, по воспоминаниям Г.А. Бенуа, всегда играли большую роль во всех благотворительных краснокрестовских вечерах, были организаторами балов и буфетов для русской и иностранной публики, приносивших «солидные приходы в кассу Красного Креста»[2]. Еще одно благотворительное общество «Эль Консуэло», которое оказывало поддержку многим нуждавшимся в материальной помощи эмигрантам, было создано по инициативе жены генерала А.В. фон Шварца[3].

В Бразилии благотворительной деятельностью также занималось представительство РОКК в этой стране, которое, как и в Аргентине, возглавлял священнослужитель отец Михаил (Кляровский), а после его отъезда – профессор Л.А. Иванов. Бразильский отдел РОКК выделял ссуды инвалидам, скаутским молодежным союзам; занимался попечительством бедных, устройством их на госпитальное лечение и т.д. Неимущим и нуждающимся соотечественникам Красный Крест оказывал помощь при похоронах, брал на себя обязанность ходатайства об освобождении из тюрем, розыска пропавших русских, сообщения на родину о смерти родных и т.д. РОКК выдавал безвозвратные, но в большинстве возвратные ссуды и пожертвования, чем помогал многим переселенцам справиться со сложной ситуацией адаптации в чужой стране[4].

---

[1] См.: Состояние Православной церкви в Южной Америке: Доклад протопресвитера Константина Изразцова... – С. 7-8.

[2] См.: *Бенуа Г.* Сорок три года в разлуке. Воспоминания // Простор. – Алма-Ата. – 1967. – № 12. – С. 87-88.

[3] См.: *Нечаев С. Ю.* Русские в Латинской Америке. – М., 2010. – С. 118.

[4] См.: Русская газета. – Сан-Пауло, 24 февраля 1934 г.

Активное участие в оказании помощи соотечественникам принимало латиноамериканское отделение Зарубежного союза Русских военных инвалидов (ЗСРВИ)[1]. Забота о трудоустройстве эмигрантов и защите их интересов являлась также целью деятельности различных профессиональных объединений и корпоративных организаций эмигрантов. В Аргентине это были Общество взаимопомощи для инженеров и техников, созданное по инициативе отца К.Г. Изразцова, Союз русских инженеров; в Бразилии – Русское техническо-промышленное общество, Союз дипломированных инженеров, Общество русских инженеров и техников[2]. В начале августа 1933 г. в Рио-де-Жанейро по инициативе Общества русских инженеров и приходского совета было учреждено Русское общественное собрание во главе с князем П.К. Гагариным, целью которого было «удовлетворение разнообразных потребностей колонии» и защита в случае необходимости интересов всех ее членов.[3]

В уругвайской столице г. Монтевидео при Русском национальном доме было открыто Благотворительное бюро для поиска работы эмигрантам, руководителем которого являлся А.Н. Флейшер[4]. В Парагвае представителями различных технических специальностей были созданы Общество взаимопомощи[5], Союз русских техников (Техническое общество) во главе с генерал-майором, выпускником Николаевской инженерной академии С.П. Бобровским. Супруги Бобровские также лично

---

[1] См.: *Окороков А.В.* Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации. 1920-1990 гг. – М., 2003. – С. 122.

[2] См.: Русский в Аргентине. – Буэнос-Айрес, 22 июля 1939 г.

[3] См.: Русский настольный календарь на 1931 год. – Сан-Пауло, 1931. – С. 41.

[4] См.: Время. Буэнос-Айрес. 18 февраля 1939 г. // ГА РФ. Ф. 6784. Оп. 1. Д. 162. Л. 3.

[5] См.: Часовой. – Париж. – 1932. – № 71. – С. 31; *Монастырева Г.Г.* Русский Парагвай // Русская история. – 2010. – № 3-4 (11-12). – С. 86-87. Членами общества были инженеры Б. Маковский, Г. Шмагайлов, А. Пятницкий, Е. Авраменко, В. Сахаров, А. Каширский, А. Богомолец, Б. Воробьев, И. Башмаков, сформировавшие впоследствии Национальный департамент общественных работ.

помогали эмигрантам, принимали их у себя дома, кормили. С.П. Бобровский, кроме того, оказывал содействие в устройстве на работу прибывшим в страну военным. Благодаря ему были трудоустроены 53 русских инженера[1].

С переездом в Латинскую Америку эмигранты оказались в совершенно иной не только географической и климатической, но и социокультурной среде, в соответствии с которой выстраивалась система их связей и отношений в пространстве повседневности. Жизнь огромного большинства русских, трудившихся в качестве простых рабочих в латиноамериканских городах, была достаточно однообразна и «не выходила за пределы фабрики, завода, квартиры, задымленного кафе с биллиардами, картами и пьяной таберны»[2]. Журналист К. Парчевский, проехавший в начале 1930-х гг. по ряду латиноамериканских стран, охарактеризовал быт русских эмигрантов как «старый русский провинциальный с неизбежной ссорой Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем»[3].

В ходе адаптации, личных контактов и наблюдений происходило знакомство русских переселенцев со странами рассеяния, выявление неких общих черт и особенностей образа жизни народов латинской Америки. На этом фоне происходила самокоррекция поведения эмигрантов в соответствии с нормами, типичными для данного общества, вырабатывалось чувство ответственности за потомство и членов семьи.

При этом условия адаптации русской эмиграции в сельской местности заметно отличались от городских. Переселенцы, избравшие латиноамериканскую сельву местом своего проживания, а сельскохозяйственный труд средством существования, вынуждены были отказаться от ставшего уже привычным городского образа жизни и перейти к повседневной трудовой деятельности на земле, где жаркий климат, различного рода

---

[1] См.: *Лушев Е.* Русское рассеяние. Аргентина: Очерки. – Калининград, 2007. – С. 38-39.

[2] Голос труда. – Буэнос-Айрес, 5 января 1924 г.

[3] *Парчевский К.* В Парагвай и Аргентину: Очерки по истории Южной Америки. – Париж, 1936. – С. 89.

заболевания делали весьма труднопереносимым процесс акклиматизации[1]. Местная еда также оказалась для русских непривычной и бедной; она не отличалась питательностью, что особенно остро ощущали на себе дети и подростки. Для выходцев из России было удивительным, что парагвайцы, например, не знали ни масла, ни творога, ни сметаны и никто здесь этих продуктов не готовил[2]. В Латинской Америке не было также привычного для россиянина картофеля. Вместо него произрастал особый корнеплод – маниока, по вкусу похожий на картошку и заменявший местным жителям хлеб и овощи[3]. Только спустя два-три года приобретался навык работы в новых климатических условиях, вырабатывалась некая схема, следуя которой можно было без риска начать вести хозяйство и новичкам[4].

Трудовая занятость переселенцев в сельской местности была предопределена потребностями экономического развития стран региона, в результате чего уделом иммигрантов, как правило, были наиболее трудные и низкооплачиваемые работы, связанные с освоением отдаленных сельскохозяйственных районов, работой на кофейных плантациях, расчисткой лесов при прокладывании дорог. Например, в Бразилии при приеме на работу переселенцы подписывали контракт, по которому были обязаны проработать не менее шести месяцев на одном месте. В этом случае бразильские власти брали на себя расходы по размещению эмигрантов на переселенческих пунктах, питанию и перевозке их вместе с багажом внутри страны[5].

Наиболее подходящими для европейских поселений в Бразилии считались такие провинции, как Минас-Жерайс, Сан-Пауло, Рио-де-Жанейро, поскольку в них климат, хотя тропический, но мягкий, не очень жаркий и потому благоприятный для

---

[1] ГА РФ. Ф. Р–6378. Оп. 2. Д. 4. Ч. 2. Л. 87.
[2] Там же. Д. 2. Л. 21.
[3] Там же. Д. 3. Л. 14 (об.).
[4] Там же. Д. 4. Ч. 2. Л. 38-39.
[5] См.: Совет по расселению русских беженцев… Вып. 1. – Константинополь, 1921. – С. 18.

иностранцев. Еще более благоприятные условия для проживания существовали в провинциях Парана и Санта-Катарина, климат которых напоминал Грецию и Южную Италию с изредка случавшимися заморозками[1]. Однако бразильские власти предоставляли прибывшим в страну эмигрантам за долгосрочную выплату только лесные участки, которые находились вдали от центров, судоходных рек и железных дорог, и даже в этом случае для приобретения земли требовалось разрешение Департамента земледелия и колонизации[2]. Трудности адаптации в колониях, создаваемых на земле, приводили к тому, что из 100 эмигрантов, оседавших в них, 50 не выдерживали и рано или поздно покидали колонию; но кто закреплялся на землях, строили здесь свои церкви, школы, издавали газеты[3].

В Аргентине при устройстве на сельскохозяйственные работы эмигрантам рекомендовалось образовывать группы по десять семей каждая, от них требовался капитал из расчета 15 фунтов стерлингов на одного взрослого, при наличии которого переселенцу разрешалось ехать на участки[4]. По аргентинскому законодательству, переселенцы имели право на беспошлинный ввоз в страну предметов первой необходимости, мебели, инструментов для земледелия, бесплатного размещения и пребывания до пяти дней в столице, поиска и определения занятий при посредничестве Международного бюро труда, отправки на средства государства до нового местожительства[5]. Ничего больше, кроме земли, аргентинским правительством не предоставлялось. Наиболее населенными и самыми плодородными в Аргентине являлись центральные провинции: Буэнос-Айрес, Кордова и Энтре-Риос. Климат здесь, как считалось, соответствовал центру России, земля была благоприятна для

---

[1] См.: Совет по расселению русских беженцев… Вып. 1. – Константинополь, 1921. – С. 18.
[2] Там же. – С. 19.
[3] БФ РЗ. Ф. 1. М-237. Оп. 1. Кн. 3. Л. 1769 .
[4] См.: Совет по расселению русских беженцев… Вып. 1. – С. 17.
[5] Новый мир. – Буэнос-Айрес, 26 июня 1921 г.

выращивания зерновых культур, и именно эти провинции рассматривались как наиболее пригодные для образования русских колоний[1]. В середине 1920-х гг. половина из поселившихся на аргентинских землях русских эмигрантов были арендаторами[2]. В северных провинциях Аргентины русские переселенцы занимались разведением чая мате, табака, маниоки и других злаков притропического климата, в то время как южные провинции оказались более пригодны для скотоводства, главным образом овцеводства, и только в некоторых колониях развивалось земледелие и плодоводство (в частности, виноградорство). Цены на домашний скот и на рабочих животных постоянно варьировались в зависимости от количества вывозимого за границу замороженного мяса и от европейских цен на сельскохозяйственные продукты, в том числе кожу, шерсть, мясо[3].

К моменту прибытия русских послереволюционных эмигрантов здесь уже располагались основные колонии немцев, евреев, духоборов из России. В результате вскоре к старым добавились новые земледельческие колонии в аргентинских провинциях Буэнос-Айрес, аргентинском Чако, в Патагонии – бассейне р. Негро. В частности, в провинции Буэнос-Айрес была создана колония «Русо бланко», состоявшая из 500 человек бывших солдат и русских крестьян из государств-лимитрофов[4]. В связи с вовлечением в сельскохозяйственный оборот северных территорий страны новый ареал русского рассеяния, состоявший из крестьян и русских военных, возник в провинции Мисьонес с центром в Обере[5]. Важным достоянием колоний выходцев из России считалось появление при них земледельческих кооперативов, поскольку для ведения экстенсивного хо-

---

[1] См.: Совет по расселению русских беженцев… Вып. 1. – С. 16.
[2] См.: *Брунст В.* Аргентина и Бразилия как страны эмиграции. – Прага, 1925. – С. 96.
[3] Там же. – С. 43.
[4] См.: *Парчевский К.* В Парагвай и Аргентину… – Париж, 1936. – С. 236.
[5] См.: *Бутузов А.Г.* География русской диаспоры в XX веке: региональный аспект: Дис. ...канд. геогр. наук. – М., 2002. – С. 174.

зяйства требовалась покупка крупных земледельческих машин[1]. Один из них – Кооперативный союз был создан эмигрантами в аргентинской провинции Чако. Его участники, занимавшиеся оптовым сбытом сельхозпродукции, имели десятки тысяч песо месячных оборотов[2]. В 1926 г. в связи с принятием национального закона о кооперативных обществах в Аргентине была создана юридическая основа для их легального функционирования. Прибывшие из Европы украинские, белорусские и русские эмигранты были в числе первых добровольцев, которые включились в процесс создания кооперативов, прежде всего на территории провинции Мисьонес[3]. В дальнейшем в эмигрантских хозяйствах Аргентины получили развитие различные формы кооперации – производственная, потребительская, кредитная, которые служили важным фактором адаптации их членов к новым экономическим условиям и одновременно средством защиты корпоративных интересов земледельцев.

Еще одним направлением русской колонизации в рассматриваемый период стал Парагвай, где к тому времени существовали достаточно благополучные колонии старообрядцев, менонитов, которым в соответствии со специальными законами была дана полная свобода в исповедовании культа; предоставлялось освобождение от воинской службы как в мирное, так и в военное время, право открывать школы с преподаванием в них на родном языке и т.д.[4] Пропаганда среди русских послереволюционных беженцев в пользу земледельческого переселения в Парагвай, как уже отмечалось, была рассчитана прежде всего на казачество и лиц, родившихся в казачьих областях и связанных с хлебопашеством. Правительство рассматривало данный состав эмигрантов как наиболее благоприятный и потому прини-

---

[1] См.: *Брунст В.* Аргентина и Бразилия как страны миграции. – Прага, 1924. – С. 96.

[2] См.: Буэнос-Айрес–Асунсьон. – Буэнос-Айрес, 1935. – С. 56-57.

[3] См.: *Альварес К. Х.* Интеграция русскоязычных иммигрантов в аргентинское общество: национальные особенности и глобальные тенденции: Дис. … канд. полит. наук. – СПб., 2005. – С. 207-208.

[4] См.: Буэнос-Айрес – Асунсьон. – Буэнос-Айрес, 1935. – С. 30.

мало колонизацию «по признаку казачьей самобытности»[1]. Вместе с тем положение осложнялось отсутствием в стране земледельческой кооперации, неурегулированностью вопросов собственности на землю. Здесь не было, например, в отличие от Аргентины, организаций земледельческого кредита в виде семянных ссуд, поставок сельхозорудий или предоставления займов в счет будущего урожая. С этой точки зрения земледелец в Парагвае, как отмечалось, был предоставлен сам себе и ни на какую помощь рассчитывать не мог[2].

В этой ситуации именно казаки лучше других справлялись с трудностями колонизации благодаря своей организации, предприимчивости и хозяйственности. В колониях генерала И.Т. Беляева эмигранты – в большинстве бывшие офицеры, казачество и гражданские специалисты, расселились в юго-восточной части страны с наиболее плодородными землями и благоприятным климатом, получив во владение от 10 до 20 га земли на каждого[3]. Наряду с генералом И.Т. Беляевым правительство назначило генерала Н.Ф. Эрна, главу «Русского союза» (Union Rusa – *исп. яз.*), начальником колоний округа Энкарнасьон. Обострившиеся личные отношения в дальнейшем сказались и на судьбе их общего дела[4]. В начале 1930-х гг. под давлением экономического кризиса в страну по приглашению И.Т. Беляева прибыла вторая волна переселенцев из Европы[5]. По прибытии колонисты должны были положить в банк два аккредитива на сумму 650 франков, один из которых шел на обустройство, второй предназначался Обществу содействия русским земледельцам, обеспечивавшему в течение полугода снабжение колонистов продуктами питания и мануфактуры в

---

[1] *Мартынов Б. Ф.* Парагвайский Миклухо-Маклай... – С. 73.
[2] См.: Иллюстрированная Россия. – 1936. – № 8; *Парчевский К.* Русские в Парагвае. Факты и итоги. – С. 15.
[3] См.: *Пилкин А.П.* Парагвай (краткий очерк). – Париж, 1934. – С. 5.
[4] Там же. – С. 111.
[5] См.: Буэнос-Айрес– Асунсьон. – Буэнос-Айрес, 1935. – С. 28.

размере солдатского пайка[1]. Первая группа из числа прибывших переселенцев в мае 1934 г. образовала станицу им. генерала Беляева. В январе 1935 г. в районе г. Энкарнасьон была основана колония старообрядцев «Балтика», директором которой был П.П. Булыгин (известный своим участием в попытке спасения царской семьи, а затем в расследовании ее убийства), командированный сюда обществом «Русская эмиграция в Южную Америку». Еще один русский поселок Уру-Сапукай, в состав которого входили староверы и выходцы с Волыни – всего 51 двор, был образован близ парагвайского г. Пасадос[2].

Таким образом, многие русские колонии, основанные преимущественно крестьянами, пережив неизбежные невзгоды первых лет, прочно стали на ноги и достигли относительного благосостояния, тогда как хозяйства, организованные из городских элементов, как признавал М.Д. Каратеев, «почти сразу зачахли»[3]. Постепенно и дело генерала И.Т. Беляева начало испытывать значительные трудности: в колонии происходила внутренняя борьба между ним и окружением генерала Н.Ф. Эрна. Дело в том, что земля, выделенная И.Т. Беляеву в начале 1930-х гг. для очередного этапа казачьей колонизации (до 45 тыс. га), находилась в аренде, и вопрос перехода от землепользования к землевладению так и не был урегулирован при его жизни. Слабой стороной организации дела переселения, инициированного И.Т. Беляевым, его оппоненты называли также «отсутствие правильного колонизационного плана и подбор людей мало компетентных»[4]. В результате к 1935 г. произошла реорганизация русской колонизации в общеславянскую, после чего И.Т. Беляев отказался от должности официального дирек-

[1] ГА РФ. Ф. Р–6679. Оп. 1. Д. 92. Л. 17 (об.). Набор продуктов включал в себя 700 г мяса, 100 г галет, 100 г фасоли, 50 г риса, 50 г чая (матэ), по 30 г соли, свиных жиров, 40 г сахару, 30 г мыла.
[2] См.: *Каратеев М.* В Парагвай и Аргентину… – С. 233.
[3] Там же.
[4] Буэнос-Айрес – Асунсьон. – Буэнос-Айрес, 1935. – С. 28.

тора, оставив за собой пост Почетного председателя общеславянской организации «Про Агрикультуро Слав»[1].

В разные годы в Уругвае выходцами из России также были основаны многочисленные земледельческие колонии. В 1920-е гг. сюда прибыли представители русского казачества, которым были предоставлены в аренду земли и кредит на покупку домашнего скота и семян[2]. Небольшая колония русских переселенцев образовалась также в те годы в Перу. В частности, сюда переехало 200 кубанцев из Югославии под начальством генерал-майора И.Д. Павличенко, а созданная ими в начале 1930 г. колония «Перуанско-Кубанская станица» довольно быстро перешла под юрисдикцию государства[3].

Особо выделялись старообрядческие поселения, представители которых компактно и изолированно проживали в Бразилии, Аргентине, Парагвае, Чили, Уругвае, Боливии, занимаясь сельским хозяйством и сохраняя при этом свой старинный жизненный уклад[4]. В соответствии со сложившейся традицией, старообрядцы не принимали гражданства тех стран, где поселились, поэтому все, даже родившиеся в этой стране, имели только постоянный вид на жительство.

В ряде стран – Парагвае, Аргентине, Уругвае, Бразилии, Мексике также изолированно, не допуская ассимиляции с местным населением, проживали группы русских сектантов – духоборов, баптистов-евангелистов, молокан, чья хозяйственная деятельность была также построена на общинных принципах. Первые поселенцы свято хранили также обычаи предков, сами пекли хлеб, готовили русские блюда, шили русскую одежду, дома говорили лишь по-русски, стремились при этом не допус-

---

[1] См.: Возрождение. – Париж, 1 марта 1935 г.
[2] См.: Русские в Уругвае… – С. 82.
[3] См.: *Королевич П.* История переселения казаков в Республику Перу. – Новый Сад, 1930. – С. 65.
[4] См.: *Брагин М. Ю.* Уголки России на краю земли // Латинская Америка. – 2004. – № 6. – С. 52-53.

кать браков с иностранцами[1]. В частности, в Мексике по реке Гуаделупе с 1906 г. расселились около 100 семей из духовной секты молокан из Воронежской губернии. В Уругвае с 1913 г. проживали около 3 тыс. представителей религиозной секты «Новый Израиль» – выходцев с Кубани и Северного Кавказа. Возглавлял группу их духовный лидер В. Лубков. Лубковцы основали в Уругвае свой город Сан-Хавьер, они занимались овощеводством, культивировали лён, познакомили также местных жителей с подсолнечным маслом, культурами пчеловодства и мёдоварения[2]. К 1918 г., т.е. спустя пять лет после прибытия в страну, все русские иммигранты из Сан-Хавьера стали полноправными гражданами Республики Уругвай, но при этом они не переставали быть русскими (часть из них, как отмечалось выше, реэмигрировала в СССР).

В целом, различные сельскохозяйственные поселения в странах-реципиентах – русские, украинские, белорусские, польские, казачьи, старообрядческие, из-за своей изолированности с относительной легкостью на долгие годы сохраняли традиционный для них образ жизни по сравнению с теми иммигрантскими семьями, которые расселялись в городах, где население было этнически разнородным и где наряду с европейцами (итальянцами, немцами, испанцами) проживали негры, мулаты, индейцы, и потому ни одна культура здесь не смогла устоять и сохраниться в чистом виде[3]. В результате в городах иммигранты разных национальностей ассимилировались быстрее: они

---

[1] См.: Русские в Мексике / Под общ. ред. В.И. Морозова. – М., 2009. – С. 28; *Дик Е.Н.* Русские в Мексике: эмиграция и адаптация // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX вв. – М., 1996. – С. 169-170.

[2] См.: Русские в Уругвае… – С. 46-53. Сегодня население Сан-Хавьера и его окрестностей составляет более трех тысяч человек, подавляющее большинство которых русского происхождения. Всего же потомков первых русских колонистов насчитывается сегодня более десяти тысяч.

[3] См.: Этнические процессы в странах Латинской Америки. – М., 1981. – С. 300.

включались в экономическую жизнь, быстрее переходили на испанский язык. Традиционно высокий процент мужчин во всех иммигрантских группах латиноамериканских стран стимулировал смешанные браки, хотя интенсивность заключения таких браков была различной для разных этнических групп. Что касается эмигрантов-славян, то вследствие замкнутого семейного быта их браки с представителями других групп в местах компактного расселения долгое время были редкими.

Тем не менее в период массовой иммиграции количество межгрупповых браков в разных странах латиноамериканского континента увеличивалось, и они приобретали роль доминирующей модели браков. Например, к 1947 г. среди аргентинцев более 85% имели одного или обоих родителей иностранного происхождения[1]. В большинстве смешанных браков иностранцем был отец. После прекращения массового притока новых иммигрантов из Европы фактор «этничности» в выборе супруга и создания семьи стал ослабевать, больший удельный вес в самих национальных общинах приобретали новые поколения детей иммигрантов, родившихся в Латинской Америке и имевших уже тесную эмоциональную и интеллектуальную связь с ее местными традициями.

Таким образом, процесс социально-экономической адаптации русской эмиграции в разных странах Латинской Америки, включая города и сельскую местность, имел свою специфику. Легче данный процесс протекал в таких странах, как Аргентина, Бразилия, Уругвай, которые вступили в полосу индустриализации и где в условиях развивающейся промышленности российские иммигранты представляли собой важный источник формирования городского промышленного пролетариата на фоне общего сокращения земледельческой иммиграции. Так, в Аргентине доля последней постепенно понижалась с 55% в 1881–1890 гг. до 18% – к 1920 г., что усиливало урбанизационные процессы в городах. При этом, если коренные жители

[1] См.: Этнические процессы в странах Латинской Америки. – М., 1981. – С. 300.

этой страны преобладали в традиционных отраслях – сахарных, спиртовых и др., то иностранцы являлись основной рабочей силой в новых отраслях производства – строительстве железных дорог, портов, судостроении, металлообрабатывающей промышленности и др.[1]

В сложных экономических условиях выживания важную роль в деле адаптации сыграли различные организации эмигрантского сообщества, которые развернули деятельность по оказанию социальной помощи беженцам, проживавшим в городах. Подобные организации выступали и как структурообразующие механизмы, вокруг которых группировалась неорганизованная беженская масса.

Другая часть русских эмигрантов осела на латиноамериканских землях и связала свою жизнь с сельскохозяйственным производством, решая таким образом проблему благосостояния своих семей. Хотя земледельцы здесь пользовались преференциями (освобождались от уплаты налогов, получали особые правовые и некоторые социальные гарантии), тем не менее их жизнь в Бразилии, Парагвае, Уругвае, Перу была достаточно тяжелой, обусловленной как непривычными природными условиями, так и слабым развитием кооперации, дороговизной железнодорожного транспорта, зависимостью от скупщиков. К началу 1930-х гг. к этому добавился мировой земледельческий кризис с последовавшим падением цен на сельхозпродукты и ростом безработицы, что, в свою очередь, заставило власти более жестко регулировать процесс въезда на территорию своих стран иммигрантов.

[1] См.: Этнические процессы в странах Латинской Америки. – М., 1981. – С. 307.

Глава 4

«РУССКИЙ ОЧАГ» ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ: КУЛЬТУРА РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В странах русского рассеяния в 1920–1930-е гг. параллельно с процессом адаптации формировалось культурное пространство Русского мира благодаря созданию культурно-просветительных центров, театров, клубов, издательского дела и библиотек, приходов Русской православной церкви, которые сыграли важную роль в деле сохранения исторической памяти, языка, культурных традиций.

Вся эта работа, осуществлявшаяся через различные институциональные структуры (организации, издательства, библиотеки и т.д.), была призвана сохранить связь с родиной и через культуру, русское печатное слово предотвратить либо отодвинуть процесс денационализации, с которым, как отмечал профессор П.Е. Ковалевский, «с самого начала пришлось столкнуться русскому рассеянию». Но если «для подрастающего поколения проблема денационализации представлялась почти неизбежной, то ассимиляция, то есть потеря своего русского облика, русских традиций и русских качеств, казалась опасной и с ней необходимо было бороться»[1].

Особую роль в деле сохранения русской культурной традиции за рубежом в рассматриваемый период сыграло имя А.С. Пушкина, служившее своеобразной основой русской национальной идеи для покинувших отечество бывших подданных России. В эмиграции, по мнению американского исследователя Русского зарубежья М. Раева, «развился настоящий культ Пушкина, образованные русские заново открыли для себя Пушкина как действительно своего поэта, самого близкого им не только с точки зрения языка и формы, но и из-за его привер-

[1] Наша страна. – Буэнос-Айрес, 10 апреля 1998 г.

женности творческой свободе»[1]. 8 июня – день рождения А.С. Пушкина стал датой празднования «Дня русской культуры» в Русском зарубежье. По признанию его организаторов, ни разу ни одной идее в эмиграции не удавалось объединить и собрать вокруг себя такое число участников, как в День русской культуры, а имя А. С. Пушкина стало при этом символом национального культурного праздника в русском рассеянии.

«День русской культуры, – писал в 1925 г. А.А. Кизеветтер, – нужен не для пропаганды русской культуры, которая так победоносно пропагандирует сама себя. Он нужен для духовного объединения нашей эмиграции. Мы «в разсъяні сущіе», друг от друга оторванные, еще более обострили нашу разбросанность добровольным, партийным, кружковым и тому подобным разделением. И разве не способно настроить на праздничный лад одно осознание того, что при всех наших бедах за нашими плечами стоит великая русская культура – не только памятник протекших времен, но и залог неизбежности грядущего возрождения»[2].

В 1937 г. в Русском зарубежье торжественно отмечалась столетняя годовщина со дня смерти поэта. В ряде государств, в том числе и в странах в Латинской Америки, по случаю этой даты были созданы Пушкинские комитеты. Так, председателем Пушкинского комитета в Буэнос-Айресе был офицер лейб-гвардии Семеновского полка М.А. Нечаев, который занимался активной культурной деятельностью в кругах русской эмиграции, был председателем кружка «Наука и искусство»[3]. Всего в состав комитета входили 33 человека, в их числе генерал А.А. Бейер, владелец издательства «Русское книжное дело»

---

[1] *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919-1939. – М., 1994. – С. 12.

[2] День русской культуры. Отчет о праздновании Дня русской культуры за рубежом в 1925 г. – Прага, 1926. – С. 98-99.

[3] См.: *Кублицкая М. А*. Пушкин в Аргентине [Электронный ресурс] // http://xxl3.ru/kadeti/kublitskaya.htm (сайт профессора Л.Л. Лазутина). Как установила М.А. Кублицкая, в Аргентине было два Пушкинских комитета, появившиеся в результате политического раскола в русской диаспоре.

Ю.В. Макаров, И.И. Ломоть, А.С. Сосновский, В.В. Добровольский и другие[1]. Секретарем Пушкинского комитета был князь Ю.Н. Волконский. По случаю юбилейной даты газета издала «Календарь на 1937 год», в котором помещались стихи и биография А.С. Пушкина, публикации Ф.М. Достоевского, стихи М.В. Лермонтова памяти поэта[2]. Этому же был посвящен специальный выпуск еженедельника «Русский в Аргентине»[3]. В Чили организаторами празднования столетия со дня смерти А.С. Пушкина выступили проживавший в этой стране П.П. Шостаковский и чилийские писатели[4].

В предисловии к книге А.С. Пушкина «Евгений Онегин. Арап Петра Великого», опубликованной в 1943 г. в Аргентине, отмечалось: «В наши дни, когда отдаленность от родины особенно тяжела всякому русскому человеку, каждая русская книга особенно ценна. К сожалению, последнее время из-за осложнений военного времени становится все труднее и труднее получать русские книги. Между тем, с все возрастающим интересом к нашему языку и нашей культуре растет спрос и на русскую книгу не только среди русских, но и среди иностранцев, изучающих русский язык и интересующихся нашей культурой. Идя навстречу этим требованиям, мы хотели бы приложить все силы, чтобы дать читателю самые высшие образцы наших классиков, и в особенности величайшего нашего национального поэта А.С. Пушкина»[5].

С именем Пушкина была связана еще одна традиция, заложенная в свое время самим поэтом и продолжавшая существовать в Русском зарубежье вплоть до середины 1960-х гг. Речь

---

[1] См.: *Кублицкая М.А.* Русские издательства, типографии и библиотеки в Аргентине [Электронный ресурс] // http://emigrantika.ru/publications/838-bookiv (сайт «Эмигрантика. ru. Русское зарубежье»).

[2] Там же.

[3] См.: Русский в Аргентине. – Буэнос-Айрес, 13 февраля 1937 г.

[4] См.: *Ульянова О., Норамбуэна К.* Русские в Чили. – Santiago, 2009. – С. 162.

[5] См.: *Кублицкая М.А.* Русские издательства, типографии и библиотеки в Аргентине [Электронный ресурс] // emigrantika.ru/publications/838-bookiv (сайт «Эмигрантика. ru. Русское зарубежье»).

идет о праздновании бывшими выпускниками Императорского Царскосельского лицея 19 октября как дня Лицея. После 1917 г. большинство лицеистов оказалось за пределами Отечества, главным образом во Франции, где10 мая 1928 г. было зарегистрировано Объединение бывших воспитанников Императорского Александровского лицея, членами которого стали представители русских лицейских объединений Франции, Германии, США, Швейцарии и некоторых стран Латинской Америки[1]. По подсчетам Н. Н. Флиге, всего на 1 ноября 1938 г. в зарубежье было учтено 529 лицеистов в 29 странах мира, которые с целью воскресить память о национальном русском поэте создали в различных странах мира Пушкинские общества, занимавшиеся распространением среди русской молодежи произведений А.С. Пушкина, оказанием поддержки переводу его произведений на другие языки и пробуждению интереса к Пушкину в зарубежных литературных кругах[2].

Вспыхнувший интерес к русской культуре, и в первую очередь к творчеству А.С. Пушкина в зарубежье, сказался также на появлении переводов произведений поэта на испанский язык русскими переводчиками, которые переводили «с оригинала», тогда как ранние переводы Пушкина делались с английского или французского изданий поэта. Так, в 1944 г. в Аргентине на испанском языке в переводе выпускницы Сорбонны княгини О.А. Волконской (урожденной Грековой) были изданы повести Пушкина; ею были написаны также книги: «История и развитие русской поэзии» (Буэнос-Айрес, 1943 г.), «Александр Пушкин. Жизнь и творчество» (Буэнос-Айрес, 1947 г.), роман «Эмигранты» («(Los Emigrados», Буэнос-Айрес, 1948 г.). В 1945 г. вышел сборник прозы А.С. Пушкина под названием «Гробов-

[1] См.: Исторический очерк Императорского Александровского (бывшего Царскосельского) лицея. – Париж, 1937. – С. 7. В частности, в Аргентине проживали выпускники Императорского Александровского Лицея С.П. Ермолаев (LV выпуск), после войны – С.А. Заботкин (LXXIII выпуск, 1917).

[2] См.: Архив Императорского Александровского лицея, временно хранящийся в Королевском военном музее в Брюсселе. – Tallin, 1937. – С. 10-12.

щик» в переводе А. Урванцовой, М. Быковой и Педро де Олазабаль. Известным автором переводов произведений великого русского поэта на испанский язык была также редактор газеты «Русский в Аргентине» Г.И. Толмачева. В частности, в 1958 г. была издана книга «A1ejandro Pushkin. Teatro completo», в которую вошли произведения А.С. Пушкина в переводе Г.И. Толмачевой и Ф. Лоренцо[1].

Оценивая значение наследия поэта для эмиграции, один из авторов писал так: «Теперь, потеряв родину и начиная забывать ее историю и географию, замечаешь, что Пушкин даст нам о них так много, как никто из других писателей. Поэтому надо не только чествовать Пушкина, но и изучать»[2]. При этом, как отмечает отечественный исследователь М.Д. Филин, прослеживалась тенденция, позволяющая, хотя и условно, разделить Пушкиниану зарубежной России на два этапа. В первый, межвоенный период, в прессе и, очевидно, в читательской аудитории почти всецело властвовала идеология, дух коллективизма, властвовал «наш Пушкин». Позднее, после окончания Второй мировой войны, «в эпоху идеологической усталости эмиграции и естественного отмирания эмигрантской соборности, возобладала идея личного выживания и спасения в Пушкине, т.е. произошел переход от гражданина к человеку»[3].

Особое место в деле сохранения культуры и национальных традиций занимала система образования и воспитания в странах, где проживали эмигранты. В Латинской Америки, где в отличие от Европы не существовало широкой сети русских школ или гимназий, важную роль играла внешкольная организационная и культурно-просветительная работа среди молодого поколения. Обсуждая проблему «Молодежь и народное образование», представители эмигрантских кругов российского офицерства, объединенных в рамках военно-политической органи-

---

[1] См.: *Кублицкая М.А*. Пушкин в Аргентине // http://xxl3.ru/kadeti/kublitskaya.htm (сайт профессора Л.Л. Лазутина).

[2] Рассвет. – Нью-Йорк, 11 февраля 1937 г.

[3] См.: *Филин М.Д.* Зарубежная Россия и Пушкин. Опыт изучения. Материалы для библиографии (1918–1940). Иконография. – М., 2004. – С. 34.

зации РОВС, основную ставку делали на военно-патриотическое воспитание подрастающего поколения. Как признавали сами эмигранты, «воспитание крепких, мудрых, радостных, поколений родного народа» было одним из самых насущных вопросов в изгнании[1].

В этих условиях на помощь приходили различные национальные эмигрантские организации для молодежи (скаутские, сокольские, разведчиков, витязей и др.), которые уже своей атмосферой заражали детей любовью к родине, возлагая на молодое поколение задачу «воскрешать русскую душу и русскую мысль, врачевать раны родной страны, восстановить гражданский порядок растерзанной России»[2]. В частности, в Аргентине и Бразилии существовали отделения организаций витязей, разведчиков, скаутов[3]. Задача воспитания у молодежи чувства любви и преданности своему Отечеству осуществлялась здесь через ознакомление с историей и географией России, ее культурой, подвигами народа, т.д.

Деятельность подобных организаций была направлена также на подготовку русской молодежи к самостоятельной жизненной борьбе через всестороннее физическое воспитание, выносливость, трудолюбие, чувство взаимовыручки и т.д. В частности, общество «Русский сокол», созданное в 1929 г. в Аргентине (руководитель – В.В. Зуев), представляло собой военно-спортивное объединение, которое вело просветительскую работу, организовывало стрелковую и военную подготовку. Полученные молодежью знания и навыки проверялись на практике в соответствии с уставами Русской императорской армии в специально устроенных лагерях. Программа духовного воспитания молодежи включала в себя изучение молитв, собеседования на «национально-сокольские темы», а также занятия по русскому языку, русской литературе, географии и др. Всего к началу Второй мировой войны в Русском зарубежье действова-

[1] ГА РФ. Ф. 6083. Оп. 1. Д. 10. Л.4.
[2] Там же.
[3] См.: *Окороков А.В.* Молодежные организации русской эмиграции (1920–1945 гг.). – М., 2000. – С. 10.

ло 75 русских сокольских организаций, военно-спортивных объединений, в рядах которых было 5700 человек[1].

Еще одно молодежное объединение – Национальная организация витязей, которая конституировалась к 1934 г. и отделения которой вскоре появились и в Латинской Америке, также воспитывала молодежь под лозунгом «За Русь, за Веру», прививая «сознательное чувство любви и преданности своему Отечеству»[2].

Но основная культурно-просветительная и благотворительная работа с русскими эмигрантами шла через различные общественные организации и церковные приходы, которые оказывали культурную помощь эмигрантам из России в налаживании учебно-образовательной и просветительной деятельности, сохранении духовности. В числе первых из поставивших задачу проведения культурно-просветительной деятельности в русской эмигрантской среде латиноамериканских стран была Федерация русских рабочих организаций в Южной Америке (ФРРОЮА), созданная в 1918 г. и работавшая в этом направлении по методике Н.А. Рубакина, который находился в переписке с руководством Федерации, присылал для распространения среди рабочих сотни экземпляров своих книг, различных пособий по самообразованию. Редактор и издатель Н.А. Чоловский так вспоминал об этом времени: «Вокруг Федерации группировалось множество различных культурно-просветительных организаций, библиотек, любительских кружков, хор, балалаечный оркестр... Особенно важно было то, что Федерация организовала на свои средства четыре школы для русских детей <...> Расходы по содержанию этих школ (аренда помещений, плата персоналу и пр.) оплачивала Федерация»[3].

---

[1] См.: *Окороков А.В.* Молодежные организации русской эмиграции (1920–1945 гг.). – М., 2000. – С. 9.

[2] Там же. – С. 55.

[3] См.: *Кублицкая М.А.* Русские издательства, типографии и библиотеки в Аргентине. [Электронный ресурс] // http://emigrantika.ru/publications/838-bookiv (сайт «Эмигрантика. ru. Русское зарубежье»).

Белая эмиграция создала свои центры культурной жизни в разных странах Латинской Америки. Ее представители видели свою задачу в сохранении национальных традиций дореволюционной России внутри диаспоры, а также поддержании межкультурного диалога с принимающей стороной. Так, прибывший в 1924 г. в Парагвай генерал И.Т. Беляев поставил задачу найти «уголок, где бы все святое, что создавала вечная и святая Русь, могло сохраниться, как в ковчеге во время потопа, до лучших времен»[1]. Приглашая в страну своих соотечественников из Европы, он пытался осуществить идею «патриотической иммиграции» – создания в этой отдаленной точке земного шара «Русского очага» («Огар русо» – *исп. яз.*) с целью сохранения религии, культуры, национального духа. 6 февраля 1932 г. в Асунсьоне открылось также культурное общество «Русская библиотека». При Комитете русских женщин супруга князя Я.К. Туманова княжна Н. Туманова основала Школу лирического пения, откуда вышли первые профессиональные парагвайские певцы[2].

В Аргентине важную культурную работу проводил выпускник Михайловского артиллерийского училища генерал А.А. Бейер, основавший в Буэнос-Айресе кружок «Наука и техника», переименованный позднее в кружок «Наука и искусство»[3]. Прибывший в середине 1920-х гг. из Парижа царский дипломат князь П.И. Кугушев стал одним из организаторов русской кинематографической студии в аргентинской столице, а также «Русского кабаре» и вечеров «Русского очага». По данным Н. Берберовой, Кугушев был видным масоном, в силу чего в эмиграции недоброжелатели обвиняли князя в его «антинациональности»[4]. В 1933 г. С.С. Кишкиным был основан Русский драматический кружок в Буэнос-Айресе.

---

[1] Цит. по: *Мартынов Б.Ф.* Русский Парагвай. Повесть о генерале Беляеве, людях и событиях прошлого века. – М., 2006. – С. 103.

[2] См.: *Монастырева Г.Г.* Русский Парагвай // Русская история. – 2010. – № 3-4 (11-12). – С. 87.

[3] См.: Русский в Аргентине. – Буэнос-Айрес, 22 июля 1939 г.

[4] БФ РЗ. Ф. 2. Оп. 1. Картон № 6. Д. 67. Л. 11(об), 13–13(об.). Кугушев Петр Иванович (1871 – ?) – князь, царский дипломат, один из основате-

В Бразилии в 1927 г. по инициативе РОВС было создано Общество друзей русской культуры во главе с инженером А.В. Подановским, которое занималось организацией курсов по черчению, геодезии, математике и языкам, что должно было помочь людям при устройстве на работу. В 1928 г. в г. Сан-Пауло было основано Русское общественное собрание, занимавшееся организацией балов, концертов, поэтических вечеров и др.[1] Свой вклад в дело пропаганды русской культуры в эмигрантской среде Бразилии внесла также Студия сценического искусства, основанная в 1929 г. супружеской парой – Ю.Б. Кашиным и Е.Н. Кузнецовой[2].

В Уругвае белая эмиграция объединилась вокруг «Русского дома», при котором были оборудованы сцена, кинотеатр, читальни[3]. Особое стремление сохранить самобытность и традиции было свойственно казачеству, которые наряду с участием в деятельности «Русского дома» создали свой клуб «Казачий центр», членами которого были представители кубанского, донского, терского казачества, несколько уральцев, представлявшие при этом широкий спектр политических взглядов от «державников» до «самостийников». Донской казак К. Жиров стал известным театральным декоратором, много лет проработавшим в главном театре Уругвая – «Солис»[4]. В 1927 г. русскими, белорусами и украинцами – представителями трудовой эмиграции в Монтевидео был создан Культурный центр имени Т. Шевченко (с 1944 г. – имени М. Горького), который тесно сотрудничал с советским посольством в этой стране и поддерживал постоянные контакты с ВОКСом, получая по его линии книги, учебники, кинофильмы и т.д.

лей ложи «Астрея» в 1922 г. и Второй Страж в ложе «Северное Сияние» (1924). По сведениям Н. Берберовой, А.И. Щербацкий являлся главой русской миссии масонов в Бразилии, Уругвае, Парагвае и Чили.

[1] См.: Часовой. – Париж, 1929. – № 13. – С. 30.

[2] См.: *Хисамутдинов А.А.* Русские в Бразилии // Латинская Америка. – 2005. – № 9. – С. 92.

[3] См.: Русские в Уругвае… – С. 71.

[4] Там же. – С. 72-74.

Важную роль в деле сохранения национальной культуры, религиозных традиций и духовных ценностей играла Русская православная церковь за рубежом. Ее культурное влияние в эмиграции проявилось в различных сферах – образовании, литературе, музыке, живописи, архитектуре, реставрационном деле[1]. Русские приходы и церковные общины за рубежом помогали изгнанникам поддерживать друг с другом контакты, сохраняя культурную общность, православную веру.

После окончания гражданской войны русские эмигранты оказались на канонических территориях других поместных церквей. Ситуацию усугубил раскол Русской православной церкви на несколько ветвей и юрисдикций, образовавшихся за рубежом, в их числе были Русская православная церковь за границей (Карловацкая церковь), Американская православная церковь, Западно-Европейский экзархат (архиепископия) Константинопольского патриарха и православные церкви в ряде стран Европы и Азии[2]. На латиноамериканском континенте также образовались православные общины трех самостоятельных национальных юрисдикций: наряду с русской (Карловацкого толка), были сирийская (глава – Антиохийский патриарх) и греческая (глава – Греческий патриарх). В странах Южной Америки, как, впрочем, и в США, отмечалось в тот период наибольшее влияние Антиохийского патриарха. В его подчинении только в Мексике, например, находилось до 8 тыс. православных, в Бразилии было около 500 верующих этого направления[3].

Отец К.Г. Изразцов в письме сыну Константину в Париж от 4 сентября 1918 г. сообщал, что он находился в постоянных разъездах, посещая православных в разных провинциях, в том

---

[1] См.: *Урядова А.В.* Русская православная церковь за рубежом и ее значение для эмиграции, Европы и России // Проблемы истории Русского зарубежья: в материалах и исследованиях. Вып 2. – М., 2008. – С. 16.

[2] См.: *Попов А. В.* Канонические и церковно-православные основы существования Русской православной церкви за границей и других российских православных юрисдикций за рубежом // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. – СПб., 2006. – С. 301.

[3] ГА РФ. Ф. Р–6991. Оп.1. Д. 1954. Л. 2–3.

числе в провинции Энтре Риос, где проживали русские из Галиции и Буковины. При этом отец К.Г. Изразцов с сожалением признавал, сколь трудно было тогда подыскать священника, подготовленного «для служения за границей»[1].

Положение спасало то, что, в частности, у Русской православной церкви в Аргентине еще с дореволюционного времени наиболее тесное сотрудничество установилось с Сирийской православной церковью, чье духовенство, а также и миряне всегда были довольно благожелательно настроены по отношению к русским, предоставляли им здания для богослужений, сами проводили службы в отсутствие священников. По словам отца К.Г. Изразцова, сирийцы всегда «относились к России с большими симпатиями» и на тот момент не менее истинно русских людей были опечалены происходившими там событиями[2].

В 1923 г., когда Сирийская и Греческая церкви как самостоятельные выделились из состава Русской православной церкви за рубежом, финансовое положение русского прихода в Буэнос-Айресе значительно ухудшилось, поскольку поступления для него шли больше от православных иностранцев, чем от собственно русских, не имевших достаточных средств для его содержания[3]. 27 августа 1923 г. отец К.Г. Изразцов был назначен в сан протопресвитера, а в июле 1926 г. решением Синода Русской православной церкви за границей он становится Управляющим приходами во всей Южной Америке[4]. Эту миссию отец К.Г. Изразцов выполнял до 1934 г., когда сюда для обслуживания всех стран Южной Америки, кроме Аргентины, с титулом епископа Сан-Паульского и всей Бразилии был назначен первый епископ владыка Феодосий (Самойлович)[5].

---

[1] См.: Русский архив Университета г. Лидс (Великобритания). MS.780. P K G Izraztsov (4, 1918) < P. 172-175>

[2] Там же.

[3] ГА РФ. Ф. Р–6991. Оп. 1. Д. 1954. Л. 3.

[4] ГА РФ. Ф. Р–6343. Оп.1. Д. 365. Л. 51(об.).

[5] Юбилейный сборник. Ко дню 25-летия служения в архиерейском сане Высокопреосвященнейшего Феодосия, Архиепископа Сан-Паульского и всея Бразилии (1930–1955 гг.). – Сан-Паулу, 1956. – С. 9. В 1918 г. отец

В самой Аргентине вопросами взаимоотношения с некатолическими организациями ведало Министерство иностранных дел и культа, в составе которого действовал отдел Некатолических церквей. В соответствии с аргентинским Гражданским кодексом (ст. 35 §4) только Римско-Католическая апостольская церковь обладала в этой стране правом «юридического лица». Всякая другая религиозная организация могла получить подобный статус, доказав, что «ее целью является общее благо, что она обладает имущественной автономией и юридической способностью приобретать имущество»[1]. Кроме того, важно было дать точный титул духовного лица данной религиозной организации. В частности, аргентинцы называли Епархиального архиерея Русской православной церкви как «Obispo Ortodoxo *en la Argentina*», что в переводе с испанского языка означало – Епархиальный архиерей Русской православной церкви *в Аргентине*, и неприемлемым для местных католических кругов считалось использование титула Obispo *de la* Argentina, т.е. *«Епископа Аргентинского*». Требовалось также уточнение текста ектении и провозглашения многоя лета, когда молились о Родине и об Аргентине. В результате ектения была составлена следующим образом «О стране сей Аргентинской, президенте, воинстве и народе ея, и о стране нашей Российской, правительстве, воинстве и народах ея»[2].

Феодосий служил в Севастополе в сане архимандрита и наместника древнего Херсонийского монастыря – в том месте, где в свое время принял крещение Святой Равноапостольный Великий князь Владимир. В 1920 г., после поражения белых армий, отец Феодосий покинул родину, разделив тяжелую судьбу изгнанника со многими архипастырями, пастырями и сотнями тысяч православных людей. Он поселился в Югославии, приняв в управление одну из обителей. В 1930 г. Архиерейским собором был избран на вновь открытую архиерейскую кафедру в г. Детройте. 28 декабря того же года в Белграде был рукоположен в сан епископа. В январе 1935 г. владыка Феодосий прибыл в Бразилию.

[1] ГА РФ. Ф. Р–6343. Оп .1. Д. Д. 592. Л. 25.

[2] Там же.

Епархии Русской православной церкви за рубежом, образовавшиеся после 1920 г. в странах Латинской Америки, регистрировались здесь как русские православные общества, что предполагало наличие у них собственного устава, утверждавшегося местными властями и одновременно Архиерейским Синодом. Так, 26 июля 1926 г. декретом президента Аргентинской Республики была учреждена «Русская православная община в Аргентине», получившая права юридического лица[1]. С этого момента собственность Общины – церковные постройки, капитал, охранялись Конституцией и аргентинскими законами и не могли в случае установления дипломатических отношений с СССР перейти под юрисдикцию последнего.

С 1926 г., когда православные приходы, расположенные в странах Латинской Америки, перешли в подчинение Архиерейскому Синоду Русской православной церкви за границей, для большинства православных, переселившихся за океан, высшей канонической церковной властью являлся бывший митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий), проживавший в г. Сремски Карловицы (Югославия). Те русские в Латинской Америке, которые были с этим не согласны, стали посещать храмы Константинопольского и Антиохийского патриархатов[2].

С прибытием на континент послереволюционной эмигрантской волны возникла необходимость в устройстве новых православных приходов в разных странах. При содействии отца К.Г. Изразцова, осуществлявшего в эти годы важную миссионерскую деятельность на континенте, были созданы новые приходы и построены русские православные храмы в Аргентине, Бразилии, Парагвае, Уругвае. Так, в Буэнос-Айресе, в 1930-е гг. кроме главного храма были созданы несколько приходов, вошедших в Большой Буэнос-Айресский кафедральный собор в северной части города: церковь в районе Кильмес – зоне проживания русских казаков, украинцев, поляков, литовцев; церковь в Темперлей; церковь Всех святых земли русской в Касе-

[1] ГА РФ. Ф. Р–6343. Оп .1. Д. 219. Л. 162-167.
[2] См.: Последние новости. – Париж, 1 июня 1922 г.

ларе и церковь преп. Сергия Радонежского в Вилья-Бальестерс. При приходах были созданы школы, библиотеки, издательства, дома для престарелых[1]. Именно церковь занималась здесь организацией начальной школы, в которой преподавали сами прихожане и где одним из обязательных предметов оставался Закон Божий. Так, прибывших из Европы детей русских беженцев при храме во имя Святой Троицы в Буэнос-Айресе безвозмездно обучали Н.Д. Ридигер, А.Г. Ракитина, Е.М. Григорьева, М.В. Лорец-Эблин, М.С. Адыров и др.[2]

В Парагвае, благодаря генералу И.Т. Беляеву и на средства, отпущенные отцом К.Г. Изразцовым, были выстроены в старо-покровском стиле храм Покрова Пресвятой Богородицы в г. Асунсьон (архитектор – инженер Г.Л. Шмагайлов) и храм Святого Михаила Архангела в колонии Уру-Сапукай, в которой жили 60 русских православных семей с Волыни[3]. При храме была открыта школа для детей, в которую отец К.Г. Изразцов направил буквари и книги Закона Божия.

В столице Уругвая, г. Монтевидео, также на средства, выделенные отцом К.Г. Изразцовым, был куплен участок земли, на котором по инициативе созданного здесь церковного Комитета прихожане устроили в дальнейшем небольшую церковь, при которой существовал хор, был устроен «Христов Садик» для детей и проведения курсов испанского языка для новоприезжающих взрослых с целью одновременно привлечь их к церкви[4].

В Бразилии к началу 1920-х гг. самой большой являлась русская православная колония в г. Сан-Пауло. Сюда из Эстонии был выписан русский священник М. Кляровский, благодаря ко-

---

[1] См.: *Архимандрит Августин (Никитин*). Русский храм в Буэнос-Айресе. К столетию со времени освящения // Посев. – 2001. – № 10. – С. 34-35.

[2] ГА РФ. Ф. Р–6343. Оп. 1. Д. 224. Л. 71.

[3] См.: Календарь газеты «Русский в Аргентине». – Буэнос-Айрес, 1936. – С. 35.

[4] Состояние Православной церкви в Южной Америке: Доклад протопресвитера Константина Изразцова Русскому Заграничному Синоду. – Владимирово, 1929. – С. 14.

торому здесь были открыты первая церковь во имя Святого Николая Чудотворца, бюро труда, начальная школа, которую посещали главным образом дети бедняцких слоев бессарабцев с окраин. Важное участие в становлении русского прихода в Сан-Пауло принял сирийский священник и псаломщик доктор Жазар Снеж, в прошлом – выпускник Московского университета, который вел обучение в школе, одновременно был учителем пения и руководителем церковного хора[1]. При церкви работала библиотека, созданная отцом М. Кляровским, который с сожалением признавал, что в русской колонии «интерес к приходской жизни был незначителен», большинство из эмигрантов оказались «равнодушны или даже враждебны к вопросам религии»[2]. Кроме того, среди простых сограждан, особенно бессарабцев и галичан, были распространены сектантские учения; здесь проживали также русские староверы, поэтому священникам предстояло приложить немало усилий для создания православного ядра русской колонии. В 1930 г. по инициативе отца К.Г. Изразцова небольшой русский православный приход был организован в г. Рио-де-Жанейро и первоначально он также располагался в Сирийской православной церкви[3]. В 1937 г. архитектором В. Н. Сахаровым здесь была построена церковь святой мученицы Зинаиды[4].

При этом православные приходы в разных странах постоянно испытывали финансовые трудности, вследствие чего для

---

[1] ГА РФ. Ф. Р–6343. Оп. 1. Д. 224. Ч. I. Л. 50. Отец Михаил Кляровский в годы Первой мировой войны служил священником 149-го Черноморского полка действующей армии. После побега из германского плена попал в Северо-Западную армию. С 1919 г. состоял нештатным священником при Троицком соборе в г. Остров в Эстонии. Имел награды: орден Св. Владимира IV степени; по духовной должности – Крест Георгия на ленте и наперстный крест. Прослужил в Бразилии до 1930 г., после чего переехал в Парагвай.

[2] ГА РФ. Ф. Р–6343. Оп. 1. Д. 224. Ч. 1. Л. 51 (об.).

[3] Там же. Л. 2.

[4] Первоначально храм был посвящен Св. Николаю, однако после смерти жены архитектора по имени Зинаида церковь по его просьбе была переименована в ее честь.

погашения дефицита активным членам приходов приходилось устраивать ежегодные вечера с концертными программами, которые, по словам члена Епархиального Совета В.Д. Мержеевского, были яркими «праздниками русского искусства на чужбине»[1].

В октябре 1934 г. постановлением Архиерейского Синода была учреждена бразильская православная епархия, куда 5 января 1935 г. правящим епископом с титулом епископа Сан-Паульского и всея Бразилии был назначен Преосвященный отец Феодосий (Самойлович). С этого момента начинается его деятельность по устройству Русской православной епархии, в состав которой вскоре вошли еще семь новых приходов в разных городах Бразилии[2]. В 1939 г. Бразильская епархия Русской православной церкви за рубежом получила юридическое оформление, после чего был организован Епархиальный совет во главе с епископом Феодосием, который продолжил свою миссионерскую деятельность и храмоздательство в других местах обширной Бразильской епархии[3]. 6 августа 1939 г. в Сан-Пауло состоялось освещение Свято-Никольского кафедрального собора, исполненного в старопокровском стиле (автор проекта – археолог К. Трофимов, позднее принявший священный сан), при котором плодотворно работало Братство имени Св. Владимира и Сестричество во имя Покрова Пресвятой Богородицы[4].

Вместе с тем нельзя сказать, что церковная жизнь русской диаспоры была безупречной. Помимо разделения на две юрисдикции здесь существовали русские приходы, не подчинявшиеся никакой юрисдикции. Пользуясь нехваткой священников (на некоторых приходах помногу лет не совершалось богослужение), католики-униаты осуществляли среди проживавших рус-

[1] Юбилейный сборник. Ко дню 25–летнего служения в архиерейском сане Высокопреосвященнейшего Феодосия, Архиепископа Сан-Паульского и всея Бразилии (1930–1955 гг.). – Сан-Паулу, 1956. – С. 20.
[2] Там же. – С. 5-7.
[3] Там же. – С. 17.
[4] См.: Русская православная церковь за границей. Т. 2. – Нью-Йорк, 1968. – С. 1218.

ских прозелитическую миссию,' что не могло не вызывать озабоченности у местных православных священнослужителей.

Важную роль в процессе социокультурной адаптации русской эмиграции вдали от родины играла русская печать, помогавшая эмигрантам поддерживать язык и культуру как основу сохранения идентичности. В ряде стран Латинской Америки был представлен широкий спектр политической печати, включая левую коммунистическую, анархистскую, национал-патриотическую и правую радикальную прессу, имелись также популярные независимые издания.

В наибольшей степени русские периодические издания получили распространение в Аргентине. Первая русская газета «Слово» вышла в Буэнос-Айресе еще в 1904 г. В 1912 г. там же А.Я. Павловским, писателем и общественным деятелем, который в 1915–1916 гг. являлся столичным мэром, была основана еженедельная русская экономическая газета «Новый мир», выходившая вплоть до конца 1930-х гг.[1] С самого начала послереволюционной волны эмиграции из России газета «Новый мир» выражала постоянную обеспокоенность недостаточной осведомленностью отъезжавших в Аргентину соотечественников о правилах въезда в эту страну, помещала материал об ее иммиграционных возможностях, публиковала законы и официальные разъяснения к ним в надежде, что все издающиеся в Западной Европе русские газеты смогут это перепечатать[2]. До 1917 г. в Буэнос-Айресе выходила также газета «Русский голос», в которой содержались информация о России, а также сведения о жизни переселенцев в Южной Америке (чаще агитационного характера с целью привлечь как можно больше переселенцев)[3].

---

[1] См.: *Путятова Э. Г.* Российские эмигранты в Аргентине (конец XIX – начало XX в.) // Латинская Америка. – 2005. – № 7. – С. 80.

[2] См.: Новый мир. Ежедневная прогрес. общ. и экономич. газ. Изд. – А. Павловский, М. Подольский. – Буэнос-Айрес, 1922-1923 гг.

[3] См.: *Сизоненко А.И., Панков Н.А*. Наши соотечественники в Латинской Америке. – М., 2002. – С. 19.

Свои печатные издания в 1920–1930-е гг. в Аргентине имели революционные организации русской эмиграции социал-демократической и анархистской направленности. В частности, Союз российских социалистов и рабочих в Аргентине (СРСРА) издавал газету «Пролетарское слово», Русский коммунистический союз (РКС) – газету «Рабочая правда» и журнал «Документос дель прогресо», на страницах которого публиковались переведенные на испанский язык документы и материалы из Советской России. Центральными печатными изданиями Федерации российских рабочих организаций Южной Америки (ФРРОЮА), располагавшейся в Аргентине, являлись газета «Голос труда», редактором которой был М.А. Комин-Александровский, и журнал «Коммунист», выходившие с 1918 и 1920 гг. соответственно[1]. С 1923 г. с целью помочь трудящимся с «саморазвитием и самовоспитанием» начало выходить ежемесячное «Приложение» к газете «Голос труда», которая имела также собственную типографию[2]. Созданная при Федерации «Рабочая Издательская Группа» занималась изданием и распространением многотысячных экземпляров произведений русских писателей, революционных деятелей, прежде всего русских нархистов[3]. Издательская деятельность ФРРОЮА звершилась в 1930 г. после того, как в результате переворота 6 сентября 1930 г. к власти пришла группа высших военных чинов аргентинской армии во главе с генералом Хосе Феликса Урибуру и в стране на девять месяцев было введено военное положение. В связи с этим издательство «Голоса труда» было перенесено в Уругвай[4].

---

[1] См.: *Хисамутдинов А.А.* По странам рассеяния: История российской эмиграции первой волны в Китае, странах АТР и Южной Америке в 1900–1970-е годы. Ч. 2. – Владивосток, 2000. – С. 119-120. Первый номер газеты вышел 5 июня 1918 г.; в 1930 г. газета была закрыта.

[2] См.: Голос труда. Приложение. – Буэнос-Айрес, 1923. – № 1 // ГА РФ. Ф. 6784. Оп. 1. Д. 162. Л .7 (об.):8.

[3] См.: *Кублицкая М.А.* Русские издательства, типографии и библиотеки в Аргентине. [Электронный ресурс] // emigrantika.ru/publications/838-bookiv (сайт «Эмигрантика. ru. Русское зарубежье»).

[4] Там же.

Довольно многочисленными, хотя и недолговечными были издания анархических организаций русской эмиграции в Аргентине. В частности, Союз русских анархистов-коммунистов издавал свой печатный орган – журнал «Бунтарь» (1928). Группа содействия русских анархистов «Делу труда» имела газету «Анархия», выходившую с 1930 г. Группа «Вольная мысль» основала в 1932 г. печатный орган с одноименным названием[1]. В 1930 г. по инициативе ФРРОЮА был создан печатный орган анархистов-безвластников журнал «Голос из подполья», редактором которого стал Н.А. Чоловский, однако и это издание вскоре было приостановлено из-за ареста главного редактора[2].

Но именно Н.А. Чоловский сыграл важную роль не только в становлении издательской деятельности русской эмиграции в Аргентине, но и целом в деле пропаганды достижений русской культуры за рубежом. По его инициативе в 1923 г. в Буэнос-Айресе начала издаваться первая антикоммунистическая газета на испанском языке «Rusia Tragica» («Трагическая Россия» – *исп. яз.*), хотя вышло всего четыре номера тиражом 5 тыс. экземпляров[3]. В августе 1932 г. вышел первый номер издаваемого им журнала «Сеятель», который в течение ряда лет выходил нерегулярно, в 1937–1938 гг. совсем прекратил свое существование, но затем издание было возобновлено, после чего журнал выходил еще в течение 50 лет, вплоть до конца 1980-х гг. (сначала четыре раза в год, затем – ежемесячно)[4]. Н.А. Чоловский

---

[1] См.: Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы: 1917–1996. Сост. А.И. Бардеева, Э.А. Брянкина, В.П. Шумова. – М., 1999. – С. 83.

[2] См.: *Кублицкая Мария А. (*Буэнос-Айрес). Русские могилы в Аргентине. Никифор Аввакумович Чоловский // Михайлов День 1-й. Журнал исторической России. – Ямбург, 2005. – С. 186.

[3] Там же. – С. 186. Н.А. Чоловский приехал на заработки в Аргентину в 15 лет, трудился на пивоваренном заводе «Пильзен», работал в газете «Новый мир» А. Павловского, где научился наборному дел. Он также писал статьи, некоторые из которых подписывал как «Киевский Мужик».

[4] Коллекция всего комплекта журнала «Сеятель» хранится в Музее русской культуры в г. Сан-Франциско.

учредил также свое издательство «Сеятель», которое публиковало книги русских эмигрантов[1].

По воспоминаниям А. Астрау, появление журнала «Сеятель» по-разному было встречено русской эмиграцией: левые считали Чоловского белогвардейцем, белым эмигрантам он казался революционно настроенным автором, тем более, что сам редактор сочувствовал анархистам и проводил, в частности, кампанию по сбору средств для Н. Махно, голодавшего в Париже. На страницах журнала, наряду с политическими публикациями антисоветского характера, велась важная культурно-просветительная работа среди эмиграции. Часть материалов в журнале посвящалась критическому освещению политических событий в СССР, в том числе связанных с террором и голодом начала 1930-х гг. В 1939 г. Н.А. Чоловский на страницах своих изданий опубликовал известное письмо Ф. Раскольникова И. Сталину, выступил с осуждением пакта Молотова–Риббентропа. Став в результате ярым антикоммунистом, после Второй мировой войны он активно выступал против репатриации соотечественников в СССР (готовил плакаты, распространял листовки в порту среди уезжавших с призывом одуматься)[2].

Свои печатные издания, с разной степенью периодичности выходившие в странах Латинской Америки, создала белая эмиграция. Так, одной из первых газет в Аргентине, представлявших интересы антибольшевистских сил, стала газета «Свободная Россия», основанная еще в мае 1917 г. (редактор – доктор И.Л. Лейбов). После революции газета взяла на себя задачу «пропагандирования… идеи верности России своим международным обязательствам и порицания максимализма»[3].

С 1929 г. здесь начала издаваться газета «Русский в Аргентине», основателем и издателем которой был бывший офи-

---

[1] См.: *Кублицкая Мария А. (*Буэнос-Айрес). Русские могилы в Аргентине. Никифор Аввакумович Чоловский // Михайлов День 1-й. Журнал исторической России. – Ямбург, 2005. – С. 192.

[2] Там же. – С. 190-192.

[3] ГА РФ. Ф. Р-5806. Оп. 1. Д. 7. Л. 9 (об.).

цер С.И. Стапран, редактором – инженер Г.М. Киселевский[1]. Подписка на газету, тираж которой доходил до 4 тыс. экземпляров, помимо Аргентины была открыта в Уругвае, Бразилии, Парагвае, Чили[2]. В годы войны, как отмечает М.А. Кублицкая, произошла эволюция газеты «Русский в Аргентине» от «монархизма к сталинизму», т.е. «газета покраснела», в результате чего на ее первых полосах появился портрет И. Сталина. Это заставило ее редактора Г.М. Киселевского уйти со своего поста, и на его место пришла Г. И. Толмачева[3]. Ежегодно издавались также информационные «Календари газеты "Русский в Аргентине"» и книги, в том числе советских авторов, которые в годы войны должны были вдохнуть «советский патриотизм» в эмигрантские души»[4]. 22 июня 1941 г. здесь же состоялось открытие славянской типографии, в которой выходила «патриотическая» славянская печать, а в славянских киосках и книжных магазинах в те дни можно было купить газеты и журналы на русском языке: «Правда», «Известия», «Гудок», «Труд», журналы «Большевик», «Смена», «Крокодил» и другие. В годы войны было создано также «Славянское издательство» (председатель – К. Гоневский). «Таким образом, – пишет М.А. Кублицкая, – слово "славянский" в Аргентине было монополизировано советскими патриотами, а белая эмиграция в названиях союзов, издательств, периодики использовала слово "русский"»[5].

Широкое распространение в латиноамериканских странах получила в рассматриваемый период национально-патриотическая и пореволюционная печать, в том числе поступавшая сюда из Китая и США. В частности, центральным органом аргентинской секции Союза младороссов, к которому примыкали общества «Русский сокол» и «Русский очаг», стала выходившая

---

[1] См.: Русский в Аргентине. – Буэнос-Айрес, 26 августа 1939 г.
[2] См.: *Парчевский К.* В Парагвай и Аргентину... – С. 234.
[3] См.: *Кублицкая М.А.* Русские издательства, типографии и библиотеки в Аргентине [Электронный ресурс] // emigrantika.ru/publications/838-bookiv // (сайт «Эмигрантика. ru. Русское зарубежье»).
[4] Там же.
[5] Там же.

здесь с 1937 г. как орган Русского патриотического объединения «Русская газета», редактором которой был И.И. Ломоть. Газета представляла собой четырехстраничное издание, печатавшееся первоначально на машинке, затем на мимиографе и из-за финансовых трудностей выходившая с перерывом[1]. После закрытия газеты, с 1953 г. под аналогичным названием издавалась уже другая русская газета как «независимый орган Русской национальной мысли».

Свои издания в Аргентине имели русские фашисты. В 1936–1937 гг. Аргентинский отдел Всероссийской фашистской партии издавал «русскую национальную газету» «Русь», редактором-издателем которой был Д.И. Баширов. Вторым органом русских фашистов в этой стране стал «Вестник Аргентинского отдела ВФП».

В Бразилии русские газеты появляются позже, чем в Аргентине. Здесь центром издательской деятельности стал г. Сан-Пауло, где существовало несколько общественных организаций русской эмиграции, имевших свои печатные издания. Одним из инициаторов издательского дела русской эмиграции в Бразилии стал бывший офицер-врангелевец С.К. Успенский, по инициативе которого летом 1926 г. в местной газете «Фолья да Манья» был открыт раздел на русском языке. Именно в ней под названием «Пять лет» появилась первая статья, посвященная годовщине массового приезда врангелевцев в Бразилию[2]. В январе 1928 г. благодаря совместным усилиям С.К. Успенского и другого бывшего врангелевца, сторонника идей русского фашизма Н.Т. Дахова вышел первый номер еженедельной шестистраничной «Русской газеты», которая к 1933 г. стала центральным органом Бразильского сектора Всероссийской фашистской организации (ВФО), который вел «борьбу за освобождение Родины от 3 Коммунистического Интернационала». Газета имела также страницы-вкладыши: «Русский воин» (издание местного отде-

[1] См.: *Хисамутдинов А.А.* По странам рассеяния… Ч. 2. – Владивосток, 2000. – С. 121.

[2] См.: *Хисамутдинов А.А.* Русские в Бразилии // Латинская Америка. – 2005. – № 9. – С. 96.

ления кавалерии и конной артиллерии РОВС); «Союз младороссов в Южной Америке», «Борьба за церковь» (страница Православного Русского прихода Святителя Николая)[1].

После закрытия «Русской газеты» Бразильский отдел ВФО в 1936 г. стал издавать в Сан-Пауло ежедневную газету «Призыв» с передовой на португальском языке, редактором которой был полковник В.Н. Антипин. В июле 1937 г. лидер русских фашистов К. Родзаевский с чрезмерным оптимизмом писал: «Харбинский «Наш путь», парижский «Сигнал» … нью-йоркская «Россия», бразильский «Призыв» – понимают друг друга с полуслова и не сговариваясь ведут одну и ту же генеральную линию, – это значит, что единый Национальный фронт живых сил эмиграции образовался сам собой, и осталось его оформить надлежащими организационными рамками»[2].

Собственные издания в Бразилии имели также младороссы. В 1920–1930-е гг. здесь выходила, хотя и нерегулярно, их газета «Младоросское слово» (с 1938 г. – «Слово»), редактором которой был В. Рюминский. К числу изданий русской эмиграции в этой стране относились также «Родина», редактором которой был В.Ю. де Тимэ, «Ежемесячный русский журнал в Бразилии» во главе с редактором К.П. Елагиным. Свой печатный орган имели в Бразилии русские баптисты, издававшие с 1934 г. в г. Сан-Пауло журнал «Дружеское слово», редакторами которого были Г. Григорович и Г. Добелис[3].

В Уругвае одной из первых русских газет стала политическая, общественная, литературная и экономическая газета «Свободная Россия», основанная в 1919 г. Здесь издавались также, хотя и сравнительно недолго, газеты «На чужбине» (1932) и «Славянин» (1934–1935)[4].

---

[1] См.: Русская газета. – Сан-Пауло, 4 февраля 1934 г.; там же. – 24 февраля 1934 г.

[2] *Назаров М.* Миссия русской эмиграции. Т. 1. – М., 1994. – С. 263.

[3] См.: *Хисамутдинов А.А*. Русские в Бразилии // Латинская Америка. – 2005. – № 9. – С. 93.

[4] См.: *Хисамутдинов А.А.* По странам рассеяния… Ч. 2. – Владивосток, 2000. – С. 147.

Столь же важную роль в деле просвещения и сохранения культурных традиций в зарубежье играли русские библиотеки. Первые из них появились в Аргентине опять же на базе рабочих организаций. Большая русская библиотека, насчитывавшая до 10 тыс. книг, была создана в 1915 г. при Союзе русских рабочих в г. Бериссо агрономом Черемисиным и С. Слеповым. Эту библиотеку Н.А. Чоловский считал самой большой русской библиотекой в Аргентине, в которую было передано много книг из библиотеки в Лаважоле после того, как она была закрыта в 1914 г. в связи с отъездом многих эмигрантов на родину[1]. В 1919 г. в Патагонии, в аргентинской провинции Санта Крус, была создана библиотека имени Л. Толстого.

В 1920-е гг. в аргентинской столице открылась библиотека при ФРРОЮА (в которой было до 1,5 тыс. томов). Ее заведующим был Н.А. Чоловский, который принимал участие также в создании библиотек для русских рабочих в Лаважоле, Бериссо, Тажерес, Авежанеда, куда из Швейцарии присылал книги Н.А. Рубакин[2].

Большая личная библиотека в Аргентине была создана отцом К.Г. Изразцовым, которая легла в основу церковной библиотеки при храме Святой Троицы в Буэнос-Айресе. При этом, если в предреволюционное время, как отмечает М.А. Кублицкая, не было разделения на «русскую» и «украинскую» колонии, то уже с 1920-х гг. эти колонии не только существовали отдельно, но и враждовали и по этой причине русские и украинские издательства и библиотеки также существовали самостоятельно друг от друга[3].

В Бразилии, в г. Сан-Пауло, была открыта библиотека при Союзе русских воинов[4]. Здесь же свою библиотеку имело отде-

---

[1] См.: *Кублицкая М.А.* Русские издательства, типографии и библиотеки в Аргентине. [Электронный ресурс] // http://emigrantika.ru/publications/838-bookiv (сайт «Эмигрантика. ru. Русское зарубежье»)

[2] НИОР РГБ Ф.358. Ящик № 334. Д.64. 207, 24, 28.

[3] Там же.

[4] См.: Часовой. – Париж, 1929. – № 13. – С. 30.

ление Младоросской партии, которой заведовал один из ее руководителей офицер Российской императорской армии Порохин. Он выписывал русские книги из Франции и Северной Америки, и вскоре люди стали называть это собрание «Библиотекой Порохина» – единственной общедоступной библиотекой в г. Сан-Пауло[1]. В 1929 г. по инициативе г-жи Турчаниновой и ее усилиями была создана библиотека в г. Рио-да-Жанейро[2].

В Уругвае особой популярностью пользовалась обширная библиотека при «Русском доме», которая первоначально была составлена из вывезенных из России книг дореволюционных лет издания, а впоследствии постоянно пополнявшаяся эмигрантскими изданиями из Аргентины, США, стран Европы[3]. В Парагвае целью культурного общества «Русская библиотека» также стало создание «библиотеки с преобладанием книг на русском языке для пропагандирования русской литературы… русского национального искусства, проведения выставок, лекций, научных экскурсий, собраний для обмена идеями»[4].

Сохранить культурное наследие за рубежом, передать его потомкам – эта миссия полностью легла на плечи представителей русской интеллигенции, научной и художественной, которая смогла предложить принимающему их обществу свой набор профессиональных и образовательных услуг, внеся свой вклад в развитие культуры стран-реципиентов. Это, прежде всего, касалось бывших русских военных и специалистов, значительная часть из которых оказалась в Аргентине. Среди них был, как уже отмечалось, генерал А.В. фон Шварц, который после Италии и Франции продолжил работу над своими трудами в области фортификации. Всего им было опубликовано семь томов больших научных работ по проблемам организации обороны

---

[1] БФ РЗ. Ф. 1. М-237. Оп. 1. Кн. 5. Ч. 2 Л. 2291.

[2] Русский настольный календарь на 1931 год. – Сан-Пауло, 1931. – С. 40.

[3] См.: Русские в Уругвае… – 2009. – С. 71.

[4] См.: *Монастырева Г.Г.* Русский Парагвай // Русская история. – 2010. – № 3-4 (11-12). – С. 87.

страны и еще 25 отдельных исследований по различным вопросам военного искусства, напечатанных в аргентинских военных журналах[1]. С опытными и образованными морскими офицерами И.А. Гавриловым и Л.В. Быстроумовым он занимался «академической проблемой организации обороны морских границ». Целью подобных разработок, как писал А.В. фон Шварц, было «дать Аргентине такую оборонительную организацию, которая обозначила бы полную неуязвимость ее морских границ на долгое время»[2]. Одновременно А.В. фон Шварц был автором пяти изобретений (патентов) в области сооружения берегов и его усовершенствования; двух изобретений для обеспечения подводных лодок и других судов флота, четырех изобретений в области постройки дорог (в том числе путем обжига земли); ему принадлежали также изобретения искусственных камней и «способа фабрикации саранчи в удобрении» и др.[3]

В 1929 г. из Марокко в Парагвай, а затем в Аргентину переехал М. Архангельский, известный математик и геофизик-теоретик, который искал нефть в Патагонии, конструировал и сооружал нефтяные терминалы. Ему принадлежала разработка идеи подачи нефти на танкеры в условиях приливной волны. При это сам М. Архангельский так и не принял аргентинского гражданства, продолжая до конца дней своих жить с «нансеновским паспортом» беженца[4].

Полковник русской артиллерии, доктор технических наук, профессор М.М. Костевич – выпускник Михайловской артиллерийской академии в Санкт-Петербурге, проживавший с 1932 г. в Аргентине, являлся крупным специалистом в области взрывчатых веществ, был автором многих работ, которые принесли ему мировую известность. В честь 50-летия научной

---

[1] См.: *Нечаев С.Ю.* Русские в Латинской Америке. – М., 2010. – С. 111.

[2] *Шварц А.В. фон.* Жизнь, мысли, дела и встречи. Ч. V. На чужбине. Воспоминания (маш. копия с автор. правкой) // ГА РФ. Ф. Р-10027. Оп. 1. Д. 8. Л., 119, 347.

[3] Там же. Л. 378.

[4] См.: *Лушев Е.* Русское рассеяние. Аргентина. Очерки. – Калининград, 2007. – С. 25-26.

деятельности М.М. Костевич был награжден аргентинским правительством золотой медалью за выдающиеся заслуги в области химии и взрывчатых веществ[1].

В 1924 г. бывший русский моряк В.В. Добровольский возглавил группу зимовщиков для работы на аргентинской научной базе в Антарктиде, на островах Оркадас в Южной части Ледовитого океана, которая находилась там целый год, отрезанная от мира[2]. Среди ученых-ботаников, принявших участие в создании национальных парков на юге Аргентины, в зоне Барилоче, были русские инженеры-лесоводы – князь С.С. Шаховской и Д.А. Гавриленко[3].

Важный вклад в развитие теоретической и прикладной науки в Парагвае внесли проживавшие здесь русские военные специалисты, которые основали физико-математический факультет Асунсьонского университета. В их числе был его первый декан Н.Г. Кривошеин – сын профессора статики сооружений Г.Г. Кривошеина, одного из разработчиков плана ГОЭЛРО. 16 лет он проработал в Парагвайском университете, затем в качестве профессора – в университете в Аргентине, а в 1960 г. вернулся в СССР[4]. Еще один ученый-математик С.Л. Высоколян, профессор в Высшей военной академии, Высшей морской академии, возглавлял кафедры физико-математических наук и экономических наук. Он был признанным в мире ученым в области математики в связи с решением теоремы Ферма[5]. Не ос-

---

[1] См.: Информационный бюллетень Российского национального союза. – Буэнос-Айрес, № 339 (февраль 1954 г.). – С. 18.

[2] См.: Михайлов День 2-й. Журнал исторической России. – СПб., 2010. – С. 312.

[3] См.: *Андрушкевич И.* Русские в Аргентине // Электронное Кадетское письмо. Буэнос-Айрес, июнь 2010 г. – № 63 // http://xxl3.ru/kadeti/andruskiewitch.htm#kadeti

[4] См.: Голос Родины. – 1961 (февраль). – № 16. В конце 1960 г. Н.Г. Кривошеин вернулся в СССР и поселился с семьей в Казахстане, где получил должность старшего научного сотрудника лаборатории гидротехнических сооружений Института энергетики Казахской ССР.

[5] См.: *Мартынов Б.Ф.* Русский Парагвай. Повесть о генерале Беляеве, людях и событиях прошлого века. – М., 2006. – С. 144.

тался безучастным к жизни приютившей его семью страны генерал-майор С.П. Бобровский. Используя свой технический опыт, он занимался здесь строительством мостов. В Парагвае также жили и работали выходец из России, историк и публицист А. Зиферхельд, являвшийся автором книг по новейшей истории Парагвая, профессор биологии Конради, математик С. Шишпанов и др. [1]

В историю педагогики Бразилии вписано имя Е.В. Антиповой, которая была приглашена в эту страну сначала на два года для чтения лекций по экспериментальной и детской психологии в учительский (женский) институт. В письме мужу В.Я. Ирецкому, объясняя причины своего отъезда, Е.В. Антипова, наряду с научными, называла главным образом материальные основания принятия предложения. Она писала по этому поводу: «Эти два года позволят мне, во-первых, обеспечить мать мою и сестру, то, что я здесь при мизерном моем жаловании сделать не смогу. Во-вторых, дать Доне (сыну. – *М.М.*) приличное образование, особенно музыкальное, в-третьих, отложить про черный день. В-четвертых, более нечто такое неожиданное: помочь и Вам, и вот каким образом. На собранные деньги можно будет завести скромную там, в Бразилии, ферму, которая сможет статься источником некоторых доходов…»[2]. Приехав в Бразилию на время, Е.В. Антипова осталась там на всю жизнь. В должности профессора она возглавила Высшую педагогическую школу в г. Бело-Оризонте. Начиная с 1938 г. она руководила «Колонией Розарио» в г. Рио-де-Жанейро, где находились дети с неполноценным развитием, в дальнейшем стала одним из создателей Общества Песталоцци для помощи

---

[1] См.: *Гладышева Н.* Уголок России в Парагвае. [Электронный ресурс] // http://ricolor.org/rz/latin_amerika/pa/1/3 (Интернет-портал «Россия в красках»).

[2] «Энергичные, знающие интеллигенты – для них Бразилия и создана»: Из эпистолярного наследия психолога Елены Владимировны Антиповой / Предисловие, составление, подготовка текста и комментарии Н.Ю. Масоликовой // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2010. – М., 2010. – С. 374.

слаборазвитым детям и детям из беднейших слоев населения Бразилии, руководила сетью аналогичных обществ по всей стране. В 1973 г. при ее участии была создана Ассоциация поддержки особо одаренных детей в Бразилии[1].

В это же время в Бразилии работал профессор Г.В. Ватагин, специалист в области физики космических лучей, который был приглашен в эту страну с целью создания в университете г. Сан-Пауло физического факультета[2]. Наряду с факультетом, при университете Г.В. Ватагиным был создан также Институт физики космических лучей[3]. В дальнейшем именем русского ученого в Бразилии были названы Институт физики при Университете Кампинаса (г. Сан-Пауло) и специальная премия по физике[4]. В другом бразильском университетском городе Баиа

---

[1] См.: *Мартынов Б.Ф.* Русские в Бразилии // Латинская Америка. – 1995. – № 11. – С. 80. Е.В. Антипова – автор ряда научных трудов: «Умственное развитие детей в Бело-Оризонте» (1932), «Определение биопсихологического возраста ребенка» (1935), «Ментальная ортопедия» (1935), «Введение в основы профессиональной ориентации» (1940) и др.

[2] См.: *Salmeron R.A*. Gleb Wataghin // Estudos Avançados. São Paulo – 2001. Jan.–apr. – vol. 15. N. 41. [Электронный ресурс] // http://www.scielo.br/scielo.php?pid=S0103-40142001000100016&script=sci_arttext (сайт «SciELO The Scientific Electronic Library Online»). Г.В. Ватагин родился в 1899 г. в Бирзуле Херсонской губернии (ныне г. Котовск). В 1918–1919 гг. учился в Киевском университете. В 1920 г. через Крым и Грецию эмигрировал в Италию и поселился в Турине, где в 1922 г. с отличием окончил Туринский университет, получив степень по физике и по математике. С 1925 по 1933 г. преподавал физику и математику в Туринской Королевской академии и в Туринской военной школе, с 1933 г. – в Туринском университете. В 1929 г. Г.В. Ватагин получил итальянское гражданство. В 1949 г. ученый вернулся в Италию из командировки в Бразилию, где стал профессором Туринского университета. В 1950 г. был избран в Туринскую академию наук. После войны Г.В. Ватагин восстановил связи с советскими учеными, а также продолжил научные контакты с физиками Бразилии, стал членом Бразильской академии наук.

[3] www.all-fizika.com/article/index.php?id_article=623. [Электронный ресурс] (сайт «Вся ФИЗИКА. Физический энциклопедический словарь»).

[4] См.: Деловая Бразилия. Экономика и связи с Россией в 1999–2001. – М., 2002. – С. 71.

русский ученый-ботаник Г.Г. Бондарев возглавлял Институт какао. В нем также работали русские эмигранты, с которыми во время научной командировки в Латинскую Америку встречался Н.И. Вавилов[1]. Интересно, что само здание Института также было построено по проекту русского архитектора; русским художником был оформлен его фасад[2].

Значимой фигурой для чилийской науки и культуры являлся А. Липшуц, который также по приглашению прибыл в 1926 г. в Чили, где в Университете г. Консепсьон занимался исследовательской работой в области экспериментальной физиологии, в частности, половой эндокринологией и онкологией. В 1937 г. под руководством А. Липшуца в стране был создан Институт экспериментальной медицины. Он был также специалистом по проблемами социальной и культурной антропологии. Русский ученый стал первым чилийцем, удостоенным в 1969 г. за свою научную деятельность Национальной премии в области науки (в 1944 г. А. Липшуц был также удостоен премии Академии наук Нью-Йорка)[3]. В Уругвае хорошо было известно имя русского эмигранта, сына казака – Г.И. Чеботарева, автора учебника по географии, по которому многие поколения уругвайцев изучали географию страны и всемирную географию[4].

Помимо деятелей науки и образования, Русское зарубежье в странах Латинской Америки было представлено литераторами, скульпторами, художниками, музыкантами, деятелями балета, основой творчества которых в условиях эмиграции оста-

---

[1] См.: *Вавилов Н. И.* Пять континентов (Повесть о путешествиях в поиске новых растений). – М., 1962. – С. 231.

[2] ГА РФ. Ф. Р–6378. Оп. 2. Д. 3. Л.13.

[3] См.: *Ульянова О., Норамбуэна К.* Русские в Чили… – С. 172-175. После Второй мировой войны были возобновлены контакты А. Липшуца с коллегами-медиками из СССР, а также с советскими этнографами, латиноамериканистами. В 1973 г. он стал почетным доктором Института этнографии АН СССР.

[4] Там же. – С. 74. Именем Г.И. Чеботарева названы улица и школа в г. Монтевидео.

валось национальное самосознание. Русские литераторы выступали в качестве квалифицированных лекторов в зарубежных университетах, читая лекции по истории русской литературы; занимались переводческой деятельностью. В частности, в Аргентине и Чили в разные годы работал в литературных кругах русский граф офицер П.П. Шостаковский, который был членом аргентинского Общества писателей, выступал с лекциями по русской литературе в Свободном институте высших знаний этой страны[1]. В период пребывания в Чили П.П. Шостаковский читал лекции о русской литературе, перевел на испанский язык «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского. Он является также автором книг «Русская Голгофа», «Затонувший мир. Воспоминания о царской России» (написанной на испанском языке). Написанная им на испанском языке «История русской литературы» до сих пор используется в качестве университетского учебника в Чили. Супруга П.П. Шостаковского Евгения была музыкантом и профессиональной оперной певицей, преподавала в консерватории г. Сантьяго[2].

С 1927 по 1950 г. в Аргентине жил и работал скульптор С.Ф. Эрьзя (н.ф. Нефедов) – автор свыше 200 скульптур из твердых пород аргентинского дерева (кебрачо)[3]. Там же, в Буэнос-Айресе, в театрах «Колон» и «Атенео» работал театральный художник и живописец К.В. Попов – потомок донских казаков, ученик К. Коровина, участник Пушкинского комитета,

---

[1] См.: *Шостаковский П.* Путь к правде. – Минск, 1960. – С. 87.

[2] См.: *Ульянова О., Норамбуэна К.* Русские в Чили … – С. 162. За заслуги в литературе и вклад в дело распространения русской культуры в Чили именем П. Шостаковского была названа одна из улиц в районе Пуэнте-Альто в г. Сантьяго. Улицы этого района носят имена чилийских писателей XX века.

[3] См.: *Бутрова Е.* Русский скульптор Степан Эрьзя и Южная Америка // Латинская Америка. – 2010. – № 11. – С. 58-68. Среди работ скульптора – «Бетховен», «Лев Толстой», «Александр Невский», «Аргентинка», «Индеец» и др. В 1935 г. ему была присуждена Вторая муниципальная премия, в 1936 г. – специальная премия Национального салона для иностранцев, в 1942 г. – первая премия муниципалитета Буэнос-Айреса.

при жизни которого в Аргентине прошло более сорока персональных выставок[1].

Среди русских художников в Бразилии были известны имена князя П.К. Гагарина (выпускника Санкт-Петербургского университета, приехавшего в г. Сантос в 1921 г. с первой группой эмигрантов), Д.В. Измайловича, скульптора Г. Макурина. Еврейская колония выходцев из России в Парагвае дала этой стране таких крупных художников, как О. Блиндер, Б. Краснянский, художник и архитектор Б. Измахович[2]. При участии российских архитекторов была построена столица Парагвая – город Асунсьон. В Венесуэле среди русских и других европейских эмигрантов прославились художники из казаков А. Генералов и Н. Булавин[3]. Остаток жизни, с 1919 по 1925 г., в этой стране провел художник-декоратор, живописец, работавший в духе импрессионизма, архитектор Н.А. Фердинандов, который оказал заметное влияние на культурную жизнь Венесуэлы и на национальную школу живописи[4].

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Чили, Аргентине, Уругвае, Бразилии работал известный русский художник Б.Д. Григорьев. Почти три года он провел в Чили, куда на должность профессора Университета был приглашен в 1927 г. художником и музыкантом Карлосом Исамитом – деканом факультета искусств Университета, сторонником отказа от классицизма и поворота к индейскому искусству. Русский художник, выступивший как сторонник модернистского искусства, открыл здесь собственную мастерскую, откуда вышло поколение чилийских художников, известное как “поколение 1928 года”»[5].

---

[1] См.: *Кублицкая М.А*. Пушкин в Аргентине [Электронный ресурс] // http://xxl3.ru/kadeti/kublitskaya.htm (сайт профессора Л. Л. Лазутина).

[2] См.: *Гладышева Н.* Уголок России в Парагвае. [Электронный ресурс] // ricolor.org/rz/latin_amerika/pa/1/3 (интернет-портал «Россия в красках»).

[3] См.: *Денисов Н.В.* Волшебный круг: русские в Венесуэле: повествования. – Шадринск, 2010. – С. 25.

[4] См.: *Нечаев С. Ю.* Русские в Латинской Америке. – М., 2010. – С. 181-184.

[5] См.: *Ульянова О., Норамбуэна К.* Русские в Чили… – С. 178.

В своем письме искусствоведу, писателю и художнику Н. Еленеву от 8 ноября 1928 г. Б. Григорьев писал из Чили: «Здесь, например, еще не родились ни Белинский, ни Гоголь (портрет) и не один еще не родился художник. Но есть Академия. Призван почему-то я ее «реформировать». Все слова… Министры летают с месяца на месяц и я с ними теряю заказы. Очень большие суммы потерял, получив заказы для библиотеки: фрески «Visages de Chile» («Лики Чили» – *испан.*) (индейцы, конечно, аруканцы, очень интересное племя). Моя выставка тут сейчас делает большое дело, ну и деньги тоже; из-за них сюда приехал…».[1] После возвращения художника в Париж здесь в 1930 г. прошла его выставка под названием «В стране Мичималонко и Кауполикана» как результат пребывания Б. Григорьева в Чили. В 1936 г. он еще раз посетил эту страну, где в Музее изобразительного искусства Чили была организована большая персональная выставка русского художника, ставшая первой в Чили выставкой современного искусства[2].

В связи с ролью русской эмиграции в деле пропаганды отечественного искусства в странах Латинской Америки следует особо сказать также об артистах русского балета, в разные годы гастролировавших на латиноамериканском континенте, а также работавших там постоянно. Прежде всего речь идет о труппах С. Дягилева и А. Павловой. Их творческая деятельность способствовала не только укреплению славы нового русского балета за океаном, но и впоследствии возникновению здесь собственных балетных театров и школ, а благодаря наличию театральных декораций и костюмов, сопровождавших гастроли, латиноамериканская публика познакомилась также с творчеством декораторов-художников.

Первые гастроли артистов русского балета в составе Дягилевской труппы с участием с Т. Карсавиной, В. Нижинского, А. Больмонта и др. состоялись в Латинской Америке еще осенью 1913 г., во время которых в течение двух месяцев труппа

---

[1] «Россия была мне мачехой…». Письма Бориса Григорьева к Николаю Еленеву. 1926-1932 гг. // Независимая газета. – 13 сентября 1996 г.

[2] См.: *Ульянова О., Норамбуэна К.* Русские в Чили… – С. 178.

выступала на сценах театров Аргентины, Уругвая, Бразилии. Сам С. Дягилев признавал, что «успех в Южной Америке был также велик и значителен, как и везде в Европе», о чем свидетельствовали отзывы американской прессы, а также пять дополнительных спектаклей, которые труппа дала в Аргентине, и семь – в Рио-де-Жанейро[1]. Говоря о главной театральной сцене Аргентины – театре «Колон», Т. Карсавина отмечала: «Такой громадной сцены я еще не видела… В этом театре пели Шаляпин, Смирнов и все европейские знаменитости»[2].

В 1917 г. труппа С.П. Дягилева второй раз посетила с гастролями латиноамериканский континент. Последней в турне стояла Аргентина. 26 сентября 1917 г. в театре «Колон» состоялось последнее выступление В. Нижинского[3]. В конце аргентинского сезона Нижинский вместе с супругой навестил своих друзей в Монтевидео, где по просьбе французских и английских послов дал дополнительное представление для раненых солдат армии союзников, во время которого ему аккомпанировал А. Рубинштейн[4].

С 1910 г. с собственной труппой начала выступать и Анна Павлова. Первой из латиноамериканских стран, которую посетила русская балерина в конце 1914 – начале 1915 г. во время гастролей по городам Северной Америки, была Куба[5]. В 1917 г. она выступала также в Рио-де-Жанейро, Монтевидео, Буэнос-Айресе, Сантьяго, Лиме, Ла-Пасе, Кито, Каракасе, в таких странах, как Коста-Рика и Куба. При этом, как вспоминал ее муж и компаньон В. Дандре, был невероятный успех там, «где еще ни разу не ступала ножка на пуантах!»[6]. Сама А. Павлова, как пишет В. Дандре, очень полюбила этот континент. «Южноамери-

---

[1] Петербургская газета. – 30 сентября 1913 г.
[2] Петербургская газета. – 19 ноября 1913 г.
[3] См.: *Нижинская Р.* Вацлав Нижинский / Пер. с англ. Н. Кролик. – М., 2004. – С. 132.
[4] Там же. – С.133.
[5] См.: *Сизоненко А.И.* Русские открывают Латинскую Америку. – М., 1992. – С. 53.
[6] См.: *Дандре В.* Анна Павлова. Жизнь и легенд. – СПб., 2003. – С. 13.

канская публика пламенно увлекается балетом, – писал он, – и Анна Павлова была сразу признана «La reina de la danza» [королевой танца – *Авт*.], пользовалась большой любовью и спектакли всегда проходили с большим успехом»[1].

В Панаме труппу А. Павловой застало известие об окончании войны. По этому случаю на импровизированной сцене, расположенной на широкой дамбе Панамского канала, балерина дала представление в присутствии панамского бомонда, американских офицеров и нескольких тысяч солдат. Фасад импровизированного театра был украшен флагами всех национальностей, среди которых, вспоминал В. Дандре, к большому удовольствию балерины, реяли и русские флаги[2]. Очередной гастрольный тур А. Павловой по Южной Америке состоялся в 1928 г.

После революции многие артисты из трупп С. Дягилева и А. Павловой нашли применение своим творческим силам в Южной Америке и прежде всего в Аргентине, где, в частности, работали Б.Ф. Нижинская, Л.Ф. Шолар, Б.Г. Романов, Е.А. Смирнова, О. Спесивцева[3]. Говоря о степени популярности этого вида искусства в Аргентине, известная балерина Т.Ю. Лескова вспоминала: «Буэнос-Айрес был тогда маленьким Парижем!»[4]. В аргентинской столице была создана балетная школа известной балерины Т. Григорьевой.

В конце 1929 – начале 1930 г. по странам Латинской Америки состоялось большое турне труппы «Русской частной оперы», созданной в Париже в 1928 г. усилиями импресарио князя А. Церетели и полковника русской армии В.Г. Воскресенского (взявшего псевдоним В. де Базиль). Часть артистов из труппы заключили выгодные контракты с театрами Бразилии,

---

[1] *Дандре В.* Анна Павлова. Жизнь и легенд. – СПб., 2003. – С. 172.
[2] Там же. – С. 244.
[3] См.: *Бенуа Г.* Сорок три года в разлуке. Воспоминания // Простор. – Алма-Ата. – 1967. – № 12. – С. 87.
[4] *Мацан К.* Русская по сердцу. В гостях у правнучки писателя Николая Лескова. [Электронный ресурс] //ricolor.org/journal/18/intervie/3/ (Интернет-портал «Россия в красках»).

Уругвая, Аргентины, Чили, Перу. Так, на Кубе оказался один из солистов труппы Н.П. Яворский, который в 1931 г. возглавил балетную школу Общества музыкального искусства («Сосьедад Про-Арте Мусикаль», СПАМ) – первого за всю историю Кубы учебного заведения, профессионально осуществлявшего преподавание классического танца[1]. Его выдающейся ученицей была кубинская балерина Алисия Алонсо.

Когда началась Вторая мировая война и работать в Европе стало невозможно, Латинская Америка стала основной творческой площадкой для труппы Оригинального русского балета (Original Ballet Russe или просто Ballet Russe), которым с 1936 г. руководил В. де Базиль. С 1941 до сентября 1946 г. Оригинальный русский балет осуществлял свою творческую деятельность практически во всех странах Латинской Америки, причем в некоторых из них труппа гастролировала по нескольку раз[2]. Одной из участниц труппы Ballets Russes была Т.Ю. Лескова – правнучка писателя Н. Лескова, родившаяся в 1922 г. в Париже. В 1944 г. во время гастролей она осталась в г. Рио-де-Жанейро, где создала свою балетную студию, а позже стала директором балета Муниципального театра, ставила балеты в Европе, Америке, Австралии[3]. Сегодня во всем мире Т.Ю. Лескова известна как основательница бразильского балета, хотя на родине о ней почти не знают.

М.М. Российский, исследовавший историю взаимодействия художественного мира Русского зарубежья с молодой кубинской культурой, искавшей оригинальные формы творческой выразительности в первой половине XX в., показал личный вклад отдельных его представителей в развитие кубинского балета. В частности, многое сделала в ходе своих выступлений на Кубе для становления национальной балетной школы в этой

---

[1] См.: *Российский М.А.* Русское зарубежье на Кубе: Страницы истории. – М., 2002. – С. 48.

[2] Там же. – С. 50.

[3] См.: *Мацан К.* Русская по сердцу: В гостях у правнучки писателя Николая Лескова [Электронный ресурс] // ricolor.org/journal/18/intervie/3/ (Интернет-портал «Россия в красках»).

стране солистка Оригинального русского балета Н.А. Вершинина, которая с 1946 г. проживала в Бразилии и здесь ею была создана своя балетная школа. В феврале 1943 г. частную хореографическую студию на Кубе учредила А.В. Леонтьева, также выступавшая в составе Ballet Russe. Ее ученики выступали в составе камерной полупрофессиональной труппы, получившей название «Балет Анны Леонтьевой».

Русская балерина М. Оленева после нескольких сезонов в театре «Колон», переехав в Бразилию в 1920 г., организовала балетную школу при Муниципальном театре в г. Рио-де-Жанейро, а в 1940 г. – такую же школу в г. Сан-Пауло[1]. Основательницей первой школы классического балета в Парагвае – «Academia de Danzas», затем «Balet Clasico y Moderno Municipal» стала дочь генерала Н. Ф. Эрна Наталия Николаевна (Тала)[2]. Свою Школу классического танца здесь открыла также А. Войтенко. В Перу появилась балетная школа Ростова.

Таким образом, можно заключить, что ни одна другая национальная труппа не сделала так много для распространения искусства балета по всему миру и, в частности, в Латинской Америке, как Русский балет С.П. Дягилева, труппа А.П. Павловой и позднее – Ballet Russe, благодаря которым с помощью артистов русских театров происходило становление и развитие национального балета и формирование балетных школ в разных странах латиноамериканского континента.

Так, через различные направления творческой деятельности представители русской эмиграции содействовали, с одной стороны, сохранению национальной традиции и пропаганде достижений русской культуры за рубежом, с другой – через установление межкультурного диалога внесли свой вклад в развитие системы образования и культуры стран проживания.

---

[1] См.: *Мартынов Б.Ф.* Русские в Бразилии // Латинская Америка. – 1995. – № 11. – С. 79.

[2] См.: *Нечаев С.Ю.* Русские в Латинской Америке. – М., 2010. – С. 73; *Гладышева Н.* Уголок России в Парагвае. [Электронный ресурс] // ricolor.org/rz/latin_amerika/pa/1/3/ (Интернет-портал «Россия в красках»).

Отрыв от родины, языковая изоляция вели к созданию культурно-просветительных организаций и религиозных приходов, призванных содействовать поддержанию языка и культуры Русского мира. Важную роль в деле сохранения эмигрантами исторической памяти и собственной идентичности на пространстве Русского зарубежья сыграло празднование Дней русской культуры, различных исторических и культурных дат в странах латиноамериканского рассеяния.

В целом, для сохранения национальной идентичности русских в условиях рассеяния, в частности в странах Латинской Америки, важно было то, что в диаспоре сохранялось само имя Россия и связанная с ним русская государственная символика (флаги и двуглавые орлы), прежде всего благодаря деятельности русских школ, русских молодежных, общественных, политических организаций, военно-мемориальной деятельности старшего поколения эмигрантов. Важными факторами сохранения идентичности являлись также русский язык, культура, православная вера и духовное воспитание молодежи в семье и в лоне Русской православной церкви, культивирование в ее среде национальных традиций и уважения к своим предкам и исторической родине. Этому служили также русская печать, книгоиздательское дело, библиотеки, являвшиеся своеобразным «мостиком между чужой страной и оставленной родиной».

Глава 5

ПРОЦЕССЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Политическая жизнь русской эмиграции в рассеянии представляла собой еще одну важную сторону процесса ее адаптации за рубежом. Применительно к анализу иммиграционной ситуации в странах латиноамериканского региона следует учитывать тот факт, что здесь к началу XX в. проживала значительная по численности славянская диаспора, представленная главным образом трудовой, но отчасти и политической эмиграцией, которая создала свои организации и объединения и по мере сил включалась в общественно-политическую жизнь стран проживания. С прибытием на латиноамериканский континент представителей белого движения спектр политических интересов в среде российской эмиграции значительно расширился, а общественно-политическая жизнь в русских колониях приобрела заметную контрастность: от социалистических и анархо-синдикалистских настроений до монархических, национал-патриотических и откровенно профашистских.

Благодаря западноевропейской иммиграции, к началу XX в. рабочем движении латиноамериканских стран получили распространение два основных революционных течения – социализм и анархизм[1]. Самым заметным направлением левого радикального движения в Латинской Америке становится анархизм. Здесь появляются группы анархо-синдикалистов, анархо-

[1] В период I Интернационала, наряду с распространением марксизма в рабочей и социалистической печати, здесь появились марксистские кружки. Так, в Аргентине в 1872 г. иммигрантами были созданы три секции I Интернационала: соответственно французская, итальянская, испанская. В 1896 г. была основана Социалистическая партия Аргентины (СПА). Первой политической организацией левого направления в Уругвае стала Региональная федерация Восточной Республики, основанная в 1875 г. также рабочими европейского происхождения, главным образом сторонниками анархистских идей.

коммунистов и анархо-социалистов. Анархо-синдикалистское движение наиболее интенсивно развивалось в Аргентине, Бразилии, Чили, Уругвае, куда прибывали основные иммигрантские потоки из Испании и Италии, где анархо-синдикализм получил наибольшее распространение[1]. В результате на континенте развернулась борьба за контроль над рабочим движением между анархистами и марксистами, которая продолжалась в течение несколько десятилетий и активными участниками которой стали иммигранты-иностранцы, в их числе выходцы из России.

Наиболее сильные пролетарские организации в те годы действовали в Аргентине, что объяснялось высоким удельным весом рабочего класса среди славянской иммиграции, которая концентрировалась в крупных промышленных центрах страны – Буэнос-Айресе, Ла-Плате, Росарио и на нефтепромыслах Патагонии. В 1912–1916 гг. в колониях, где проживали трудовые эмигранты, появились различные союзы и объединения – Группа русских рабочих в Буэнос-Айресе, Союз русских рабочих в Росарио, Кордобе, Бериссо, а также Союз русского рабочего самообразования в Бериссо и Тажересе. Кроме того, Союзы русских рабочих действовали в Уругвае и Бразилии[2].

Русские городские рабочие (составлявшие 10% от общей численности аргентинского пролетариата) почти все входили в местные профсоюзы и другие рабочие организации, при которых действовали общественные библиотеки, литературные, музыкальные, драматические кружки и объединения, как, например, «Русский кружок любителей драматического искусства» в Буэнос-Айресе[3]. Свои организации имели также украинские

---

[1] См.: *Сбруев В.В.* Журналистика Латинской Америки от первой газеты до начала концентрации и монополизации СМИ. – М., 2008. – С. 197.

[2] См.: *Кублицкая М.А.* Русские издательства, типографии и библиотеки в Аргентине. [Электронный ресурс] // http://emigrantika.ru/publications/838-bookiv (сайт «Эмигрантика. ru. Русское зарубежье»).

[3] См.: *Путятова Э.Г.* Российские эмигранты в Аргентине (конец XIX – начало XX в.) // Латинская Америка. – 2005. – № 7. – С. 80.

и белорусские рабочие, как, например, Союз украинских рабочих организаций в Аргентине (с 1932 г. – Союз украинско-белорусских рабочих организаций), насчитывавший 52 отделения в стране, и др.[1]

После Первой русской революции в Аргентине оказались представители различных течений русского революционного движения, включая эсеров, максималистов (социал-демократов), анархистов, бундовцев. Социалисты-революционеры были участниками профсоюзного и социалистического движения в Аргентине. Социал-демократическое течение представляли бывшие участники революции – М.А. Комин-Александровский, Б.З. Шумяцкий, А.С. Гордеев, И.Ф. Глинский, И.И. Яковлев, М.А. Богомолец и др. В 1910 г. в Буэнос-Айресе была создана социал-демократическая еврейская группа «Авангард», поддерживавшая связи с Парижской группой РСДРП и входившая до 1911 г. в качестве секции в Социалистическую партию Аргентины. В 1911 г. возникла аргентинская группа содействия РСДРП, которая ставила своей задачей поддержку РСДРП путем развития агитации и пропаганды среди российского пролетариата в Аргентине[2]. Руководителем группы являлся активист революционного движения М.А. Комин-Александровский – член РСДРП с 1900 г., осужденный за революционную деятельность на вечное поселение в Сибирь и бежавший оттуда в 1909 г. в Аргентину[3].

---

[1] См.: *Стрелко А.А.* Славянское население в странах Латинской Америки (Исторический очерк). – Киев, 1980. – С. 102.

[2] См.: *Черненко А.М.* Российская революционная эмиграция в Америке (конец XIX – 1917 г.). – Киев, 1983. – С. 122.

[3] М.А. Комин-Александровский являлся также членом «Авангарда», одним из организаторов Федерации рабочих южных железных дорог (1912), работал в таких политических организациях русских эмигрантов в Аргентине, как Комитет помощи политическим ссыльным и каторжанам (1916-1917), Союз русских социалистических рабочих (1917-1920), Российская коммунистическая группа, вошедшая в 1920 г. в Коммунистическую партию Аргентины.

С Аргентиной связали судьбу некоторые участники восстания на броненосце «Потемкин»[1]. Большая группа потемкинцев – 32 человека и 13 их жен прибыла из Лондона в Буэнос-Айрес в сентябре 1908 г. В их числе были И.А. Дымченко, П.И. Подзолкин, Н.И. Иванов, А.С. Сиротин, М.С. Шевченко и многие другие, пополнившие ряды участников революционного движения в этой стране[2].

В Бразилии к середине 1917 г., по данным А.И. Сизоненко и Н.А. Панкова, проживало не менее 30 политэмигрантов[3]. Представители русской революционной эмиграции были также в Чили. В частности, в 1910 г. из Японии сюда перебрался вместе с семьей бывший народник Б.Д. Оржих, который позднее стал членом Компартии Чили, участвовал в работе Общества друзей СССР, переводил советские публикации, вел переписку с ВОКСом[4].

После революционных событий 1917 г. в России и в значительной степени под влиянием профсоюзов, и прежде всего, находившихся в их рядах эмигрантов из России, начался процесс полевения рабочего движения в странах Латинской Америки. В феврале 1918 г. в Аргентине была создана Федерация российских рабочих организаций Южной Америки (ФРРОЮА), в задачу которой входило распространение классового самосознания среди русских и аргентинских рабочих путем пропаганды

---

[1] После подавления восстания большинство (651 человек) осталось в Румынии, в Россию вернулось 117 потемкинцев. Румынскими властями потемкинцы были сознательно расселены по разным городам, где без знания языка, без средств к существованию они старались держаться вместе, а для взаимопомощи и улучшения условий существования создавали коммуны и общие столовые. Сложные условия адаптации в чужой стране заставили многих участников восстания покинуть Румынию и направиться на американский континент.

[2] См.: *Черненко А.М.* Российская революционная эмиграция в Америке (конец XIX–1917 г.). – Киев, 1983. – С. 120.

[3] См.: *Сизоненко А.И., Панков Н.А.* Наши соотечественники в Латинской Америке. – М., 2002. – С. 17.

[4] См.: *Ульянова О., Норамбуэна К.* Русские в Чили… – С. 165.

идей революции, а также всемерное содействие РСФСР как «авангарду Социальной Революции»[1]. К концу 1920-х годов в составе ФРРОЮА было уже 17 организаций общей численностью 15 тыс. человек. Помимо Аргентины, отделения Федерации существовали в Уругвае, Бразилии, Парагвае[2]. При ней была создана конспиративная комиссия по развитию отношений с РСФСР, в состав которой входили С. Волковский, Т. Хадзинский, А. Течинский. Однако с 1921 г. ФРРОЮА встала на позиции анархо-синдикализма, отказавшись от присоединения к Коминтерну. Помимо ФРРОЮА, в Аргентине был создан Российский союз рабочих-социалистов (РСРС), примыкавший к левому крылу Социалистической партии Аргентины (СПА) и обвинявший ФРРОЮА в анархизме. Последний, в свою очередь, оценивал РСРС как эсеро-меньшевистскую организацию.

В 1921 г. к Компартии Аргентины присоединился Союз российских социалистов и рабочих в Аргентине (СРСРА), созданный в 1917 г. представителями социал-демократического крыла русской политической иммиграции или максималистами, как их называли на Западе, и в состав которого входили группа содействия РСДРП, Комитет друзей Свободной России, Русская рабочая группа, Центр российских социалистов, еврейский союз «Поалей» и другие организации рабочих-славян[3].

В начале 1920-х гг., в условиях активизации международной деятельности Коминтерна его влияние начало распространяться и на страны Латинской Америки. В 1919 г. по инициативе представителя Коминтерна и одновременно советского консула в Мексике М. Бородина руководство Компартии Мексики (КПМ) учредило бюро III Интернационала для ведения пропаганды по всему континенту и укрепления связей между коммунистическими организациями и группами. Летом 1920 г. в Москву отправились представлять Латинскую Америку на II конгрессе Коминтерна М. Комин-Александровский от анархо-

---

[1] *Хейфец Л.С.* Коминтерн в Латинской Америке… – СПб., 2004. – С. 63.

[2] См.: *Черненко А.М.* Российская революционная эмиграция в Америке (конец XIX – 1917 г.). – Киев, 1983. – С. 134.

[3] См.: *Хейфец Л.С.* Коминтерн в Латинской Америке…. – СПб., 2004. – С. 65.

коммунистического профцентра ФОРА-V и М. Машевич от анархо-синдикалистского профцентра ФОРА-X. По поручению Исполкома Коминтерна (ИККИ) Александровский вернулся в Южную Америку уже в качестве уполномоченного представителя этой организации на континенте, а позднее и представителя Профинтерна в странах Южной Америки. Таких посланцев из Москвы, пишет санкт-петербургский историк Л.С. Хейфец, здесь именовали не иначе как «русско-аргентинскими Лениными», в действиях которых, в частности, КПА видела стремление навязать ей контроль лиц, «не имевших ни малейшего права его осуществлять с точки зрения их влияния в партии». Однако руководство КПА не пошло на открытый разрыв с Москвой, избрав вместо этого тактику формального согласия с выдвигавшимися предложениями при игнорировании их на практике[1].

В Мексике, как и в Аргентине, до Первой мировой войны оказалась группа политических эмигрантов из России, которые также принимали активное участие в леворадикальном движении, а некоторые даже занимали руководящие посты в мексиканской компартии. В их числе были Д.О. Никитин, Ю. Розовский, Д. Михельсон (Бодер)[2].

Достаточно заметным в рабочем движении Латинской Америки было влияние анархистского течения, которое затронуло и русскую эмиграцию, выступавшую за улучшение экономического положения низших слоев эмиграции, создание сво-

[1] *Хейфец Л.С.* Коминтерн в Латинской Америке… – СПб., 2004. – С. 63, 66-67. У КПА возникли противоречия с вернувшимися из Советской России русско-аргентинскими коммунистами, которые привезли финансовые средства «на организацию коммунистического дела» в стране. Деньги были вручены КПА под письменные обязательства об издании коминтерновских материалов под контролем русской группы КПА.

[2] *Хейфец В.Л.* Российская эмиграция как фактор развития левого движения Мексики // Зарубежная Россия. 1913–1939. Кн. 2. – СПб., 2003. – С. 94-101. На основе ст. 33 мексиканской Конституции Розовский был выслан из страны. После возвращения в СССР исключен из рядов ВКП(б) и арестован по обвинению в троцкизме. В годы Великой Отечественной войны вышел на свободу, воевал, в 1956 г. реабилитирован.

бодных, независимых организаций, трудовых артелей, общин[1]. В частности, в 1928–1929 гг. в Аргентине были основаны Союз русских анархистов-коммунистов, группа «Бунтарь», Группа содействия Русских анархистов «Делу труда» («Дело труда» – анархо-коммунистическая организация русских эмигрантов во Франции, с которой поддерживалась связь)[2], группа «Вольная мысль»[3]. В 1930 г. в Буэнос-Айресе были образованы анархическая группа «Труд» и Комитет помощи анархистам СССР по ссылкам, каторгам и тюрьмам, а также Комитет помощи музею П. Кропоткина в Москве[4].

Деятельность революционных эмигрантов в странах Латинской Америки с самого начала расценивалась официальными властями как подрывная, поддерживаемая созданным в Москве Коминтерном, а также местными профессиональными революционерами. В свою очередь, максимализм (большевизм) стал рассматриваться как реальная угроза общественному порядку, хотя, очевидно, что степень этой угрозы для латиноамериканских стран была переоценена. Но сам факт создания леворадикальных коммунистических организаций на континенте и установление ими связей с главной коммунистической организацией в Москве заставлял власти прибегать к жестким мерам контроля и слежки за всеми подозрительными как из числа собственных граждан, так и из числа представителей национальных колоний. К борьбе с коммунистической опасностью страны Латинской Америке подталкивали также США; небезучастной к этому процессу оказалась и Германия, которая в рассматриваемый период предпринимает активные усилия с целью экономического проникновения в регион.

Против «русских пропагандистов» и их подрывной работы в разных странах свою борьбу вела национальная полиция. Так, в 1930 г. в Аргентине, после прихода к власти генерала

---

[1] См.: Анархия. – Буэнос-Айрес, май 1930. – № 2-3.
[2] Там же.
[3] См.: Вольная мысль. – Буэнос-Айрес, 1932. – № 1. – С. 32.
[4] См.: Анархия. – Буэнос-Айрес, май 1930. – № 4-5; Бунтарь. – Буэнос-Айрес, 1921, август. – № 1.

Хосе Феликса Урибуру был создан специальный отдел политической полиции по борьбе с коммунистами – Сексион Спесиаль, в котором служили и некоторые бывшие офицеры русской армии. На период военного положения в стране была запрещена деятельность политических партий, профсоюзов, ряда эмигрантских обществ, был приостановлен выпуск многих газет; производились аресты левых активистов[1].

Целенаправленную борьбу с коммунистической опасностью в мире развернула новая организация – Международное антикоммунистическое соглашение по борьбе с III Интернационалом (Entente Internationale Anticommuniste, EIA), больше известная как Международная Лига борьбы с III Интернационалом или Лига Обера[2]. Особое внимание в ее деятельности уделялось также борьбе с Профинтерном или, как его называли антикоммунисты, «Красным синдикальным Интернационалом». Постоянный секретариат созданной в 1927 г. Русской секции Лиги Обера возглавлял на протяжении двадцати семи лет Ю. И. Лодыженский, до этого – председатель Российского отделения Международной организации Красного Креста[3]. Специальное внимание в работе Лиги Обера, как видно из воспоминаний Ю. И. Лодыженского, уделялось странам Латинской

[1] См.: *Андрушкевич И.Н.* Русская Белая эмиграция // Русские воины в Аргентине. Справ. изд. / Автор-сост. М.А. Кублицкая. Ч. I. Кадеты. – Буэнос-Айрес. Издание Объединения кадет российских кадетских корпусов в Аргентине. – 2004. – С. 21-24 // Цит. по: Михайлов День 1-й. … – С. 195-196.

[2] Международная Лига борьбы с III Интернационалом – организация, созданная в 1924 г. женевским адвокатом Теодором Обером, который стал председателем Постоянного бюро Лиги (Соглашения).

[3] См.: *Лодыженский Ю.И.* От Красного Креста к борьбе с коммунистическим Интернационалом. – М., 2007. – С. 303. В качестве личного секретаря у Лодыженского работал молодой князь К. Горчаков, которому было поручено руководство антикоммунистическими выставками. Впоследствии, покинув Бюро, он работал в банках Женевы, Лондона, США и завершил свою финансовую карьеру в качестве директора большого банка в г. Монтевидео.

Америки. В 17 странах, где проживали русские эмигранты, включая, Аргентину, Коста-Рику, Парагвай, были назначены представители Русской секции Лиги[1]. Бразилия была первой заокеанской страной, с правительственными кругами которой Бюро Лиги установило связь при посредстве ее посла в Берне барона Рио Бранко, сына министра иностранных дел и известного политического деятеля Бразилии, который получал от Бюро информационные материалы и антикоммунистические издания[2]. Наряду с Бразилией, эпистолярная связь Бюро была установлена с Аргентиной через посредство самой тогда деятельной антикоммунистической организации в этой стране – Патриотической Лиги Аргентины (Liga Patriotica Argentina – *исп. яз.*). За Аргентиной последовали Уругвай, Венесуэла, Парагвай и Чили. Однако, как признавал Ю.И. Лодыженский, по большей части связь с соответствующими инстанциями латиноамериканских стран была спорадической и ограничивалась обменом информацией и посылкой изданий ЕІА, иногда переводившихся на испанский язык[3].

В 1928 г. отделения Бюро ЕІА также появились во многих странах русского рассеяния, где его члены занимались сбором пожертвований и обеспечением пропагандистской сети[4]. Как было нами установлено, одним из членов созданного в 1928 г. при Русской секции Лиги Обера Русского общества друзей Международной Лиги борьбы с большевизмом (Association des Amis de 'ЕІА) был проживавший в Коста-Рике участник белого движения, доброволец-вольноопределившийся 7-го гусарского Белорусского Императора Александра I полка П. Гордиенко. По его собственному признанию, он быстро научился объясняться по-испански и принялся активно сотрудничать с местной прес-

---

[1] См.: *Антропов О.К.* Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.). – Астрахань, 2008. – С. 250-251.
[2] Там же. – С. 317.
[3] Там же.
[4] Там же. – С. 271.

сой, помещая на ее страницах «разоблачительные» статьи о работе советского правительства[1].

В Аргентине свое содействие борьбе с коммунистическим влиянием на континенте оказывал капитан I ранга Б.Н. Шуберт, который переводил на испанский язык издаваемые Лигой Обера брошюры о деятельности Коминтерна и способах борьбы с ним. Эти материалы в дальнейшем направлялись президенту Патриотической Лиги Аргентины. Аналогичная контрпропагандистская деятельность осуществлялась капитаном Шубертом и в связи с предпринимавшимися СССР усилиями по установлению контактов с аргентинскими властями[2].

В целом, следует признать, что, несмотря на предпринимавшиеся меры по борьбе с влиянием СССР и Коминтерна, организациям, подобным Лиге Обера, не удалось добиться поставленных целей и воспрепятствовать росту просоветских настроений на континенте. Но их деятельность свидетельствовала о том, как писал М.В. Вишняк, что «с возникновением советской власти появилась вновь русская политическая эмиграция», вместе с которой были привнесены, с одной стороны, национальная идея, русская символика, менталитет, с другой – дух политической борьбы и сопровождавшее ее деление по политическим взглядам и партийно-политической принадлежности»[3].

Для белой эмиграции в межвоенный период был характерен широкий диапазон политических пристрастий и форм политической деятельности, хотя, как известно, политика волновала лишь незначительную часть интеллигенции и бывшего офицерства в Русском зарубежье. И это также было справедливо для русской диаспоры в Латинской Америке, где политиче-

---

[1] БФ РЗ. Ф. 2. Оп. 1. Картон № 6. Д. 37. Л. 5 (об). В Коста-Рике П. Гордиенко женился на дочери кофейного плантатора, после чего сам стал управляющим на небольшой плантации вблизи столицы страны – г. Сан-Хосе, где и сегодня живут его потомки.

[2] БФ РЗ. Ф. 2. Оп. 1. Картон № 6. Д. 66. Л. 6.

[3] *Вишняк М.В.* Эмиграция и советская власть // Русское зарубежье против фашизма. Т. II. Серия «Антология русского зарубежья». – М., 2005. – С. 501.

ская жизнь в среде русской эмиграции была менее активна по сравнению с главными центрами русского рассеяния и где действовали главным образом филиалы и отделения основных политических организаций Русского зарубежья, созданных в Западной Европе и Азии. По этому поводу русская эмигрантская газета «Время», издававшаяся в Аргентине, писала: «Наше положение печатного органа, издающегося в стране, отстоящей на 10 000 км от европейского континента, где решается судьба России, дает нам мало возможности влиять на элементы, из которых слагается эмиграционная политическая жизнь, но это нисколько не умаляет целесообразности нашей работы»[1].

С учетом состава послереволюционной волны эмиграции наибольшее распространение здесь получило монархическое направление политической мысли Русского зарубежья. В частности, в Аргентине в ноябре 1917 г. образовалась первая такая группа, именовавшая себя «Русский кружок», состоявшая, как отмечал российский посланник Е.Ф. Штейн, главным образом из русских евреев, «открыто признававших себя русскими, а не палестинцами», и который после революции «не только заявил о себе как о поборнике верности России ее союзникам, но и определил свое отношение к большевикам[2]. Некоторое время спустя аналогичный «Русский Кружок» был создан в другом аргентинском городе – Росарио, который, по словам российского посланника, со своей стороны также делал «все возможное для поддержания среди союзных консулов и колонии благорасположения к патриотической и корректной части тамошних русских, а среди последних – к пропаганде принципов умеренности и порядка в противовес деятельности здешних русских и иных агитаторов»[3]. С прибытием в страну новой волны эмиграции произошла активизация политической жизни русской колонии. Хотя, как признавал Б.Н. Шуберт, взаимоотношения проживавших в Буэнос-Айресе русских были таковы, что все

[1] Время. Буэнос-Айрес, 18 февраля 1939 г. // ГА РФ. Ф. 6784. Оп. 1. Д. 162. Л. 1.
[2] ГА РФ. Ф. Р–5806. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.
[3] Там же. Л. 7.

были «в разброде, чужды какого бы то ни было стремления объединиться»[1].

Тем не менее специфика послереволюционного состава новой волны эмиграции обусловила заметное влияние в ее среде промонархических настроений, которые нашли свое воплощение в деятельности различных военных и политических организаций. Самой крупной из числа союзов и обществ, объединивших вокруг себя военную послереволюционную эмиграцию, был Русский Обще-Воинский Союз (РОВС), созданный приказом генерала П.Н. Врангеля от 1 сентября 1924 г., в соответствии с которым началось формирование отделов РОВС в разных странах. IV отдел (всего было пять) объединил общества и союзы, войсковые группы в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, в Греции, а затем он охватил Румынию и Бразилию. В мае 1930 г. был учрежден самостоятельный Южно-Американский отдел РОВС, начальником которого был назначен генерал-майор Н.Ф. Эрн, проживавший в Парагвае, где был создан также местный отдел РОВС во главе с полковником В.Ф. Гесселем[2]. 8 октября 1931 г. аналогичное отделение РОВС во главе с полковником А.Н. Ефремовым было основано в Аргентине[3]. Его деятельность, по словам баронессы И. Астрау, заключалась в организации ежемесячных собраний с чтением докладов на военные темы, в поддержании связи с центральным и другими отделами организации, обсуждении возможности пропагандистской антикоммунистической работы, финансовой помощи военным инвалидам в Европе, издания «Галлиполий-

[1] БФ РЗ. Ф. 2. Оп. 2. Картон № 6. Д. 66. Л. 1.
[2] См.: Часовой. – Париж, 1932. – № 71. – С. 31.
[3] Аргентинская исследовательница Мария А. Кублицкая называет другую дату – 1926 г., когда А.Н. Ефремов прибыл из Болгарии в Аргентину и тогда же по предложению генерала Е.К. Миллера объединил и возглавил чинов Русского Обще-Воинского Союза в этой стране // Михайлов День 2-й. Журнал исторической России – СПб., 2010. – С. 318.

ского Вестника» за счет членских взносов и доходов, получаемых от закрытых вечеров и т.д.[1]

К РОВС в Аргентине примыкали общества «Русский очаг», созданный в 1926 г. под председательством В. Дахина, «Русский сокол», образованный в 1929 г. под руководством В.В. Зуева, «Кают-компания офицеров императорского флота», куда входили морские офицеры царской и белой армий – Л.С. Быстроумов, Б.К. Шуберт, Б.К. Кравченко и др., а также Общество галлиполийцев, секретарем которого являлся инженер Н. Запорожцев[2].

В Бразилии существовавшие в то время эмигрантские организации, по мнению С.К. Успенского, также представляли собой «скорее небольшие кучки почти не спаянных еще общими идеями и идеалами людей, очень часто враждующих между собою просто из личных интересов, а вовсе не для защиты того или другого мнения, идеи, метода работы»[3]. На подобное состояние русской колонии в Бразилии указывал и оказавшийся здесь в 1926 г. П.А. Гессе[4]. Наиболее заметным было участие в политической жизни бывших военных из числа русских эмигрантов. В 1925 г. в г. Сан-Пауло был учрежден Союз русских воинов (СРВ) во главе с В. Нейкирхом, который стал основой Бразильского отделения РОВС, образованного там же в 1931 г. Председателем отделения являлся генерал-майор Л.А. Иванов, заместителем – полковник Генерального штаба К.З. Ахаткин[5]. Кроме того, в г. Сан-Пауло существовало местное отделение кавалерии и конной артиллерии РОВС. В г. Санта-Катарина в составе южноамериканского отделения РОВС действовал Русский офицерский союз во главе с ротмистром С. В. Голубинце-

---

[1] См.: *Окороков А.В.* Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации. 1920-1990 гг. – М., 2003. – С. 122.
[2] Там же. – С. 112-114.
[3] *Хисамутдинов А.А.* Русские в Бразилии // Латинская Америка. – 2005. – № 9. – С. 90.
[4] ГА РФ. Ф. Р–6127. Оп. 1. Д. 8. Л. 102.
[5] См.: Часовой. – Париж, 1932. – № 82. – С. 36.

вым[1]. Основой уругвайского отдела РОВС, созданного в 1932 г., стал Союз русских комбатантов под председательством капитана Г.А. Мацылева[2].

К концу 1930-х гг. РОВС, распространивший влияние почти на все страны, включал в себя 4 отдела в Европе, 2 отдела в Северной Америке и 7 подотделов, в том числе, 4 – в Южной Америке: I Аргентинский полковника А.Н. Ефремова, II Бразильский полковника К.З. Ахаткина, III Парагвайский генерал-майора Н.Ф. Эрна, IV Уругвайский полковника С.А. Мельщикова[3]. При этом, как справедливо отмечает В.И. Голдин, организации РОВС, находившиеся на значительном удалении от Европы, в частности в США и странах Латинской Америки, в своей деятельности не могли вести непосредственную работу, направленную на СССР, а ограничивались поддержанием взаимосвязей среди бывших военнослужащих, оказанием взаимной помощи, сохранением армейских традиций. Здесь также отсутствовала та инфраструктура, которая создавалась в Европе и на Дальнем Востоке, включавшая в себя систему подготовки и переподготовки офицерства, ячейки, боевые группы, отряды для проникновения в СССР и проч.[4]

Помимо отделений РОВС, в Аргентине и Уругвае действовали отделы Русского национального союза участников войны (РНСУВ), созданного в 1936 г. группой офицеров во главе с генералом А.В. Туркулом, вышедшим из состава РОВС по причине устаревшего к тому времени приказа № 82, запрещавшего членам РОВС вступать в политические организации. Не отвергая в принципе вооруженную борьбу, члены Союза сделали

---

[1] См.: *Окороков А.В.* Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации… – С. 106, 123.
[2] См.: Часовой. – Париж, 1932. – № 83. – С. 20.
[3] См.: *Александров К.* Русские солдаты вермахта. Герои или предатели. – М., 2005. – С. 21.
[4] См.: *Голдин В. И.* Русское военное зарубежье в XX веке. – Архангельск, 2007. – С. 58.

ставку на противостояние с помощью «оружия слова» под девизом «Бог–Нация–Социальная справедливость»[1].

В Латинской Америке были созданы и другие объединения русской военной эмиграции, как, например, отделения Союза георгиевских кавалеров, Союза российских кадетских корпусов, Союза пажей. Последний имел отделения в Аргентине, Бразилии, после войны – в Венесуэле. В 1938 г. в Аргентину прибыл полковник лейб-гвардии Семеновского полка, председатель отдела Союза пажей С.П. Дирин. В разные годы в этой стране проживали и другие воспитанники Пажеского Ее Императорского Величества корпуса[2]. Все эти организации в межвоенный период ставили задачу сохранения офицерских кадров белой армии, поддержания в них военных знаний для будущей борьбы с Советской властью, в том числе в целях воспитания молодого поколения «в истинно русском духе», монархической убежденности до восстановления прежней России.

Анализируя российское военно-политическое зарубежье, В.Ф. Ершов выделил в особую группу регионы, отдаленные от основных центров российской военной эмиграции, где формирование военной диаспоры явилось следствием уже вторичных миграционных потоков. Автор называет их российскими «региональными военными диаспорами», которые сложились в Африке, Средней Азии, Латинской Америке, Корее и особенностью которых были «устойчивость, сохранение самобытности при мягкой интеграции в структуры местных обществ»[3]. При этом в диаспорах, которые возникали в странах, где было возможно создать отдельные поселения российских военных беженцев (в их числе Китай, Болгария, Югославия и страны Латинской Америки), процессы социально-политической адаптации замедлялись, а объединение в единую организационную

---

[1] *Окороков А.В.* Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации… – С. 125.

[2] См.: Михайлов День 2-й. Журнал исторической России – СПб., 2010. – С. 310.

[3] *Ершов В.Ф.* Российское военно-политическое зарубежье в 1918-1945 гг. – М., 2000. – С. 139.

систему «консервировало языковую среду, быт, традиции, менталитет»[1]. В свою очередь, создание в 1920-е гг. этой частью эмиграции военных союзов и обществ, полковых объединений и их отделений смягчало проблемы ее бытовой и юридической адаптации.

При этом русские военные оставались до конца преданными сторонниками монархических идей. Однако неоднородность социально-политического состава представителей зарубежного монархизма обусловливала сложную дифференциацию всего монархического лагеря эмиграции. Споры о выборе формы монархии, в свою очередь, порождали дискуссии о кандидатуре будущего монарха[2]. Значительная часть монархически настроенной эмиграции в странах Латинской Америки являлась сторонниками великого князя Николая Николаевича, принявшего на себя после организационного оформления РОВС верховное правление зарубежным воинством. Финансовые средства РОВС складывались из сумм, находившихся в распоряжении командования и состояли из Ссудной казны, вывезенной за границу. Средства из нее организация получала от Совещания послов, но этого явно было недостаточно. В 1924 г. для ведения антибольшевистской борьбы была основана «Казна Великого князя Николая Николаевича» и был объявлен сбор средств для нее. Великий князь и его соратники, в частности, князь Н.Л. Оболенский развернули эту работу среди своих сторонников в различных странах мира, включая государства Латинской Америки, где связь поддерживалась главным образом через проживавшего в Аргентине капитана I ранга Б.К. Шуберта. В мае 1925 г. князь Н.Л. Оболенский в своем письме обращался к Б.К. Шуберту с просьбой организовать сбор помощи среди русских в Южной Америке. Он писал по этому поводу: «В Чили наши офицеры служат в Армии. В Бразилии есть бывший

---

[1] См.: *Ершов В.Ф.* Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. … – С. 138.

[2] Общественная мысль русского зарубежья: Энциклопедия. – М., 2009. – С. 124.

губернатор одной из кавказских губерний – Михаил Петрович Поярков. Наконец, в Буэнос-Айресе – почтенный протопресвитер Изразцов. Все это люди наших взглядов и думаю, что могут быть полезны. А поработать есть над чем и кем, особенно имея в виду чрезвычайную многочисленность русских в Южной Америке»[1].

Действительно, духовенство и значительная часть офицеров, оказавшихся в странах Латинской Америки, поддержала программу созванного великим князем Николаем Николаевичем в 1926 г. Зарубежного съезда и провозгласившего его главой широкого национального фронта – своего рода центра Зарубежной России. Сторонником этих идей являлся протопресвитер К.Г. Изразцов. В 1918 г. в письмах к сыну Константину, работавшему в то время при русском посольстве в Париже, он выражал надежду на то, что «объединение России не заставит себя долго ждать (без Финляндии, Курляндии и Польши, конечно)» и это должны были, по его мнению, понимать и «новые деятели России»[2]. В 1926 г. отец К.Г. Изразцов поддержал призыв великого князя Николая Николаевича по созданию широкого национального фронта русских монархистов. Вскоре из Аргентины пришло сообщение о вступлении капитан I ранга Б.К. Шуберта и воинских чинов, проживавших в Буэнос-Айресе, в образовавшееся после Съезда «Зарубежное патриотическое объединение» и о создании соответствующего отдела этого Объединения в Аргентине. Хотя офицеры понимали, что уже не осталось никакой армии, тем не менее было решено говорить не об этом, а о том, что «надо сохранить власть до того момента, пока Армия – Фикция станет Армией – спасительницей Отечества»[3].

Нам удалось также установить факт личной переписки между находившимся в Парагвае генерал-майором И.Т. Беляевым и великим князем. В ответ на просьбу к генералу «оживить

---

[1] БФ РЗ. Ф. 2. Оп. 1. Картон № 9. Д. 68. Л. 1.

[2] Русский архив Университета г. Лидс (Великобритания). MS.780. P. K.G. Izraztsov (4, 1918) <P. 172-175>.

[3] БФ РЗ. Ф. 2. Оп. 1. Картон № 3. Д. 25. Л. 1, 4.

идею сбора и расширить круг его участников», великий князь получил из Парагвая в 1926 г. письмо-обращение, подписанное И.Т. Беляевым и десятью его соратниками, в том числе капитаном II ранга К. Тумановым, капитаном И. Оранжереевым, гвардии капитаном Г. Бенуа, капитаном В. Лобановым и другими, в котором говорилось следующее: «… Вам, ваше Императорское Высочество как истинному выразителю чаяний Русского народа всецело вверяем мы наши голоса, готовые по слову Вашему явиться, как предки наши в былое время, людными, конными и оружными, на защиту родины»[1].

Однако проблема заключалась в оторванности центров Русского зарубежья латиноамериканских стран от Европы, в ограниченности их доступа к информации о событиях, которые происходили в политической жизни находившейся там эмиграции. Тем не менее великим князем Николаем Николаевичем и князем Н.Л. Оболенским был налажен канал обмена информацией с представителями белого воинства в Латинской Америке. Поступавшая по этому каналу информация распространялась через Аргентину дальше уже внутри континента[2]. В Бразилии аналогичную поддержку Всезарубежному съезду высказали председатель Русского национального кружка Св. Николая в Рио-де-Жанейро генерал П. Крассовский-Добров и полковник А.А. Позняк[3]. Одновременно часть русского офицерства в странах Латинской Америки откликнулась на призыв великого князя об оказании материальной помощи возглавляемому им движению путем организации сбора средств для Ссудной казны, который начался с конца 1923 г. Как видно из переписки князя Н.Л. Оболенского с капитаном Б.Н. Шубертом, из Аргентины пожертвования приходили регулярно, вплоть до смерти великого князя. Организацией сбора пожертвований на континенте занимался лично Б.К. Шуберт, который в течение 1927–1928 гг. высылал в Европу по 300-350 франков ежемесяч-

[1] БФ РЗ. Ф. 2. Оп. 1. Картон № 2. Д. 49. Л. 67.
[2] БФ РЗ. Ф. 2. Оп. 1. Картон № 3. Д. 6. Л. 25.
[3] Там же. Л. 18.

но[1]. Реальную помощь движению оказывал проживавший в Аргентине генерал А.В. фон Шварц, которому весной 1928 г. великий князь Николай Николаевич сделал личное предложение «стать во главе комитета по сборам» и «создать свои ячейки в различных местах расселения русских в Аргентине», что должно было усилить приток пожертвований, гарантией чему могло стать положение, которое занимал генерал в аргентинском обществе, а также его личные знакомства и связи[2]. Свою поддержку великому князю и его усилиям по консолидации эмиграции высказал в далекой Коста-Рике П. Гордиенко. К нему Н.Л. Оболенский обращался в письме от 14 июля 1928 г. с предложением завязать также связь с русскими в Панаме и Никарагуа и привлечь их к сборам в Особую казну, отправив сюда несколько обращений, составленных по указанию великого князя Николая Николаевича[3].

В письме от 26 октября 1928 г. князь Н.Л. Оболенский подтверждал, что сборы по Аргентине продолжали возрастать, составив на тот момент сумму в 1 тыс. франков[4]. При этом особо отмечалось участие в сборах протопресвитера отца К.Г. Изразцова. «Я продолжаю хранить твердое убеждение, – писал Н.Л. Оболенский, – что сборы могут расти и далее лишь бы не жертвователям пришлось бы идти, чтобы их делать, а кто то дал себе труд за этими сборами идти к ним. Результаты живого слова о. Протопресвитера в церкви в этом отношении весьма показательны, собранная же им сумма – 1225 фр. сама говорит за себя»[5].

После смерти великого князя деятельность в этом направлении фактически прекращается, хотя с 1929 г. в Латинской Америке появляются отделы и представительства еще одной монархической организации – Российского имперского союза

---

[1] БФ РЗ. Ф. 2. Оп. 1. Картон № 6. Д. 67. Л. 11–13, 15.
[2] Там же. Л. 6.
[3] Там же. Д. 37. Л. 5 (об.).
[4] БФ РЗ. Ф. 2. Оп. 1. Картон № 9. Д. 68. Л. 13.
[5] Там же. Этот сбор отец К.Г. Изразцов проводил 18 июля на панихиде по государю императору и его семье.

(РИС), также ориентировавшегося на «антикирилловский» Высший монархический совет[1]. Одновременно в эмигрантской среде латиноамериканских стран были и те, кто поддерживал кандидатуру великого князя Владимира Кирилловича. В частности, в Аргентине к их числу относились создатели еженедельной газеты «Время» – Н.П. Александрович, Г.М. Киселевский, В.В. Лежнев, Г.А. Хуторев. На стороне «кирилловцев» был и представитель главы Российского императорского дома в Чили капитан I ранга Е. фон Шильдкнехт[2].

Заметные промонархические настроения царили также в среде немногочисленной эмиграции в Мексике, где бывший российский посланник, потомственный дворянин, барон В.Л. Вендгаузен-фон Розенберг являлся одновременно полномочным представителем Русского монархического общества «Вера, царь, народ», располагавшегося в Сан-Франциско. В письме от 2 августа 1923 г., направленном президентом Общества полковником Р.В. Барановым, правление уполномочивало господина посланника «вступать с организациями, так и с отдельными вождями антибольшевистского движения в переговоры с целью совместных действий на благо нашей Великой Родины и, если возможно, для присоединения их к Обществу»[3]. В.Л. Вендгаузену-фон Розенбергу как официальному представителю правления давалось право выступать в печати и на собраниях от имени Общества, а также поручалось изыскивать различными способами средства для расширения деятельности новой организации у себя в стране и на континенте.

Таким образом, монархические идеи продолжали жить и питать политическую мысль русского военного зарубежья в странах латиноамериканского рассеяния, хотя программные и организационные задачи, которые ставились его лидерами, к концу 1920-х гг. были решены лишь частично.

---

[1] См.: *Окороков А.В.* Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации. 1920-1990 гг. – М., 2003. – С. 67.

[2] См.: Время. – Буэнос-Айрес, 18 февраля 1939 г. // ГА РФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д.162. Л. 2(об.).

[3] АВП РФ. Ф. 185. Оп. 521. Д. 100. Л. 268.

Наряду с леворадикальными и консервативным течениями, в странах Латинской Америки получили распространение и пореволюционные течения общественно-политической мысли Русского зарубежья – сторонников так называемого «третьего пути», в частности, это были младороссы и представители русского фашизма. Отделения Союза младороссов в Южной Америке располагались в Бразилии во главе с уполномоченным представителем В. Рюминским и в Аргентине, где аргентинскую секцию Союза младороссов возглавлял бывший морской офицер князь Волконский[1].

Одновременно уже в 1920-е гг. в среде русской диаспоры латиноамериканских стран обозначилось первое политическое размежевание по вопросам фашизма. Вслед за организационным оформлением фашистского движения в Харбине в 1925 г. и созданием здесь Русской фашистской организации (РФО) появляются организации правого толка и в эмигрантской среде латиноамериканских стран. Первая фашистская группа была создана в Аргентине Г.Ф. Башкировым – сыном известного саратовского хлебного миллионера, который прибыл в страну в 1927 г., став одновременно издателем и редактором газеты «Русь». Преемником Башкирова являлся Воронцов-Веньяминов – саперный офицер, служивший в военном министерстве Аргентины инженером-строителем. Во главе еще одной группы, по сведениям Г.А. Бенуа, находился проживавший в Аргентине В.В. Шапкин – полковник армии генерала П.Н. Краснова, бывший министр Донского правительства[2]. К числу профашистских организаций относилась и так называемая партия Рабоче-крестьянская казачья оппозиция, или «Русские фашисты», созданная в конце 1926 – начале 1927 г. в Харбине кубанским казаком П.С. Ковганом с «целью свержения узурпаторов жидо-коммунистов, поработивших Россию и русский народ» и «вос-

[1] См.: *Сизоненко А.И., Панков Н.А.* Наши соотечественники в Латинской Америке. – М., 2002. – С. 29.

[2] См.: *Бенуа Г.* Сорок три года в разлуке. Воспоминания // Простор. – Алма-Ата, 1967. – № 12. – С. 92.

становления полного народоправства и самоопределения народов»[1]. Ячейки этой организации имелись в ряде стран Латинской Америки, куда расселились казаки.

Непосредственно на русскую эмиграцию в Латинской Америке оказали влияние как дальневосточное, так и американское направления русского фашизма, причем последнее в силу географической близости в большей степени. Но, помимо политических пристрастий представителей русской диаспоры, определенное значение имела конкретная обстановка, сложившаяся в той или иной стране эмигрантского рассеяния[2]. В 1930-е гг. в Аргентине в период правления президента Хосе Феликс Урибуру, а затем Хуана Доминго Перона и в Бразилии времен президента Жетулиу Варгаса установились националистические военные режимы, заимствовавшие у итальянского фашизма и германского нацизма идеи национализма, сильной государственной власти, корпоративизма и антикоммунизма. В этот период многие правые в среде русского воинства также начали высказывать свои симпатии нацистской Германии, с которой связывали надежды на освобождение России. К праворадикальным взглядам часть эмиграции толкало и то, что не было забыто предательство Антантой своей союзницы России и ее белых армий. Сторонниками фашистской идеологии в странах Латинской Америки, помимо русских офицеров, являлись представители казачества, некоторая часть рабочих, бывших солдат Добровольческой армии, которым обещались земли в кубанских степях, когда фашисты Германии помогут освободить Россию от «засилья большевизма»[3]. В результате после образования в мае 1931 г. в Харбине Русской фашистской партии (РФП) во главе с ее «вождем» К. В. Родзаевским в ряде латиноамериканских стран появляются отделения РФП с характерной для этой

---

[1] *Окороков А.В.* Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации… – С. 67.

[2] См.: *Комин В.В.* Белая эмиграция и Вторая мировая война. – Калининград, 1976. – С. 11.

[3] *Бенуа Г.* Сорок три года в разлуке. Воспоминания // Простор. – Алма-Ата, 1967. – № 12. – С. 92.

организации структурой[1]. После раскола в РФП и образования К. В. Родзаевским Российского фашистского союза (РФС) его отделы и ячейки также создаются в Бразилии, Аргентине, Парагвае и Чили[2].

Новый толчок русскому фашистскому движению в латиноамериканских странах был дан созданием в 1933 г. в США Всероссийской фашистской организации (ВФО) во главе с А.А. Вонсяцким. Как признавали активисты движения в Латинской Америке, все началось с появления у них первого номера центрального органа ВФО газеты «Фашист», который вышел в августе 1933 г. тиражом 2 тыс. экземпляров. В частности, был создан Бразильский сектор ВФО, который, объявив своим вождем Вонсяцкого, сохранял при этом в своей идеологии антисемитскую и антимасонскую риторику, более свойственную для дальневосточной ветви русского фашизма. Начальником Бразильского сектора ВФО, насчитывавшего не более 100 человек в своем составе, стал Н.Т. Дахов, начальником штаба сектора – полковник А.В. Кушелевский. Как установил П.Н. Базанов, лично Дахов как руководитель получал непосредственно от А.А. Вонсяцкого по 600 долларов в год на политическую и издательскую деятельность[3]. Бразильский сектор ВФО, в свою очередь, делился на группы, руководителем одной из них в г. Рио-де-Жанейро был полковник князь Л.С. Святополк-Мирский. Во главе Казачьего отдела Бразильского сектора ВФО стоял генерал-майор И.Д. Павличенко. В число активистов фашистского движения в этой стране входили также Е.М. Нагаец – войсковой старшина собственного Ее Императорского Величества Конвоя, последний адъютант вдовствующей императрицы Марии Федоровны, а также З.В. Яцевич –

---

[1] См.: Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война. – М., 2004. – С. 60.

[2] См.: *Окороков А.В.* Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации… – С. 91.

[3] См.: *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988). – СПб., 2008. – С. 241.

руководитель женской секции и др.[1] Очаги Бразильского отдела ВФО были созданы также в Аргентине и Уругвае[2].

Однако связь со своим вождем в США у русских фашистов в Латинской Америке очень быстро прервалась. Н.Т. Дахов и его соратники в Бразилии прилагали максимум усилий для развития русского фашистского движения на континенте. 1 апреля 1934 г. в г. Сан-Пауло состоялось первое публичное заседание (в некоторых материалах именуемое съездом) Бразильского сектора ВФО, участниками которого были преимущественно бывшие военные[3]. После благословения А.А. Вонсяцкого и его дела митрополитом Антонием – главой Русской православной церкви за рубежом, пастырское благословление поступило также от протопресвитера Южной Америки К.Г. Изразцова, который выразил надежду, «что фашизм объединит русских людей в изгнании и совершит великое дело освобождения Родины от коммунистического интернационала»[4]. Объясняя позицию Русской православной церкви за рубежом, историк русской эмигарции М. Назаров отмечает, что на ней не могли не отразиться распространенные надежды на антикоммунистическую политику фашистской коалиции[5]. Поскольку программа русских фашистов, в отличие от итальянских фашистов и германского национал-социализма, преломлялась сквозь призму русской идентичности и российской национальной самобытности,

---

[1] См.: Всероссийская фашистская организация. Бразильский сектор. Первое публичное заседание русских фашистов. Сан-Пауло, 1 апреля 1934. – Сан-Пауло, 1934. (в издании отсутствует сквозная нумерация страниц. – *Авт*.).

[2] См.: *Окороков А.В.* Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации… – С. 14-15.

[3] См.: Всероссийская фашистская организация. Бразильский сектор. Второе публичное заседание русских фашистов. Сан-Пауло, 22 апреля 1934. – Сан-Пауло, 1934.

[4] Там же.

[5] См.: *Назаров М.* Миссия русской эмиграции. Т. I. Изд. 2-е. – М., 1994. – С. 265.

с особым упором на глубокую религиозность, то и церковь рассматривалась ими как фундамент русской национальной жизни за границей[1]. Не надеясь на быстрый рост фашистского движения, направленного на борьбу за освобождение родины от Коммунистического Интернационала, его лидер в Бразилии Н.Т. Дахов мог рассчитывать главным образом на пропаганду фашистских идей через свои печатные органы – «Русскую газету» и журнал «Вестник».

Эффективность пропагандистской работы сторонников русского фашизма определялась количеством материалов, направлявшихся по разным странам Южной Америки, а также за границу, в СССР. Именно там, по замыслу идеологов, предполагалось создать ядро фашистского движения. Маньчжурия в этих планах рассматривалась как плацдарм для работы на границе с Россией, а японская армия как военная сила, способная оказать в будущем помощь русским фашистам превратить «СССР в Россию»[2]. При этом руководством явно преувеличивалась степень активности своей организации и желаемое нередко выдавалось за действительное. Так, сообщалось, что за два года – 1933–1934 гг. они отправили в СССР 50 тыс. экземпляров «Русской газеты», главными читателями которой были «комсомольские клубы, колхозы, совхозы, моряки, железнодорожные и портовые рабочие»[3]. Печатные издания в форме призывов Бразильского сектора ВФО «К русской эмиграции в Южной Америке», «К русской молодежи Зарубежья и “подъяремной России”», «К соотечественникам» и прочие пропагандистские материалы, отправлявшиеся в СССР, по данным активистов движения, также издавались тиражом в несколько тысяч экземпляров, что должно было свидетельствовать о постоянном расширении деятельности русских фашистов в Латинской Америке.

---

[1] См.: *Назаров М.* Миссия русской эмиграции. Т. I. Изд. 2-е. – М., 1994. – С. 262.
[2] Там же.
[3] Там же.

В 1935 г., после раскола между А.А. Вонсяцким и К.В. Родзаевским и образования самостоятельной Всероссийской фашистской партии (ВФП) во главе с последним, группа Н.Т. Дахова ушла от Вонсяцкого и стала Бразильским отделом ВФП, который в 1938 г. был закрыт местными властями за тесные контакты с организацией бразильских фашистов – членов партии интегралистов[1]. Это был период установления националистической диктатуры президента Варгаса, который обрушил репрессии как против левой, так и правой оппозиции[2]. В Аргентине в те годы также действовал отдел ВФП в составе 500 человек во главе с В.В. Шапкиным. Несмотря на усилия, предпринимаемые русскими фашистами в странах Латинской Америки, член штаба Бразильского сектора ВФП полковник В.Н. Антипин вынужден был признать, что «даже всемирное быстрое развитие фашистского движения не убедило эмиграцию в жизненной потребности примкнуть к этому движению всей полуторамиллионной эмигрантской массой»[3]. Лишенное национальной почвы движение русского фашизма в странах континента, как и в среде Русского зарубежья в целом, не получило широкой поддержки. Национал-патриотическая пропаганда и антисемитизм не способствовали их популярности в среде русской диаспоры, хотя само существование русского фашизма предопределило политический раскол эмиграции в годы Второй мировой войны и стало одной из причин противостояния в ее рядах в послевоенный период.

Анализ институциональных форм русской эмиграции в межвоенный период в странах Латинской Америке показывает, что отрыв от родины, языковая изоляция и отсутствие дипло-матической поддержки в различной степени стимулировали

---

[1] См.: *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций… – С. 274.

[2] См.: *Строганов А.И.* Латинская Америка в XX веке. – М., 2002. – С. 109.

[3] Всероссийская фашистская организация. Бразильский сектор. Второе публичное заседание русских фашистов. Сан-Пауло, 22 апреля 1934. – Сан-Пауло, 1934.

объединение российской иммиграции, вели к созданию военных и политических организаций в центрах латиноамериканского рассеяния Русского зарубежья, где был представлен широкий спектр политических течений: от леворадикального (марксисты и анархисты) до монархического и пореволюционных течений (русский фашизм, младороссы). Наибольшую политическую активность при этом проявляли представители русской военной эмиграции, которые, поддерживая внутренние связи, корпоративную общность, устанавливали контакты с эмигрантскими организациями и движениями в других странах. Разнообразие политических интересов русской эмиграции в рассматриваемый период оборачивалось острыми конфликтами и не способствовало консолидации русской диаспоры в целом.

Глава 6

«Оборонцы» и «пораженцы»: позиция русской эмиграции в странах Латинской Америки накануне и в годы Второй мировой войны

Вторая мировая война и особенно нападение гитлеровской Германии на СССР поставили перед российской эмиграцией проблему нравственного выбора, хотя политическое размежевание по вопросам фашизма и войны в среде Русского зарубежья, как уже отмечалось выше, обозначилось еще в 1920-е гг. К этому времени страны Латинской Америки стали объектами экономической экспансии Германии в регионе. Основная часть немецких капиталовложений направлялась в сферу торговли, сельского хозяйства – германские фирмы располагали крупными сахарными, хлопковыми, кофейными, банановыми плантациями, например, в Гватемале, Коста-Рике, Колумбии, и в отрасли добывающей промышленности, прежде всего в Аргентине, Бразилии, Чили и Колумбии, что согласовывалось с общей целью Германии удерживать континент в качестве аграрно-сырьевого придатка. С начала 1930-х гг. наблюдалась заметная тенденция к увеличению германских инвестиций в Латинской Америке. Основными районами приложения германского капитала к тому времени стали наиболее крупные страны континента – Аргентина и Бразилия. При этом в Аргентине было сосредоточено более половины общей суммы германских капиталовложений, что объяснялось факторами экономического, политического и военного характера: широкая взаимная торговля, наличие там крупных немецких поселений, германское влияние в аргентинской армии, прогитлеровская политика правящих кругов Аргентины и др. Созданные здесь многочисленные отделения германских гроссбанков стали важными опорными пунктами нацистов накануне войны[1].

---

[1] См.: *Григорьян Ю.М.* Германский империализм в Латинской Америке. – М., 1974. – С. 23, 25.

Кроме того, в странах Латинской Америки нацистская Германия располагала обширной сетью средств массовой пропаганды и информации (газеты, информационные материалы посольств, радиопропаганда, кинопродукция, субсидирование местных профашистских газет и т.д.). Активная борьба шла в этих странах за умы подрастающего поколения через сеть немецких школ, церковь, подпавшую в ряде районов, особенно в Бразилии, под влияние нацистов с густой сетью церковных организаций, религиозных школ, подчиненных немецкому ордену францисканцев[1]. Своего рода «пятой колонной» нацистов в государствах Латинской Америки выступали также фашистские и полуфашистские организации других стран, действовавшие в 17 государствах континента, прежде всего «испанская фаланга», а также различные клубы и ассоциации японцев и особенно итальянцев, общая численность которых на континенте достигала примерно 3 млн человек[2].

В годы Второй мировой войны, как отмечает А.И. Сизоненко, позиция латиноамериканских государств была в основном «настороженно-наблюдательной», а в целом ряде случаев – и прямо враждебной СССР[3]. Лишь одна Мексика в специальном заявлении Министерства иностранных дел от 24 июня 1941 г. выразила отрицательное отношение к вероломному нападению нацистской Германии на СССР. Тем не менее мексиканская газета «Ла Пренса» уже 22 июня 1941 г. заявила, что Германия «защищает мир от коммунизма»[4]. Выходившая в Мексике газета «Эксельсиор» в статье от 1 июля 1941 г. сообщала, что «восхваленная Красная Армия перестала существовать как организованная единица сопротивления спустя семь дней после начала германской молниеносной войны»[5].

---

[1] См.: *Григорьян Ю.М.* Германский империализм в Латинской Америке. – М., 1974. – С. 144-145.
[2] Там же. – С. 144.
[3] См.: *Сизоненко А.И.* Становление отношений СССР со странами Латинской Америки (1917–1945 гг.). – М., 1981. – С. 149.
[4] Mexico en la Gran Guerra Patria del pueblo sovietico. – Mexico, 1985. – P. 50.
[5] El Exelsior. Mexico. 1 de Julio de 1941.

Только после вступления в декабре 1941 г. в войну США большинство латиноамериканских государств объявило войну Германии и Японии. В то же время в таких странах, как Аргентина, Бразилия, Чили, среди правящих кругов и генералитета сохранялись сильные профашистские настроения. Здесь практически беспрепятственно разворачивалась деятельность германской «пятой колонны».

Нападение гитлеровской Германии на СССР усилило внутриэмигрантский раскол в среде русской диаспоры латиноамериканских стран, окончательно разделив эмиграцию на «красных» (совпатриотов) и «непримиримых», «оборонцев» и «пораженцев». «Для всех нас, – вспоминал позднее бывший офицер царской армии Г. Бенуа, – и хозяев страны, аргентинцев, и англичан, и белых русских, заброшенных на далекий континент вихрем революций… стоял один вопрос, мучительный и неразрешенный: что дальше? С кем мы в этой борьбе?»[1].

При этом практически все эмигранты первой волны считали себя патриотами, но у каждого было свое понимание патриотизма, которое базировалось на таких категориях, как «родина», «историческая память», «долг перед отечеством». Большая часть белой эмиграции не желала иметь ничего общего ни с новой страной под названием СССР, ни с установившимся в ней советским строем, а связи с этим и с социалистическим левым движением в странах, куда они были заброшены судьбой и где, как, например, в Латинской Америке, к тому времени сложилось просоветское крыло русской трудовой эмиграции – своего рода «коминтерновская фронда».

Та часть эмиграции, которая с самого начала занимала антикоммунистические позиции, составила лагерь так называемых «пораженцев» – сторонников свержения существующего в СССР политического режима любой ценой и любыми силами, включая внешние. В его составе оказалась значительная часть военной эмиграции, православного духовенства, представители

[1] *Бенуа Г.* Сорок три года в разлуке. Воспоминания // Простор. – Алма-Ата, 1967. – № 10. – С. 94.

техноэлиты, включая молодых русских инженеров, прибывших в Южную Америку из Чехословакии. Пораженцы исходили из наличия двух врагов у России: внешнего – в лице Германии, Японии, Польши и внутреннего – большевистской диктатуры. Действуя по принципу выбора – «меньшего из двух зол», делая ставку на Германию, эта часть эмиграции видела свой патриотический долг в свержении с ее помощью советской власти, которая оккупировала их страну, и в освобождении России от «антирусского коммунистического Интернационала». В этой связи частью эмиграции положительно оценивался факт создания Антикоминтерновского пакта в 1936–1937 гг.

Показательным в этом смысле было мнение бывшего белоэмигранта из Парагвая А.Г. фон Экштейн-Дмитриева, которое он высказал в интервью российскому исследователю-латиноамериканисту Б.Ф. Мартынову: «Нападению Гитлера многие у нас радовались: думали: он несет с собой освобождение от большевизма», и не верили сначала и в цели, которые преследовал Гитлер в отношении России и в отношении славян, расценивая это исключительно как коммунистическую или англо-американскую пропаганду. Поэтому поддержали генерала Н.Ф. Эрна и так называемых “эрновцев”, почти поголовно выступивших на стороне Германии в начале войны»[1].

В числе сторонников Германии в эмигрантской среде были такие организации, как «Русский союз» в Парагвае, «Союз русских» и Национальный союз участников войны в Чили, «Русский центр» в Рио-де-Жанейро[2]. Представители националистических организаций эмигрантов из Прибалтики, Закавказья, Западной Украины, проживавшие в Латинской Америки, также отличались непримиримостью по отношению к политическому режиму СССР и также с надеждой смотрели на нацистскую Германию[3].

---

[1] *Мартынов Б.Ф.* Русский Парагвай: Повесть о генерале Беляеве, людях и событиях прошлого века. – М., 2006. – С. 191.
[2] ГА РФ. Ф. Р–6646. Оп. 1. Д. 86. Л. 2–3.
[3] Там же.

Однако новое размежевание не всегда совпадало со старым традиционным для эмигрантов идеологическим расколом на политические группы и движения. Нередко убежденные монархисты и даже представители императорской фамилии становились «оборонцами», а люди вовсе без убеждений – «пораженцами». Накануне и в первые годы войны проявилась новая тенденция в политической жизни русской эмиграции, которая заключалась в поиске диалога диаспоры с СССР. За эти годы произошло смягчение первоначальных резких противоречий части российской эмиграции и советской страны, что, в свою очередь, способствовало зарождению в зарубежье движения к сближению с СССР, связанного с ростом угрозы со стороны набиравшего силу фашизма[1].

На этом фоне произошел переход части эмигрантов первой волны на позиции оборончества, а в ряде случаев и советского патриотизма. В результате участниками оборонческого движения в Латинской Америке стали, с одной стороны, представители трудовой эмиграции, симпатизировавшие новой власти в СССР, с другой – часть белой эмиграции, которая, оставаясь на антикоммунистических позициях и не признавая сталинский режим, крайне отрицательно отнеслась к нападению нацистской Германии на Россию. Как известно, в Европе политику нацизма отвергли такие эмигрантские издания, как парижские «Последние новости» (ред. – П.Н. Милюков), «Путь» (ред. – Н.А. Бердяев), «Новый град», деятельность которых, как отмечает А.И. Доронченков, «идейно подготовила прямое сопротивление части русской эмиграции гитлеровским оккупантам»[2]. В Латинской Америке, в частности, в Аргентине в числе «оборонцев» был генерал-лейтенант А.В. фон Шварц, который в самом начале нападения Германии на Советский Союз заявил

[1] См.: *Тарле Г.Я.* Судьбы российских эмигрантских диаспор в годы II мировой войны // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. – М., 2001. – С. 71-72.

[2] *Доронченков А.И.* Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. – СПб., 2001. – С. 179.

о необходимости выступить в столь тяжелый для страны час на стороне СССР и пожелал победы его армии. После 22 июня генерал А.В. фон Шварц выступал больше как военный наблюдатель, замечая, что русская армия казалась «не готовой к войне». Имевшиеся на тот момент сведения о состоянии авиации, вооружений, оборонительных сооружений армии и качествах ее военачальников вселяли уверенность в том, что она не сможет «тягаться с немецкой»[1]. А.В. фон Шварц признавал, что «война захватила» их с женой всецело и с той поры они жили «только мыслью о России»[2].

В то же время пораженцы в эти дни, наоборт, с энтузиазмом сообщали в своих газетах, как вспоминал генерал А.В. фон Шварц, что «красные разбиты», «красные понесли громадные потери», «немецкая армия овладела таким-то городами» и т.д. Они утверждали, что «русский народ ненавидит свое правительство и что население провинций, из которых уходили немецкие войска, предпочитало уходить с ними, дабы не оставаться под игом большевиков». Одним из изданий, которое занималось подобной пропагандой в эмигрантской среде в Аргентине, была газета «Вестник», которая выходила, по данным А. В. фон Шварца, на средства, получаемые от немецкого посольства, а позже «на субсидии, выдаваемые для этого отцом Изразцовым»[3].

В свою очередь, сам генерал справедливо возражал оппонентам, считая, что «в России власть и народ стали ближе друг к другу, чем были раньше, и отношения между ними стали много проще». При этом он подчеркивал, что никогда не был сторонником советской власти, но всегда пытался разобраться в том, что происходит в России[4]. Многие бывшие офицеры, профессора, инженеры объясняли свою вражду к установившемуся

---

[1] См.: *Шварц А.В. фон.* Жизнь, мысли, дела и встречи. Ч. V. На чужбине. Воспоминания (маш. копия с авт. правкой) // ГА РФ. Ф. Р–10027. Оп. 1. Д. 8. Л. 130.
[2] Там же. Л. 133.
[3] Там же. Л. 134-136.
[4] Там же. Л. 140.

режиму идеологическими причинами, рассматривали советское правительство «тираническим, лишившим русский народ свободы и превратившим его в рабов», поэтому радовались неудачам русских войск и желали победы германским. По этому поводу генерал Шварц задавался вопросом: «Как можно совместить патриотизм с желанием торжества иностранного войска со всеми неизбежными последствиями завоевания, известными всем?»[1]

Позицию генерала А.В. фон Шварца разделял и переселившийся из Парагвая в Аргентину полковник В.М. Бэк, также выпускник Инженерного училища и Академии в Санкт-Петербурге, специалист по фортификации, которого А.В. фон Шварц называл «большим русским патриотом»[2]. В начале 1944 г., незадолго до своей смерти, В.М. Бэк написал поэму «О, Русская Земля», которая была издана на средства благотворительного русско-аргентинского общества помощи старикам и сиротам «Эль Консуэло», основанного в 1942 г. женой генерала Шварца Антониной Васильевной. Как писал А.В. фон Шварц, хотелось, чтобы каждый русский прочитал поэму и воскресил в сердце своем то великое чувство любви к Родине, которое вселит веру в победу России[3]. В это же время сам генерал А.В. фон Шварц как профессиональный военный анализировал тактику боевых действий Красной Армии на Восточном фронте, что нашло отражение в его трудах: «Нужно хорошо понимать уроки войны» (1941), «Настоящая ценность фортификации» и «Сталинград» (1943), «Два плана войны немецкий и русский и роль фортификации» (1944) и др.[4]

В Парагвае, согласно материалам официальной «Справки за 1947 г.», полученной на имя заведующего латиноамериканским отделом МИД СССР К.Е. Зинченко, также в годы войны обозначился раскол в среде русской эмиграции. Активным дея-

---

[1] См.: *Шварц А.В. фон.* Жизнь, мысли, дела и встречи. Ч. V. На чужбине. Воспоминания … Л. 131.
[2] Там же. Л. 215.
[3] Там же. Л. 214.
[4] Там же. Л. 321.

телем ее антисоветской части назывался бывший капитан царской армии В. Шепелев, который «вел агитацию за создание добровольческих отрядов для гитлеровской Германии», а объединялся «антисоветский фашистский лагерь», по заключению советской стороны, генералом И.Т. Беляевым[1]. На самом деле, как проясняет ситуацию Б.Ф. Мартынов, генерал И.Т. Беляев, оставаясь монархистом-антикоммунистом, был первым в среде русской диаспоры Парагвая, выступившим публично в поддержку СССР после нападения на него нацистской Германии. Он же был в числе тех, кто приветствовал победу Красной Армии в 1945 г. и особенно сам факт ее вступления в Берлин, что было значимым для бывшего царского офицера, которому не удалось под российскими знаменами войти туда в Первую мировую войну[2].

Патриотический лагерь в Парагвае сложился также в среде русской и польской эмиграции выходцев из Западной Украины и Западной Белоруссии под руководством генерала С.П. Бобровского, который в годы войны участвовал в работе Общества помощи сиротам Отечественной войны[3]. Представители этой части эмиграции вошли в состав так называемой Ассоциации союзников, в рамках которой ими был создан Русский отдел. В 1944 г. через г. Монтевидео русскими членами Ассоциации была отправлена крупная партия мясных консервов в дар советскому Красному Кресту[4].

В годы войны проблема раскола обозначилась и в рядах Русской православной церкви за рубежом. Первоиерархи РПЦЗ, в том числе в странах Латинской Америки, поддержали агрессию нацистской Германии против СССР в надежде на «крестовый поход» фашистской коалиции против международного коммунизма и освобождение России. Так, в день начала фашистской агрессии против СССР настоятель прихода в Буэнос-

[1] АВП РФ. Ф. 070. Оп. 15. Папка № 104. Д. 25. Л. 24-25.
[2] См.: *Мартынов Б.Ф.* Русский Парагвай… – С. 193.
[3] См.: *Лушев Е.* Русское рассеяние. Аргентина. Очерки. – Калининград, 2007. – С. 38.
[4] АВП РФ. Ф. 070. Оп. 15. Папка № 104. Д. 25. Л. 25.

Айресе протопресвитер К.Г. Изразцов призвал прихожан помолиться «за победу воинства, пошедшего против большевиков». Большая часть присутствующих сразу же покинула богослужение. Бразильская епархия и ее глава архиепископ Феодосий (Самойлович) также отказались служить молебны о победе советского оружия, в результате чего в их адрес поступали угрозы и обвинения в фашизме, измене Родине и антидемократических, пронемецких настроениях. Со стороны совпатриотов чинились препятствия посещению храма, где проводил службу архиепископ Феодосий[1].

Оборонцы в Аргентине, возглавляемые генералом А.В. фон Шварцем, потребовали, чтобы протоиерей К.Г. Изразцов отслужил молебен о победе Красной Армии над германскими войсками и о поражении Германии. Его позицию поддержал также Вл. Ф. Римский-Корсаков – правнук композитора, который в тот период служил священником в одной из православных церквей Буэнос-Айреса, построенной оборонцами и перешедшей в подчинение Московской патриархии.

Однако протопресвитер К.Г. Изразцов отказался служить молебен о победе Красной Армии на том основании, что этой армией «руководила власть, уничтожавшая храмы и преследовавшая на родине православную церковь»[2]. Хотя позднее отец Константин отслужил панихиду по погибшим православным русским воинам, а в период кампании Аргентинского Красного Креста по оказанию помощи русским, находившимся в плену и на оккупированных территориях, призвал всех соотечественников участвовать в этой акции[3].

Оборонцы и совпатриоты в Аргентине, возмущенные позицией отца К.Г. Изразцова, обратились к Патриарху Московскому и всея Руси Алексию I с прошением об учреждении

---

[1] См.: Русская православная церковь за границей: 1918–1968. Т. 2 / Под ред. А.А. Соллогуба. – Нью-Йорк, 1968. – С. 1223-1224.

[2] *Бенуа Г.* Сорок три года в разлуке // Простор. – Алма-Ата, 1967. – № 10. – С. 94.

[3] См.: Вестник. – Буэнос-Айрес, 2 марта 1942 г.

в Аргентине архиерейской кафедры Русской православной церкви. В 1943 г. было создано Аргентинское викариатство Алеутской и Североамериканской епархии Московского Патриархата. 29 июня 1946 г. Священный Синод Русской православной Церкви постановил основать Аргентинскую епархию (в 1964 г. к ее названию добавилось слово «Южноамериканская») в составе Алеутского и Североамериканского Патриаршего Экзархата (с 1947 г. – Экзархат Северной и Южной Америки)[1].

Тем временем в Бразилии в 1942 г. отец Дмитрий (Ткаченко), служивший в церкви на Вила Альпина, также перешедшей под юрисдикцию Московской патриархии, выступил с открытым письмом в газете «Русский в Аргентине» (1942 г., № 618) с обвинениями протопресвитера К.Г. Изразцова «в предательстве». Группу противников победы советского оружия отец Д. Ткаченко называл в письме «национально мыслящими», «шествующими позади немецких штыков и строящих свое личное благополучие на успехах давнего врага русского народа»[2].

Публичный ответ протопресвитера К.Г. Изразцова отцу Дмитрию (Ткаченко) также был официально опубликован[3]. Он категорически отвергал все обвинения в свой адрес в «предательстве народу и Родине» на том основании, что сам он «С.С.С.Р никогда не признавал, и что его настоящая благочестивая родина – не существует и само ее название Россия – не существует»[4]. В декабре 1942 г. в г. Сантьяго (Чили) имела место аналогичная аргентинской попытка принудить местного священника отслужить панихиду по убитым в войне русским и иноверцам. После того, как был получен отказ, 27 человек

---

[1] См.: *Паласио Мигель*. 15 лет в Латинской Америке [Электронный ресурс] // http://rusecuador.ru/content/russkoyazychnye-smi-ob-ekvadore/7447-15-let-v-latinskoj-amerike.html.

[2] *Протопресвитер К. Изразцов*. Ответ священнику Д. Ткаченко, принявшему юрисдикцию советского митрополита Вениамина. Сан-Пауло. Бразилия. – Буэнос-Айрес, 1942 (август). – С. 11.

[3] Там же.

[4] Там же.

(в числе которых был бывший улан полка Ее Величества С.А. Кушелев) в знак протеста вышли из прихода[1].

Таким образом, в основе оборонческой позиции части военной эмиграции лежали идеи русского патриотизма, вызванные осознанием угрозы, которую представлял гитлеровский нацизм для национальной независимости страны. Отражая подобные настроения в среде русского зарубежного воинства, Г. Бенуа писал: «Когда к нам пришли, – правда, в очень малом количестве – фотографии военных действий, и мы увидели русских офицеров в похожих на старые наши кителях-рубашках и солдат в гимнастерках с «лычками» на погонах, тут уж гордости нашей не было предела»[2]. О том, что это был русский, а не советский патриотизм поведал в своей беседе с профессором Б.Ф. Мартыновым и А.Г. фон Экштейн-Дмитриев, также отметивший, что военные эмигранты обратили внимание, что Сталин «ввел погоны, гвардейские звания, воззвал к священным чувствам»[3].

Характеризуя черты, свойственные зарубежным диаспорам, академик В.А. Тишков называет в качестве одной из них «убеждение, что ее члены должны коллективно служить сохранению или восстановлению своей первоначальной родины, ее процветанию и безопасности». «В ряде случаев, – считает ученый, – именно вера в эту миссию обеспечивает этнообщинное сознание и солидарность диаспоры»[4]. Можно сказать, что в годы Второй мировой войны возникла ситуация, когда проявилась подобная «солидарность диаспоры», благодаря чему стало возможным восстановление ее связи с родиной. Данный вывод подтверждается и в рамках рассматриваемой нами темы.

---

[1] Вестник. – Буэнос-Айрес, 3 апреля 1943 г.

[2] *Бенуа Г.* Сорок три года в разлуке. Воспоминания. // Простор. – Алма-Ата. – 1967. – № 12. – С. 66.

[3] *Мартынов Б.Ф.* Русский Парагвай… – С. 192.

[4] *Тишков В.А*. Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. – М., 2001. – С. 21.

В свою очередь, сталинское руководство в СССР в условиях роста угрозы национальной безопасности, обратившись к национально-патриотическим традициям, вспомнило о значительной русскоязычной диаспоре не прямо, но опосредованно – через созданные в начале войны Всеславянский и Еврейский антифашистские комитеты призвало соотечественников за рубежом откликнуться и поддержать антифашистскую борьбу Советского Союза. Тем самым И. Сталин противопоставил фашистской тактике геноцида и национального разобщения народов политику объединения жертв агрессии и им сочувствующих за рубежом, и прежде всего в лице зарубежного славянства. В связи с этим в начинавшейся одновременно с боевыми действиями информационной войне для СССР оказалась актуальной задача консолидации славянских народов на оккупированных территориях, а также в эмигрантской среде. Особая ставка в советской антифашистской контрпропаганде в период войны была сделана на патриотически настроенную русскоязычную эмиграцию за рубежом. Перед новыми организациями ставилась задача проведения антифашистской пропаганды путем таких форм массового охвата аудитории, как радиомитинги, радиообращения, распространение печатной продукции, в том числе печатных изданий Всеславянского комитета – журнала «Славяне» (издававшийся вплоть до декабря 1958 г.) и газеты Еврейского антифашистского комитета – «Эйникайт» («Единство») и «Биробиджанер Штерн». При ВСК было организовано пресс-бюро, которое установило за годы войны связи с более чем 70 газетами и журналами мира, включая издания славянских эмигрантских организаций в странах Латинской Америки[1], которой в работе антифашистских комитетов уделялось специальное внимание. На совещании в Совинформбюро в октябре 1941 г. посол СССР в США К.А. Уманский докладывал об имеющихся сообщениях из Латинской Америки о хорошей

[1] ГА РФ. Ф. Р–6646. Оп. 1. Д. 29. Л. 74; Там же. Д. 31. Л.3; Там же. Д. 72. Л. 21.

слышимости радиопередач из Москвы[1]. Как вспоминал один из деятелей славянского антифашистского движения в Аргентине П.П. Шостаковский, «первую идею объединения славян подал слет в августе в Москве», после чего начали появляться по всей Аргентине «комитеты помощи славянским странам»[2]. Это были как общеславянские, так и национальные – русские, украинские, белорусские, польские и другие комитеты помощи СССР. В декабре 1941 г. с целью объединения всех проживавших в стране славян «на основе принципов, изложенных на первом всеславянском митинге в Москве», был образован Комитет славянского единства в Аргентине, председателем которого с декабря 1943 г. стал П.П. Шостаковский. Комитет имел свой печатный орган – бюллетень «Славянское единство»[3]. Сам П.П. Шостаковский, когда началась война, стал издавать собственный журнал и выступать по радио на антифашистском «Вражеском голосе» под именем «полковника Х.», рассказывая жителям Латинской Америки о событиях на советско-германском фронте[4]. В годы войны в Аргентине действовала также организация «Про патрия» («За Родину» – *исп. яз*.) во главе с бывшим казачьим офицером Пучковым.

Осенью 1941 г. также под влиянием обращения первого всеславянского митинга в Москве в столице Уругвая был создан Русский комитет «За Родину», а начале 1942 г. антифашистски настроенные славяне, проживавшие в этой стране, объединились в Координационный комитет славянских организаций (с 1943 г. – Славянский союз Уругвая), деятельность которого отличалась заметной активностью: ежемесячно собиралось бо-

---

[1] ГА РФ. Ф. Р–8581. Оп. 1. Д. 1. Л. 15. В 1942 г. в Латинской Америке было 4 млн радиоприемников, половина из которых могла принимать коротковолновые радиопередачи. Широко распространено было групповое слушание радиопередач. Во многих странах были радиофицированы автобусы.

[2] *Шостаковский П.* Путь к правде. Воспоминания. – Минск, 1960. – С. 341.

[3] ГА РФ. Ф. Р–6646. Оп. 1. Д. 2/1. Л. 129.

[4] *Шостаковский П.* Я вернулся на Родину // за возвращение на Родину. – 1957 г., 21 ноября. – № 94. – С. 35.

лее 3 тыс. песо, кроме того, велась кампания по сбору одежды, обуви, медикаментов, продуктов питания для СССР[1]. Активное участие в сборе средств в фонд помощи соотечественникам принимал также Культурный центр им. Т. Шевченко (с 1944 г. – им. М. Горького). После открытия в 1943 г. посольства СССР в Монтевидео иммигрантами было принято решение о создании Комитета по борьбе с фашизмом имени К. Ворошилова[2]. В другом уругвайском городе – Сан-Хавьере патриотически настроенные эмигранты также откликнулись на события в СССР, создав Комитет помощи Советскому Союзу, общий фонд которого составил 40 тыс. песо[3].

В Чили в годы войны действовали Союз русских патриотов, с которым поддерживалась связь по линии ВОКСа, и Межславянский комитет; в Парагвае – общество «Славянин». В Рио-де-Жанейро в годы войны был создан Славянский союз Бразилии, председателем которого была Е.М. Спиридонова, двоюродная племянница генерала И.Т. Беляева[4].

Призыв-обращение из Москвы Всеславянского комитета и установление эмигрантскими патриотическими организациями прямых контактов с Москвой сразу получили негативную оценку в изданиях, представлявших позицию пораженцев. Так, «Русская газета», выходившая в Бразилии, по этому поводу заявляла, что «большевики спасают себя, для чего вспомнили и о славянском единстве и созвали Всеславянские митинги в Москве»[5]. Созданные фактически по инициативе Москвы Славянские союзы в странах Латинской Америки со страниц местных газет все чаще обвинялись в «коммунизме и советизме». Аргентинская эмигрантская газета «Наша страна» прямо заявляла о том, что организации, подобные Славянскому союзу Аргенти-

---

[1] См.: Славяне. – 1944. – № 4. – С. 35.

[2] См.: Русские в Уругвае… – С. 134-135. Семья Н.С. Бененштейна в 1956 г. вернулась в СССР.

[3] См.: СССР–Уругвай: 60 лет дипломатических отношений. – М., 1986. – С. 31.

[4] См.: *Мартынов Б.* Русский Парагвай… – С. 182.

[5] Русская газета. – Сан-Пауло, 15 февраля 1943 г.

ны, «живут на деньги и по инструкциям Москвы»[1]. Местные власти при случае закрывали просоветские эмигрантские издания, преследовали деятельность патриотически настроенных славянских организаций.

Вместе с тем, нельзя отрицать того факта, что именно на антифашистской основе произошла консолидация многочисленной славянской диаспоры, сформировавшейся в таких странах, как Аргентина, Уругвай, Бразилия, Чили, вслед за чем последовало создание в ответ на призыв из Москвы славянских комитетов, заявивших о своей солидарной позиции на Первом славянском конгрессе 23 апреля 1943 г. в Монтевидео. Центром объединения славян Латинской Америки, сочувствовавших СССР, стал Всеславянский Координационный комитет, располагавшийся в Уругвае во главе с его председателем, бывшим капитаном русской армии Вл. Евдокимовым, который находился в регулярной переписке с руководством ВСК в Москве, информировал его членов о развитии славянского антифашистского движения в латиноамериканских странах, о характере использования материалов, присылаемых из Москвы и т.д.[2]

Патриотически настроенная часть эмиграции в Аргентине, которых оппозиционная пресса называла «агитаторы от Компартии», включая представителей редакции газет «Русский в Аргентине», «Свитло», ходили по домам, призывая жертвовать средства на победу; им помогали в этом белорусы, поляки, чехи[3]. После славянского континентального конгресса эмигрантские организации Аргентины ежемесячно передавали от 3 до 5 тыс. песо на покупку медикаментов и теплой одежды для Красной Армии. Специально в помощь освободившимся городам и селам Украины аргентинские славяне собрали около 30 тыс. песо, 20 тыс. пар обуви, 150 т теплой одежды и 8 ящиков адреналина. Более 3 тыс. песо ежемесячно собирали славя-

[1] ГА РФ. Ф. Р–6646. Оп. 1. Д. 86. Л. 2.
[2] Там же. Д. 49. Л. 25; *Сизоненко А.И., Панков Н.А*. Наши соотечественники в Латинской Америке. – М., 2002. – С. 30.
[3] См.: Вестник. – Буэнос-Айрес, 17 октября 1942 г.

не Уругвая, Чили, Боливии и Парагвая[1]. В 1943 г. славяне Латинской Америки собрали до 100 тыс. песо и купили 4 млн ампул противогазовой инъекции, 7,5 млн вакцин для переливания крови[2].

Достаточно активной в этом смысле была и русская эмиграция в Бразилии. В частности, русская колония г. Сан-Пауло, по воспоминаниям ее старожила И.Ф. Лихоманова, в большинстве своем оказалась настроена патриотически. Так, например, располагавшаяся здесь Младоросская партия полностью встала на сторону Советского Союза, после чего самораспустилась[3]. Некоторые люди, у кого были хорошие радиоприемники, «по ночам слушали Москву»[4]. Победа под Сталинградом вызвала особый патриотический подъем среди эмигрантов. В сентябре 1943 г. в Сан-Пауло был создан Русский комитет помощи жертвам войны в России, который все называли Русским комитетом, председателем которого был граф Э.П. Беннигсен – немец по происхождению, православный, женатый на русской, которого окружающие характеризовали как «большого патриота своей Родины – России» [5]. Вице-председателем Русского комитета стал работавший в тот период в Университете Сан-Пауло профессор Г.В. Ватагин, который во время войны предлагал свои услуги Советскому Союзу и просил разрешения на въезд в СССР. Однако его письмо, как отмечал советский посол, «наряду с тысячами других, не удостоилось ответа»[6]. Кроме Г.В. Ватагина, в руководство Русского комитета входили профессор В.Н. Сахаров, князь А.Б. Голицын, В.А. Остолопов, И.Ф. Лихоманов, Г.В. Сакун. Одним из организаторов и участником деятельности Русского комитета был Б.И. Солодовников – до революции член левоэсеровской партии, поручик Российской императорской армии, во времена Керенского – помощник комен-

[1] ГА РФ. Ф. Р–6646. Оп. 1. Д. 5. Л. 58.
[2] Там же.
[3] БФ РЗ. Ф. 1. М-237. Кн. 5. Ч. 2 Л. 2291.
[4] Там же. Кн. 4. Л. 1314.
[5] Там же. Л. 1418.
[6] АВП РФ. Ф. 076. Оп. 9а. Папка № 105. Д. 3. Л. 5–7.

данта Петрограда[1]. Всего в 1944 г. Русский комитет помощи жертвам войны передал в фонд помощи СССР 968 тыс. крузейро и отправил 21 контейнер с теплой одеждой и медикаментами. В 1945 г. это уже было 48 контейнеров[2]. Инициативу по сбору средств и отправке помощи в Россию проявил также бразильский Красный Крест, в деятельности которого приняли участие русские эмигранты.

Большинство членов русской колонии в Чили, по данным О. Ульяновой и К. Норамбуэны, также были на стороне союзников[3]. Многие русские участвовали в деятельности Комитета солидарности с союзниками, посылали в Россию продукты питания и медикаменты. Одним из участников этого движения был Б. Аничков (потомок строителя известного петербургского моста, инженера-подполковника М.О. Аничкова), который пытался вернуться на родину в годы войны, чтобы принять участие в ее защите. Именно тогда, на волне патриотического подъема часть русской колонии предложила перевести Русскую православную церковь, построенную в Чили эмигрантами, из ведения РПЦЗ в лоно Русской православной церкви Московского Патриархата, что еще больше раскололо эмигрантскую колонию.

По сведениям советских дипломатических источников, во время войны некоторые эмигранты, проживавшие в Южной Америке, подавали в посольство СССР в США заявления с просьбами об отправке их на фронт. По данным советского историка А.А. Стрелко, в ноябре 1942 г. состоялась отправка в Великобританию добровольцев из числа российских иммигрантов, что составило соответственно: 1140 человек – из Аргентины, 580 – из Бразилии, 106 – из Уругвая, 20 – из Чили и Парагвая. Реакцию пораженцев на добровольческое движение в эмигрантской среде отражала статья под названием «Каиново

[1] БФ РЗ. Ф. 1. М-237. Оп. 1. Кн. 4. Л. 1413–1416.
[2] См.: *Стрелко А.А.* Славянское население в странах Латинской Америки (Исторический очерк). – Киев, 1980. – С. 58.
[3] См.: *Ульянова О., Норамбуэна К.* Русские в Чили… – С. 181.

дело» в газете «Вестник», выходившей в Буэнос-Айресе. Газета сообщала об отправке из страны английского парохода, на борту которого находилось до 300 добровольцев, как было написано, «сбитых с толку коммунистической пропагандой русских людей». По данным газеты, на тот момент по счету это была уже тринадцатая партия, и к октябрю 1942 г. общее число эмигрантов-добровольцев из Аргентины составило около 1500 человек, отправленных на линию фронта в Африке. Газета с осуждением заключала по данному поводу: «Этих людей советская власть выгнала уже 25 лет и до сих пор гонит, а они и умирать за нее готовы»[1].

На фоне активизации просоветских эмигрантских объединений в странах Латинской Америки и расширения их связей с прокоммунистической организацией Советского Союза, как именовался тогда ВСК за рубежом, начались преследования организаций, открыто сочувствовавших СССР. В октябре 1943 г. правительство Аргентины закрыло ряд славянских изданий, занимавших просоветскую позицию, в том числе газеты «Эхо», «Русский в Аргентине» и др. Уже после войны декретом от 25 апреля 1949 г. был наложен запрет на деятельность Славянского союза Аргентины.

Таким образом, в годы Второй мировой войны возникла ситуация, которая поставила русскую эмиграцию перед непростым выбором и внесла изменения в поведение и психологию «Зарубежной России». «22 июня сделал то, – писал Г. Бенуа, – что не смогли сделать десятилетия. В этот день отчетливо определилась позиция русских эмигрантов, – началась та переоценка ценностей, которая в корне изменяла психологию подчас самых непримиримых противников советского строя»[2].

В результате часть Русского мира, оказавшегося за рубежом, исходя прежде всего из собственных политических убеждений, сделала свой нравственный выбор в пользу Германии

---

[1] Вестник. – Буэнос-Айрес, 17 октября 1942 г.

[2] *Бенуа Г.* Сорок три года в разлуке // Простор. – Алма-Ата, 1967. – № 10. – С. 94.

как «будущего спасителя России от большевизма», и подобная непримиримость сохранялась все последующие годы.

Другая часть представителей русской диаспоры выступила на позициях советского патриотизма, признав советскую власть «своей».

Третья группа так называемых «оборонцев», продолжавшая стоять на позициях антикоммунизма, не могла не видеть в Советском Союзе полюса противодействия силам агрессии и зла и потому поддержала справедливую борьбу своего народа против фашизма. Этому способствовала и новая ситуация канун и начала войны, в рамках которой произошло смягчение первоначальных резких противоречий части российской эмиграции и советской страны, в результате чего обозначился поиск диалога диаспоры и родины.

Установившиеся контакты, отсутствие языкового барьера способствовали тому, что направляемые из СССР пропагандистские материалы, включая периодические издания антифашистских комитетов, имели своих читателей среди представителей русской, украинской, белорусской, польской, армянской, еврейской диаспор в латиноамериканских странах.

От имени оборонцев и совпатриотов в СССР поступали грузы с материальной помощью от национальных диаспор. Еще одной формой проявления солидарности с родиной стало добровольное участие эмигрантов из стран Латинской Америки в боевых действиях в составе армий союзников на Западном фронте и в Африке. Восстановленная в годы войны связь эмигрантов с родиной сыграла свою роль в процессе сохранения культурного облика и национальной идентичности эмигрантского сообщества. Часть просоветски настроенной эмиграции составила в послевоенный период основной костяк добровольных репатриантов в СССР.

Раздел II

РУССКИЕ ПЕРЕМЕЩЕННЫЕ ЛИЦА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ (1945–1960-е гг.)

Глава 1

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ПОЛИТИКА ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СТРАН В ОТНОШЕНИИ БЕЖЕНЦЕВ ИЗ ЕВРОПЫ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

По окончании Второй мировой войны в Европе скопилось до 9 млн беженцев, вследствие чего данная проблема вновь оказалась в центре мировой политики. В соответствии с Ялтинскими соглашениями в числе первых проблемой беженцев занялось союзное военное командование (СССР, США, Великобритании), приступившее к осуществлению политики репатриации, в соответствии с которой советские подданные должны были передаваться властям СССР. При этом полякам, югославам и жителям Прибалтики предоставлялось право выбора, возвращаться или не возвращаться на родину[1], поскольку западные союзники с самого начала решили считать советскими гражданами только тех, кто проживал в СССР на 1 сентября 1939 г. Право не возвращаться на родину было признано и за русскими «бесподданными» или «старыми эмигрантами», как их тогда стали называть в отличие от «новых» или «советских», поскольку и они на 1 сентября 1939 г. не проживали в СССР.

[1] См.: *Полчанинов Р.* От UNRRA до IRO // За свободную Россию. – NY, февраль 2005. – С. 1.

Так возникла категория перемещенных лиц – Displaced persons of United Nations (сокращенно DP или ди-пи), к числу которых ООН относила: граждан стран-противников, граждан СССР, бывших гражданских пленных, граждан Англии и США, чья государственная принадлежность не была выяснена в связи с территориальными изменениями; лиц политически или религиозно преследуемых; граждан нейтральных государств; ненемецких коллаборантов[1].

С проблемой беженцев из Европы мировое сообщество столкнулось еще накануне войны. Тогда, в июле 1938 г., состоялась международная конференция в г. Эвиан (Франция), созванная президентом Ф. Рузвельтом с участием представителей 32 стран, посвященная проблеме еврейских беженцев из Германии и Австрии. На ней был учрежден Межправительственный комитет по беженцам во главе с Рабли (США) (после его отставки в феврале 1939 г. Комитет возглавил Г. Эмерсон, совмещавший эту работу с обязанностями Верховного Уполномоченного Лиги Наций по беженцам)[2], в исполком которого входили представители США, Великобритании, Французского комитета национального освобождения, а также Аргентины, Бразилии. На конференции были определены квоты для европейских эмигрантов, но в связи с началом войны эмиграция была приостановлена. И тогда уже было ясно, что программы по беженцам будут работать только, если будут налажены пароходные перевозки и урегулированы все прочие вопросы по устройству иммигрантов. С апреля 1943 г. Межправительственный комитет по беженцам принял решение работать не только с беженцами из Германии и Австрии. К ноябрю 1945 г. в его состав входили уже представители 36 стран, заявивших о готовности принять участие в решение послевоенной беженской проблемы. Наряду с СССР, Великобританией, США, здесь широко были представлены страны Латинской Америки, а именно Аргентина, Боливия, Бразилия, Чили, Колумбия, Доминиканская республи-

[1] См.: *Полян П.* Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. – М., 1996. – С. 213.
[2] ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 388. Л. 225.

ка, Эквадор, Гаити, Гондурас, Мексика, Никарагуа, Парагвай, Перу, Венесуэла[1].

В разгар войны, 9 ноября 1943 г., в Вашингтоне была учреждена Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций (United Nations Relief and Rehabilitation Administration – ЮНРРА), куда помимо вышеназванных латиноамериканских стран (но без Аргентины) вошли также Гватемала, Коста-Рика, Куба, Панама, Сальвадор, Уругвай[2]. Страны согласились пожертвовать на послевоенные цели один процент национального дохода, что составило около миллиарда долларов (в дальнейшем взнос был увеличен до двух процентов)[3]. Во главе ЮНРРА находился Совет, состоявший из представителей (или их заместителей) от каждой страны-участницы. Между сессиями Совета (которые проходили не реже двух раз в год) политическую линию ЮНРРА определял Центральный комитет, в который входили представители СССР, США, Англии и Китая (позднее также Австралии, Бразилии, Канады, Франции и Югославии). Кроме Совета и Центрального комитета ЮНРРА были созданы два региональных комитета – по делам Европы и по делам Дальнего Востока, а также комитеты снабжения, финансового контроля, промышленного восстановления, по вопросам содержания перемещенных лиц, здравоохранения, сельскохозяйственного восстановления и общественного призрения. Исполнительная власть ЮНРРА в пределах общей политики, определяемой Советом или Центральным комитетом, находилась в руках генерального директора, назначаемого и увольняемого Советом по единогласной рекомендации Центрального комитета.

Важной частью деятельности ЮНРРА было оказание помощи союзным армиям в решении проблемы беженцев и перемещенных лиц. В ноябре 1944 г. ЮНРРА подписала соглашение с союзным командованием, согласно которому под ее ад-

---

[1] ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 405. Л. 22.

[2] См.: *Полян П. Н.* Жертвы двух диктатур… – С. 318.

[3] См.: Дипломатический словарь. ЮНРРА / http://enc-dic.com/diplomat/JUnrra-1134.html

министративный контроль перешли лагеря перемещенных лиц на территории Германии, в отношении которых деятельность ЮНРРА ограничивалась оказанием им административной, медицинской и социальной помощи. В отличие от периода Лиги Наций, Советский Союз принимал участие в обсуждении проблем беженцев в рамках Генеральной Ассамблеи ООН и в деятельности ЮНРРА, поскольку эта организация оказывала помощь в восстановлении Украины и Белоруссии и сотрудничала с советскими властями[1]. Но при этом СССР выступал против перемещения ди-пи, заявляя, что, во-первых, таким образом могли уйти от правосудия военные преступники и предатели, а, во-вторых, существовали опасения, что этих людей обрекали в будущем на нищету и всякого рода дискриминации[2].

К октябрю 1945 г. ЮНРРА стала основной организацией, осуществлявшей помощь перемещенным лицам. Своего пика деятельность этой организации достигла летом 1946 г., когда под ее опекой оказалось около 850 тыс. перемещенных лиц; общая сумма расходов при этом составила около 3 млрд дол., из них почти половина шла на продовольствие[3].

Основную массу перемещенных лиц составляло советское гражданское население, угнанное фашистскими оккупантами на принудительные работы в Германию и другие страны. При этом жители СССР в границах до 17 сентября 1939 г. имели статус «восточных» рабочих (остарбайтеров), а «иностранные рабочие» из Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии и Северной Буковины – «западных» рабочих. Уцелело также не более 1,7 млн советских военнопленных, включая поступивших на военную или полицейскую службу к противнику[4]. Сюда же входили отступившие с немца-

---

[1] См.: *Антошин А.В.* Российские эмигранты в условиях «холодной войны» (середина 1940-х – середина 1960-х гг.). – Екатеринбург, 2008. – С. 53.

[2] ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 387. Л.5.

[3] См.: Электронная еврейская энциклопедия. ЮНРРА / http://www.eleven.co.il/article/15163

[4] См.: Репатриация перемещенных советских граждан // Война и общество, 1941–1945. – М., 2004. – С. 24-32.

ми с территории СССР их пособники и беженцы (часто с семьями).

В СССР миссия по возвращению советских граждан на родину координировалась специально созданным в 1944 г. Управлением уполномоченного СНК СССР по делам репатриации во главе с генералом Ф. И. Голиковым. С сентября 1945 г. на фоне ухудшения отношений между СССР и странами Запада бывшие союзники прекращают свое содействие репатриации советских граждан. К началу 1946 г. после репатриации в СССР 5,1 млн советских граждан в оккупационных зонах западных держав оставалось еще более 0,5 млн перемещенных лиц, стремившихся избежать репатриации и ставших невозвращенцами (в их числе было немало выходцев из Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии). Что касается выходцев с собственно территории СССР, то, по некоторым данным, 43% из них составляли украинцы, 28% – русские, 9% – белорусы, были также народы Поволжья, Сибири, Северного Кавказа и Закавказья[1]. Отказавшись от репатриации, они превращались в политических беженцев, лиц без гражданства. Кроме того, некоторые нансеновские беженцы – представители первой волны русской эмиграции, переместившиеся в британскую, американскую и французскую зоны оккупации в Австрии, американскую и французскую – в Германии и Северной Италии, также в военных лагерях ЮНРРА приобретали статус перемещенных лиц.

В решении Генеральной Ассамблеи ООН от 12 февраля 1946 г. признавалась «неотложной» проблема беженцев и перемещенных лиц всех категорий, как и необходимость четкого различия между «настоящими беженцами и перемещенными лицами, с одной стороны, и военными преступниками, квислинговцами, изменниками, с другой»[2]. Решение данной проблемы было поручено Социально-экономическому совету ООН. Для более тщательного ее изучения одновременно учреждался *Специальный комитет* из представителей 20 стран

---

[1] См.: *Нитобург Э.Л.* Русские «перемещенные лица» в США: история и судьбы // Новая и новейшая история. – 2001. –№ .4. – С. 36.

[2] ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 388. Л. 200.

(в составе: СССР, США, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии и четырех латиноамериканских государств – Бразилии, Колумбии, Доминиканской Республики, Перу)[1]. Для более полного обмена опытом и мнениями в этой области 8 апреля 1946 г. в рамках Специального комитета были созданы еще три *подкомитета*: первый – *«По определению терминов "беженец" и "перемещенное лицо"», «По установлению фактов и сбору информации»* и *«По выработке проекта устава будущей Международной организации по делам беженцев и перемещенных лиц»* . Для изучения различных заявлений частных организаций, главным образом европейских, создавался *Специальный подкомитет*[2]. В состав этих организаций входили также представители от различных стран Латинской Америки.

В соответствии с мнением советской стороны, обсуждение проблемы беженцев и перемещенных лиц в контексте выработки определений их категорий показало, что США и Англия далеко не склонны были рассматривать эту проблему прежде всего как содействие возвращению на родину контингента, осевшего вне своих стран, а, наоборот, были намерены «устроить, поселить и использовать его в своих доминионах (в Австралии, Бразилии, Канаде и др.). «Нет сомнения, – отмечалось советской стороной, – что, создавая миф о нежелании беженцев и перемещенных лиц ехать на родину и ведя среди них в этом духе пропаганду, такие страны, как Англия, США, Франция, пытаются оставшуюся массу людей использовать на том или ином поприще в своих целях»[3].

При обсуждении п. 6 и 7 плана работы по устройству тех, кто не хотел возвращаться на родину, в обнаруженном нами проекте «Соображения делегации СССР» от 23 апреля 1946 г. было внесено предложение разместить «эту группу лиц … на постоянное место жительства в такой стране, где был бы

[1] ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 388. Л. 200. В составе Специального комитета Советский Союз представ-лял генерал-майор П.Ф. Ратов, УССР – полковник В.Г. Брагин, БССР – В.П. Смоляр.
[2] ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 387. Л. 208.
[3] Там же.

ей обеспечен наиболее высокий жизненный уровень»[1]. В их числе были названы страны Южной Америки и Австралия (правда, в последнем варианте документа это предложение было вычеркнуто). Тем не менее делегации многих государств, включая Соединенное Королевство, высоко оценили «великодушие, показанное странами Латинской Америки», которые выступали за привлечение к себе «новых и полезных граждан»[2]. Как показал ход дискуссии, советская сторона также не возражала против Бразилии, Колумбии, Доминиканской Республики, которые на заседании Подкомитета по установлению фактов 16 мая 1946 г. высказали согласие принять у себя беженцев[3]. О готовности оказать содействие в решении проблемы перемещенных лиц заявили также представители Панамы и Боливии[4].

Так, правительство Доминиканской Республики еще на конференции в Эвиане в 1938 г. представило план по размещению в своей стране значительного числа жертв нацистской нетерпимости, прежде всего евреев. Учрежденная в результате указанного плана колония еврейских беженцев, поощряемая правительством, как отмечалось, «успешно выдержала испытание, демонстрируя активную деятельность в сфере сельскохозяйственного и промышленного производства, на продукты которого предъявлялся повышенный спрос как на внутреннем, так и на внешнем рынках»[5]. И вот теперь доминиканское правительство вновь выразило желание продолжить политику «открытых дверей» для еврейского населения, начатую до войны, и заявило о готовности сотрудничать со всеми заинтересованными сторонами в целях разрешения беженской проблемы путем миграции. Подтверждением сделанного заявления стал указ президента Республики от 17 декабря 1945 г. об учреждении Национального комитета еврейской эмиграции. Доминиканская Республика, объявившая себя страной, «предоставляющей воз-

[1] ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 388. Л. 174, 183.
[2] Там же. Л. 214.
[3] Там же. Л. 209.
[4] Там же.
[5] Там же. Д. 396. Л. 379.

можности для инвестиций и деловых операций», провозгласила курс на увеличение числа иммигрантских предприятий, прежде всего в сфере гидроэлектротехники, транспортных перевозок пассажиров, которые в тот период, как отмечалось, находились еще в «эмбриональном состоянии»[1]. Правительство Доминиканской Республики намеревалось также поощрять путем частной инициативы и с помощью привлечения дополнительной рабочей силы из Европы развитие небольших железнодорожных систем, создание предприятий сталелитейной и других видов тяжелой промышленности, механизацию сельскохозяйственного производства и переработку сельхозпродукции, культивирование различных видов плантаций, особенно цитрусовых (на которые был огромный спрос в США и Англии), производство по разведению скота, создание водных линий между портами Доминиканской Республики, США и Карибскими островами, приняв во внимание тот факт, что Доминиканская Республика являлась важным поставщиком товаров в указанные страны[2]. В марте 1946 г. представитель Доминиканской Республики подтвердил намерение его страны продолжать прием всех, не имеющих гражданства, с гарантией их расовой и политической свободы[3].

Представитель Бразилии в ЮНРРА (м-р Гумарес) на заседании Комитета по вопросам беженцев и перемещенных лиц 16 апреля 1946 г. отметил, что его правительство может оказать практическую помощь в вопросе о беженцах, имея неограниченные возможности сельскохозяйственного и индустриального развития. Предпочтение при этом отдавалось именно «европейским беженцам, для того чтобы сохранить западный характер страны», хотя отмечалось, что приняты будут все, невзирая на национальную принадлежность, но при этом дал ясно понять, что бразильская сторона хотела бы получить приблизительную цифру беженцев, намеревавшихся эмигрировать в страну, а также информацию об их специальностях и прежнем месте

[1] ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 1.Д. 387. Л. 56.
[2] Там же.
[3] Там же. Д. 387. Л. 126.

жительства[1]. Предполагалось принять от 150 до 200 тыс. человек[2].

16 мая того же года на заседании Подкомитета по установлению фактов аналогичный план был представлен делегацией Колумбии, заявившей о готовности правительства принимать «регулярным темпом» иммигрантов, чьи профессии и специальности могли бы содействовать благосостоянию страны. В частности, речь шла о промышленных рабочих, ремесленниках, рыболовах, инженерах, сельскохозяйственных рабочих, моряках, предпринимателях и домашней прислуге[3]. Предпочтение при этом отдавалось лицам католической веры, и, наоборот, власти не были настроены принимать у себя тех, кто занимался торговлей. Для иммигрантов, пожелавших приобрести землю, сообщалось, что они могли это сделать главным образом в низменных, тропически жарких районах Колумбии, поскольку земли, расположенные в более высоких местностях с холодным и умеренным климатом, фактически уже были заняты и использовались колумбийскими гражданами[4]. Колумбийское правительство настояло также на необходимости в каждом отдельном случае определять через свое консульство «вопрос о введении ограничений на допуск иммигрантов». Подтверждая факт освобождения от иммиграционного налога добровольных иммигрантов, колумбийские власти указывали одновременно на отсутствие в стране каких-либо возможностей покрывать издержки, обеспечивать транспортировку людей, «желающих избрать новое местожительство или новую родину в Колумбии»[5].

О подобных финансовых проблемах неоднократно заявляли представители и других латиноамериканских стран, в частности, Боливии и Сальвадора, участвовавших в работе ЮНРРА. С их стороны звучали предложения об увеличении необходимых фондов и транспортных средств для перемещения

[1] ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 388. Л. 214– 216.
[2] Там же. Д. 396. Л. 300.
[3] Там же. Д .394. Л. 149, 365.
[4] Там же. Д. 395. Л. 190.
[5] Там же. Л. 365–366.

беженцев в пределах установленной странами квоты эмиграции и оказания помощи перемещенным лицам в целях предоставления им возможности эмигрировать в другие страны, а не возвращаться на родину[1].

После 1 июля 1947 г., в связи с истечением мандата ЮНРРА, на протяжении последующих трех лет действия мандата управление сетью лагерей для беженцев и ди-пи, делами их обустройства занималась новая Международная организация по делам беженцев и перемещенных лиц (The International Refugee Organization – IRO (далее ИРО) со штаб-квартирой в Женеве. С этого времени перемещенные лица оказались в ведении Подготовительного комитета ИРО (PCIRO, ПК ИРО), членами которого были 18 стран. Из 58 государств – членов ООН устав ИРО ратифицировали только 14, в том числе от Латинской Америки это были Аргентина, Гватемала, Доминиканская Республика, Бразилия и Венесуэла. К 1948 г. кроме указанных стран, подписавших и ратифицировавших устав ИРО, в финансировании и в работах Подготовительного комитета ИРО приняли участие также Боливия, Гондурас, Панама, Перу. Исходя из взносов, бюджет ИРО на 1947–1948 гг. был установлен в размере 113 295 844 дол., из которых наибольшую часть – 73 500 000 дол. составлял вклад США[2].

В СССР, который не вошел в состав ИРО и не признал ее юридически, называли эту организацию «инструментом англо-американской политики», «поставщиком дешевой и бесправной рабочей силы в капиталистические страны»[3], что, как известно, имело под собой определенные основания.

ИРО, в основу деятельности которой были положены принципы «Декларации прав человека», исходила из трех возможных вариантов в устройстве судьбы перемещенных лиц: репатриация, интеграция в немецкую экономику и эмиграция. Общее число ди-пи, зарегистрированных к 1 июля 1947 г. в Ев-

---

[1] ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 387. Л. 56, 75, 127.
[2] См.: *Полян П.* Жертвы двух диктатур… – С. 320.
[3] ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 395. Л. 322.

ропе – Германии, Австрии и Италии, превышало 1,5 млн чел[1]. Всего за время деятельности ИРО было переселено более 1 млн чел., репатриировано 73 тыс. чел. и интегрировано в экономику стран пребывания 410 тыс. беженцев и перемещенных лиц[2].

В рамках работы, проводимой ИРО, организовывались проверки, так называемые «скрининги», в ходе которых надо было доказать, что дипиец до 1 сентября 1939 г. проживал за пределами СССР, не был коллаборантом, не служил в немецких воинских частях и оказался в Германии против своей воли. Проверки были придирчивыми, так как их целью было сокращение числа опекаемых. Тех, кто не прошел проверки, переводили на положение немецких беженцев и отправляли в лагеря для немецких беженцев, которые содержались немцами. Подготовительный период продолжился до 1 января 1948 г., после чего ИРО приступила к своей работе. С тех пор случаев насильственных выдач больше не было, так как перемещенные лица были признаны беженцами, получившими право на политическое убежище.

Первое время эмиграция как один из вариантов устройства беженцев не использовалась широко. Среди стран, к тому времени принявших ди-пи-эмигрантов, были Канада, Бельгия, Англия, Марокко и Бразилия. Постепенно вариант эмиграции начал разрабатываться все более активно. В сентябре 1947 г. было опубликовано сообщение о том, что Подготовительный комитет ИРО заключил договора о переселении русских ди-пи (до 100 тыс. человек) с 13 странами, в числе которых были Бразилия, Венесуэла, Чили[3]. 21 октября 1947 г. на заседании Подготовительного комитета ИРО в Женеве впервые был поставлен вопрос о «разверстке», согласно которому государства, принимавшие ди-пи, должны были принимать и соответствующее число неработоспособных. Однако данный проект, окончательно принятый в феврале 1948 г. и обязавший принимающие страны обеспечивать право на семейную эмиграцию, допуская

[1] См.: *Полян П.* Жертвы двух диктатур… – С. 320.
[2] Там же. – С. 322.
[3] Там же. – С. 9.

переселение целыми семьями, так и оставил нерешенным вопрос о судьбе нетрудоспособных – одиноких стариков и больных[1].

Одной из самых сложных проблем, которую пыталась разрешить ИРО, стало расселение интеллигенции, поскольку большая часть проектов переселения была традиционно рассчитана на прием главным образом крестьян, ремесленников и промышленных рабочих. Одновременно это была наиболее политизированная часть перемещенных лиц, наименее поддававшаяся ассимиляции, чего так опасались страны-реципиенты. Требовала разрешения и проблема предоставления студентам возможности продолжить образование[2]. В первой половине мая 1948 г., во время очередной сессии ИРО, были уже рассмотрены конкретные цифры плана приема ди-пи, разработанные Бразилией и Гватемалой, а также одобрен бельгийский проект создания специального фонда для обеспечения за студентами ди-пи возможностей закончить свое образование[3].

Под эгидой ИРО в западных зонах Германии и Австрии длительное время работали вербовочные миссии из разных государств, в том числе из Аргентины, Бразилии, Венесуэлы. В Италии, в частности, в это время действовала специальная комиссия по делам беженцев под руководством аргентинского министра господина Камполонго, который помогал решать вопросы транспорта для беженцев.

При вербовке в латиноамериканские страны предпочтение отдавалось молодежи и лицам с хорошим состоянием здоровья. Возраст для мужчин, подлежавших вывозу, был обычно определен до 40-45 лет, для женщин – до 30-35 лет. Среди эмигрантов из России преимущество получали лица, не связанные с советским режимом, в том числе белоэмигранты, а также андерсовцы, власовцы и прочие коллаборационисты. Препятствием

---

[1] *Полян П.* Жертвы двух диктатур… – С. 9.

[2] См.: Переселение Ди-Пи (Что надо знать каждому Ди-Пи). – Мюнхен, 1948. – С. 13.

[3] Там же. – С. 11.

на пути переселения перемещенных лиц в латиноамериканские страны были активно распространявшиеся слухи о наличии в их среде скрытых и явных коммунистов, что у латиноамериканских правительств, особенно тех, кто к тому времени разорвал дипломатические отношения с СССР (в их числе Бразилия, Чили, Колумбия, Уругвай, Перу), вызывало чрезмерную настороженность.

У правительств латиноамериканских стран существовало также опасение, что большие и сплоченные в национальном отношении группы русских ди-пи не сольются с местным населением, не станут лояльными гражданами данной страны, а будут стремиться к сохранению не только своей культурной самобытности, но и к политической обособленности. Приходилось также считаться и с достаточно сильной просоветской «фрондой», сложившейся за годы Второй мировой войны на континенте из числа эмигрантов. «Большевизм или по крайней мере советофильство, – писалось в то время в изданиях «Посева», – стало неотъемлемым свойством каждого славянина – украинца, поляка, серба, не говоря уже о коренных русских, которые просто идентифицировались с коммунистами»[1]. Тем не менее, в конечном счете, желание получить столь необходимую рабочую силу для модернизирующихся экономик латиноамериканских стран перевешивало все опасения и возможные прогнозы политиков.

В справке начальника отдела по работе с заграницей Управления по репатриации полковника Ванеева на имя зав. отделом латиноамериканских стран МИД СССР К.А. Михайлова от 8 июля 1947 г. сообщалось о фактах вербовки и отправки советских граждан в Бразилию из французской, английской и американской зон Германии и Австрии[2]. Советская сторона располагала также сведениями о том, что аргентинское правительство вело переговоры с США и Англией о въезде в страну перемещенных лиц из числа граждан русской, украинской, польской, югославской национальностей, находившихся в аме-

[1] Переселение Ди-Пи … С. 16-17.
[2] АВП РФ. Ф. 070. Оп. 15. Папка № 103. Д. 14. Л. 1.

риканских и английских лагерях Германии и Австрии. В записке К.А. Михайлова на имя зам. уполномоченного по репатриации при Совете Министров СССР генерала-лейтенанта К.Д. Голубева сообщалось, в частности, что аргентинское правительство ставило вопрос о въезде в страну свыше 50 тыс. человек из числа перемещенных лиц, главным образом из личного состава так называемой армии генерала Андерса[1].

Советский Союз в этот период, в свою очередь, добивался репатриации коллаборантов и советских граждан в СССР. Советской стороной через каналы Министерства иностранных дел предпринимались попытки добиться, в частности, от итальянского правительства возвращения отправленных людей, прекращения дальнейшей отправки советских граждан в другие страны и немедленной передачи СССР всех его граждан, находившихся в Италии. Следует отметить, что отдельные случаи задержания и выдачи в последний момент перемещенных лиц по требованию советских представителей хотя и встречались, но они были единичными[2].

Как отмечает П. Полян, уже в Уставе ИРО содержалась идея, служившая юридическим инструментом, отменявшим действие и действенность тех репатриационных принципов, что

---

[1] АВП РФ. Ф. 070. Оп. 15. Папка № 103. Д. 14. Л. 1. Армия под командованием польского генерала Андерса создана в 1941 г. для совместной с войсками СССР и иных союзных держав борьбы против гитлеровской Германии. На 1 марта 1942 г. в польской армии в СССР числилось 60 тыс. человек, включая 3090 офицеров и 16 202 унтер-офицеров, среди которых было много евреев, украинцев, белорусов. Берия констатировал антисоветские настроения в армии, в том числе и среди рядовых. В дальнейшем Андерс добился согласия правительства Сикорского на вывод армии в Иран к 1 сентября 1942 г, после чего она была преобразована во 2-й Польский корпус в составе английской армии, который сражался в 1944 г. на итальянском фронте в составе 8-й Британской армии. До 1946 г. корпус оставался в качестве оккупационных сил в Италии, затем был переправлен в Великобританию и там расформирован. Большинство его бойцов, как и сам командующий, не пожелали возвращаться в коммунистическую Польшу и остались в эмиграции, часть из них перебралась потом в Латинскую Америку.

[2] АВП РФ. Ф.070. Оп. 19(а). Папка № 117. Д. 2. Л. 2.

были заложены в Ялтинском договоре[1]. В дальнейшем в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о беженцах, принятой в феврале 1956 г., вновь появилась формулировка о том, что «беженцы и перемещенные лица, заявившие окончательно и определенно, совершенно свободно и по полном ознакомлении с фактами, в том числе и соответствующей информацией, представленной правительствами стран их происхождения, веские возражения против возвращения в страны своего происхождения, не будут принуждаться к возвращению на родину»[2]. Поэтому в данном вопросе СССР никак не смог воздействовать на правительства латиноамериканских стран и добиться от них содействия в возвращении своих граждан, включая коллаборантов.

Одновременно проблемой послевоенных беженцев в Европе по просьбе ИРО занимались также церковные и благотворительные организации, некоторые специальные структуры, созданные еще по инициативе Ф. Нансена для оказания содействия расселению. Так, Всемирная организация здравоохранения, взявшая на себя заботу о расселении 2 тыс. врачей и многих тысяч стоматологов, медицинских сестер и других представителей медперсонала, отправила многих специалистов в Бельгийское Конго, Голландскую Индию, Северную Африку и некоторые страны Южной Америки. От ИРО этими вопросами занимался также созданный в Женеве специальный отдел во главе с г-жой Вермейлен, работавший в контакте с объединениями профессиональных организаций и национальными комитетами самих ди-пи[3].

Важную роль в судьбе перемещенных лиц в этот период сыграла Русская православная церковь за рубежом, различные эмигрантские религиозные организации, как, например, Объединение Российских христианских профессиональных организаций, Общество православных христиан в Вюртенберг-Бадене, Комитет по делам беженцев православного вероисповедания в

---

[1] См.: *Полян П.* Жертвы двух диктатур… – С. 324.
[2] Там же. – С. 322.
[3] Там же. – С. 16-17.

Гамбурге и др. В 1946 г. в Мюнхене Архиерейским Синодом был создан Переселенческий комитет под председательством отца Г. Граббе, который имел представительство в Италии. Архиерейский Синод, а также уполномоченные российских эмигрантских комитетов и благотворительных организаций через приходы в Южной Америке вели переговоры, в частности, с аргентинским правительством о переселении в эту страну русских беженцев и перемещенных лиц. В Аргентине протоиерей К.Г. Изразцов лично обратился к президенту страны Хуану Доминго Перону с просьбой разрешить въезд в страну 25 тыс. русским беженцам и посвятил остаток своей жизни организации вызовов на континент перемещенным лицам по линии американского Красного Креста[1].

В 1949 г. в связи с эвакуацией около пяти тысяч русских беженцев из Китая и временным размещением их в лагере для перемещенных лиц на филиппинском острове Тубабао было принято «Обращение русских иерархов к правительствам мира» и персонально к президентам Аргентины, Бразилии, Венесуэлы, Перу с просьбой оказать содействие в расселении этих людей в их странах[2]. Важную роль в приеме беженцев на новых местах сыграл архиепископ Иоанн (Максимович) Шанхайский. В том же году в Южную Америку иммигрировало более сотни тубабаовцев, часть из которых индивидуально и семьями выехала в Аргентину, Бразилию, Чили; в групповом порядке – в Парагвай, Доминиканскую Республику, Суринам[3].

Свой вклад в дело обустройства перемещенных лиц внес также Всемирный совет объединенных церквей, образованный в 1948 г. и объединивший две церкви – Американскую протестантскую и Русскую православную церковь за рубежом. Эта организация имела своих представителей в 50 странах мира. Ее полномочным представителем в Латинской Америке был проживавший с 1952 г. в Бразилии А. Муравьев-Апостол. Благода-

---

[1] См.: Переселение Ди-Пи… – С. 29.

[2] См.: *Моравский Н.В.* Остров Тубабао. 1949-1951. Последнее пристанище российской дальневосточной эмиграции. – М., 2000. – С. 91.

[3] Там же. – С. 13.

ря Всемирному совету объединенных церквей, из средств которого оплачивался проезд и выдавалась ссуда для размещения переселенцев на новом месте, десятки тысяч русских покинули Китай, переселившись в Австралию и за океан[1].

В деле расселения и обустройства перемещенных лиц участвовали также такие эмигрантские организации, как Российский эмигрантский национальный центр во Франции, НТС, Толстовский фонд, Союз борьбы за освобождение народов России (СБОНР) – организация власовцев и др.[2] Ряд общественных организаций русской эмиграции финансировались США, как, например, Толстовский фонд, который был создан еще в 1939 г. при участии Б.А. Бахметьева и которому особенно признательны оказались власовцы, так как многие страны, включая США, запретили им въезд на свою территорию. Известно также о ходатайстве генерала А. И. Деникина перед американскими властями с просьбой помочь избежавшим репатриации людям, которые находились в зонах оккупации союзников.

Заметное участие в судьбе перемещенных лиц приняли также Ватикан, католические миссионеры, Конгрегация Восточной церкви (далее – КВЦ)[3], Комитет помощи иезуитов во

---

[1] БФ РЗ. Ф. 1. Оп.1. Д. М-237 (Кн.6). Л. 2368, 2376.

[2] См.: Переселение Ди-Пи… – С. 28.

[3] Греко-католики (католики византийского обряда) – верующие, принадлежащие к какой-либо из Восточных католических церквей византийской традиции, находящихся в полном общении с Апостольским престолом. Деятельность по организации католических центров в странах эмигрантского рассеяния была развернута еще в 1920-е гг. Цитаделью русского апостолата стала основанная 15 августа 1929 г. в Риме Русская католическая семинария Руссикум, известная как Папская коллегия Руссикум – Pontifio Collegio Russo di S.Teresa del Bambin Gesù, руководство которой осуществляли иезуиты. Ее ректором в октябре 1934 г. был назначен член Ордена иезуитов отец Филипп де Режис, который во время Второй мировой войны стал директором русского Интерната св. Георгия (по-французски – «Сен-Жоржа») в Париже, созданного еще в 1921 г. в Константинополе иезуитами для воспитания детей русских эмигрантов. В 1944 г. Конгрегация Восточной церкви согласилась открыть неподалеку от «Сен-Жоржа» интернат для русских девочек, получивший название

Франции и др.[1] Папа Римский Пий XII выступал с протестами против репатриации. В свою очередь, ИРО обращалась в Государственный секретариат Ватикана с просьбой рассмотреть несколько сотен тысяч случаев, связанных с нуждающимися в помощи беженцами. Святой престол занимался непосредственно делами беженцев, направлявшихся в Латинскую Америку. Сюда в 1947 г. была направлена делегация из Рима, с тем чтобы просить латиноамериканские церкви о поддержке и сотрудничестве с ИРО. В том же году посланник Службы миграций при Святом престоле был аккредитован в Женеве[2].

Конгрегация Восточной церкви еще в самый разгар войны обратила внимание на возможность духовного попечения над советскими военнопленными, оказавшимися в немецких концлагерях в Западной Европе, а по окончании войны – над перемещенными лицами. Ответственным за работу в Pontificia Opera di Assistenza в Италии, где в это время оказались тысячи русских беженцев, нуждавшихся в помощи, был назначен член Ордена иезуитов отец Ф. де Режис, который в случае, если над кем-то из беженцев нависала угроза репатриации в СССР, немедленно обращался в штаб союзников с просьбой вступиться.

По благословению Папы Римского были образованы национальные Комитеты помощи беженцам. Главой Русского комитета стал священник иезуит отец Г. Коваленко (кадет, участник белого движения), который привлекал для работы в лагерях русских священников и студентов, где ими устраивались духовные беседы, совершались богослужения для русских верующих. Главной задачей отца Г. Коваленко было также спасение тех соотечественников, которым угрожала опасность быть насильственно выданными из Италии в СССР. Одновременно он работал по дипломатическим каналам, изыскивая возможно-

---

«Институт св. Ольги», который стал также выражением экуменического идеала.

[1] См.: *Юдин А.* Филипп де Режис и Станислав Тышкевич: два подхода к служению Католической церкви в России //www.religare.ru/article47433.htm.

[2] См.: Очерк истории католического апостолата в русском зарубежье в 1917–1991 гг. //vselenstvo.narod.ru/library/rus_apostolate_17_91.htm#chapt3d.

сти отправлять русских в различные страны, включая Аргентину, Бразилию и др. 12 января 1951 г. отец Г. Коваленко получил назначение из Рима в Аргентину.

Проблемой переселения русских беженцев в Латинскую Америку занимался также отец Г. Рошко, один из руководителей французской организации помощи «Секур католик», который в октябре 1949 г. по поручению кардинала Тиссерана прибыл в Аргентину для участия в работе международного съезда по вопросам эмиграции. Здесь он провел также переговоры с губернатором штата Гойас о принятии русских беженцев из Шанхая, которые в то время находились на филиппинском острове Тубабао. Так, среди русских перемещенных лиц оказалось много детей и женщин из Китая, потерявших своих мужей после 1946 г. Пропаганда в сочетании с оказанием разнообразной помощи беженцам приносила свои результаты, в том числе способствовала переходу некоторых русских в католичество[1].

Первоначально правительства латиноамериканских стран соглашались принять небольшие группы переселенцев в качестве эксперимента для использования их главным образом в сельском хозяйстве и промышленности. Позже венесуэльское правительство заявило о готовности принять до 15 тыс. человек, Бразилия и Аргентина – до 5 тыс. человек в год [2]. Имелись сведения о намерениях Гватемалы допустить в страну до 50 тыс. колонистов на плантации, а также о предложениях Боливии и Эквадора расселить у себя по несколько сот семейств[3].

Однако Аргентина, как и США, отдала распоряжение консулам не визировать паспорта лицам славянского происхождения, в особенности русским, и не принимать лиц старше 45 лет[4]. Дальнейший тщательный отбор иммигрантов в эту страну проводился специальной комиссией, направленной правительством Перона, которая на основании декрета № 1162

---

[1] См.: Очерк истории католического апостолата в русском зарубежье в 1917–1991 гг. //vselenstvo.narod.ru/library/rus_apostolate_17_91.htm#chapt3d.
[2] АВП РФ. Ф. 076. Оп. 9а. Папка № 105. Д. 1. Л. 2-3.
[3] См.: Переселение Ди-Пи. … – С. 25.
[4] Там же. – С. 18.

(1949 г.) о регистрации иностранцев, проживавших в Аргентине, отсеивала всех нежелательных ей элементов и отбирала для въезда в страну тех, кто скрывался от репатриации. Так, сюда попали власовцы, андерсовцы, бывшие полицейские, военные преступники. При этом, как отмечалось в «Справке о перемещенных лицах, прибывших из Европы и проживающих в Аргентине» (от 10 октября 1949 г.), составленной атташе посольства СССР в Аргентине Д. А. Мишиным, отбор перемещенных лиц из числа советских граждан производился также по получении специальной рекомендации о благонадежности этих лиц от белогвардейского генерала В. В. Чеславского, проживавшего в Чикаго и руководившего оттуда иммиграцией русских в Аргентину[1].

Венесуэла привлекала перемещенных лиц тем, что здесь предпочтение отдавалось семейным группам, в то время как многие страны принимали исключительно нужных им рабочих, не допуская семей. В 1947 г., после подписания соглашения с ИРО, Чили подключилась к участию в международных миграционных программах, обязуясь принять до 2 тыс. квалифицированных рабочих и специалистов в соответствии с запросами национальной промышленности[2]. Речь, в частности, шла о специалистах и квалифицированных рабочих металлургической, деревоотделочной, пищевой промышленности; существовала также потребность в рыбаках, коммерсантах-предпринимателях, колонистах[3].

Как видно, в условиях «холодной войны» страны Латинской Америки, принимавшие ди-пи, преследовали как экономические, так и политические цели, но желание заполучить дешевую рабочую силу превалировало над всеми остальными. При этом ситуация с выездом за океан представляла собой довольно сложную процедуру и нередко осложнялась различными внутренними и внешними обстоятельствами. Несмотря в целом на

[1] АВП РФ. Ф.070. Оп. 17. Папка № 108. Д. 12. Л. 14.
[2] См.: Переселение Ди-Пи. … – С. 78.
[3] Там же. – С. 25.

добровольный характер перемещений людей, западными странами применялись и такие методы, как угрозы, экономическое давление, снятие с довольствия, переброска в другие лагеря и т.д. Еще одно проблемой, с которой сталкивались переселенцы, были бюрократические проволочки при оформлении документов на выезд со стороны самих работников ИРО.

О подобных бюрократических проволочках сообщалось в специальном меморандуме Центрального представительства российской эмиграции в американской зоне Германии, направленном в адрес Ассамблеи ИРО. В нем, в частности, говорилось, что отдельные эмигранты и эмигрантские общественные организации, благодаря своей инициативе и энергии сами нашедшие себе страны, которые согласились их принять в качестве переселенцев и давно выслали им соответствующие разрешения на въезд, подолгу не могут выехать. Несколько тысяч разрешений на въезд в Аргентину и Парагвай, как сообщалось, долгими месяцами лежали неиспользованными и без всякого движения[1].

В ноябре–декабре 1951 г. в Брюсселе прошла Международная конференция по вопросам эмиграции с участием представителей 23 стран, на которой было принято решение продолжить оказание помощи беженцам и создать вместо прекратившей свою деятельность ИРО новую организацию – Временный межправительственный (межгосударственный) комитет по переселению эмигрантов из Европы (с бюджетом в 31 млн дол., из которых 9 млн были ассигнованы США)[2].

Принятая в 1951 г. Конвенция определяла статус беженца как лица, находившегося вне страны своего рождения, которое не может или не хочет вернуться в страну своего рождения и чье преследование должно основываться на расовом, религиозном, национальном, политическом факторе или членством в определенной социальной группе. Как отмечает И.В. Сабенникова, в соответствии с данными параметрами русская эми-

[1] См.: *Полян П.* Жертвы двух диктатур… – С. 321.
[2] АВП РФ. Ф.070.Оп. 19(а). Папка № 117. Д. 2 .Л. 11.

грация соответствовала современному определению статуса беженцев в международном праве[1].

Все функции ИРО были переданы Управлению Верховного комиссара ООН по делам беженцев, созданному 1 января 1952 г. и существующему до настоящего времени[2]. Благодаря деятельности данного Комиссариата разворачивается в дальнейшем более или менее планомерная работа по расселению и устройству беженцев при содействии ранее оправдавших себя на данной работе различных организаций. У советской стороны имелись данные о том, что за 27 месяцев своего существования Международная организация по размещению перемещенных лиц отправила в Аргентину 27 255 перемещенных лиц, в Бразилию – 22 205 человек, в Венесуэлу – 12 343 человек[3].

После январской 1952 г. Международной конференции в Бельгии по вопросам оказания помощи беженцам правительства ряда стран приняли меры по облегчению въезда перемещенных лиц из Западной Европы на их территорию. Так, 20 февраля 1952 г. в Аргентине был издан декрет за № 3409, согласно которому на аргентинских пароходах, возвращавшихся в страну, следовало провозить бесплатно до трех иммигрантов[4].

В 1954 г. усилиями Комиссариата по делам беженцев из Европы за океан было переселено 132 тыс. человек (прежде всего немцев, итальянцев, австрийцев, греков и др.). В 1955 г. в Женеве на конференции государств, входивших в состав Межправительственного комитета для переселения эмигрантов из Европы, была принята новая программа переселения на 1955 г. за океан 143 720 европейцев с выделением на его организацию 46,5 млн дол. В общее число переселенцев, наряду с итальянца-

---

[1] См.: *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция 1917–1939 годов: структура, география, сравнительный анализ //Российская история. – 2010.– № 3. – С. 63.

[2] См.: *Жуков А.Ф., Жукова Л.Н.* История и судьба российской эмиграции: Вторая волна эмиграции, 1939–1950-е гг. – СПб., 1998. – С. 50.

[3] АВП РФ. Ф. 070. Д. 12. Оп. 18. Папка № 112. Л. 12.

[4] El Cronico Kommercial. 2 de marzo, 1952 // АВП РФ. Ф. 070. Оп. 19(а). Папка № 117. Д. 2. Л. 18.

ми, немцами и другими национальностями, входили беженцы с Дальнего Востока, прежде всего русские из Китая. В число стран, согласившихся на прием в 1955 г. беженцев, вошли Аргентина (более 30 тыс.), Бразилия (18, 5 тыс.), Венесуэла (8, 15 тыс.), Чили (7, 1 тыс.), Уругвай (2, 3 тыс.). Та же конференция предусмотрела размеры переселения из Европы за океан и на 1956 г. общей численностью до 175 тыс. человек, ассигновав на это 54,7 млн дол.[1]

Данное решение было особо актуальным в связи с тем, что на тот момент в тяжелом положении находились около 10-15 тыс. европейцев, преимущественно русских, проживавших в Китае и оказавшихся под угрозой репатриации в СССР. Эта часть русской беженской массы была сосредоточена в Харбине, Тяньцзине и Шанхае и с большой тревогой ожидала решения своей дальнейшей участи. Почти все они в свое время подали через Шанхай–Гонконг заявления на выезд за границу, главным образом в Бразилию. Часть из этих семей (в основном молодое поколение) к тому времени выехала, другая же часть была задержана (уже после распродажи имущества и оставления службы) по причине, с одной стороны, отказа советского представительства в КНР в выдаче разрешений на выезд до окончания репатриации русских из Китая, с другой – в связи с аннулированием в то время бразильским правительством всех выданных им ранее виз для русских[2]. Подобная ситуация длилась около года, после чего Бразилией был снят запрет на выдачу виз, в том числе по ходатайству беженских организаций, а также по просьбе ряда общественных деятелей страны, среди которых был уважаемый в среде русской эмиграции секретарь Совета католических епископов – викарный епископ Дон Хелдер Камарра[3].

Одновременно бразильским правительством были введены новые правила иммиграции, согласно которым временные и транзитные визы выдавались бесподданным лицам без приме-

---

[1] См.: Россия. – Сан-Пауло, 1955. – № 1 (март). – С. 51.
[2] Там же.
[3] Там же. – С. 52.

нения к ним установленной процедуры и без формального разрешения Национального института иммиграции и натурализации, но требовалось формальное доказательство, что лицо, прибывшее в Бразилию по такой визе, может по истечении ее срока вернуться в ту страну, откуда он прибыл. Помимо этого выдвигалось соблюдение таких общих требований, как политическая благонадежность, хорошее состояние здоровья и проч.[1]

С согласия Национального института иммиграции и натурализации Бразилии постоянные визы выдавались бесподданным лицам на основании их родства с теми, кто уже находился на тот момент в Бразилии (дети, родители, внуки, муж или жена, другие члены семьи, находившиеся на постоянном попечении). Все категории родственников подчинялись при этом общим правилам идеологической проверки, предварительного медицинского освидетельствования и проч.[2] Выдача виз для бесподданных, не попадавших под указанные выше категории, также допускалась, но при получении разрешения Национального института иммиграции и натурализации на основании профессионального отбора и при условии выполнения основных правил иммиграции, установленных в стране[3].

Аргентинское правительство Хуана Доминго Перона по совету американской ФБР с февраля 1949 г. сильно ограничило, а затем совсем прекратило допуск в страну перемещенных лиц советского происхождения[4]. Тем не менее с июля по сентябрь 1951 г. в Аргентину еще продолжали прибывать трижды группами по 250 человек перемещенные лица по направлению ИРО, правда, уже к концу года их количество резко сократилось, сюда могли въезжать люди по вызову либо по просьбе других лиц, проживавших в Аргентине.

В 1952 г. в Аргентине были опубликованы новые правила иммиграции (декрет № 3721), в соответствии с которыми иммигранты направлялись только в глубь страны. В течение трех лет

---

[1] См.: Россия. – Сан-Пауло, 1955. – № 1 (март). – С. 52.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] АВП РФ. Ф. 070. Оп. 18. Д. 12. Папка № 112. Л. 12.

они были обязаны создать поселение в тех местах, куда визировался их паспорт. Въезд в г. Буэнос-Айрес, как правило, запрещался, и этот запрет распространялся также на зону в 100 км от столицы[1]. По решению правительства для вновь прибывавших перемещенных лиц выделялась земля в районе Вижа Абасто (в 10 км от г. Ла Плата). К концу 1952 г. из Аргентины начали приходить сообщения о том, что власти не допускают въезд в страну перемещенных лиц в массовом количестве, за исключением итальянской и испанской эмиграции. Но уже в 1955 г. на конференции Межправительственного комитета представитель Аргентины д-р Ф. Гарб заявил, что в рамках второго пятилетнего плана его страна предусматривала инвестиции крупных сумм на колонизацию, в связи с чем аргентинское правительство обязалось в будущем всячески поощрять допуск к себе из Европы на особо льготных условиях лиц, стремящихся заняться сельским хозяйством[2].

О положении с визами в других странах Латинской Америки к середине 1950-х гг. сообщал представитель Всемирного совета церквей в Латинской Америке А. Муравьев-Апостол. Так, в Венесуэле принимались лица трудоспособного возраста, не обремененные членами семьи. Не было трудностей в получении виз в Чили, но при наличии твердой гарантии со стороны поручителей. Аналогичная ситуация была в Парагвае, где получение визы было возможно лишь при наличии твердых гарантий со стороны поручителей о выделяемой прибывавшему в страну эмигранту помощи в размере 35 американских долларов в месяц. И практически невозможно было получить в тот период визы для беженцев из Китая в Уругвае и Боливии из-за тяжелой экономической ситуации и высокой безработицы в этих странах[3].

Таким образом, международные организации – ЮНРРА и ИРО – играли важную роль в формировании второй волны

---

[1] El Cronico Kommercial. 2 de marzo 1952 // АВП РФ. Ф. 070. Оп. 19(а). Папка № 117. Д. 2. Л. 18.
[2] Россия. – Сан-Пауло, 1955. – № 1 (март). – С. 51.
[3] Там же. – С. 53.

эмиграции. До 1946 г. одновременно с массовой репатриацией происходила массовая насильственная выдача тех, кто не желал возвращаться в СССР, и прежде всего коллаборационистов – власовцев, казаков, воевавших на стороне нацистской Германии, и др. Однако в дальнейшем очевидными становятся расхождения между союзниками по политическим причинам, после чего на первый план вместо вопросов репатриации выдвигаются проблемы интеграции ди-пи в экономику Германии и эмиграции в другие страны мира.

Значительный контингент перемещенных лиц приняли страны Латинской Америки, заинтересованные в первую очередь в дополнительной рабочей сила. С учетом того, что перемещенными лицами в результате войны являлись все гражданские лица, оказавшиеся вне прежнего места проживания, то очередной русский «исход» в Латинскую Америку происходил главным образом из стран Восточной Европы, а также из Китая и формировался из представителей первой волны эмиграции, коллаборантов, спасавшихся от возмездия, «западников» (невозвращенцев) и в меньшей степени остарбайтеров и советских военнопленных.

Глава 2

ГЕОГРАФИЯ РАССЕЛЕНИЯ И ПРОЦЕССЫ ПРАВОВОЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЭМИГРАНТОВ

Расселение на латиноамериканский континент перемещенных лиц началось уже в 1946 г. Переговоры о переселении русских за океан велись непосредственно с правительствами ряда латиноамериканских стран через ИРО, через представителя Архиерейского Синода, а также уполномоченных российских эмигрантских комитетов и благотворительных организаций. Важную роль в этом процессе, как уже отмечалось, сыграл Толстовский фонд во главе с А. Л. Толстой, в котором на 1 июля 1947 г. было зарегистрировано 49 групп (около 10, 6 тыс. человек), направлявшихся в Южную Америку и Канаду. За счет пожертвований, собиравшихся фондом, русским ди-пи частично оплачивались визы и переезд. Сбором средств на оплату виз переселявшимся, в частности, из Италии в Аргентину занималась лично А.Л. Толстая (к концу октября 1947 г. были оплачены визы для 210 человек)[1]. В августе 1947 г. к А.Л. Толстой обратился протопресвитер К.Г. Изразцов с просьбой об изыскании 50–60 тыс. дол. для постройки временных бараков для прибывавших в Аргентину переселенцев[2].

Среди эмигрантских структур в самих странах Южной Америки, имевших отношение к делу переселения ди-пи, были представительства «Посева» в Аргентине, Бразилии и Венесуэле. В Аргентине этими вопросами занималась также редакция журнала «Вехи»[3], «Православная сельскохозяйственная община» (издававшая газету «Аргентинец»)[4]. В Бразилии процессу переселения русской эмиграции активно содействовал один из первых эмигрантов в этой стране Л.Э. Ордынцев, который, ис-

---

[1] См.: Русская жизнь, 1 августа 1947 г., 29 октября 1947 г.
[2] Там же.
[3] См.: Переселение Ди-Пи (Что надо знать каждому Ди-Пи). – Мюнхен, 1948. – С. 29.
[4] См.: *Полян П.* Жертвы двух диктатур… – С. 255-257.

пользуя свои связи, выслал в Китай около 2 тыс. виз для русских, а по прибытии их в страну оказывал помощь в размещении в отелях, оформлении документов на постоянное жительство и т.д.[1]

Среди латиноамериканских стран, в массовом масштабе принявших у себя вторую волну русской эмиграции, были Бразилия, Аргентина, Венесуэла. Представленные в историографии сведения о численности второй волны русской эмиграции в странах Латинской Америки отличаются и не могут считаться окончательными, точно так же, как и ее национальный состав имел определенную условность. В частности, об этом писал В.Д. Поремский, отмечавший, что многие эмигранты, спасаясь от насильственной репатриации, которой подлежали по Ялтинским соглашениям все беженцы, являвшиеся до войны советскими гражданами, подделывали свои документы и давали неправильные данные о месте рождения и национальности (чаще всего беженцы выдавали себя за западных украинцев или белорусов, проживавших до войны в Польше), что вносило «невероятную путаницу и послужило «огромным испытанием для нервов статистиков, привыкших к операциям с более ясным материалом»[2]. Поэтому, по мнению В.Д. Поремского, не случайно, что статистические данные военных властей отличаются от статистических данных ЮНРРА, а впоследствии и от данных ИРО. Расхождения по вопросу о численности переселенцев по отдельным странам сохраняются до сих пор.

П. Полян, со ссылкой на данные ИРО, отмечает, что в общем объеме размещенных переселенцев в 1 млн ди-пи латиноамериканские страны имели 4,86% (34,682 человека), пропустив вперед только США, Австралию, Канаду, Израиль и Англию[3]. В исследовании В. М. Кабузана отмечается, что из общего чис-

---

[1] См.: *Хисамутдинов А.А.* Русские в Бразилии // Латинская Америка. – 2005. – № 9. – С. 95.

[2] *Поремский В.Д.* Стратегия антибольшевицкой эмиграции. – М., 1998. – С. 144.

[3] См.: *Полян П.* Жертвы двух диктатур… – С. 217, 322.

ла беженцев, убывших за океан (269, 3 тыс. человек), в Латинскую Америку так называемых ди-пи переселилось 99 256 человек[1].

В. Н. Земсков в числе первых в отечественной историографии представил на основе документов советского Управления по репатриации статистику распределения переселенцев из западных зон Германии и Австрии на 1 января 1952 г. по отдельным странам, включая латиноамериканские. Согласно этим данным, в Аргентине в те годы оказалось 7085 человек (из них русских – 571), в Бразилии – 3710 (русских – 64), Боливии – 4 (русских – 2), в Венесуэле – 2804 (русских – 265), Колумбии – 43 (литовцы), на Кубе – 4 (русских – 1), в Перу – 3 (литовцы и эстонцы), в Парагвае – 860 (русских – 233), в Чили – 150 человек (русских – 16), что в совокупности составило 14 663 человека[2]. Значительное преобладание украинцев и представителей прибалтийских народов объяснялось среди прочего тем, что они получали особое право на невозвращение как жители части территорий, не входивших в состав СССР до 1939 г.

В обнаруженных нами материалах советского Управления по делам репатриации и советских посольств отмечается, что на начало 1950 г. из 450 тыс. советских граждан, подлежащих репатриации, в Бразилии находилось – 5–10 тыс., в Аргентине – 6 тыс., в Парагвае – 4 тыс., в Венесуэле – 2,6 тыс. человек[3].

Также отличаются от вышеприведенных статистические данные международных организаций, представленные в работе известного ученого-американиста Э.Л. Нитобурга. В ней, в частности, отмечается, что из 1 млн ди-пи из СССР в границах 1939 г. (без Прибалтики и Западной Украины) в переселении за океан участвовали 41,3 тыс. человек, из них 15,6 тыс. человек переселилось в США; 2,7 тыс. – в Парагвай; 2 тыс. – в Венесу-

---

[1] См.: *Кабузан В.М.* Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. – СПб., 1996. – С. 28.

[2] См.: *Земсков В.Н.* Рождение «второй эмиграции». 1944–1952 // Социологические исследования. – 1991. – № 4. – С. 21-22.

[3] АВП РФ. Ф. 070. Оп.18. Папка № 112. Д. 12. Л. 20, 39.

элу; 2 тыс. – в Аргентину; 1,4 тыс. человек – в Бразилию, а также в Панаму, Доминиканскую Республику. При этом 98% эмигрантов было из Европы; 10-12 тыс. – из Маньчжурии и Китая[1].

Собственные данные по численности перемещенных лиц в Латинской Америке приводят сами эмигранты. У В.Д. Поремского на 1952 г. они выглядели следующим образом: Аргентина – 8 тыс. человек, Бразилия – 5 тыс., Парагвай – 3 тыс., Уругвай – 500, Чили – 1 тыс., Венесуэла – 4 тыс. человек[2]. И здесь, как видим, особо заметны расхождения с данными советских источников по численности эмигрантов в Венесуэле, Парагвае, Чили.

По сведениям И.Н. Андрушкевича, с 1948-1951 гг., после приказа президента Аргентины генерала Перона о приеме 10 тыс. русских, в эту страну прибыло от 5 до 7 тыс. эмигрантов[3]. Г.В. Руднев, с 1946 г. проживающий в Венесуэле, говорит о 5 тыс. русских переселенцев, прибывших в Венесуэлу после войны[4]. Приблизительно такую же цифру называет в своих воспоминаниях С. Никитенко[5], хотя приводимая им численность русской эмиграции по другим странам представляется нам завышенной, в частности, автор пишет, что помимо большой колонии старых эмигрантов количество новых русских беженцев составляло: в Аргентине –30 тыс. человек; в Чили – 10 тыс.,

---

[1] См.: *Нитобург Э.Л.* Об истоках русской колонии в Венесуэле // Латинская Америка. – 1999. – № 2-3. – С. 92.

[2] См.: *Поремский В.Д.* Стратегия антибольшевицкой эмиграции… – С. 138.

[3] См.: *Андрушкевич И.Н*. Русская Белая эмиграция. Историческая справка // Русские воины в Аргентине. Автор-сост. М.А. Кублицкая. Ч. I. Кадеты. Буэнос-Айрес. Издание Объединения кадет российских кадетских корпусов в Аргентине. – 2004. – С. 21-24 // Цит. по: Михайлов День 1-й. Журнал исторической России. – Ямбург. – С. 195. Имеются сведения, что только из Италии в Аргентину выехало 3, 5 тыс. человек. С июля по сентябрь 1951 г. в Аргентину продолжали прибывать тремя группами по 250 человек перемещенные лица по направлению ИРО.

[4] ricolor.org/rz/latin_amerika/ve/mp/1/.

[5] См.: *Никитенко С*. Рай-страна. – М., 2008. – С. 84.

в Бразилии только в районе Сан-Пауло – более 20 тыс. человек[1]. Приводя данные о численности русских в Бразилии, иезуит-миссионер отец Ф. де Режис также писал о том, что в то время это была самая большая колония русских в Южной Америке, и, в частности, в г. Сан-Пауло, по его данным, проживало около 30 тыс. русских (на наш взгляд, речь могла идти скорее о русскоязычных эмигрантах разных национальностей)[2]. Русские оказались также в Колумбии, Перу, Эквадоре. «Никто не вел точного счета, – пишет С. Никитенко, – так как многие «страха ради» приезжали под видом поляков, сербов, чехов, бесподданных…»[3].

Таким образом, как видим, сохраняются заметные расхождения в определении численности прибывших на латиноамериканский континент перемещенных лиц и представителей старой эмиграции. В данной ситуации следует учитывать, что многим в те годы пришлось скрывать свои фамилии, национальность и вообще жить по чужим паспортам.

Еще сложнее обстоит дело с выделением по странам из общего числа переселенцев и беженцев этнических русских невозвращенцев, которые, по данным П. Поляна, в общем переселенческом движении за океан по-прежнему значительно (7%) уступали украинцам (32,1%), латышам (24,2%), литовцам (14,0%), эстонцам (13,0%)[4]. По весьма приблизительным данным, до половины всех перемещенных советских граждан являлись выходцами из Прибалтийских республик, 10% составляли белорусы, русские и представители других национальностей, в том числе около 10 тыс. бывших чехословацких граждан – уроженцев Закарпатской Украины (карпаторусы), вошедшей в состав УССР, которые обращались в посольство с запросами о своем гражданстве, так как местные чехословацкие представители не считали их более своими гражданами[5].

---

[1] См.: *Никитенко С.* Рай-страна. – М., 2008. – С. 86.
[2] См.: *О. Ростислав Колупаев.* Католические общины византийского обряда и русская диаспора //http://zarubezhje.narod.ru/texts/frrostislav311.htm.
[3] Там же. – С. 84.
[4] См.: *Полян П.* Жертвы двух диктатур… – С. 325.
[5] АВП РФ. Ф.070. Оп.18. Папка № 112. Д. 12. Л. 20, 39.

Говоря о составе второй волны эмиграции, следует отметить, что на латиноамериканский континент прибыли: представители белой эмиграции из разных европейских стран, главным образом из Югославии; коллаборационисты, в том числе из состава первой волны эмиграции; незначительная часть эмиграции была представлена бывшими советскими гражданами, бежавшими из СССР с отступающими немецкими частями, реже – бывшими остарбайтерами из числа гражданского населения, угнанного на работы в Германию, и советскими военными, попавшими в плен к фашистам и боявшимися наказания на родине.

При этом точными данными о численности перемещенных лиц в странах латиноамериканского континента советская сторона также не располагала, потому ею нередко использовались сведения, почерпнутые из местной прессы. Так, боливийская газета «Расон» от 18 ноября 1949 г., ссылаясь на источники из Женевы, отмечала, что в Аргентине на тот момент проживало до 10 тыс. перемещенных советских граждан, основная масса из которых прибыла в период с 1946 по 1950 г.[1]

Помимо «европейской» волны послевоенных переселенцев в Южную Америку, имела место и довольно мощная «китайская» волна беженцев. По данным «Бюллетеня Институтов Святой Ольги и Святого Владимира», с 1951 по 1958 г. только в Бразилию из Китая прибыло около 25 тыс. русских[2]. В 1957 г. более 1 тыс. староверов с помощью Красного Креста покинули КНР, часть из которых перебралась в Бразилию, где в штате Парана при посредничестве Всемирного совета церквей они получили 2, 5 тыс. гектаров земли, однако впоследствии часть из них перебралась в другие страны, в том числе в Уругвай, где они проживали в староверческих деревнях, в отдалении от больших населенных пунктов. Эти сведения были приведены в интервью бразильской газете «О Эстадо де Сан Пауло» (от 25 января 1958 г.) А. Муравьевым-Апостолом – руководителем

[1] АВП РФ. Ф.070. Оп.18. Папка № 112. Д. 12. Л. 9.

[2] См.: Бюллетень Институтов Святой Ольги и Святого Владимира. Сан-Пауло. № 97 (август), 1973 г. // БФ РЗ. Ф–1. М. 237. Кн. 5. Л. 1636.

Эмигрантского отдела при Совете Объединенных церквей в Рио-Де-Жанейро[1].

В числе первых латиноамериканских стран, которые приняли к себе несколько тысяч ди-пи, была Бразилия, где на тот момент проживали дореволюционные эмигранты, бывшие подданные Российской империи, послереволюционные эмигранты из Польши, Эстонии, Литвы, Бессарабии. Только выходцев из западных областей Украины и Белоруссии, бывших польских граждан, по некоторым данным, здесь насчитывалось около 39 тыс. человек.

Эмигрантов из прибалтийских стран здесь было несколько меньше, но из них наиболее многочисленной являлась колония литовцев (около 20 тыс.), затем шли латыши (5 тыс.) и эстонцы (1 тыс.). Бессарабцев насчитывалось около 5 тыс.[2] Наибольший процент в национальном отношении из общего процента эмигрантов составляли евреи. Украинская и белорусская эмиграция почти целиком состояла из крестьян, которые были вынуждены в 1920-е гг. выехать из Польши в связи с тяжелым экономическим положением и ущемлением гражданских прав[3]. По данным советского посольства, наибольшее число эмигрантов – свыше 40 тыс. человек проживало в г.Сан-Пауло; около 15 тыс. – в г. Рио-де-Жанейро; несколько тысяч – в г. Куритиба (штат Парана) и г. Порто Алегре (штат Рио- Гранде-де-Сул)[4].

Бразилия как индустриализирующаяся страна особую потребность испытывала в землемерах, земледельцах, промышленных инженерах, техниках, рабочих всех специальностей. Большинство русских традиционно проживало в штате Сан-Пауло – центре промышленности, предпочитая самую простую работу здесь отправке на жаркий север, на сельхозработы, которые были под силу не всякому европейцу. Легко устраивались в стране специалисты горной и металлургической про-

---

[1] См.: Бюллетень Институтов Святой Ольги и Святого Владимира. Сан-Пауло, № 97 (август). 1973 г. // БФ РЗ. Ф–1. М. 237. Кн. 5. Л. 1636.
[2] АВП РФ. Ф. 076. Оп. 8. Папка № 101. Д. 9. Л. 1.
[3] Там же. Л. 2.
[4] Там же.

мышленности, инженеры[1]. Эмигрантка Л. Акчурова (Истратенкова) подтверждала, что «устроиться рабочим можно было быстро, неплохо зарабатывали и те, кто имел возможность открыть собственную торговлю», а хуже всего приходилось людям интеллектуального труда[2].

В дальнейшем бразильские власти, которые до того времени направляли переселенцев в штат Сан-Пауло, решили направлять иммиграцию в южный штат – Рио-Гранде-де-Сул, куда к тому времени уже прибыло, по сообщению эмигрантской промонархической газеты «За правду», около 5 тыс. перемещенных лиц[3]. Свое содействие процессу адаптации перемещенных лиц здесь оказывали различные общественные эмигрантские организации, в числе которых были Русское общественное собрание и Русский центр в Рио-де-Жанейро[4], Общеказачья станица (Кубанского Войска) во главе с генерал-майором Н. И. Голощаповым, отделение Зарубежного союза русских военных инвалидов во главе с Уполномоченным полковником А. А. фон Баумгартеном[5].

Эмигрантами были созданы различные благотворительные организации, в частности, в Сан-Пауло действовало Общество помощи русским детям, а также Филантропическое общество, зарегистрированное в 1946 г. и просуществовавшее более 30 лет[6]. Его руководителем был А.В. Битингоф (с 1961 г. – Н.Н. Доленга-Пискорский, с 1971 г. – его вдова М. В. Доленга-Пискорская). В специально купленном Обществом доме располагался «Очаг стариков». «Русские старые люди здесь могут чувствовать себя «как дома», – писала газета «Родным и знако-

---

[1] См.: *Акчурова (Истратенкова) Л.* Очерк о жизни русских эмигрантов в Бразилии // Цит по: *Хисамутдинов А.А.* По странам рассеяния: История российской эмиграции первой волны в Китае, странах АТР и Южной Америке в 1900–1970-е годы. – Владивосток, 2000. – С. 139.
[2] Там же. – С. 140.
[3] Наша страна. – Буэнос-Айрес, 22 декабря 1951 г.
[4] Владимирский вестник. – Сан-Пауло, 1954. – № 39. – С. 56.
[5] Там же. – С. 30.
[6] Там же.

мым», – везде употребляется русский язык, русская церковь, русская библиотека, по возможности русский стол, русский врач…»[1].

Говоря, о ситуации в Аргентине, протоиерей Дм. Константинов, отмечал, что согласие президента Перона принять в своей стране российских эмигрантов первой и второй волны и особенно желание дать приют офицерам-инвалидам времен Первой мировой войны было актом не только гуманным, но и политическим. «Перон, – пишет отец Д. Константинов, – хотел, впустив в страну послевоенную эмиграцию, приобрести ценное пополнение для различных секторов аргентинской экономики и одновременно идеологически устойчивые элементы, противостоящие коммунизму»[2].

М.А. Гершельман – дочь полковника А.С. Гершельмана, переехавшего после войны из Европы в Латинскую Америку, объясняя выбор семьи в пользу Аргентины, отмечает, что у них «к ней было больше доверия, нежели к странам демократии, да и далеко от СССР» [3]. Это был также тот случай, когда семья всю жизнь прожила без иностранного гражданства и только уже для путешествия в новую Россию русская эмигрантка приняла аргентинское гражданство.

На тот момент, по данным Международного бюро труда, Аргентина нуждалась в сельскохозяйственных и квалифицированных промышленных рабочих, техниках. Спрос существовал также на таких специалистов, как слесари, механики, сварщики, электротехники, столяры, плотники и портные. Оставалась также колонизация новых земель в отдаленных районах, которая была способна поглотить большое число переселенцев, однако на этот счет существовало много опасений и в связи с пло-

---

[1] Друзьям и знакомым. – 1977. – № 3. – С. 1-2. // *отец Ростислав Колупаев*. Католические общины византийского обряда и русская диаспора //http://zarubezhje.narod.ru/texts/frrostislav311.htm.

[2] *Константинов Д.* (протоиерей). Через туннель XX столетия. – М., 1997. – С. 421.

[3] Михайлов День 1-й. Журнал исторической России. – Ямбург, 2005. – С. 129.

хой организацией этого дела в стране и в связи с особыми климатическими условиями, непривычными для европейцев[1]. Аргентинские власти размещали переселенцев компактно и главным образом в провинции Буэнос-Айрес. Например, были выделены участки в г. Вила Диаманте, где расселились до 2 тыс. перемещенных лиц. В г. Кальмес были созданы две русские колонии по 70 домов в каждой, в г. Вижа Флоренция Варела разместилась колония перемещенных лиц – выходцев из Западной Украины и т.д. Земли продавались по низкой цене в рассрочку на десять лет в районах городов Берасатеги, Касса Нуэва и др.[2]

Из всех переселившихся в Аргентину эмигрантов представители интеллигентных профессий составляли 10% от общей численности ди-пи, а вместе с членами семей – 30%. С этой группой переселенцев возникали трудности юридического характера. Врачи, фармацевты и медицинский персонал должны были нострифицировать свои дипломы; специалисты-врачи не могли также получить права практики, не сдав государственного экзамена в стране расселения. Теоретически это относилось и к остальным интеллигентным профессиям, но практически у всех было мало шансов найти работу по специальности в силу переизбытка интеллигенции в самой Аргентине. Представители гуманитарных специальностей (юристы, журналисты, учителя), даже в случае знания языка, не всегда были в состоянии найти себе применение по специальности. Поэтому возникал вопрос о переквалификации; для желавших получить востребованную техническую специальность – радиотехника, автомеханика, шофера и т.д. были созданы многочисленные курсы, включая языковые[3].

«Потеряв надежду на скорое возвращение в Россию, – вспоминает М. А. Гершельман, – люди потянулись за океан, где опять пришлось начинать все сначала. Нам в Аргентине повезло, тогда это была богатая страна, жизнь дешевая, много всякой

[1] АВП РФ. Ф. 070. Оп. 19(а). Папка № 117. Д. 2. Л. 2.
[2] Там же. Л. 3.
[3] Там же. Л. 15.

работы»[1]. Хотя, признавалась русская эмигрантка, первое время без знания испанского языка приходилось устраиваться на самые тяжелые работы: на фабрики, заводы, постройки домов, покраску квартир. Со временем многим удалось приобрести участки в пригородах Буэнос-Айреса и постепенно строить собственные дома или получать кредиты на их постройку[2].

В те годы в Аргентине оказались представители известных предпринимателей и меценатов С. Морозова, С. Мамонтова, С. Четверикова. Так, семья Ивана Сергеевича Четверикова – одного из сыновей С. И. Четверикова (владельца известной текстильной фабрики «Четвериковы–Алексеевы») перебралась в Аргентину после войны из лагеря в Германии[3]. Дочка И.С. Четверикова С.И. Беликова (Четверикова), характеризуя состав второй волны, она замечает: «… У нас говорят так: первая эмиграция – бросишь палку, попадешь в генерала; вторая эмиграция – бросишь палку, попадешь в инженера. Они нашли себе применение. Дороги, мосты Аргентины, в том числе железнодорожные, высотные здания, электростанции проектировались русскими инженерами. И русские врачи оставили о себе благодарную память»[4].

После войны в Аргентине оказались представители древнейшего дворянского рода Аксаковых – П.А. Аксаков[5] и С.С. Аксаков[6], супругой которого являлась М.А. Гершельман –

---

[1] Михайлов День 1-й… – С. 126.

[2] Там же. – С. 127.

[3] Иван Сергеевич Четвериков в царские времена учился в Дрездене на химическом факультете Высшей технической школы, по окончании получил специальность химика-организатора процесса окраски сукна для фабрики. Из Германии он вернулся за несколько недель до начала Первой мировой войны. В годы Второй мировой войны коллеги – немецкие химики помогли Четверикову выбраться из немецкого лагеря.

[4] Там же.

[5] *Кулешов А.С.* Аксаковы. История разбитых судеб. – М., 2009. – С. 219, 224. П.А. Аксаков – бывший ротмистр, сподвижник польского генерала Булах-Балаховича. В Аргентине ему принадлежал ресторан.

[6] Там же. – С. 211. С.С. Аксаков родился в с. Верхние Прыски Козельского уезда Калужской губернии в семье члена Калужской губернской зем-

дочь полковника А.С. Гершельмана и внучка генерал-лейтенанта С.К. Гершельмана – генерал-губернатора Москвы в 1906–1909 гг., собирателя портретной коллекции руководителей Москвы, размещенной сегодня в здании мэрии столицы. С.С. Аксаков, прибывший в октябре 1948 г. в Буэнос-Айрес, вспоминал, что встретил здесь своих соратников – бывших моряков, которые с радушием оказывали помощь представителям новой волны эмиграции. Самому С. С. Аксакову приходилось браться за всякую работу, в том числе сторожа на фабрике, чертежника, но в дальнейшем он участвовал в проектировании и расчетах зданий Буэнос-Айреса, которые украшают город и в настоящее время.

Процессам адаптации новых эмигрантов в Аргентине содействовали созданные ими общественные организации, одной из которых являлся Союз русских белых военных инвалидов под председательством инженера Н.П. Василькиотти. После раскола Союза из него выделилась как самостоятельная Группа инвалидов, которую возглавил полковник В.И. Гранитов, активно занимавшийся помощью престарелым и инвалидам. После его кончины в 1968 г. группа стала именоваться как «Инвалидная группа имени полковника В.И. Гранитова»[1]. В 1962 г. Союзом русских белых военных инвалидов был построен Инвалидный дом, который действовал при храме Св. Сергия Радонежского в Вижа Бажестер. В 1965 г. благодаря усилиям Т.Л. Толстой в Буэнос-Айресе был открыт дом для престарелых «Санта Рита», где Российским Красным Крестом оплачивались места для русских инвалидов, а местными эмигрантами жертво-

---

ской управы С.Н. Аксакова. В годы Гражданской войны служил в армии адмирала А.В. Колчака. Затем в 1920 г. оказался в Севастополе, где до эвакуации русской армии П.Н. Врангеля исполнял обязанности воспитателя Морского корпуса, в составе которого в 1921–1924 гг. он находился в Бизерте. Потом жил во Франции, Болгарии, в период Второй мировой войны служил на стороне Германии на Восточном фронте, с 1944 г. был в составе армии генерала Власова.

[1] Михайлов День 2-й. Журнал исторической России. – СПб., 2010. – С. 306.

вались продукты питания и все необходимое для празднования Рождества и Пасхи[1].

Еще одну организацию под названием «Российская колония в Аргентине», объединившую представителей белой эмиграции и перемещенных лиц, возглавлял казак, профессор В.Ф. Вербицкий[2]. В 1955 г. Союзом бывших чинов русского корпуса был приобретен дом (с 1961 г. известный как Корпусный дом чинов Русского корпуса в Югославии), давший приют многим нуждавшимся престарелым корпусникам; долгое время он оставался одновременно общежитием и культурным центром, в котором проводились благотворительные вечера, балы, молебны в день памяти Св. Благ. вел. кн. А. Невского, на которых собирались взносы в фонд помощи нуждающимся[3].

В Уругвае после войны насчитывалось около 3 тыс. человек эмигрантов. По социальному происхождению большинство из них являлось рабочими, которые работали на мясохладобойнях и в жилищном строительстве в Монтевидео, незначительную часть составляли также малоземельные крестьяне, которые прибыли сюда еще в период 1920–1930-х гг. В конце 1940-х гг. община «Русского дома» пополнилась иммигрантами, которые проживали до войны в Югославии, Германии, сюда попали также участники Русского корпуса, РОА и бывшие военнопленные. В 1948 г. в Уругвай прибыл князь К.А. Горчаков – потомок знаменитого российского канцлера, который длительное время работал директором Банка в Монтевидео и поддерживал русскую общину, устраивая благотворительные балы для проживавших в Уругвае представителей русской аристократии. В их числе был русский дипломат Н.А. де Базили, который с 1942 г. до конца 1950-х гг. работал в представительстве National City Bank of New York в Монтевидео. Как известно, во время Февральской революции де Базили участвовал в составлении акта об отречении Николая II от престола, поэтому некоторые

[1] См.: Русская жизнь. – 1 августа 1947 г.; 29 октября 1947 г.
[2] См.: Наша страна. – 17 ноября 2006 г.
[3] См.: Под белым крестом. – Буэнос-Айрес, 1951. – № 1. – С. 44; 1954. – № 6. – С. 9-10.

монархически настроенные эмигранты в зарубежье не подавали ему руки[1].

Для перемещенных лиц, прибывших в Парагвай, правительство выделяло по 4 га расчищенной от леса земли с поставленными на ней домами[2]. Активное содействие в их обустройстве оказывал генерал Н.Ф. Эрн.

Легче всего в те годы оказалось получить въездную визу в Венесуэлу, которая остро нуждалась в рабочих руках, из которых по крайней мере половину предполагалось занять в аграрном секторе. «Ни консул, ни власти не требовали у иммигрантов никаких справок или удостоверений, – пишет С. Никитенко, – …Венесуэльский консул, выдавая визы желающим, обращал внимание не на их документы, а на семейное положение, охотно допуская прочные семьи и отказывая молодым одиночкам из-за их неустойчивости и склонности к передвижениям и переменам. Семейное ядро было тяжелым на подъем и лучше подходило к освоению земель»[3]. Приток в страну иммигрантов был обусловлен развитием нефтяной промышленности и нехваткой квалифицированной рабочей силы. Здесь были востребованы квалифицированные иностранные рабочие, техники, инженеры, механики; существовала также потребность в медицинских работниках. Однако на хорошую работу могли рассчитывать лишь те, кто владел языком, в противном случае приходилось браться за физическую работу, вроде садовников, шоферов, уборщиков – для мужчин; прислуги, уборщиц, портных – для женщин[4]. Некоторые, знавшие английский язык, отправлялись на нефтяные заработки к американцам в Маракаибо. Но нередки были случаи отказа в приеме на службу специалистов – выпускников советских вузов с аргументацией, что больше половины из них прокоммунистически настроенные и соответственно могли рассматриваться как советские агенты[5].

---

[1] См.: Русские в Уругвае… – С. 76-77.
[2] АВП РФ. Ф. 070. Оп. 19(а). Папка № 117. Д. 2. Л. 18.
[3] *Никитенко С.* Рай-страна… – С. 103.
[4] Там же. – С. 58.
[5] Там же. – С. 236.

Характер адаптации эмигрантов к новым условиям был напрямую связан с организацией их повседневной жизни, которая, в свою очередь, выстраивалась в соответствии с уровнем культуры и быта страны пребывания. Одной из составляющих повседневной жизни русских в этой стране стала жилищная проблема. Жилье в столице Венесуэлы стоило довольно дорого, а большинство беженцев прибывало фактически без денег. Международная организация выдавала по 10 долларов на каждого переселенца, а заработок чернорабочего (именно такую работу приходилось выполнять многим из-за незнания языка) составлял 4-5 долларов в день. При этом заработанное приходилось отдавать на оплату жилья[1]. Но со временем именно русские становятся основными покупателями наиболее дешевых участков на склонах гор на городской окраине столицы, в так называемых бедных районах. Те же, кому позволяли средства, приобретали жилье в наиболее дорогой, восточной части города, с хорошими дорогами, коммуникациями и прочими городскими и удобствами. Так, территориально, по словам Г.Г. Волкова, русская колония разделилась на две группы: тех, кто обитал на окраинах и склонах гор, и тех, кто поселился ближе к столице, в ее восточной части[2].

Некоторые переселенцы, не найдя работы в городе, вынуждены были отправляться в район джунглей Гуайя, в зону обитания местных индейцев, в качестве алмазо- и золотоискателей[3]. Венесуэльские власти намеревались также использовать часть иммигрантов в расширении сельскохозяйственной колонии Турен, находившейся в чаще тропического леса штата Португесы, где переселенцам были выделены большие участки земли в 20-40 га, предоставлялся длительный кредит для приобретения скота и право на освобождение от налогов первые десять лет. Около 40 русских семей выехали в сельву в качестве поселенцев, где ими были расчищены и превращены в земель-

[1] См.: *Никитенко С.* Рай-страна… – С. 114.
[2] См.: *Волков Г.Г.* Полвека русской колонии в Венесуэле // Латинская Америка. – 1997. – № 11. – С. 86.
[3] См.: *Никитенко С.* Рай-страна... – С. 215-220.

ные участки тысячи гектаров лесной чащи, вдоль которых проложены дороги и выстроены дома[1].

При этом, по признанию самих эмигрантов, четыре года венесуэльское правительство не давало разрешения прибывшим белым эмигрантам на создание своего общества. Лишь с 1951 г. начало легально действовать Общество взаимопомощи белых русских в Каракасе[2]. В 1952 г. в целях оказания помощи нуждающимся здесь был учрежден кооператив русских эмигрантов «РИВ» (Русские иммигранты Венесуэлы), при котором были созданы продуктовый магазин, торговавший по среднерыночным ценам продуктами русского стола, объединение «Автомашины-такси», в котором работали русские шоферы[3].

Под покровительством каракасского епископа был создан Дамский Комитет Милосердия из местных жительниц католической веры, при котором для прибывших эмигрантов были открыты курсы по изучению испанского языка, организовывались банкеты, лотереи и детские елки, собирались значительные суммы, направлявшиеся на покупку земли, постройку церкви, часть средств шла непосредственно на помощь нуждающимся[4].

Постепенно многие русские, оказавшиеся в Венесуэле, начали осваивать геодезию, после чего смогли устроиться инженерами, топографами и принять участие в сооружении тунелей, строительстве студенческого городка Центрального университета Венесуэлы, прокладке метро, демаркации венесуэльско-бразильской границы и т.д.[5] В свою очередь, молодые эмигранты уже через несколько месяцев после прибытия в Венесуэлу поступали в гимназии, стали выпускниками военных (авиационных, морских и сухопутных) училищ, что также позволило многим продвинуться по карьерной лестнице. В их числе был выпускник военного училища В. Филатов, который в

---

[1] См.: *Никитенко С.* Рай-страна... – С. 47-48.
[2] См.: Часовой. – 1960. – № 410. – С. 19.
[3] ГА РФ. Ф. Р– 10015. Оп. 4. Д. 11. Л. 15.
[4] См.: *Никитенко С.* Рай-страна… – С. 236.
[5] См.: *Степанов М.С.* Четыре открытия Венесуэлы // Латинская Америка. – 1999. – № 2-3. – С. 89.

чине дивизионного генерала занимал пост Главнокомандующего авиационными силами Венесуэлы[1]. Другой выпускник военного училища в Каракасе, сын руководителя скаутской организации В.Н. Ордовского-Танаевского – Ростислав, получив образование, занялся бизнесом; в 1990-е гг. переехал в Москву, где стал владельцем сети магазинов быстрой еды «Ростик».[2]

«Рассчитывая на собственные силы и способности, – отмечал С. Никитенко, – несмотря на материальные и официальные затруднения, политические и бытовые разногласия, наши соотечественники в короткий срок твердо встали на ноги. Ни один русский под давлением первоначальных трудностей не превратился в преступника… Никто из русских не стал обузой для Венесуэлы, наоборот, очень многие сделали свой вклад в ее развитие».[3]

В Чили первая группа иммигрантов, отобранная властями этой страны по линии ИРО и состоявшая из 434 человек славянского происхождения, прибыла через год после подписания соглашения, в июле 1948 г. В их числе были 179 специалистов (химики, бактериологи, врачи и др.) и квалифицированных рабочих в сопровождении своих семей. Последняя группа прибыла в Вальпараисо 13 января 1950 г.[4] Большинство из перемещенных лиц были выходцами из стран Восточной Европы, т.е. преимущественно это были поляки, югославы, венгры, румыны, болгары; но были среди них также русские, украинцы. Всего из Восточной Европы в Чили в этот период, по данным О.Ульяновой и К. Норамбуэны, прибыло более 2, 6 тыс. беженцев, которые находились на попечении Социальной службы по трудоустройству, помогавшей прибывшим в легализации документов и установлении контактов с заинтересованными руководителями предприятий[5].

---

[1] *Степанов М.С.* Четыре открытия Венесуэлы. – С. 284.
[2] См.: *Ордовский-Танаевский Н.А.* Жизнеописание мое. Воспоминания. Caracas. – М.–СПб., 1993. – С. 325.
[3] *Никитенко С.* Рай-страна… – С. 86.
[4] См.: *Ульянова О., Норамбуэна К.* Русские в Чили. – Santiago, 2009. – С. 78.
[5] Там же. – С. 86.

В Чили беженцам оказывали свое содействие в поисках работы комитеты, созданные различными эмигрантскими общинами, в частности, Комитет социальной поддержки иммигрантов из Югославии, Союз белых русских, Еврейский комитет помощи иммигрантам, различные польские организации, а также католические миссионеры[1]. Чилийское правительство предоставило русским беженцам временные помещения. Старые эмигранты первой волны, которых было немного, также помогали соотечественникам[2].

Как показал рассмотренный материал, после Второй мировой войны Латинская Америка становится одним из центров новой волны эмиграции, в составе которой находились как представители белой эмиграции, переселившиеся из Европы и Китая, так и новая эмиграция в лице коллаборантов, бывших военнопленных и остарбайтеров. Благодаря востребованности рабочих рук в индустриализирующихся странах Латинской Америки и достаточно высокому образовательному и профессиональному уровню эмигрантов, им удалось спустя какое-то время трудоустроиться и успешно пройти путь социально-экономической адаптации. В результате прибытия очередной волны эмиграции произошло также расширение географии ее расселения на континенте за счет новых стран, но вместе с тем, места компактного проживания эмигрантов сохранялись, благодаря чему поддерживался и статус диаспор.

---

[1] См.: *Senkman L.* Politica internacional e inmigraci6n europea en la Argentina de postguerra (1945-1948). El caso de los refugiados// Estudios Migratorios Latinoaamericanos. – Buenos Aires, 1981. – № 1 // Цит. по: *Ульянова О., Норамбуэна К.* Русские в Чили. – Santiago, 2009. – С. 46.

[2] См. *Отец Ростислав Колупаев*. Католические общины византийского обряда и русская диаспора [Электронный ресурс] // http://zarubezhje.narod.ru/texts/frrostislav311.htm.

Глава 3

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Русская послевоенная эмиграция в странах Латинской Америки в большей степени, чем эмиграция 1920–1930-х гг., оказалась вовлеченной в антикоммунистическую деятельность, в том числе благодаря своей географической близости к США как основному центру политической активности послевоенного Русского зарубежья. В разных странах русского рассеяния стали образовываться многочисленные очаги антикоммунистической борьбы уже в ее новом, послевоенном аспекте, на основании сведений, которые принесла, по словам Ю.И. Лодыженского, «новая русская эмиграция из сателлитных стран»[1].

Один из лидеров международного антикоммунистического движения, Т. Обер заявлял в связи с этим, что международная обстановка изменились коренным образом в том смысле, что отныне коммунистическая проблема окончательно становилась проблемой мировой. В связи с этим перед всеми антикоммунистическими силами ставилась задача «развеять просоветские тенденции и симпатии, порожденные военным союзом СССР с западными демократиями»; распространить «доказательства тождества тоталитарных и безбожных режимов, будь то нацистского, будь то коммунистического характера»; «пробудить в сознании послевоенных руководителей мировой политики осознание неизбывности коммунистической угрозы и их обязанность оградить свободный мир от этой угрозы»[2]. «Международное антикоммунистическое движение не умерло после закрытия Женевского бюро ЕІА, – подтверждал Ю.И. Лодыженский, – продолжало не только существовать, но и развиваться, как, например, в Южной Америке, под влиянием и с участием переехавших туда наших сотрудников»[3].

---

[1] *Лодыженский Ю.И.* От Красного Креста к борьбе с Коммунистическим Интернационалом. – М., 2007. – С. 132.
[2] Там же. – С. 513.
[3] Там же. – С. 509.

Противостоянию с СССР способствовала сама международная ситуация периода «холодной войны», когда в 1947–1948 гг. и в Латинской Америке обстановка стала меняться в пользу правых сил. Антикоммунистические и антисоветские настроения, опасения советской и коммунистической угрозы охватили в те годы значительную часть латиноамериканских политиков. Прибывшим на континент русским эмигрантам также приходилось доказывать словом и делом свой антикоммунизм.

Представляя состав второй волны эмиграции в странах Латинской Америки, писатель-реэмигрант Ю. Слепухин называл среди них перемещенных советских граждан и часть эмиграции из Европы; местных старожилов – белоэмигрантов, а также украинцев и белорусов из Польши, т.е. трудовую эмиграцию. «Старожилы», как пишет Ю. Слепухин, делились, в свою очередь, на «красных» (просоветски настроенных) и «непримиримых», при этом те и другие к новой эмиграции относились одинаково враждебно, считая ее «кто сплошь власовцами, кто сплошь шпионами»[1].

Действительно, многие старожилы российского происхождения, проживавшие в разных странах Латинской Америки, воспринимали новых переселенцев из числа коллаборационистов как фашистов. Отец Д. Константинов в связи с ситуацией, сложившейся, в частности, в Аргентине, писал: «… Встреченная особым взрывом ненависти со стороны многочисленной просоветской части многотысячной старороссийской эмиграции, она (послевоенная эмиграция. – *Авт*.) одновременно весьма холодно была принята и первой белой российской эмиграцией, за малым исключением относившейся к ней далеко не лояльно. Отчужденность, непонимание, подозрения, проявившиеся со стороны белой русской колонии в Буэнос-Айресе, сохранились в продолжении ряда лет и стали сглаживаться лишь к концу пятидесятых годов…»[2].

---

[1] *Слепухин Ю.* Южный крест. – М., 1987. – С. 220.

[2] *Константинов Д.* Через туннель XX-го столетия. – М., 1997. – С. 422.

Тем не менее большую часть представителей первой и второй волны русской эмиграции в Латинской Америке составляла антикоммунистическая эмиграция, для которой была свойственна, по определению отца Д. Константинова, «последовательная непримиримость к большевизму», переросшая накануне и в годы войны в симпатии к Германии, с которой связывались надежды на освобождение России от «коммунистического интернационала»[1]. Она оставалась такой и после войны, когда сюда переехали бывшие белые эмигранты, проживавшие в Югославии, непримиримо настроенные к коммунизму, наиболее решительно с ним боровшиеся и в большинстве своем остававшиеся убежденными монархистами.

И.Н. Андрушкевич указывает на то, что в Аргентину в те годы прибыло более десяти священнослужителей Русской православной церкви как из ее зарубежной юрисдикции, так и из России, в том числе члены Катакомбной церкви и бывшие узники советских концлагерей на Соловках, как, например, протоиерей Тимофей Соин. Военных чинов Русской армии и белых фронтов переселилось несколько сотен человек, среди них восемь генералов, несколько десятков полковников, около двадцати пажей Е.И.В., около сорока георгиевских кавалеров, более двадцати офицеров Русского Императорского Флота и около двухсот пятидесяти кадет императорских и зарубежных кадетских корпусов[2].

Среди представителей белой колонии Аргентины были потомки и родственники членов некоторых русских аристократических родов, например, князей Горчаковых, Волконских, Шаховских, а также графов Зубовых, Карелли де Брандаццо, Коновницыных, Орловых, фон Пален, Уваровых, Хоментовских и других. Здесь жили также потомки Голицыных, Буниных,

---

[1] *Константинов Д.* Через туннель XX-го столетия. – М., 1997. – С. 391.

[2] См.: *Андрушкевич И.Н.* Русская Белая эмиграция // Русские воины в Аргентине. Автор-сост. М.А. Кублицкая. Ч. I. Кадеты. – Буэнос-Айрес, 2004. – С. 21-24 // Цит. по: Михайлов День 1-й. Журнал исторической России. – Ямбург, 2005. – С. 195.

Кочубея, Оболенских, Уваровых, Раевских, Заботкиных-Кутузо-вых, Долгоруких, Бенуа, Римских-Корсаковых. В Аргентине проживала вел. кн. Мария Павловна-мл. После войны здесь оказался Н.Н. Гучков – младший сын Н.И. Гучкова, бывшего Московского городского головы, и племянник лидера партии октябристов А.И. Гучкова[1]. Сюда перебралась семья бывшего начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, основателя Добровольческой армии генерала М.В. Алексеева, в частности, его супруга Анна Николаевна и сын, полковник лейб-гвардии Е.И. В. полка Н.М. Алексеев[2].

В числе эмигрантов новой волны были полковник И.В. Федотов, бывший командир 17-го пехотного Архангелогородского полка, являвшийся в 1918 г. командиром отряда по охране лиц императорской фамилии в Крыму; полковник Генерального штаба русской армии Ю.В. Сербин, который в годы Гражданской войны состоял начальником штаба в Первом кубанском походе отряда Покровского, в дальнейшем был начальником штаба дивизии и др.[3] В Бразилию после войны переселился бывший до революции градоначальником Петрограда кадровый офицер лейб-гвардии Волынского полка генерал-майор А.П. Балк[4]. В 1950 г. в эту страну прибыла семья Лодыженских (включая Ю.И. Лодыженского, его троих детей и брата А.И. Лодыженского)[5].

---

[1] См.: Часовой. – 1961. – № 417. – С. 22.

[2] См.: Часовой. – 1960. – № 410. – С. 19. Внук генерала Алексеева М.М. Борель является сегодня членом кадетского объединения. Здесь же живет внучка генерала М.В. Алексеева М.М. Бауман.

[3] См.: Часовой. – 1961. – № 417. – С. 17; там же. – 1960. – № 410. – С. 19.

[4] См.: Часовой. – 1958. – № 390. – С. 13.

[5] См.: *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). – СПб., 2008. – С. 183-192. А.И. Лодыженский до войны был одним из лидеров-основателей Русского трудового христианского движения (РТХД), возникшего в 1931 г. в Швейцарии. В состав этой организации входило много участников русской секции Лиги Обера. А.И. Лодыженский стал председателем РТХД (Б.А. Никольский – генеральным секретарем), он также возглавлял закрытый «контрреволюционный» сектор этой организации. В конце

Таким образом, очередной приток русских переселенцев на латиноамериканский континент имел большое значение для укрепления общины белых эмигрантов, которую И.Н. Андрушкевич характеризует как «духовную основу возрождения Российского государства», единственный «гарант» выживаемости «русской национальной идеи» и в России, и за ее пределами (отсюда отношение «старой эмиграции» Аргентины к представителям других волн как к «идеологическим оппонентам»)[1]. Верность белой идее проявлялась в этой среде все последующие годы, хотя в условиях «холодной войны» первая и вторая волна сблизились, обе были политические, антисоветски и антикоммунистически настроенные.

Представитель второй волны эмиграции М. Бойков отмечал в связи с этим: «И вот эту самую холодную войну, сразу после окончания в России войны огневой то бишь гражданской, начали вести мы, которых во всех местах рассеяния российского называют старыми эмигрантами. Затем вместе с нами ее продолжили, так называемые новые эмигранты и, наконец, в нее вступили те, которые ныне известны под названием новейших... Все эти партизаны холодной войны...»[2].

1930-х гг. произошел раскол в рядах РТХД, в первую очередь из-за противоречий между лидерами, когда А.И. Лодыженский попал под влияние нацистской идеологии и делал ставку на Гитлера как освободителя России от большевизма. В свою очередь, Никольский считал Гитлера антирусским и антихристианским лидером, и в 1938 г. он фактически вышел из движения, передав Лодыженскому редактирование ежемесячной газеты «Новый путь» (периодическое издание РТХД, которое имело также свое издательство).

[1] *Андрушкевич И.Н.* Русская Белая эмиграция // Русские воины в Аргентине. Автор сост. М.А. Кублицкая. Ч. I. Кадеты. – Буэнос-Айрес, 2004. – С. 21-24 // Цит. по: Михайлов День 1-й. Журнал исторической России. – Ямбург, 2005. – С. 195. Председатель – полковник Е.Д. Лукин – бывший командир Технического полка в Галлиполи, служивший до этого в техническом отделе парагвайской армии.

[2] *Бойков М.* Партизаны холодной войны. – Буэнос-Айрес, 1955. – С. 7.

Ежегодно в годовщину Октябрьской революции в странах латиноамериканского рассеяния проводились «Дни Непримиримости», а в день убийства царской семьи – «Дни Скорби». Председатель организации «Российская колония» В.Ф. Вербицкий, переживший трагедию в Лиенце, по воспоминаниям его внучки, вел борьбу против инфильтрации советских агентов в эмигрантскую среду, для чего им было организовано наблюдение за посетителями советского посольства в Буэнос-Айресе: в квартире, из которой был виден вход, с утра до позднего вечера сидел «дежурный» и записывал всех переступавших порог и даже фотографировал их, если позволяли условия, причем не только русских, но и выходцев из стран-сателлитов[1].

В 1958 г. в Буэнос-Айресе был создан Аргентинско-Русский антикоммунистический институт культуры, в должности генерального секретаря которого была графиня И.С. фон дер Пален (урожд. Лукина, больше известная под псевдонимом Ирины Астрау) – дочь генерала, переехавшая в Аргентину в 1928 г. из Праги. Вице-президентом Института являлся капитан артиллерии В.М. Подкин, также проживавший в Буэнос-Айресе с 1920-х гг. и участвовавший в создании аргентинского отделения РОВСа[2]. Вся деятельность Института была направлена на ведение антикоммунистической пропаганды среди аргентинцев на испанском языке. С 1961 г. Институт издавал бюллетени на испанском языке.

Одновременно представителями белой эмиграции были предприняты меры по восстановлению старых и созданию новых воинских формирований. В частности, произошло восстановление РОВС, Общества галлиполийцев и других организаций. РОВС по своему духу, целям и задачам, как отмечает В.Г. Чичерюкин-Мейнгард, оставаясь в известной степени таким же, как и до войны, тем не менее постепенно по мере старения его членов превращался из кадрированной армии в воен-

[1] См.: Наша страна. – 17 ноября 2006 г.

[2] См.: *Кублицкая М.А.* Русские издательства, типографии и библиотеки в Аргентине // http://emigrantika.ru/publications/838-bookiv // (сайт «Эмигрантика. ru. Русское зарубежье»).

но-мемориальную воинскую организацию, которая видела свою цель в «сохранении воинских традиций, составлении историй», «воспитании нового поколения в духе верности России»[1]. Лишенные возможности непосредственно участвовать в конфликтах второй половины XX столетия по причине возраста и отсутствия материальных возможностей чины РОВС тем не менее реагировали на происходившие в мире события.

Аргентинский отдел РОВС в те годы объединял бывших дроздовцев, корниловцев, марковцев, а также членов Союза инвалидов, Кают-кампании бывших офицеров флота, Николаевской инженерной академии и училища[2]. В Аргентине действовал также Южно-Американский отдел Союза участников уубанского генерала Корнилова похода (председатель – полковник П. Эйхенбаум)[3]. После того как в 1950 г. возобновило свою деятельность Общество галлиполийцев с центром в США, его отделения появились в Аргентине и Парагвае[4]. В 1951 г. под руководством участника трех войн (Русско-японской, Первой мировой и Гражданской) генерал-майора В.Ф. Баумгартена был воссоздан Отдел Общества галлиполийцев в Аргентине, развёрнутый в 1953 г. в Южно-Американский Отдел Общества галлиполийцев[5].

---

[1] *Чичерюкин-Мейнгард В.Г.* Воинские организации Русского Зарубежья после Второй мировой войны. – М., 2008. – С. 69.

[2] См.: Судьбы поколения 1920-1930-х годов в эмиграции. Очерки и воспоминания… – С. 258.

[3] См.: Часовой. – 1960. – № 410. – С. 19.

[4] См.: Часовой. – 1957. – № 380. – С. 19.

[5] См.: Михайлов День 2-й… – С. 291. Генерал-майор В.Ф. Баумгартен в годы эмиграции в Югославии служил высшим архитектором в инженерно-техническом отделе Военного и Морского министерства в Белграде. Автор проекта и руководитель строительства здания Генерального штаба в Белграде, гонорарный архитектор в Государственном Ипотечном банке в Београде. Супругой генерала была К.М. Баумгартен (урожд. Бенуа), отец которой – морской офицер М.Н. Бенуа являлся родным братом известного художника А.Н. Бенуа.

Промонархически настроенная часть русской военной эмиграции в Аргентине создала и продолжала хранить традиции таких объединений, как Союз бывших императорских кадет, Гвардейское объединение (бывших офицеров-улан), Союз пажей (объединения бывших воспитанников Пажеского корпуса в Петербурге) и др. К 1952 г. из 280 членов Союза пажей 24 проживали в Южной Америке, в частности, отделения Союза пажей были в Аргентине, Бразилии, Венесуэле[1].

После войны в страны Нового Света была перенесена деятельность Российского имперского союза (РИС). Сохранившиеся в США местные отделения пополнились за счет переехавших из Европы и Китая эмигрантов, но большинство членов этой организации («имперцев», как они себя часто называли) на тот момент проживало именно в Латинской Америке, где они скрывались от выдачи СССР. Основной задачей РИС после проведенного в 1948 г. в Брюсселе Имперского съезда европейских членов организации стало восстановление структуры и привлечение в свои ряды новых сторонников и, прежде всего, из числа молодого поколения «первой» и «второй волны» российской эмиграции. Была налажена работа РИС в Аргентине, Бразилии, Венесуэле[2]. Значительную роль в укреплении позиций РИС в Аргентине сыграл Н. И. Сахновский, под руководством которого в Южной Америке было создано Генеральное представительство этой организации. В начале 1950-х гг. в названии организации официально добавилось слово «Орден» и она стала называться Российский имперский союз-орден (РИС-О). Главою Российского императорского дома имперцами почитался старший в роду Романовых вел. кн. Владимир Кириллович[3], который пользовался также поддержкой группы

---

[1] См.: *Окороков А.В.* Молодежные организации русской эмиграции (1920–1945 гг.). – М., 2000. – С. 73.

[2] См.: История Российского имперского союза-ордена: 1929–2009 гг. Глава II. Вторая мировая война 1939–1945 гг. // http://pucosib.livejournal.com/// http://puco-sib.livejournal.com/74019.html.

[3] См.: Устав Российского имперского союза-ордена. – Буэнос-Айрес, 20 декабря 1965 г. б.с. [Машинописн. экз.]

монархистов в бразильском городе Сан-Пауло (лидер – В.Д. Мержеевский) и некоторых других объединений[1]. Господствовавшие среди американской и европейской общественности антикоммунистические настроения в условиях «холодной войны» совпадали с идеологией РИС-О. Но в отличие от некоторых российских эмигрантских антисоветских организаций, получавших значительное финансирование от американского правительства и его структур (в том числе от ЦРУ), русские монархисты и, в частности члены РИС-О, говорившие о необходимости после свержения коммунизма в России восстановления сильной и независимой державы, этой поддержки не имели. Поэтому вся деятельность РИС-О с тех времен строилась по двум направлениям: борьба с коммунизмом и противодействие русофобским настроениям и антироссийской деятельности.

Активную деятельность по объединению эмиграции на антикоммунистической платформе развернул в Аргентине прибывший сюда в 1947 г. И. Л. Солоневич – родоначальник концепции «народной монархии» и лидер российского народно-монархического (штабс-капитанского) движения. Солоневич был активным борцом с коммунистической диктатурой в эмигрантской среде, организатором и издателем монархической газеты «Наша страна», автором таких работ, как «Россия в концлагере», «Народная монархия», «Белая империя» и др. Российское народно-монархическое движение так же, как РИС-О, поддерживало кандидатуру вел. кн. Владимира Кирилловича на российский престол. Его организации помимо Аргентины функционировали в США, ФРГ, Австралии.

Как пишет Н. Никандров, И.Л. Солоневича беспокоило то, что в Аргентине в среде русской эмиграции «доминировали просоветские элементы» и ему хотелось «вдохнуть надежду в деморализованные души «дипийцев», прибывавших в Аргентину и другие страны Латинской Америки, США, Канаду[2]. Глав-

---

[1] См.: *Антошин А.В.* Российские эмигранты в условиях «холодной войны». – Екатеринбург, 2008. – С. 100.

[2] См.: *Никандров Н.* Иван Солоневич. Народный монархист. – М., 2007 // http://tiwy.com/nashi/solonevich_v_argentine/#11.

ными проблемами, которые Солоневич считал в тот период первоочередными, было противостояние капиталистического и народно-демократического «лагерей», угроза атомной войны, экспансионизм сталинской империи и, как он писал, «неоправданная беззубость» Соединенных Штатов Америки перед лицом «коммунистической угрозы»[1].

В 1949 г. в Аргентине по инициативе представителей трех организаций: Высшего монархического совета – полковника И.В. Фёдотьева, Российского имперского союза-ордена – Н.И. Сахновского и Российского народно-монархического (штабс-капитанского) движения – И.Л. Солоневича было создано новое объединение – «Государево Служилое земство», председателем которого стал Н.И. Сахновский. Однако очень скоро, несмотря на разработанную совместными усилиями программу, возникли внутренние разногласия прежде всего из-за острого конфликта между Сахновским и Солоневичем, в результате которого последний покинул ряды организации, а в дальнейшем и страну, перебравшись в Уругвай.

Примером более удачного и долгосрочного взаимодействия монархических объединений стало их участие в созванном в 1958 г. по инициативе Б.Л. Бразоля, А.П. Волкова и Н.Н. Чухнова в Нью-Йорке Общемонархическом съезде, в ходе которого было создано постоянно действующее объединение – Общемонархический фронт (ОМФ), который был наиболее крупным движением Русского зарубежья, включавшим в свой состав все наиболее дееспособные на тот момент силы монархистов-легитимистов.В него входили Союз императорской конницы и артиллерии в Аргентине, Федерация русских национальных организаций в Бразилии, Группа монархистов в Сантьяго. С конца 1950-х и вплоть до конца 1980-х гг. основными направлениями идеологической работы ОМФ была антикоммунистическая деятельность и одновременно борьба против западной русофобии,

[1] *Никандров Н*. Иван Солоневич. Народный монархист. – М., 2007 // http://tiwy.com/nashi/solonevich_v_argentine/#11.

отождествлявшей коммунизм со всем русским народом[1]. Кроме чисто политических акций (демонстраций, раздачи листовок и др.), членами объединения организовывались походы, летние лагеря, вечера и встречи, во время проведения которых русская молодежь, разбросанная по разным уголкам США, Канады и других стран, собиралась вместе для общения друг с другом и получения наставлений от старших[2].

Более заметной в послевоенный период была деятельность Народно-трудового союза (НТС) (солидаристов), созданного еще в 1930-е гг. и сотрудничавшего с власовцами в период войны. После того как в 1955–1956 гг. из НТС выделилась новая организация Российский национально-трудовой союз (РНТС) (председатель – В.М. Байдалаков), его отделения создаются в Латинской Америке. В частности, по данным В.М. Байдалакова, членами генерального представительства РНТС в Аргентине были Д.С. Богданович, Ю.А. Герцог, А.Г. Денисенко, И.И. Иванилов, В.А. Книрша, И.А. Пророков, А.Л. Швец; в Венесуэле – А.В. Батян, З.А. Белик, А.А. Кундауров, В.Н. Третьяков[3].

В Бразилии наибольшее количество военных политических организаций традиционно возникло в г. Сан-Пауло. Здесь в 1950-е гг. действовали, в частности, отделения РОВС (председатель – полковник А.А. Зубакин), Объединения бывших кадет Русских императорских корпусов (председатель – С.И. Артонов), Уполномоченный представитель Союза дворян в Южной Америке А.А. Наумов (сын последнего министра земледелия царского правительства)[4]. В 1954 г. по инициативе полковника

---

[1] См.: *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988). – СПб., 2008. – С. 361.

[2] См.: *Осовский Е.Г.* История Российского имперского союза-ордена: 1929–2009 гг. Глава II. Вторая Міровая война 1939–1945 гг. // http://puco-sib.livejournal.com///http://puco-sib.livejournal.com/74019.html.

[3] См.: *Байдалаков В.М.* Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена… Воспоминания председателя НТС. 1930–1960. – М., 2002. – С. 115-116.

[4] См.: Часовой. – 1954. – № 338. – С. 24; 1956. – № 367. – С. 22; 1960. – № 411. – С. 9.

В. Адлерберга и штабс-ротмистра С. Голубинцева в Сан-Пауло было создано Объединение бывших чинов Российской императорской кавалерии и конной артиллерии[1]. Деятельный антикоммунистический центр, известный как «Постоянное совещание русских православно-национальных деятелей», был создан прибывшим в Бразилию А.И. Лодыженским, который издавал также русский антикоммунистический бюллетень «Вера и верность»[2].

В 1948 г. в Бразилии было создано отделение ультраправой послевоенной политической организации Российское общенациональное народно-державное движение (РОНДД), председателем которого был представитель первой волны эмиграции, участник власовского движения Е.Н. Арцюк. РОНДД в странах Южной Америки и Дальнего Востока включал в себя уцелевшие организации русских фашистов и их лидеров. Так, в г. Сан-Пауло отделение этой организации возглавил один из активных участников русского фашистского движения в Латинской Америке 1930-х гг. Н.Т. Дахов. Как пишет П.Н. Базанов, это была последняя антисоветская организация, которая наряду с борьбой против масонства, коммунизма выступала под лозунгами антисемитизма[3].

Ядро русской колонии в Венесуэле создавалось заново и во многом поэтому здесь не было столь сильного раскола по политическим мотивам, который переживала русская эмиграция в той же Аргентине, Бразилии или Уругвае в послевоенные годы. Старая эмиграция, прибывшая в страну, занялась восстановлением организаций, в которых ее члены состояли до Второй мировой войны. Это были Объединение императорской армии и флота, Союз инвалидов и ветеранов Первой и Второй мировых войн и др. Из 14 объединений русской эмиграции в Венесуэле антикоммунистическими себя считали 10[4].

---

[1] См.: Владимирский вестник. – Сан-Пауло, 1954. – № 39. – С. 30.
[2] Там же. – С. 3.
[3] См.: *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988)…. – С. 346.
[4] См.: Часовой. – 1960. – № 410. – С. 19.

В разных странах Латинской Америки была восстановлена деятельность кадетских организаций. После закрытия последнего русского кадетского корпуса за границей кадетские съезды, которые проводились на протяжении всей второй половины XX в., восстановили традиционное представительство этих учреждений на основе казачье-вечевых принципов[1]. В кадетском зале Аргентинского объединения в Буэнос-Айресе висел плакат со словами: «Рассеяны, но не расторгнуты». Это означало, что до последних дней жизни эти люди чтили свое воинское братство и «верность заветам старины». Союз российских кадетских корпусов (с 1974 г. – Общекадетское объединение), включавшее в себя бывших кадет российских корпусов, а также выпускников корпусов, организованных в эмиграции, искал опору в дореволюционных традициях, ставя своей задачей прежде всего вырастить молодое поколение в истинно русском духе и «довести его в монархической убежденности до восстановления прежней России».

Одним из центров русского кадетского движении в послевоенный период являлась Венесуэла. В те годы в страну прибыло около 30 бывших воспитанников кадетских корпусов (Первого русского кадетского, Донского кадетского и Крымского кадетского корпусов), которые после 1945 г. оказались востребованы в индустриализирующихся странах Южной Америки, поскольку в их числе были квалифицированные чертежники, топографы, знатоки иностранных языков. Среди них – представители древнейшей дворянской династии, потомки А.В. Суворова – С.А. и Н.А. Хитрово[2].

---

[1] В 1988 г. в Каракасе состоялся 11-й съезд русских кадет (на нем присутствовало 114 кадет и 118 их жен и вдов из США, Франции, Германии, Бразилии, Аргентины, Югославии). Съезд совпал с 40-летием Объединения кадет в Венесуэле. В 1992 г. здесь же, в Венесуэле, воспитанники российских кадетских корпусов провели свой 13-й съезд.

[2] См.: Правда. – 1 августа 1992 г. Уже спустя многие десятилетия, в 1988 и 1992 гг., Каракас стал местом проведения соответственно 11-го и 13-го съездов русских кадет с участием их жен и вдов из США, Франции, Германии, Бразилии, Аргентины, Югославии.

В странах Латинской Америки оказалось также значительное число представителей русских антисоветских добровольческих формирований, созданных в годы Второй мировой войны в составе германской армии или позже вошедших в ее состав. Одним из наиболее крупных эмигрантских формирований такого рода являлся Русский корпус в Югославии, созданный осенью 1941 г. под командованием генерала М.Ф. Скородумова из остатков армии П.Н. Врангеля и выпускников кадетских корпусов[1]. 1 ноября 1945 г. в лагере Келлерберг в Австрии, куда был выведен из Югославии Русский корпус, был создан Союз чинов Русского корпуса, члены которого к концу 1940-х гг. перебрались в США (не менее 1000 человек), а также в страны Латинской Америки. Управление Союза находилось в Нью-Йорке, его отделы в виде Союзов и Обществ Святого Благоверного Великого князя Александра Невского располагались в Аргентине, Бразилии, Парагвае, Венесуэле и Чили[2].

В Бразилии в 1949 г. корпусники образовали свой Отдел Союза бывших чинов Русского корпуса, председателем которого являлся полковник В.В. Бальцар, он же – редактор журнала «Под белым крестом» – центрального издания Русского корпуса в этой стране[3]. Корпусниками, переселившимися в Бразилию, также было основано Общество Святого Александра Невского в г. Сан-Пауло во главе с В. Патроновым[4].

В Аргентину переселение корпусников, главным образом из Мюнхена и Зальцбурга, началось в 1948 г. Сюда приехали Навроцкие, Мамонтовы, Гранитов, Брешко-Брешковские и др. Одним из известных членов Русского корпуса, проживавших в Аргентине, был военный теоретик, полковник, в прошлом бывший начальник штаба Корниловской ударной дивизии Е.Э. Месснер, который стал организатором и создателем южноамериканского отдела Института для исследования проблем

---

[1] См.: *Волков С.В.* Русская военная эмиграция. Издательская деятельность. – М., 2008. – С. 113.

[2] См.: Под белым крестом. – Буэнос-Айрес, 1951. – № 1. – С. 44-45.

[3] См.: Под белым крестом. – Буэнос-Айрес, 1954. – № 6. – С. 41.

[4] См.: Владимирский вестник. – Сан-Пауло, 1954. – № 39. – С. 56.

войны и мира им. генерала Н.Н. Головина. Корпусники поселились также в Чили, Венесуэле, Парагвае[1].

В середине 1947 г. из Европы в Аргентину прибыла группа военных1-й Русской национальной армии (РНА) (всего около 100 бывших чинов) вместе с генералом Б.А. Хольмстон-Смысловским (известным также под псевдонимами «фон Регенау» и «Артур Хольмстон»), который после сдачи союзным войскам обратился к президенту Хуану Доминго Перону с просьбой о переброске остатков своего войска в Южную Америку[2]. Эта просьба была удовлетворена, и по прибытию в Аргентину в 1947 г. на базе личного состава 1-й РНА Хольмстоном-Смысловским было основано Российское военно-национальное освободительное движение имени Генералиссимуса А.В. Суворова (Суворовский союз) во главе с начальником главного штаба – полковником Г.З. Трошиным[3].

Движение представляло собой военно-политическую организацию монархической направленности, ставившую своей целью создание Российской национальной освободительной армии (РНОА), которая с армиями других стран должна была

---

[1] Под белым крестом. – Буэнос-Айрес, 1951. – № 1. – С. 44.

[2] Граф Б.А. Смысловский – бывший царский офицер, выпускник московского кадетского корпуса, где учился вместе с М.Н. Тухачевским, а затем Михайловского артиллерийского училища. В годы Первой мировой войны служил в лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады, закончил войну в чине поручика. После революции жил в Варшаве, был секретарем польского отдела РОВС. В годы Второй мировой войны в чине полковника германской армии занимался организацией воинских частей из проживавших на территории Германии русских и военнопленных советских солдат. Созданная им в 1944 г. 1-я Русская национальная армия (РНА), так и не отправленная Гитлером на Восточный фронт, использовалась против партизан для участия в карательных экспедициях. За «отличную службу» был произведен германским командованием в генералы. После капитуляции Германии Хольмстону-Смысловскому удалось вывести свои части из-под удара советских войск, и к 2 мая 1945 г. сохранившиеся кадры двух полков 1-й РНА перешли границу и разместились в княжестве Лихтенштейн, попросив политического убежища.

[3] См.: *Чичерюкин-Мейнгард В.Г.* Воинские организации Русского зарубежья после Второй мировой войны... – С. 69.

осуществить освобождение России «от темных сил Интернационала и коммунистов». Сторонники Смысловского на заседаниях своей организации часто обсуждали тактику и стратегию армии, которую они создадут в будущей войне против СССР. При этом по-прежнему они продолжали дистанцироваться от власовцев, отказавшись еще в годы войны войти в состав РОА. В подобных трениях между старыми русскими офицерами и недавними советскими военнослужащими играли свою роль и разное воспитание и разное мировоззрение. К 1957 г. отделения и представительства Суворовского союза действовали наряду с США, Австралией также в Бразилии (председатель – Л.С. Рубанов) и Парагвае (председатель – есаул Д.А. Персианов)[1]. По данным И.Н. Андрушкевича, сам бывший сотрудник абвера генерал Хольмстон-Смысловский никогда не забывал о своей профессии контрразведчика и создал в среде русских эмигрантов разветвленную сеть информаторов, на что, по некоторым сведениям, военное министерство Аргентины выделяло ему необходимые финансовые средства[2].

Часть массовой волны послевоенной эмиграции составили казаки, которые входили в военные формирования Германии, Японии, Италии и других стран, воевавших на фронтах Второй мировой войны. Здесь они развернули работу по воссозданию своих союзов и объединений, деятельность которых также была направлена на борьбу с коммунизмом. Известно, что именно в страны Латинской Америки, в частности, в Чили, Аргентину, Парагвай, переселились после войны полковник К.К. Улагай и его соратники, включая казаков – бывших участников Русского отряда, воевавшего в 1920-е гг. на стороне албанского короля Ахмета Бей Зогу I, а в годы Второй мировой войны – в рядах

---

[1] См.: *Чичерюкин-Мейнгард В.Г.* Воинские организации Русского зарубежья после Второй мировой войны... – С. 69.

[2] См.: *Андрушкевич И.Н.* Русская Белая эмиграция. Историческая справка // Русские воины в Аргентине. Автор-сост. М.А. Кублицкая. Ч. I. Кадеты. – Буэнос-Айрес. Издание Объединения кадет российских кадетских корпусов в Аргентине. – 2004. – С. 21-24 // Цит. по: Михайлов День 1-й. Журнал исторической России… – С. 196.

итальянской дивизии и в частях РОА. Сам полковник К.К. Улагай проживал в Чили, где работал в Военно-географическом институте. Здесь же поселился и атаман Общеказачьей станицы Кучук Каспелетович (полковник Кубанского войска)[1].

В числе казаков, переселившихся из Европы на южноамериканский континент, был В.А. Харламов – историк, археолог, прибывший в Аргентину еще в 1944 г. В довоенный период Харламов являлся членом Учредительного совета при русском Заграничном историческом архиве в Праге, редактировал журнал «Казачий путь», являлся представителем казачьей Исторической комиссии, издавшей трехтомную «Донскую летопись». В Аргентине В.А. Харламов стал организатором Казачьего союза и Антикоммунистического центра в Буэнос-Айресе. С 1948 г. атаманом Казачьего союза являлся сотник В.В. Обручев. Активное участие в создании и деятельности Союза принимал кубанский казак Н.М. Дмитренко, также в течение ряда лет являвшийся атаманом Союза.

В 1955 г. в Аргентину к своей семье перебрался после освобождения из советского лагеря Н.Н. Краснов-мл., сын полковника Генерального штаба Н.Н. Краснова-ст., в годы войны возглавлявшего Главное казачье управление, занимавшееся формированием казачьих частей для борьбы против СССР и казненного в 1947 г. советскими властями за сотрудничество с нацистской Германией. Краснов-мл. являлся внучатым племянником атамана Войска Донского П.Н. Краснова, также казненного в 1947 г. за сотрудничество с Германией в годы войны. Сам Краснов-мл. воевал в составе немецкой дивизии «Бранденбург» на Восточном фронте, а после организации Русского охранного корпуса генерала Б. А. Штейфона на Балканах вступил в его ряды. После войны был выдан советским властям в числе многих других офицеров Казачьего стана. В 1955 г. в период хрущевского правления в СССР был освобожден из советского лагеря, после чего смог выехать в Аргентину, где уже с 1947 г. находилась его жена Лидия – дочь профессора В.Ф. Вербицкого,

[1] См.: Часовой. – 1953. – № 332. – С. 21.

также проживавшего в этой стране. В Аргентине Н.Н. Красновмл. был избран атаманом Донской станицы имени П.Н. Краснова, принимал активное участие в жизни русской колонии[1].

Еще одному представителю рода Красновых – М.С. Краснову-Марченко, внучатому племяннику атамана П.Н. Краснова, сыну казненного в СССР в 1947 г. генерала С.Н. Краснова (являвшегося в годы войны начальником штаба Главного управления казачьих войск при Восточном министерстве Германии) вместе с матерью удалось в 1948 г. бежать из лагеря военнопленных казаков и перебраться в Чили. Здесь Д.В. Марченко, свободно говорившая на французском и итальянском языках, изучавшая в Париже испанский, была принята на работу в Министерство иностранных дел в качестве переводчика[2]. Ее сын Мигель Краснофф, как называли его в стране, окончив военное училище, стал военным, впоследствии бригадным генералом чилийской армии, одним из активных участников переворота 11 сентября 1973 г., в ходе которого было свергнуто правительство Сальвадора Альенде[3].

Параллельно с институциональными процессами, протекавшими в колониях белых эмигрантов, началась политическая консолидация бывших коллаборационистов и власовцев, создававших свои организации и объединения. Одним из наиболее крупных в те годы был Союз борьбы за освобождение народов России (СБОНР), созданный власовцами в 1947 г. на основе «Пражского манифеста» 1945 г. и отмежевавшийся с самого начала от белого движения, считая его «контрреволюционным». Автономной структурой в составе СБОНР была его военная ор-

---

[1] См.: *Нечаев С.Ю.* Русские в Латинской Америке. – М., 2010. – С. 167-169.

[2] См.: *Жизель Сильва Энсина*. Казак М.С. Краснов. Пленник за службу Чили. – Ростов-на-Дону, 2011. – С. 50.

[3] В годы правления А. Пиночета М. Краснофф был начальником отдела безопасности и личной охраны генерала. В 1995 г. он стал бригадным генералом чилийской армии. После 1998 г. ситуация в стране изменилась, и в 2004 г. М. Краснофф был осужден по обвинению в соучастии в похищении людей в период хунты Пиночета.

ганизация Союз воинов освободительного движения (СВОД), созданная в ноябре 1948 г. под председательством полковника М.А. Алдана. К 1950 г. СБОНР (который прекратил свою деятельность лишь в мае 2000 г.) имел 14 отделов, в том числе в Аргентине, Бразилии, Венесуэле, Чили и Перу[1].

Наиболее активным был Аргентинский отдел СБОНР. Так, например, 22 августа 1968 г. молодежной группой СБОНР совместно с аргентинскими студентами-антикоммунистами – членами Национального движения антикоммунистической молодежи в знак протеста «против оккупации Чехословакии» в Буэнос-Айресе была организована демонстрация. В том же году в день годовщины Октября и приема в советском посольстве члены группы СБОНР организовали протестные акции, которые сопровождались поджогами советского флага. При этом среди гостей было распространено обращение, в котором говорилось, «что сосуществование с интернациональным коммунизмом позорно, когда русские писатели загнаны в концлагеря, когда народы России лишены элементарных гражданских прав и обращены в рабство, когда оккупация Чехословакии еще раз наглядно доказала всему миру, что для коммунизма неприемлем даже намек на свободу»[2].

Руководителем СБОНР в Венесуэле был участник РОА Ф.М. Легостаев. В июле 1953 г. состоялась первая официальная встреча власовцев в Венесуэле, результатом которой стало создание Отдела СВОД со своим печатным органом – «Вестником Отдела союза воинов освободительного движения в Венесуэле», который из-за отсутствия средств выходил не в типографском, а машинописном виде. Созданный на базе Отдела СВОД фонд помощи переводил средства в Центральную кассу власовского Фонда помощи[3]. Однако следует отметить, что и этому движению в рамках одной страны не удалось избежать политического соперничества. Отделу СВОД в Венесуэле противо-

---

[1] См.: *Чичерюкин-Мейнгард В.Г.* Воинские организации Русского зарубежья после Второй мировой войны… – С. 69.
[2] Русское слово. – Буэнос-Айрес, 7 декабря 1968 г.
[3] ГА РФ. Ф. Р-10015. Оп. 4. Д. 205. Л. 10 (об.).

стояла другая группа власовцев, именовавшая себя «Штабом Отдела кадров РОА» и претендовавшая на собственное политическое лидерство в эмигрантской среде внутри страны[1].

В 1951 г. в Бразилии усилиями группы русских офицеров, состоявших из участников белого движения и РОА, был создан Российский национальный военный союз (РНВС), который возглавил полковник, член Совета Российского зарубежного воинства А.А. Зубакин. Его помощниками были подполковник В.В. Чернощеков и капитан Л.П. Снегирев[2]. В задачу РНВС также входила «непримиримая борьбы с коммунизмом всеми возможными средствами до полного освобождения России; сохранение, подбор и подготовка военных кадров, создание в Зарубежье единого политического национального центра, всемерная поддержка Совета российского зарубежного воинства и всемерное содействие созданию Российской освободительной Армии»[3].

В начале 1950-х гг. в эмигрантской среде, в том числе латиноамериканских стран, развернулась дискуссия по поводу идеи, исходившей от военно-политических кругов США, о формировании Интернациональной антикоммунистической армии для борьбы против СССР. «Вестник Отдела СВОД в Венесуэле» писал по этому поводу следующее: «Большевизм в СССР является источником коммунизма во всем мире и только уничтожение большой коммунистической системы в СССР будет означать разгром коммунизма во всех других странах ми-

---

[1] См.: *Будников С.Н.* Филипп Михайлович Легостаев (к его кончине) // Русь. Общетематический журнал для русских в Венесуэле. – 2001. – № 6-8. – С. 141-142.

[2] Россия. Сан-Пауло. – 1955. – № 1. – С. 23. Совет российского зарубежного воинства создан в 1949 г. по предложению великого князя Андрея Владимировича с постоянной резиденцией в Париже во главе с генерал-лейтенантом Архангельским (заместитель – генерал-майор фон Лампе). В состав Совета вошли РОВС, Корпус императорской армии и флота, Союз андреевского флага, Главное управление инвалидов, Казачества (Донское, Кубанское, Терское), Русский корпус.

[3] Россия. – Сан-Пауло. – 1955. – № 1. – С. 23.

ра»[1]. В связи с этим ставилась задача «сохранить свои кадры: политиков, пропагандистов, офицеров, т.е. весь костяк Освободительного движения до той поры, когда контратака свободолюбивого мира будет направлена непосредственно на главную опору и главную силу – коммунистический большевизм в СССР»[2].

«Если эта интернациональная армия (в числе которой предполагались и русские подразделения), – говорилось далее в статье, – будет формироваться по типу французских легионов и использоваться на подавление восстаний и путчей (хотя бы и коммунистических) где-то в Новой Зеландии или на о. Куба, то пропагандировать за вступление русских антибольшевиков в такую армию не стоит… потому что основное гнездо коммунизма находится на нашей Родине и только разгромив его можно надеяться на уничтожение коммунизма в остальных странах»[3]. Однако в заключение автор статьи приходил к мысли о том, что все же «никакие интернациональные армии без поддержки российского народа не смогут одолеть коммунистической диктатуры».

От имени чинов Русского корпуса в журнале «Под белым крестом» также выражались опасения по поводу того, что скорее всего борьба против большевизма будет вестись «западным миром во имя сохранения собственной свободы и, очень может быть, с целью ослабления России путем дробления единства русского народа, для чего будет брошено много денег, на которые различные Грушецкие издадут горы книг, брошюр и листовок, “полных самостийного бреда и ненависти к России”»[4]. При этом, как видно из официальных материалов политических организаций русской эмиграции, идея сохранения единства страны, несмотря на разницу в политических пристрастиях, превалировала в общественном мнении представителей послевоенного Русского зарубежья, и потому с особой тревогой звучали

[1] ГА РФ. Ф. Р–10015. Оп. 4. Д. 212. Л. 6.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Под белым крестом. – Буэнос-Айрес, 1952. – № 2. – С. 2.

предупреждения о возможных неблагоприятных сценариях, в соответствии с которыми, по образному выражению И.А. Ильина, «расчлененная Россия станет неизлечимой язвой мира», превратившись в гигантские «Балканы»[1].

Еще накануне войны в зарубежье зрело понимание того, как набирал обороты механизм будущего внутреннего расчленения СССР, в первую очередь через политику коренизации, развитие национальных культур и формирование «туземной интеллигенции», которая, как предполагалось, захочет в будущем закрепить свою новую роль. Ситуацию с пробуждением национальных сознаний прогнозировали в свое время и идеологи евразийства. С другой стороны, как отмечает А.И. Доронченков, в Русском зарубежье не затухала мысль о международном антироссийском заговоре «расчленителей» на фоне распространявшихся русофобских настроений на Западе и политических методов США, разрабатывавших свой сценарий расчленения России /СССР с участием антикоммунистических сил русского зарубежья и с привлечением представителей находившихся там национальных элит, в частности, украинских националистов, закавказской политической эмиграции, объединенной в комитет «Освобождение Кавказа», части мусульманской диаспоры, рассчитывавшей на развал России и формирование на ее базе мусульманско-тюркских регионов и др.[2]

М. Бойков в своей работе «Партизаны холодной войны», давая оценку попыткам сепаратистов образовать в Южной Америке «единый фронт и блок», приводил не менее убедительные аргументы, высказанные проживавшим в те годы в Аргентине грузином С. Мамия:

«Вам нужно Грузинскую республику, Украинскую республику и тысячи других. А что народ с ними будет делать? Ходить к вам визы брать? Если я захочу в Харьков к сыну поехать, или на нижегородскую ярмарку фрукты повезти, или из Ростова муку привезти, так что я должен делать? К вам за визой

---

[1] Цит. по: *Доронченков А.И.* Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. – СПб., 2001. – С. 194-195.
[2] Там же. – С. 27-30.

идти? Нет, ваша сепаратная республика мне не нужна и грузинам не нужна. Мы хотим жить сразу и в Грузии, и в России, и на Украине, как раньше жили, когда я там фруктами торговал...»[1].

Как видно, тенденция, обозначенная в зарубежье как «национализм с сепаратистским уклоном», проецировала будущий сценарий по распаду СССР, что вызывало озабоченность у большей части представителей русской эмиграции. В конечном итоге, как отмечает специалист по истории русского зарубежья периода «холодной войны» А.В. Антошин, во многом из-за разногласий по национальному вопросу, потерпела поражение и попытка создания своеобразного «российского правительства в изгнании», предпринятая в ходе совещаний представителей эмигрантских группировок в январе–ноябре 1951 г. в германских городах Фюссен, Штутгарте, Висбаден[2].

Таким образом, благодаря смещению политических центров русской диаспоры за океан, русское зарубежье в странах Латинской Америки оказалось в эпицентре идеологического противостояния периода «холодной войны». Создав новые организационные структуры и воссоздав старые, послереволюционные, представители «второй волны» эмиграции стали активными участниками пропагандистской кампании, которая характеризовалась непримиримым отношением к СССР. Новые эмигранты способствовали активизации политической деятельности диаспоры. Их идеологическая позиция повлияла, в свою очередь, на научную и публикаторскую деятельность, основными темами которой наряду с итогами Второй мировой войны и историей белого движения стала «русская» проблематика или «русский вопрос».

---

[1] *Бойков М.* Партизаны холодной войны… – С. 59–60.

[2] См.: *Антошин А.В.* Российские эмигранты в условиях «холодной войны»… – С. 100.

Глава 4

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ НА ЧУЖБИНЕ

Важную роль в процессе адаптации русской эмиграции второй волны играло сохранение русской национальной культуры за рубежом и участие ее представителей в межцивилизационном диалоге, который способствовал взаимовосприятию народов, преодолению существовавших стереотипов.

Для детей в условиях эмиграции и в целях разрешения проблем адаптации и социально-психологической реабилитации потребовалось создание соответствующего микросоциума, в котором статус мощного фактора духовного возрождения личности обретала религия[1]. Наряду с приходскими школами, в зарубежье вновь обратились к опыту внешкольного религиозного образования и воспитания детей и, в частности, таких его форм, как детские объединения скаутов, витязей, русское сокольство. Постепенно они охватывали не только детей и юношей, но и распространялись на старшее поколение, что способствовало выработке мировоззрения, связывавшего понятия патриотизма и веры. В частности, в 1948 г. в Аргентине была воссоздана Организация российских юных разведчиков (ОРЮР), начальником которой являлся Г.Л. Лукин – потомок белоэмигрантов, прибывший в эту страну из Югославии и посвятивший себя воспитанию детей в духе «национализма, православия и русской истории». В течение 30 лет он одновременно являлся руководителем Толстовского фонда в Южной Америке. Постоянным членом штаба ОРЮР, а с 1958–1964 гг. начальником аргентинского отдела этой организации являлся А.В. Баумгартен (прибывший в Аргентину после войны, где окончил университет, став дипломированным архитектором).

При этом старшее поколение эмигрантов осознавало, что «только русская семья и только русская национальная школа» могли справиться с задачей воспитания живого национального

[1] См.: Российское зарубежье: педагогическая наука в изгнании (20-50-е годы XX века) // http://bg-znanie.ru/article.php?nid=1271.

чувства России. В газете «Наша страна» можно было встретить такой призыв: «Исполнили ли вы ваш национальный долг? Записали ваших детей в русскую школу?»[1]. В начале 1960-х гг. при ОРЮР на средства фонда А.Л. Толстой была открыта субботняя школа, где велось обучение только на русском языке и преподавались такие предметы, как «Родиноведение», Закон Божий. Также в ближнем пригороде Буэнос-Айреса открылась Русская школа им. Александра Невского, на базе которой действовало (и существует до сегодняшнего дня) аргентинское отделение движения российских юных скаутов – это «гнездо русскости» в Аргентине, как его называл Г.Л. Лукин, где изучают Закон Божий, русский язык, литературу, историю, географию. В стенах школы скауты обязаны общаться исключительно на русском языке[2]. Руководители ОРЮР в Аргентине в 1950-е гг. помогли организовать группу разведчиков в Бразилии, разведческую дружину «Москва» в Венесуэле, детский лагерь в Чили[3]. Согласно «Летописи ОРЮР в Южной Америке», всего на континенте в послевоенные годы насчитывалось 40 молодежных лагерей, в которых велась важная патриотическая работа по воспитанию любви к родине, происходило знакомство с национальной историей и культурой, тем самым решалась задача «борьбы против денационализации молодежи на чужбине» [4].

Важным фактором адаптации являлись также различные культурные и просветительские организации русской эмиграции. Так, в Аргентине насчитывалось свыше 30 общественных организаций. Роль культурного центра русской диаспоры в этой стране много лет играл «Дом русских белых эмигрантов», который занимался устройством концертов самодеятельности, музыкальных вечеров, докладов. В стране действовали также клуб им. А.С. Пушкина, Русское шахматное общество им. А. Алехина**,** Русское историческое общество, Литературно-

[1] Наша страна. – 10 апреля 1981 г.
[2] ricolor.org/rz/latin_amerika/argentina/rossia/6/.
[3] См.: *Лушев Е.* Русское рассеяние. Аргентина: Очерки. – Калининград, 2007. – С. 61.
[4] Наша страна. – 10 апреля 1981 г.

исторический кружок, Русский драматический кружок, основанный еще в 1933 г. С.С. Кишкиным[1]. В столице были популярны созданные по инициативе Н. Н. Краснова-мл. Общество друзей русского театра и Русский благотворительный театр, которые занимались постановками пьес русских драматургов и зарубежной классики на русском языке. Здесь же действовала драматическая труппа имени А.С. Пушкина под руководством режиссера И.Н. Ланской[2]. Всего вторая эмиграция в свое первое десятилетие создала в Аргентине, помимо церквей, четыре театральных труппы, два спортивных клуба, два хора, один из которых – казачий хор Д. Авраменко достиг международного уровня[3]. Этот хор был создан еще в лагере ди-пи Фельдкирх (Австрия) и почти в полном составе в конце 1940-х гг. перебрался в Аргентину.

Наряду с политической, важная просветительская миссия в те годы лежала на Аргентинско-Русском антикоммунистическом институте культуры. Ее генеральный секретарь графиня И.С. фон дер Пален (псевдоним – И. Астрау) постоянно выступала перед аргентинской публикой с лекциями по истории русской литературы, в том числе о творчестве А.И. Солженицына. Она же занималась переводами его произведений на испанский язык. В 1968 г. были опубликованы рассказы А.И. Солженицына в переводе И. Астрау, а в 1974 г. вышла ее книга «La Verdad de Solyenitsyn» («Правда Солженицына»). Последним трудом И. Астрау стало ее произведение, написанное на испанском языке под названием «Русская литература от Князя Игоря до Архипелага ГУЛАГ» («Literatura rusa del Principe Igor al Archipelago GULAG» – *исп. яз.*), вышедшая в издательстве «Corregidor» в 1981 г.[4]

---

[1] См.: Наша страна. – 19 июля 1956 г.; там же. – 15 октября 1963 г.; там же. – 20 сентября 1966 г.

[2] См.: Русское слово. – Буэнос-Айрес, 7 декабря 1968 г.

[3] См.: *Шейнбаум Л.С.* Русские в Аргентине (Из истории российской эмиграции) // Латинская Америка. – 1993. –№ 5. – С. 113.

[4] Там же.

Культурная жизнь эмигрантов в Бразилии была объединена вокруг Русского центра в Рио-де-Жанейро, где регулярно проходили собрания, функционировала библиотека, действовал «Кружок молодежи». Но одной из «самых жизненных организаций» в Рио считалось Русское театральное содружество (РТС), занимавшееся постановками пьес русских драматургов во главе с режиссером-постановщиком Эд. Коппе[1].

Одним из «патриархов» русской диаспоры в Бразилии и одновременно последним представителем русской воинской династии Лермонтовых являлся А.Г. Лермонтов – потомок М.Ю. Лермонтова, русский кадет, из тех детей эмигрантов, которые заканчивали корпус уже в Югославии и до последних дней оставались хранителями Белой идеи. А.Г. Лермонтов прожил большую жизнь, он являлся председателем Бразильского отделения Ассоциации рода Лермонтовых, а также вице-президентом Института культуры «Бразилия–Россия», получившего имя М.Ю. Лермонтова в дни 180-летия поэта[2].

В русской колонии г. Сан-Пауло после войны функционировали Общество Святого Владимира (председатель – В.В. Гюльцгоф), Общество Святого Георгия (председатель – Ю.Л. Афанасьев), которые вели важную духовно-просветительную работу[3]. Здесь в 1954 г. по инициативе знатока русского хорового искусства А.А. Константинова, прибывшего из Китая вместе с группой опытных хористов, был создан русский смешанный хор. Как вспоминал сам руководитель, можно было «только поражаться тому исключительному энтузиазму и самопожертвованию, с каким работали участники хора, несмотря на тяготы эмигрантского существования, жизни в удаленных от центра районах и свою занятость в тяжелой работе местных фабрично-заводских предприятий»[4]. Хор А.А. Константинова,

[1] См.: Россия – Сан-Пауло. – 1955. – № 2–3. – С. 41, 43.
[2] http://xxl3.ru/voron.htm (сайт профессора Л.Л. Лазутина). Сын А.Г. Лермонтова, родившийся в Бразилии и названный Михаилом, стал инженером-ядерщиком, университетским профессором.
[3] Владимирский вестник. – Сан-Пауло, 1954. – № 39. – С. 3.
[4] Россия – Сан-Пауло, 1955. – № 2–3. – С. 66-67.

у которого появились национальные костюмы, многое сделал для пропаганды в Бразилии русского хорового искусства, исполняя русские и украинские песни. Он знакомил также бразильскую публику с духовными песнопениями Русской православной церкви.

В Венесуэле в начальный период жизни эмигрантской колонии в доме бывшего царского офицера, участника Первой мировой и Гражданской войн инженера К.Е. Гартмана был открыт первый русский клуб, первая библиотека и первая школа для детей эмигрантов[1]. В дальнейшем в Каракасе появился свой Русский театральный кружок[2].

Но «корифеем и идеалистом русскости» в Венесуэле эмигранты называли Н.И. Никитенко – бывшего советского профессора, пушкиниста, писателя, редактора и критика, усилиями которого в августе 1952 г. на базе кооперативного общества «Русские иммигранты Венесуэлы» (РИВ) был создан Русский дом им. А.С. Пушкина, ставший центром культурно-просветительской и общественной деятельности русской колонии[3]. В задачу Русского дома входило воспитание детей в национальном духе, с тем чтобы, как говорили его учредители, научить их показывать «на географической карте и Россию и город, в котором родились они или их родители»[4]. Н.И. Никитенко непрестанно настаивал на патриотическом воспитании детей, требовал от родителей обязательного обучения их русскому языку и Закону Божьему, внушения им начальных знаний истории России и любви к ее тысячелетней культуре. В Русском доме устраивались детские праздники, спектакли

---

[1] См.: *Денисов Н.В*. Волшебный круг: русские в Венесуэле… – С. 23.
[2] ГА РФ. Ф. Р–10015. Оп. 4. Д. 203. Л. 14 (об.).
[3] См.: *Денисов Н.В*. Волшебный круг: русские в Венесуэле… – С. 16.
[4] Русский дом просуществовал до 1960 г., после чего лишился помещения и фактически был ликвидирован. Вместо него в сентябре 1960 г. инициативной группой была создана другая организация, с новыми учредителями – Русский клуб со своим печатным органом журналом «Русский уголок».

Русского театра. Всеобщими усилиями в столице была открыта воскресная русская начальная школа[1].

При Русском доме был создан музей, где хранилась икона Казанской Божьей Матери – покровительницы Русского дома и были представлены портреты русских царей, знаменитых полководцев, вождей Белого движения, а также поэтов, писателей, художников; здесь же проходили конференции, концерты, выставки, читались доклады. В 1955 г. в Каракасе появился второй русский клуб – «Центр белых русских», издававший свой «Русский вестник». К сожалению, между двумя культурными центрами было явное противостояние и велась внутренняя борьба.

Из деятелей творческих профессий второй волны эмиграции в Венесуэле были известны имена основоположницы балетного искусства актрисы М. Голяковской (в другой транскрипции – Мура Голяховская, выступавшей на протяжении 15 лет под псевдонимом Америка Алонсо), Нины Новак, основателя Академии балета П. Горского, артиста и дирижера, выпускника Одесской консерватории А.А. Гальченко, руководившего в Венесуэле украинским хором и театром[2].

В Уругвае еще в годы войны был создан Культурный центр им. А.М. Горького, который тесно сотрудничал с самого начала с советским посольством, от которого были получены предметы обстановки, книги, портреты русских деятелей культуры. В июне 1949 г. в г. Сан-Хавьер на основе действовавшего там Славянского молодежного центра был создан аналогичный Культурный центр со статусом юридического лица, который на собранные соотечественниками средства после приобретения земельного участка в 1957 г. возвел собственное здание с просторным актовым залом, библиотекой, аудиторией для курсов русского языка[3].

---

[1] См.: *Никитенко С.* Рай-страна… – М., 2008. – С. 93.

[2] См.: *Кулакова В.Б.* Гость из Каракаса // Латинская Америка. – 1997. – № 3. – С. 74.

[3] См.: Русские в Монтевидео: история и современность. – Монтевидео, 2009. – С. 145.

В Коста-Рике в послевоенный период поселились потомки С.В. Рахманинова; сегодня здесь проживают его правнучка Натали Ванамейкер-Хавьер, ее муж Джеффри и праправнук композитора Сергей, названный так в честь великого предка. Оба супруга являются членами правления международного Рахманиновского общества (Лондон, Великобритания)[1].

Среди эмигрантов в Аргентине, Венесуэле, Бразилии сохранилась традиция празднования Дней русской культуры. Дважды в год – в день рождения и день смерти поэта здесь проводились Пушкинские вечера, а также вечера памяти других русских поэтов и писателей, ученых[2].

Некоторые из переселившихся после войны в страны Латинской Америки русских эмигрантов стали известными в своей области учеными и педагогами, внесли важный вклад в развитие науки и образования стран проживания. Вообще, особенностью новой волны эмиграции был не только ее социальный и профессиональный состав, но и более прагматическое отношение к самому факту получения образования. Г.Г. Волков рассказывает: «Многие из наших детей преподавали в вузах, дослужились до генеральских чинов, занимают высокие дипломатические посты»[3]. Свою роль в этом сыграло и то, что в соответствии с решением сессии Подготовительного комитета ИРО был создан специальный фонд средств, предназначавшихся для обучения студентов ди-пи в разных странах, и в первую очередь в США. Известно, что к началу 1950-х гг. в русской колонии в Каракасе было более 40 студентов, часть из которых получила американские стипендии как для продолжения образования, так и для обучения в американских школах, освоения английского языка[4]. В 1967 г. редакция журнала «Общее дело», издаваемого русской колонии, приняла решение публиковать списки рус-

---

[1] russedina.ru/frontend/heading/russian?id=6277???? (Портал «Соотечественники»).

[2] Там же.

[3] *Волков Г.Г.* Полвека русской колонии в Венесуэле // Латинская Америка. – 1997. – № 11. – С. 86.

[4] ГА РФ. Ф. Р–10015. Оп. 4. Д. 210. Л. 17.

ских эмигрантов, получивших университетские дипломы. Первыми в этом ряду стояли 11 фамилий выпускников Иллинойского и Мичиганского университетов, получивших дипломы специалиста по русской литературе, инженера-химика, инженера-геолога, биохимика, ветеринарного врача, архитектора, психолога, журналиста и др.[1]

В этом смысле показательная история семьи Загустиных. Отец А.И. Загустин являлся профессором инженерно-строительного факультета Каракасского государственного университета. Именно он проводил расчеты конструкции здания самой крупной в Венесуэле компании «Полар» – первого высотного здания в Каракасе и в Латинской Америке. Сын А.И. Загустина – Константин, получивший в 1965 г. ученую степень доктора математических наук, был назначен профессором по кафедре гидравлики того же факультета. Дочь Елена Загустина, выпускница инженерно-строительного факультета, получила научную степень доктора математических наук в области высшей строительной механики в Стратфордском университете (США), став первой за 40 лет женщиной, удостоившейся докторской степени по данной специальности[2].

В Каракасе было хорошо известно имя инженера, доктора геологии Ф.Е. Никулина, который являлся членом Союза инженеров и Союза журналистов Венесуэлы. Параллельно с работой в министерстве он вел большую научную работу и регулярно печатался на испанском языке в министерских изданиях. Помимо статей и книг по своей специальности, ученый публиковал исследования по вопросам философии и религии («Что такое жизнь» – на испанском языке; и на русском языке – «Душевная жизнь человека», «Мир, человек, бессмертие», посвященная критике теории психоанализа З. Фрейда)[3].

Доктор агрономических наук В.С. Ильин работал в Департаменте почв национального Института агрикультуры Венесуэлы, где занимался изучением влияния удобрений на урожай

[1] ГА РФ. Ф. Р–10015. Оп. 4. Д. 210. Л. 17 (об.).
[2] Там же. Л. 17.
[3] Там же. Л. 7 (об.).

и химический состав кормовых трав. Благодаря его работам (за пять лет с конца 1940-х гг. было опубликовано 20 научных трудов на испанском и английском языках), в условиях бедности и малопригодности местных почв удалось добиться повышения урожайности, увеличения поголовья скота и продуктивности в мясо-молочном производстве. В. С. Ильин читал также лекции по физиологии растений на агрономическом факультете в Университете Каракаса[1]. Еще один специалист Вл. В. Бодиско, защитивший в Венесуэле докторскую диссертацию по животноводству, за научные заслуги в области молочного и сельского хозяйства был награжден высшим орденом Венесуэлы «Андрес Белло» 1-го класса с лентой[2].

В Аргентине в послевоенные годы работал крупный русский ученый, специалист в области палеонтологии беспозвоночных С.Д. Болтовский. В совокупности его научное наследие включает в себя более чем 160 трудов, переведенных на разные языки мира. С.Д. Болтовский был обладателем различных почетных премий, включая премию «Анхель Гажардо» аргентинской Академии точных, физических и естественных наук (1977), премию Конекс (1983), международную премию Кушмана (1988), золотую медаль «Заслуженного исследователя» (1995)[3].

Среди приехавших в страны Латинской Америки русских были также литераторы. Один из них – М.Д. Каратеев, потомок В.А. Жуковского, состоявший в родстве с братьями Киреевскими, участник Белого движения, который в 1934 г. оказался в Латинской Америке и к окончанию войны проживал в Уругвае. Тогда же М.Д. Каратеев стал известен своими историческими романами, охватывающими полувековой период русской истории первой половины XIV в., т.е. время формирования рос-

---

[1] См.: *Окороков А.В*. Молодежные организации русской эмиграции (1920–1945). – М., 2000. – С. 20.

[2] Там же. – С. 23. В. Бодиско – сын белого офицера, лейтенант, во время Второй мировой войны служил офицером ветеринарной службы в Русском корпусе.

[3] См.: Михайлов День 2-й… – С. 293.

сийской государственности. Работавший параллельно с В. Яном над темой русского средневековья, он создал серию из пяти книг «Русь и Орда»: «Ярлык великого хана» (1959), «Карач-Мурза (Тверь против Москвы)» (1962), «Богатыри проснулись» (1963), «Железный хромец» (1967), «Возвращение» (1967). Позднее вышли книги «Из нашего прошлого» (1968), «Арабески истории» (1971), «По следам конквистадоров» (1972). Перу М.Д. Каратеева принадлежат также очерково-докумен-тальные книги «Белогвардейцы на Балканах» и «Русские в Парагвае».

Историческую концепцию, нашедшую отражение в произведениях М.Д. Каратеева, определяют как «промосковскую», антинорманнскую, единодержавную. Помимо древнерусских и восточных источников в поле его зрения были исследования советского историка Б.Д. Грекова, академика Д.С. Лихачева, а также исторические романы советских писателей[1]. Произведения Каратеева исповедовали принципы русского патриотизма, православия, российской державности.

Творческая судьба М.Д. Каратеева за рубежом складывалась крайне сложно. Находясь вдалеке от главных литературных центров русской эмиграции, он был вынужден издавать свои книги за собственный счёт, небольшими тиражами в 500–1 тыс. экземпляров[2].

М.Д. Каратеев сообщал, что в его архиве имелось 346 рецензий, отзывов и заметок о его книгах, появившихся за двадцать истекших лет в 72 различных органах печати. Книги доходили и до СССР, откуда он также нередко получал письма как от незнакомых ему читателей, так и от видных советских историков, в частности, от М.Н. Тихомирова и академика Б.А. Рыбакова, которые, в свою очередь, отправили ему несколько своих трудов[3]. Книги М.Д. Каратеева попадали в Узбекистан, Казахстан, откуда также приходили просьбы прислать новые экземпляры.

---

[1] См.: Большая энциклопедия русского народа // www.rusinst.ru //www.litrossia.ru/archive/22/culture/459.php(сайт «Литературная Россия»).

[2] БФ РЗ. Ф. 2. М–79. Л. 27.

[3] См.: Кадетская перекличка. – 1979. – № 21.

Говоря о будущей судьбе произведений М.Д. Каратеева, один из его друзей в письме автору от 28 января 1968 г. писал: «…Само ознакомление с Твоими трудами должно быть ценным вкладом в русскую историю и литературу. А в том, что все это станет снова «Русским», я думаю теперь можно не сомневаться. И не потому, что теперешний ЦИК КПСС поумнеет, а просто потому, что ему на смену приходит новое поколение, ни в какого Маркса больше не верующее, верящее только в экономический прогресс…»[1]. Автор письма призывал М.Д. Каратеева перепечатывать статьи из книг в периодических изданиях, особенно в переводе на «американский» язык, поскольку именно там тогда, по его мнению, «гнездились вместо Германии и Австрии все наши самостийники», а американцы в день «освобождения народов» «приносят мольбы Всевышнему об освобождении от русского ига казахов, бурят, якутов и иже с ними грузин и белорусов»[2].

Непросто сложилась судьба еще одного представителя эмигрантской литературы в Латинской Америке – поэта В.Ф. Перелешина (настоящая фамилия Салатко-Петрище), прибывшего в 1953 г. в Бразилию из Китая, где он проживал с 1920 г. вместе со своей матерью Е.А. Сентяниной (урожд. Александровой), ставшей известной в Китае журналисткой и переводчицей. В Бразилии В. Перелешин долгое время не имел постоянного заработка, кроме гонораров из эмигрантских изданий. Затем в течение десяти лет (до 1966 г.) он проработал библиотекарем Британской культурной миссии в Бразилии, сотрудничал на радиостанции «Радио Ватикана», руководителем русской секции которого был иеромонах отец Викентий – издатель бюллетеня «Друзьям и знакомым», выходившего на русском языке в г. Сан-Паулo[3]. В жизни Перелешин был очень

[1] БФ РЗ. Ф. 2. М–79. Л. 25.
[2] Там же. Л. 26.
[3] Письма запрещенных людей. Литература и жизнь эмиграции в 1950–1980-е годы: По материалам архива И.В. Чиннова / Сост. О.Ф. Кузнецова. – М., 2003. – С. 641.

одинок. По его собственному признанию утешение он нашел в работе[1]

Только к концу 1960-х гг. бразильским «каникулам» пришел конец. К этому времени В.Ф. Перелешину удалось возобновить старые литературные связи путем переписки и приступить к своей профессиональной деятельности поэта, писателя и журналиста. Оказавшись в Бразилии, В. Перелешин так же, как и в Китае, смог вжиться в культуру этой страны, выучил португальский язык, свободно читал на нем, делал переводы, писал стихи, сотрудничал с бразильскими поэтами. За годы его жизни были опубликованы четырнадцать сборников стихов на русском языке, один – на португальском, поэма, всего – более 25 книг, в том числе две антологии – классической китайской поэзии и бразильской поэзии[2]. Он занимался также переводами на португальский язык произведений русских поэтов. Главным трудом В. Перелешина как переводчика считается поэтическое переложение древнекитайского трактата «Дао Дэ Цзин», по традиции приписываемого Лао-цзы. Помещая в Интернете этот текст, подготовленный В. Перелешиным к печати в 1971 г. в Рио-де-Жанейро, литературовед и переводчик Е.В. Витковский отметил, что В. Перелешин, традиционно именуемый в литерату-

[1] ОР ИМ ЛИ. Ф. 608. Оп. 1.2.2. Д. 4. Л. 70 (об.).

[2] В 1983 г. в г. Рио-де-Жанейро вышла книга стихов и переводов на португальском языке В. Перелешина под названием «Nos odres velhos», в 1986 г. – книга стихов М. Кузмина «Александрийские песни» (перевод на португальский В. Перелешина и Умберто Маркеса Пассоса), в 1987 г. – три книги стихов В. Перелешина «Три родины» (Париж), «Из глубины воззвах» (США), «Двое – и снова один» (США). В 1988 г., в США, вышла книга «Вдогонку» (тринадцатый сборник стихотворений). В 1989 г. в Нидерландах под редакцией Яна Паула Хинрикса опубликована книга В. Перелешина «Русский поэт в гостях у Китая. 1920–1952. Сборник стихотворений» в серии «Russian Emigre Literature in the Twentieth Century. Studies and Texts». Volume 4. В том же году в США вышла основанная на реальных жизненных событиях «Поэма без предмета». В. Перелешин дожил и до тех дней, когда в годы перестройки его стихи были напечатаны в СССР в «Новом мире» и «Огоньке».

роведении «лучшим русским поэтом Южного полушария», подарил русской литературе драгоценную жемчужину»[1].

В конце жизни В. Перелешин считал, что у него «Три родины» (так называлась и его книга) – Россия, Китай, Бразилия, питавшие его творчество. «Может быть, и вправду, – писал он в одном из писем, – стану двуязычным поэтом? Это было бы еще одним первым: «завоевал» я для русской музы Китай и Бразилию, как переводчик и как эмигрант, но уверен, что никто до меня из русских поэтов – не писал стихов на языке Камоэнса и Фернандо Пессоа»[2]. Поэт и прозаик З.А. Шаховская, проживавшая в Париже, писала по этому поводу В. Перелешину: «…Вы, думаю, единственный русский поэт «примысливший» себе Бразилию. Не помню, чтобы кто-нибудь из русских поэтов громадную эту страну посетил и «природнил». Все было: Африка, Александрия, Италия, Греция и т.д., а вот Бразилия будет, и поделом, уделом Перелешина… Вы удачливо соединили не только два мира, а все миры, Вам открывшиеся, а над ними филигранью наша, уже мифическая, но для нас вечно живая Россия, и в звуках поэт Перелешин слышит «снег и пушкинские ямбы». Ему «… Россия голосом бразильца // «Добрый день!» по-русски говорит!» [3].

В составе «второй волны» эмиграции в Латинской Америке оказалась немалое число художников и архитекторов. Имена многих из них установил С.Ю. Нечаева в своей книге «Русские в Латинской Америке». Так, в Аргентине в их числе были живописец и иллюстратор К.Н. Гедда, который иллюстрировал исторические романы М.Д. Каратеева, И.Н. Шмитов, который также работал как иллюстратор, в том числе произве-

---

[1] *Кузнецова О.* О бразильском архиве Валерия Перелешина // rukopis.imli.ru/?n=14 (сайт ИМ ЛИ РАН).

[2] *Кузнецова О.* О бразильском архиве Валерия Перелешина // rukopis.imli.ru/?n=14 (сайт ИМ ЛИ РАН).

[3] «…Хоть капля воздуха России». Письма Валерию Перелешину от В. Яновского, А. Ладинского, Г. Адамовича, Д. Кленовского, И. Чиннова, З. Шаховской. Публ. и вступ. ст. О. Кузнецовой // Новый журнал. – Нью-Йорк, 2007. – Кн. 249. – С. 201-202.

дений Ф.М. Достоевского и иконописец[1]. В этот же период в Аргентине работали также художники Б.И. Крюков (иллюстратор и оформитель книг) и ученик Кустодиева и Кардовского А.А. Соколов, который специализировался в области исторической и батальной живописи, написавший такие картины, как «Генерал-освободитель Хосе де Сан-Мартин пересекает Анды», «Армия генерала Бельграно переправляется через реку Парана», портрет «Освободитель Дон Хосе де Сан-Мартин», стенные панно «Колумб открывает Америку», «Конкистадоры» и др.[2]

В Венесуэле были известны имена таких художников, как Г. Эберштейн, А. Генералов, Н. Булавин[3]. В Чили в те годы жил и работал художник С. Н. Байкалов-Латышев, получивший архитектурное и художественное образование в Королевстве сербов, хорватов и словенцев и читавший лекции по православной иконографии в университете г.Сантьяго. В творчестве этого художника высоко ценились его пейзажи, а также иконы, выполненные в стиле сербской и русской иконописных школ[4].

С размещением на латиноамериканском континенте перед представителями новой волны эмиграции вновь встала проблема адаптации, в разрешении которой наряду с международными организациями традиционно принимала участие Русская православная церковь за рубежом, выполнявшая одновременно важную культурную миссию. При этом сама русская православная община в Латинской Америке в послевоенный период переживала сложные времена. Во второй половине 1940-х гг. местные православные приходы РПЦЗ становятся полем раздора между Карловацким архиерейским Синодом и Американской митрополией. Наиболее напряженной с начала 1940-х гг. была ситуация в Аргентине, где произошел раскол между Синодом РПЦЗ

---

[1] См.: *Нечаев С.Ю.* Русские в Латинской Америке. – М., 2010. – С. 197, 203.

[2] Там же. – С. 200-201.

[3] См.: *Денисов Н.В*. Волшебный круг: русские в Венесуэле… – С. 25. Н. Булавин – потомок К. Булавина, кубанский казак, есаул Кубанского войска, обер-лейтенант немецкой армии казачьей дивизии фон Панвица.

[4] См.: *Нечаев С.Ю.* Русские в Латинской Америке… – С. 218-219.

и протопресвитером К.Г. Изразцовым, следствием которого стал выход Свято-Троицкого прихода в Аргентине из юрисдикции Синода и его подчинение Американской митрополии[1]. В этом противостоянии отец К.Г. Изразцов опирался на поддержку примата Аргентины кардинала Капелло. В ответ Русская православная церковь за границей решила учредить в Буэнос-Айресе отдельную Аргентинскую епархию, назначив правящим епископом с титулом Архиепископа Буэнос-Айресского и Аргентинского архиеп. Пантелеймона, который прибыл на место назначения из Мюнхена в начале 1948 г. Тем временем, наряду со Свято-Троицким приходом в Аргентине, под юрисдикцию Американской митрополии после войны перешли и некоторые другие приходы РПЦЗ в странах Латинской Америки, в частности, в Перу это были приход Свято-Троицкого храма в г. Лима и две русские православные общины в городах Писку и Няня, в Венесуэле – Покровский (затем – Успенский) приход в г. Каракасе и приход украинской автокефальной церкви в г. Баркисименто[2].

В 1943 г. в ответ на прошение верующих было учреждено Аргентинское викариатство, а в 1946 г. создана Аргентинская и Южноамериканская епархия Русской православной церкви Московского патриархата, которая объединила некоторые приходы в государствах Центральной (исключая Мексику) и Южной Америки [3]. В 1947 г. в Аргентине появилась первая православная архиерейская кафедра, которую занял епископ Московского патриархата Феодор (Текучев), возглавивший новосозданную Аргентинскую епархию. В июне 1947 г. в Буэнос-Айресе усилиями бывшего председателя Славянского союза Аргентины П.П. Шостаковского была создана православная Благовещенская община, административно подчиненная Московскому пат-

[1] См.: Русская православная церковь за границей / Под ред. А.А. Соллогуба. Т. 2. – Нью-Йорк, 1968. – С. 1186.
[2] Там же.
[3] МЫ в России и зарубежье. Православный общественно-политический журнал молодежи России и русского зарубежья. Спец. выпуск. – М., 2007 (май). – С. 16.

риархату. На средства, собранные верующими, был куплен дом, который позже перестроили в храм, освященный во имя Благовещения Пресвятой Богородицы – ныне кафедральный храм Аргентинской епархии Московского патриархата[1]. В 1952 г. из-за действий православной общины отца К.Г. Изразцова аргентинское правительство выслало из страны владыку Феодора (Текучева), закрыло Благовещенский храм и даже издало декрет о запрете Русской православной церкви Московского патриархата. Несколько месяцев спустя верующим удалось добиться отмены этих запретов, храм был снова открыт и зарегистрирован[2].

Но Министерство иностранных дел и культа Аргентины своим декретом от 16 июля 1948 г. вновь официально подтвердило факт признания протоиерея К.Г. Изразцова главой Русской православной церкви в Аргентине, закрыв тем самым для советской стороны возможность обсуждения вопроса об имуществе русской православной общины в этой стране[3].

В это же время в странах Латинской Америки, в местах расселения русских перемещенных лиц, активизировали свою деятельность католические миссии, в том числе византийского обряда. В 1947 г. по линии Конгрегация Восточной церкви, в частности, в Аргентину, вместе с русскими перемещенными лицами прибыл миссионер-иезуит Ф. де Режиса[4]. В 1948 г. в Аргентину были направлены также митрополит Н. Автономов, архимандрит Н. Алексеев, посвященные в сан священни-

---

[1] АВП РФ. Ф. 070. Оп. 17. Папка № 109. Д. 14. Л. 20.

[2] ricolor.org/rz/latin_amerika/argentina/mp/4. (По материалам сайта «Православие. Ру»). К настоящему времени в Аргентине действует несколько православных епархий и юрисдикций: Аргентинская митрополия Антиохийского патриархата (самая большая в стране по числу прихожан); Буэнос-Айресская и Южноамериканская митрополия Константинопольского патриархата (на территории Аргентины в нее входит 9 приходов); Аргентинская и Южноамериканская епархия Московского патриархата (насчитывающая 9 приходов).

[3] Там же. Л. 7–8.

[4] Очерк истории католического апостолата в Русском зарубежье в 1917–1991 гг. // vselenstvo.narod.ru/library/rus_apostolate_17_91.htm#chapt3d.

ков византийского обряда А. Кулик, П. Крайник, В. Танаев, Вс. Рошко (переехавший позднее в Чили), выполнявшие миссионерскую работу среди русских эмигрантов в Латинской Америке. В результате в 1950-е гг. в среде русских эмигрантов второй волны сформировалась небольшая община русских католиков, которая насчитывала к 1953 г. приблизительно 300 человек. Прибывшими католическими миссионерами русского происхождения в Буэнос-Айресе была создана церковь во имя святых апостолов Петра и Павла. Здесь же был открыт дом отдыха русского католического прихода, при котором существовала летняя колония для детей эмигрантов.

Активную помощь перемещенным лицам из России оказывал отец Ф. де Режис, который основал в Буэнос-Айресе общество «Русское христианское возрождение». Он же возглавил созданный здесь институт Русской культуры, в котором преподавали отец А. Кулик, М.В. Розанов, А. Ставровский и др. По инициативе отца Ф. де Режиса в районе Ла Реха провинции Буэнос-Айрес местная эмигрантская организация «Союз Святого Андрея Первозванного» организовала Интернат Св. Апостола Андрея Первозванного для мальчиков, где под руководством отца А. Кулика воспитывались русские дети, посещавшие местные школы, но в интернате изучавшие русский язык, русскую историю, русскую литературу. Таким образом, христианское воспитание, которое давал детям интернат, сочеталось с воспитанием в национальном духе.

В Бразилии среди русских эмигрантов также действовала иезуитская миссия в составе отца Ф. де Режиса, В. Буржуа, И. Штойссера и Г. Кампуса[1]. 15 марта 1954 г. отцами-иезуитами

[1] *Отец Алексей Стричек*. Отец Филипп де Режис (1897–1954) // Святой Георгий. Интернат для детей русских эмигрантов во Франции. Константинополь. Намюр. Париж. Медон / Пер. с фр. Под общ. ред. А.Н. Кельчевского. Пер. с фр. и переработка текста Н. Ю. Сахаровой, при участии Ю.В. Балакшиной и И.В. Сахарова. – СПб., 2003. – С. 147. В 1953 г. произошло событие, благодаря которому авторитет отца Филиппа среди русских в Южной Америки возрос еще больше. Отец Ф. де Режис отдал сто квадратных сантиметров своей кожи русской женщине, матери троих

по образцу Интерната Св. Георгия для детей русских эмигрантов, получивших в свое время образование в католических учебных заведениях Китая и Маньчжурии, был открыт в г. Сан-Пауло Интернат Святого Владимира. Второй интернат для мальчиков был открыт иезуитами при их церкви «Бом Жезус» в г. Иту, в 100 км от г. Сан-Пауло. 4 марта 1954 г. в том же городе открылся Институт Св. Владимира, которым руководили монахи-иезуиты, хорошо говорившие по-русски[1]. Вскоре институт переехал в г. Сан-Пауло, где в 1958 г. был учрежден также Институт Св. Ольги для девочек по образцу парижского одноименного заведения. В интернатах детям как обязательный преподавался русский язык. У иезуитов сложились хорошие отношения с епископом Сан-Паульским и всея Бразилии Феодосием (Самойловичем), по договоренности с которым в обоих институтах православные священники преподавали Закон Божий, а по праздникам причащали воспитанников. В Чили связующим звеном между местными католическими организациями и русской общиной являлся отец Вс. Рошко; он наладил отношения с местными православными приходами, опекал русских, содействовал получению ими образования [2].

Созданные иезуитами институты, по признанию самих русских эмигрантов, оказали огромную помощь в воспитании детей, обучая их русском языку, фольклору и византийском церковному обряду. Не умевшим молиться предлагали специально изданные молитвенники (молитвословы), в которых параллельно со славянскими текстами помещались переводы всех молитв на русский язык с объяснениями. До 1973 г. в этих интернатах получили воспитание и образование около 700 рус-

---

детей, умиравшей от сильных ожогов, и которую могла спасти только пересадка кожи. К сожалению, вскоре после операции и сам отец Филипп тяжело заболел неизлечимой болезнью (лейкемией) и скончался в феврале 1954 г.

[1] См.: *Отец Ростислав Колупаев*. Католические общины византийского обряда и русская диаспора [Электронный ресурс] // http://zarubezhje.narod.ru/texts/frrostislav311.htm

[2] Там же.

ских мальчиков и девочек. «Солидность и эффективность их воспитательных методов по российским традициям и интеграции в бразильскую культуру, – вспоминал житель г. Сан-Пауло В. Силин, – одобрялись родителями детей, да и всей русской колонией»[1]. Институты закрылись лишь в 1990-е гг.

Вместе с тем меры, предпринимавшиеся католиками, осложняли их контакты с Западно-европейской православной церковью, хотя догматически и литургически эта церковь была ближе к православию, чем протестантские конфессии, с которыми контакты были еще более активными[2]. Тем не менее часть православных священников, противников сближения двух церквей, вывешивали на дверях храмов объявления об отлучении от Церкви тех родителей, которые отдавали своих детей на воспитание к иезуитам. Многим священнослужителям со стороны церковного экуменизма виделась опасность ассимиляции. В свою очередь и бразильские латинские священники негативно относились к деятельности иезуитов византийского обряда и отказывались им помогать за потворство «схизматикам»[3]. И все же часть православного духовенства и многие простые верующие приняли и оценили в те годы католических священников как союзников, поскольку в данном случае католики и православные трудились вместе в деле разрешения сложных социальных проблем русского беженства, в деле образования детей и облегчения участи стариков и сирот.

Но, несмотря на веротерпимость и определенную поддержку, которую получали со стороны католического духовенства в изгнании Русская православная церковь за рубежом и ее эмигрантская паства, вопросы канонической веры оставались главными. В целом, в зарубежье сохранялось настороженное

---

[1] *Силин В.* Русские в Бразилии // Русская Атлантида. – 2006. – № 20.– С. 74.

[2] См.: *Антошин А.В.* Российские эмигранты в условиях «холодной войны» (середина 1940-х – середина 1960-х гг.). – Екатеринбург, 2008. – С. 350.

[3] См.: *Псарев А.В.* Архиепископ Леонтий Чилийский. Материалы к жизнеописанию архипастыря гонимой Церкви Российской // Православная жизнь (Orthodox life). Приложение к «Православной Руси». Jordanville. – 1996. – № 5. – С. 12.

чувство по отношению к католической церкви, в частности, к проводившимся в ней литургическим реформам; отрицательным было отношение к совершению католических обрядов для православных даже в случае отсутствия православного священника в местах расселения эмигрантов[1]. Известно было также отрицательное отношение русских священнослужителей Латинской Америки к набиравшему силу после войны экуменическому движению в католических странах Запада[2].

В свою очередь, заботясь о собственной пастве, Русская православная церковь за рубежом в эти годы активно поддерживала строительство новых храмов на территории стран Латинской Америки. Так, наряду с Буэнос-Айресом, усилиями новых эмигрантов православные храмы возводились и в других местах их проживания. Только за четыре года представителями новой эмигрантской волны было построено четырнадцать церквей юрисдикции Зарубежной церкви. Православные храмы возводились там, где к тому времени сложились русские колонии, в частности, так появился храм Св. Иоанна Предтечи в колонии Дьямонто; церковь Всех Святых – в местечке Итуацинго провинции Буэнос-Айрес; Успенская церковь – в колонии Машвиц; церковь в честь Тихвинской Иконы Божией Матери – в Сити Белла; церковь в честь Страшного Суда – в колонии Абасто и др.[3]

10 июля 1960 г. в г. Буэнос-Айрес был освещен Воскресенский кафедральный собор (автор проекта и руководитель строительства – генерал-майор В. Ф. Баумгартен), где разместились резиденция архиепископа, Епархиальный совет, Правление Православной русской конгрегации в Аргентине, Епархиальный благотворительный комитет и редакция Епархиаль-

---

[1] См.: *Псарев А.В.* Архиепископ Леонтий Чилийский. Материалы к жизнеописанию архипастыря гонимой Церкви Российской // Православная жизнь (Orthodox life). Приложение к «Православной Руси». – Jordanville, 1996. – № 5. – С. 13.

[2] Там же. – С. 12.

[3] См.: *Архимандрит Августин (Никитин*). Русский храм в Буэнос-Айресе. К столетию со времени освящения // Посев. – 2001. – № 10. – С. 34-35.

ного журнала «Церковный Вестник»[1]. В 1961 г. в лоно Русской православной церкви за рубежом вернулся со всем приходом Св. Троицкий собор в Буэнос-Айресе.

В послевоенный период заметно расширилась также деятельность Бразильской епархии, вследствие чего потребовалось увеличить количество приходов и священнослужителей в них. В результате к началу 1950-х гг. Бразильская епархия включала в себя уже десять православных приходов, среди них – Кафедральный собор Святителя Николая в г. Сан-Пауло (настоятель – Владыка Феодосий); приход Преподобного Сергия Радонежского – г. Индианополис (настоятель – протоиерей отец Александр (Самойлович) и др.[2]

Помимо Аргентины и Бразилии, двери новых русских православных храмов раскрылись в Венесуэле, Перу, Чили, Уругвае, Парагвае[3].

В столице Перу, г. Лима, также существовала небольшая, но активная русская колония, в которой проживали князь А.Н. Чегодаев, представительница российского дворянства Т.Е. фон Лигнау, эмигрировавшая в Перу из послевоенной Европы. В 1953 г. была учреждена новая Чилийско-Перуанская епархия с кафедрой в г. Сантьяго, возглавлявшаяся в течение долгого времени архиепископом Сантьягским и Чилийско-Перуанским Леонтием. Всего к концу 1960-х гг. в Латинской Америке действовали 4 (из 14) епархий Русской православной церкви за границей – Аргентинская, Бразильская, Чилийско-Перуанская, Венесуэльская, в которых совершались уставные богослужения, особое место занимала обрядовая сторона церковной жизни.

Появление новой волны эмигрантов на латиноамериканском континенте вызвало рост числа ее периодических изданий. Наибольшее количество газет и журналов – политических, ли-

---

[1] См.: Русская православная церковь за границей. Т. 2… – С. 1187-1188.

[2] Юбилейный сборник. Ко дню 25-летия служения в архиерейском сане Высокопреосвященнейшего Феодосия, Архиепископа Сан-Паульского и всея Бразилии (1930–1955 гг.). – Сан-Паулу, 1956. – С. 17.

[3] Русская православная церковь за границей. Т. 2… – С. 1239.

тературных, православных традиционно имела русская эмиграция в Аргентине, и прежде всего это были издания представителей белой эмиграции. Так, первым органом печати послевоенной эмиграции в Аргентине был общественно-политический журнал «Вехи», издававшийся НТС, под редакцией Е.И. Мамукова, русского императорского офицера. Аргентинским отделением РОВС издавался «Русский вестник: литературно-художественный и военный сборник» (редактор – С.И. Орели), авторами которого были бывшие военные – М. Башилов, генерал от кавалерии А.М. Драгомиров, генерал-майоры А.А. Лампе и Н.Ф. Эрн, полковник Е.А. Николич и др. Свое печатное издание, редактором которого был Г.В. Клименко, имело Российское военно-национальное движение[1].

В 1948 г. прибывшим в Аргентину И.Л. Солоневичем была основана русская монархическая еженедельная газета «Наша страна», являвшаяся центральным органом Российского народно-монархического движения (РНМД), которая с 1950 г. имела девиз «Только Царь спасет Россию от партийного рабства» (после смерти Солоневича в 1953 г. редактором стал В.К. Дубровский (наст. фамилия Левашов), который был ближайшим сотрудником Солоневича еще по изданию газеты «Голос России» в Софии и вслед за ним приехал в октябре 1948 г. в Аргентину[2]. Первые 50 номеров газеты выходили раз в полмесяца, затем она становится еженедельной, хотя издатель продолжал испытывать постоянные материальные трудности, надеясь на расширение числа подписчиков (газета распространялась по разным странам Южной Америки, в США, Западной Европе)[3].

В этот период выходили и другие промонархические издания русской эмиграции в Аргентине, в частности, еженедельник «Бюллетень Российского народно-монархического движе-

---

[1] См.: Газеты русской эмиграции в фондах отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки: библиографический каталог / авт. Е.В. Макаревич. Вып. 2. – М., 1994. – С. 168, 187.

[2] См.: Наша страна. – Буэнос-Айрес, 1948–1950 гг.

[3] См.: *Никандров Н.* Иван Солоневич. Народный монархист. – М., 2007 // http://tiwy.com/nashi/solonevich_v_argentine/#11.

ния» под редакцией Н.Г. Потоцкого, журналы «Смена: Орган национально-демократической мысли / Союз народной свободы» под редакцией Ю. Псковитянина и «Русское единство» под редакцией Р. Федорова – печатные издания Общероссийского монархического фронта (ОМФ), консервативной монархической организации, созданной в 1949 г. в противовес ВМС.

Как и в довоенный период, традиционно активную издательскую деятельность вел Российский имперский союз-орден. В Аргентине с 1948 по 1979 г. был налажен выпуск двухнедельной газеты «Русское слово», которая была совместным изданием РИС-О и ОМФ. Ее редактором-издателем являлся М.М. Седляревич, а с 1964 г. официальным ответственным редактором стал Н. И Сахновский, председателем редколлегии – М.Н. Друецкий. Газета выходила под лозунгом «С нами – Бог». Издательство «Русское слово» печатало также двухмесячник «Наш журнал» как еще один центральный орган РИС-О[1]. В 1956–1958 гг. издавался «Осведомительный листок Генерального представительства (РИС-О. – *Авт.*) в Южной Америке», предназначенный для внутреннего распространения среди членов организации[2].

С 1949 г. в Буэнос-Айресе выходила газета «Вехи» – орган «национально-трудового движения солидаристов» под редакцией Ю.А. Герцога (более 16 номеров по 28 страниц)[3]. В течение одиннадцати лет (1949–1960 гг.) в Аргентине издавал газету «Новое Слово» отец Д. Константинов[4]. Как уже отмечалось, в своих мемуарах, всячески преувеличивая историческую роль «второй волны» эмиграции, он столь же высоко оценивал собственный вклад в дело борьбы с большевиками, в том числе

---

[1] См.: *Хисамутдинов А.А.* По странам рассеяния: История российской эмиграции первой волны в Китае, странах АТР и Южной Америке в 1900–1970-е годы. Ч. 2. – Владивосток, 2000. – С. 142.

[2] См.: *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988). 2-е изд. – СПб., 2008. – С. 156.

[3] Там же. – С. 339.

[4] См.: *Протоиерей Д. Константинов*. Записки военного священника. – СПб., 1994. – С. 50.

с помощью издаваемой газеты, которую отец Д. Константинов рассматривал не только как «печатный орган второй русской эмиграции в Аргентине», но и как центральный орган НТС в Южной Америке[1].

В Аргентине продолжал выходить как печатный орган анархистов журнал «Сеятель» (Sembrador) (издатель – Н.А. Чоловский). На испанском языке издавалась антикоммунистическая газета «Френте Коммун» (Общий фронт – *пер. с исп.*), редактором которой был Н. Мазаракий и в издании которой принимал участие М.В. Баумгартен[2]. В 1950–1965 гг. издавалась «Наша газета» – еженедельный орган аргентинского Общества «Советский патриот».

В Аргентине популярны были также специальные издания движений и организаций эмигрантской молодежи, такие, как «Разведчик» (ежемесячный листок для российской молодежи, редактор – Б.А. Лукин), журнал «Помни Россию: Голос русской сокольской молодежи» (главный редактор – А. Сербин)[3]. Со временем появились сугубо кадетские издания, освещающие жизнь кадетских объединений, различные аспекты военной истории России, а также жизнь русской воинской эмиграции. Наряду с распространяемым в эмиграции общекадетским журналом «Военная быль», созданным в Париже лейтенантом военного флота А.А. Герингом, в Латинской Америке выходили «Кадетское письмо» (Венесуэла), «Кадетская перекличка» (Аргентина), «Вестник кадетского объединения в Аргентине», основанный в 1955 г. секретарем Объединения А.Г. Денисенко[4].

---

[1] См.: *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988)… – С. 413-414.

[2] См.: Михайлов День 2-й… – С. 292.

[3] См.: РГБ. Газеты русской эмиграции в фондах отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки: библиографический каталог / авт. Е.В. Макаревич. Вып. 2. – М., 1994. – С.16.

[4] См.: Россия. Сан-Пауло. – 1954. – № 3. – С. 28-30. С 1961–1994 гг. журнал не издавался. С 1995 г. выпуск был возобновлен. Редактором стал И.Н. Андрушкевич. На правах рукописи издается 4 раза в год, распространяется бесплатно.

Как уже отмечалось, после Второй мировой войны в Аргентине сложилась наиболее крупная колония корпусников. В 1951–1953 гг. в Буэнос-Айресе лейтенантом Русского корпуса А.А. Навроцким издавался журнал «Под белым крестом»[1], который выходил один-два раза в год (всего вышло 8 номеров). Объем каждого номера составлял 18-32 страниц и включал в себя статьи политического характера и воспоминания о действиях корпуса[2]. Изданиями представителей «второй волны» эмиграции являлись также ежемесячник власовцев «Родина», печатный орган Суворовского союза газета «Суворовец» (с января 1957 г. – журнал «Суворовец», после его закрытия – журнал «Сигнал»)[3]. Согласно исследованию М.А. Кублицкой, всего в XX веке в Аргентине выходило 54 русских печатных издания[4].

В Бразилии центром общественно-политической жизни русской эмиграции в послевоенный период оставался город Сан-Пауло. Здесь 11 октября 1953 г. вышел первый номер журнала «Вестник Бразилии», редактором которого стал В.В. Сапелкин, до того занимавшийся выпуском периодических изданий в Харбине и Тяньцзине. Издание, превратившееся в надпартийный русский орган, публиковало материалы о новой волне русской эмиграции и было достаточно популярно в эмигрантских кругах[5].

В 1955 г. в Рио-де-Жанейро начал выходить ежемесячный («непартийный», но вместе с тем антикоммунистический) иллюстрированный журнал «Россия», редакция которого поставила своей целью «обслуживание русской семьи в Зарубежье на

---

[1] См.: Под белым крестом. – Буэнос-Айрес, 1953. – № 1-3.

[2] См.: *Волков С.В.* Русская военная эмиграция… – С. 125.

[3] См.: Суворовец. Орган Российского военно-национального движения им. фельдмаршала А.В. Суворова (Суворовский союз). – Буэнос-Айрес, 1948, 1953. – № 1-212.

[4] Кадетская перекличка. – 2007. – № 78 (www.kadetpereklichka.org).

[5] См.: *Хисамутдинов А.А.* По странам рассеяния: История российской эмиграции первой волны в Китае, странах АТР и Южной Америке в 1900–1970-е годы. Ч. 2. – Владивосток, 2000. – С. 145.

началах христианства и любви к родине»[1]. Здесь же издавались газеты «Воля народов» (редактор – Л.Е. Лорис-Москвин), «Листок эмигранта» и др.

В Венесуэле после войны также появилось свое печатное антикоммунистическое издание – «Русский бюллетень» – печатный листок на четырех страницах, редактором которого был член НТС инженер В.Н. Третьяков, редактором отдела науки, религии и искусства – Н.И. Никитенко[2]. На протяжении 1953-1961 гг. Русским домом им. А. С. Пушкина, который возглавлял Н.И. Никитенко, издавался журнал «Общее дело» («El esfuerzo de todos» – *исп.*яз.). Под руководством Н.И. Никитенко вышло 64 номера журнала, а также 20 номеров «Русского уголка», который издавался уже после закрытия «Общего дела» как печатное издание Русского клуба – новой организации, созданной в связи с прекращением в 1960 г. деятельности Русского дома им. А.С. Пушкина[3]. На страницах издания было решено регулярно публиковать также сообщения о жизни в СССР, размещать небольшие по объему произведения или отрывки из произведений русских писателей и поэтов.

Среди русских периодических изданий Каракаса, некоторые из которых выходили «эпизодически», следует назвать также «Театральный листок», «Русский вестник» (орган Общества белых русских), печатные издания Николаевской и Успенской церкви. Регулярно при этом издавались сборники, посвященные юбилейным историческим датам[4].

Важно отметить и такой факт в культурной жизни русской колонии Венесуэлы, как наличие широкого ассортимента произведений (более чем из 600 наименований), предлагавшихся «Славянским книжным магазином» в Каракасе. В их числе были не только труды классиков, но и произведения советских, включая «пролетарских», писателей и поэтов – М. Горького,

---

[1] Россия. – Сан-Пауло, 1 марта 1955 г. – С. 2.

[2] ГА РФ. Ф. Р–10015. Оп. 4. Д. 221. Л. 6–9 .Через год издание было закрыто.

[3] *Никитенко С.* Рай-страна… – С. 92.

[4] ГА РФ. Ф. Р–10015. Оп. 4. Д. 221. Л. 4.

Д. Бедного, Д. Фурманова, а также К. Чуковского, А. Беляева, А. Солженицына и даже многотомные советские издания по истории Великой Отечественной войны (в 2-х и 12-ти томах).

В послевоенный период в странах латиноамериканского рассеяния появляются объединения русских литераторов и журналистов, которые имели свои периодические издания. В Аргентине, в частности, это были ежемесячный иллюстрированный литературный информационный журнал «Родина», журналы «Под южным крестом», «Вестник», «Былое и новое». Под названием «Южный крест» в стране выходил литературно-художественный сборник группы русских писателей и журналистов[1].

В 1954 г. в Сан-Пауло был создан Профессиональный союз русских писателей и журналистов, в задачи которого входили «взаимопомощь и связь с бразильскими журналистами, и с русскими работниками пера, проживающими в Бразилии»[2]. Во временное правление новой организации вошли представители от разных органов печати, в частности, В.Д Мержеевский – от «Владимирского вестника» и Н.Н. Былов – от «Нашей страны».

Довольно популярными в эмигрантской среде оставались православные издания. Более двух десятков лет, начиная с 1948 г., архиепископ Феодосий (Самойлович) в Бразилии являлся бессменным редактором и издателем единственного в зарубежье епархиального журнала – «Сим Победиши»[3]. Епископ Виталий, викарий той же епархии, основавший обитель прп. Иова Почаевского на Вила Альпина, стал создателем русской церковной типографии, которая издавала журнал «Православное обозрение» и выпускала ценные церковные книги, богословские труды, «Православные русские календари». Здесь выходили и другие издания православного содержания, в частно-

---

[1] См.: Южный крест. Вып 1. Ред. Н.И. Федоров. – Буэнос-Айрес, 1951. В нем был опубликован исторический очерк баронессы И. Астрау «Русская эмиграция в Аргентине» // *Хисамутдинов А.А.* По странам рассеяния… Ч. 2. – Владивосток, 2000. – С. 131.

[2] Владимирский вестник. – Сан-Пауло, 1954. – № 39. – С. 30.

[3] Сим Победиши. – Сан-Пауло, 1950–1953 гг.

сти, «Дружеское слово» (ежемесячник для христианской общины и семьи), «Владимирский вестник» (ежемесячное издание Общества Св. князя Владимира), редактором которого являлся В.Д. Мержеевский[1]. Он же был одновременно редактором бюллетеня постоянного совещания русских православно-национальных деятелей «Вера и верность», выходившего с 1950 г. в Сан-Пауло. Благодаря В.Д. Мержеевскому при Бразильской православной епархии была создана небольшая типография, где печатались религиозная литература, книги русских эмигрантов.

В Аргентине такого рода изданиями были «Осведомительный листок» – печатный орган «Православного русского очага», выходивший с 1947 г. При журнале «Православное слово», который издавался в 1951–1955 гг. под покровительством архиепископа Аргентинского и Парагвайского Иоасафа, также было создано одноименное издательство.

Священник иезуит отец Ф. де Режис основал в 1948 г. в Буэнос-Айресе русскую католическую еженедельную газету «За правду», которая являлась центральным органом созданной им же организации «Русское христианское возрождение». На страницах издания, редактором которого был А. Ставровский, освещались различные аспекты внутриполитической жизни Аргентины, международной политики, а также проблемы русской колонии.

Важное значение в культурной и просветительной жизни русских колоний имело издательское дело. В частности, наиболее известными эмигрантскими издательствами послевоенного периода в Аргентине были издательства «Сеятель», «Наша страна», а также располагавшееся здесь издательство южноамериканского отдела Института для исследования проблем войны

[1] Владимир Данилович Мержеевский (1897–1975) окончил в 1916 г. реальное училище в г. Георгиевске Терской области. Поселившись в Риге, В. Мержеевский поступил в политехнический институт, но диплом защитить не успел. В 1926 г. в возрасте 29 лет уехал в Бразилию, где работал техническим советником Главной электрической компании в г. Сан-Пауло.

и мира им. генерала Н.Н. Головина[1]. В 1967 г. в издательстве вышел фундаментальный труд И.К. Окунцова «Русская эмиграция в Северной и Южной Америке», однако история русских в Южной Америке из-за смерти автора оказалась не написанной. Н.А. Чоловский принимал также участие в печатании и распространении сборников «Оккультизм и йога» (1952–1981 гг., г. Асунсьон, Парагвай), издателем которых был доктор А.М. Асеев (с 66-го номера права на издание были переданы «Славянскому обществу йоги» в Сан-Франциско). После войны Чоловский занимался также изданием художественных произведений. Всего в его издательстве вышло около 30 наименований книг[2].

Но самая большая работа, которую вели издательства в послевоенный период, была связана с публикацией трудов бывших русских военных. В частности, в Аргентине в издательствах «Сеятель» и «Наша страна» увидели свет труды полковника Генерального штаба П.Н. Богдановича («Аракчеев – граф и барон Российской империи (1769–1834), «Полтавская виктория. Ко дню ее 250-летия. 27 июня 1709–27 июня»), «Вторжение в Восточную Пруссию в августе 1914 г.: Воспоминания офицера генерального штаба генерала Самсонова». В 1961 г. Н.А. Чоловским были изданы «Записки белого партизана» генерала А.Г. Шкуро, рукопись мемуаров которого оказалась в Южной Америке благодаря перебравшемуся сюда полковнику В.М. Беку, который лично записывал и обрабатывал воспоминания Шкуро в период его пребывания во Франции[3].

Одним из крупнейших в Аргентине оставалось издательство «Наша страна», которое также печатало идеологические труды, политическую публицистику, исторические исследования, художественную литературу. В нем публиковался сам ос-

---

[1] См.: *Месснер Е.* Проблемы войны и мира: Тетралогия: В 4-х т. – Буэнос-Айрес, 1959–1961; *Он же*. Современные офицеры. – Буэнос-Айрес, 1961.

[2] См.: *Кублицкая М.А*. Русские издательства, типографии и библиотеки в Аргентине // emigrantika.ru/publications/838-bookiv (сайт «Эмигрантика. ru. Русское зарубежье»).

[3] Там же.

нователь газеты «Наша стран» И.Л. Солоневич. Особое место в работе издательства занимала публикация партийной литературы и политических материалов движения, которое он возглавлял (РНМД).

Важное место в деятельности издательства занимала публикация трудов военно-исторического характера, авторами которых были в большинстве своем убежденные антикоммунисты, монархисты, как, например, Г. Месняев, Б.Н. Ширяев и др. В издательстве были опубликованы «Избранные речи и статьи» генерала Б. А. Хольмстона-Смысловского, большое количество воспоминаний бывших военных с рассказами об учебе в военных училищах, участии в Гражданской войне[1]. В издательстве активно публиковались в те годы писатели М.Д. Каратеева, Ю.А. Слезкин и др.

По адресу председателя «Российской колонии» в Аргентине профессора В.Ф. Вербицкого был зарегистрирован южноамериканский отдел Института по исследованию проблем войны и мира имени генерала Н. Н. Головина, основной деятельностью которого стало написание и издание коллективных трудов по истории Русской императорской армии[2].

В начале 1950-х гг. свое издательство «Русь: Издательство внутренней эмиграции» создал Б. Башилов (наст. фамилия – Б.П. Юркевич, имел также другие псевдонимы), объединивший большинство изданий в цикл «Русское национальное мировоззрение». Начиная с 1951 г. здесь вышло около 40 книг самого Б. Башилова («Робеспьер на троне (исторические результаты совершенной Петром I революции)», «Непонятный возвеститель:

---

[1] См.: *Хисамутдинов А.А*. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке… – С. 126; *Месняев Г.* За гранью прошлых дней. – Буэнос-Айрес, 1957; *Ширяев Б.Н*. Ди-пи в Италии. – Буэнос-Айрес, 1952; *Он же*. Я – человек русский. – Буэнос-Айрес, 1952; *Он же*. Светильники Русской Земли. – Буэнос-Айрес, 1953; *Хольмстон-Смысловский Б. А.* Избранные речи и статьи. – Буэнос-Айрес, 1953.

[2] См.: *Кублицкая М.А.* Русские издательства, типографии и библиотеки в Аргентине // http://emigrantika.ru/publications/838-bookiv (сайт «Эмигрантика. ru. Русское зарубежье»). Институт действовал до начала 1974 г.

Роль Пушкина в развитии русского «национального мировоззрения», «Миф о русском «сверх-империализме» и др.), включая воспоминания о Гражданской войне («Записки бежавшего от нестоящего социализма», «Унтерменши, морлоки или русские (Наблюдения «внутреннего эмигранта» и др.)[1].

При аргентинской газете «Русское слово» было создано одноименное издательство, в котором выходил широкий круг научной, исторической и художественной литературы монархического и патриотического содержания – всего более 20 названий, напечатанных по старой орфографии[2].

Давая оценку состоянию издательского дела послевоенной эмиграции в Аргентине, М.А. Кублицкая отмечает: «Здесь не было переизданий русских классиков; если и перепечатывались дореволюционные или малотиражные довоенные эмигрантские издания, то это были знаменитые труды Д. Менделеева, Л. Тихомирова, Н. Соколова, М. Дитерихса, экземпляры которых совершенно невозможно было достать. Основная масса изданных в Буэнос-Айресе книг – это книги Б. Башилова, И. Солоневича, М. Бойкова и других, менее известных авторов, живших здесь. Практически никакого «развлекательного» чтения, никаких детективов, не выходило даже детских книг! При всей «междоусобной брани», периодически вспыхивавшей в русской колонии Буэнос-Айреса, просматривается нечто общее между существовавшими здесь крупными издательствами («Русь», «Сеятель», «Наша страна», «Русское слово»), а именно их национальная и антикоммунистическая направленность…»[3].

В Бразилии в меньшей степени было развито издательское дело. Тем не менее после закрытия местными властями в 1953 г. газеты «Вестник Бразилии» ее редактор В.В. Сапелкин открыл русскую типографию под названием «Луч». Первой

---

[1] См.: *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988)... – С. 359.
[2] Там же. – С. 361.
[3] Там же.

книгой, выпущенной издателем, стал сборник стихов вел. кн. Константина Константиновича «К.Р.». В 1956 г. вышла книга самого В. Сапелкина «Пушкин и Достоевский», составленная на основе лекций, прочитанных автором в 1956 г. в Сан-Пауло и Рио-де-Жанейро[1].

Важное место в деле сохранения русскости в условиях значительной географической удаленности от исторической родины и слабости межгосударственных контактов занимала деятельность русских библиотек, главным образом частных, а также книжных магазинов. В Буэнос-Айресе было около 10 библиотек, в том числе при церковных приходах. Одна из них была основана католическим священником отцом Г. Коваленко при церкви св. ап. Петра и Павла. Самая крупная из всех русских библиотек в Буэнос-Айресе (до 10 тыс. томов), как считалось, принадлежала супругам Понтовичам, которые вывезли ее в начале 1950-х гг. из Шанхая и разместили в Доме русских белых, где она работала до 1971 г. Библиотекой заведовал вплоть до своей трагической гибели писатель М. Бойков, затем А.Г. Малешевская.

За годы проживания в эмиграции свою солидную библиотеку, а также видеотеку собрала семья Беликовых (потомков Четвериковых)[2]. В аргентинской столице работали также библиотеки писателя Б. Башилова, профессора В.Ф. Вербицкого, магазин и библиотека капитана артиллерии, члена Союза русских белых военных инвалидов Б.Н. Ряснянского – родного брата С.Н. Ряснянского, полковника Генерального штаба, участника Первой мировой войны, соратника Корнилова, одного из организаторов Добровольческой армии на Юге России[3]. С 1935 г.

---

[1] См.: *Хисамутдинов А.А*. По странам рассеяния… Ч. 2. – Владивосток, 2000. – С. 131, 136.

[2] http://ricolor.org/rz/latin_amerika/argentina/rossia/1/ (по материалам сайта «Россия в красках»).

[3] См.: Наша страна. – 19 июля 1953 г. В списке имевшихся в продаже книг, изданных как в Аргентине, так и выписанных из-за границы, были труды генерала П.Н. Краснова, генерала А.И. Спиридовича, генерала

и почти до 1962 г. в аргентинской столице действовали книжное агентство «Русское книжное дело» и библиотека «Новая книга»[1]. Небольшие русские библиотеки открывались для читателей из отдаленных пригородов.

Огромную личную библиотеку в Уругвае имел писатель М.Д. Каратеев, которому отовсюду присылались книги; он вел активную переписку с букинистами и историками многих стран мира. Генерал А.М. Юзефович писал, что «библиотека Каратеева по историческим вопросам» была уникальной в русском зарубежье, включала в себя более сорока русских летописей и сотни трудов средневековых историков и хронистов – арабских, персидских, византийских, польских, германских и др.[2] Сам М.Д. Каратеев сотрудничал почти со всеми крупными журналами и газетами Русского зарубежья.

Многие эмигранты, приехавшие в Венесуэлу, также везли с собой хорошие библиотеки, в основном эмигрантскую литературу, которая помогала скрашивать жизнь в Каракасе, на берегу Ориноко или на склонах Анд. В столице первую публичную русскую библиотеку в своем доме открыл высокообразованный человек С. Балицкий. Хорошо известны были также библиотеки инженера К.Е. Гартмана, А.Б. Легкова, собравшего свыше двух тысяч томов, среди которых были уникальные издания конца XIX – начала XX в., а также воспоминания Милюкова, Деникина, Корнилова, дроздовцев, книги Бердяева, Трубецких, Флоровского и др.[3]

В 1952 г. при кооперативе русских эмигрантов «РИВ» в Каракасе открылись библиотека, читальня и книжный магазин[4]. Русскую книжную торговлю в городе наладил также генерал К. Кельнер, который в течение многих лет занимался продажей отечественной литературы, выписывая русские книги из

А.Г. Шкуро, а также М.М. Бойкова, Я. Михальского, М.Д. Каратеева и др.

[1] Там же.

[2] См.: *Каратеев М. Д.* Возвращение. Предисловие. – Париж, 1967. – С. 8.

[3] http://russedina.ru/frontend/heading/russian?id=1715.

[4] ГА РФ. Ф. Р –10015. Оп. 4. Д. 203. Л. 14 (об.).

США[1]. Своя библиотека, открытая А.В. Румелем, появилась в русской колонии г. Валенсия[2].

В Сан-Пауло существовали книжный магазин С.К. Успенского, библиотека «Книга» Л.С. Рубанова. Большой опыт книжной торговли, начатой еще в России и продолженной в Югославии, имел проживавший здесь С.И. Розов, также открывший свою библиотеку–книжный магазин, куда книги выписывались из Европы, в частности из Франции, где с 1929 г. и вплоть до 1991 г. просуществовал «Дом книги» (первый владелец – эмигрант М.С. Каплан), основой оборота которого являлась поставка литературы (в том числе книг, выпущенных в СССР) университетским библиотекам и эмигрантским центрам во всем мире. Каплану принадлежало также издательство, где публиковались известные писатели, поэты русской эмиграции, переводные издания зарубежной классики, которые активно заказывались в те годы в Латинской Америке[3].

Таким образом, несмотря на то, что «вторая волна» русской эмиграции носила главным образом политический характер, это не помешало ее представителям довольно успешно пройти путь социокультурной адаптации, оставив при этом заметный след в истории науки, культуры, образования стран расселения. Важную роль в судьбе перемещенных лиц и в целом второй волны эмиграции в странах Латинской Америки сыграли Русская православная церковь за рубежом и помогавшие ей католические миссионеры, совместными усилиями которых поддерживалась система образования и воспитания молодого поколения, что способствовало сохранению культурных и национальных традиций Русского зарубежья в странах латиноамериканского рассеяния.

Русская православная церковь Московского патриархата воспринималась этой частью зарубежного духовенства как не-

---

[1] См.: *Денисов Н.В.* Волшебный круг: русские в Венесуэле… – С. 25.

[2] См.: *Никитенко С.* Рай-страна… – С. 89.

[3] См.: *Гузевич Д.* Дом книги в Париже, или «Пока не ушли свидетели» // Берега. Информационно-аналитический сборник. – СПб., 2007. – Вып. 7. – С. 25.

каноническая обновленческая структура, что исключало их диалог. В этих условиях главной задачей Русской православной церкви за рубежом, в среде которой получила распространение концепция «духовного изгнанничества», была консолидация русскоязычной паствы в рассеянии. Открытием новых приходов, строительством храмов Русская православная церковь за рубежом, служившая одновременно центром и средоточием повседневной жизни, помогала русской диаспоре пройти сложный путь адаптации и вживания в инокультурную среду. При этом, находясь в католической стране, русской православной миссии удавалось вести межконфессиональный диалог, чему способствовали связи между Русской православной церковью за рубежом со Всемирным христианским союзом и Союзом объединенных церквей.

Другой стороной данного процесса стала наметившаяся с годами интеграция бывших ди-пи и их потомков в латиноамериканское общество, переставшее постепенно в частичную ассимиляцию, с неизбежной в этом случае частичной потерей родного языка, но сохранением элементов русской культуры и национального самосознания.

Глава 5

ДИАСПОРА И РОДИНА: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПРОТИВОСТОЯНИЯ

В послевоенные годы, совпавшие с начальным периодом «холодной войны», между СССР и западными странами, как отмечает Е.И. Пивовар, происходила борьба за российских мигрантов, в ходе которой использовались дипломатические рычаги (соглашение о выдачах 1944–1945 гг.) и административные меры (препятствование репатриации советских военнопленных и перемещенных лиц, бежавших из Германии на Запад), а также правовые гарантии безопасности для бывших военнослужащих вермахта и СС и разрешение им въезда в США, Великобританию, Канаду и Австралию[1].

Зарубежная деятельность созданного в октябре 1944 г. во главе с генерал-полковником Ф.И. Голиковым Управления Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран охватывала практически все страны мира. В основу его работы было положено распоряжение о представителях Уполномоченного (с 1955 г. – комитета «За возвращение на Родину»)[2] при посольствах и миссиях СССР, которые за несколько последних военных месяцев действовали уже во всех местах очевидного или вероятного скопления советских граждан[3]. После 1 марта 1946 г. – даты промежуточных итогов репатриации – репатриационные миссии продолжали создаваться далеко за пределами СССР[4].

---

[1] См.: *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. – М., 2008. – С. 348.

[2] Комитет за возвращение на Родину был создан в Восточном Берлине в начале 1955 г., после упразднения в марте 1953 г. Управления Уполномоченного при Совмине СССР по делам репатриации. Руководитель – отставной генерал-майор и бывший военнопленный Н.Ф. Михайлов.

[3] См.: *Полян П.* Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. – М., 1996. – С. 216.

[4] В августе 1946 г. была создана группа «Индо-Китай», с июля по декабрь 1947 г. проработала группа «Китай», обеспечивавшая транспортировку

Наряду с заграничными представительствами этого ведомства, поисками советских граждан занимались непосредственно сотрудники посольств и дипмиссий, свое содействие им оказывали Всеславянский комитет, ВОКС. Активно привлекались к этой работе эмигрантские организации, с которыми первые контакты были установлены в годы войны и затем продолжились уже в послевоенный период. Как отмечает А.В. Антошин, идея о возможности сотрудничества русской эмиграции с Советской властью на основе патриотических ценностей в первые послевоенные месяцы и годы пустила глубокие корни в ряде стран[1]. Довольно популярны они были и в Латинской Америке, прежде всего в среде трудовой эмиграции, которая приняла новый политический строй, идеологически ей близкий, и участвовала в движении за возвращение в СССР. Отец Дм. Константинов говорил о сорока тысячах человек в странах Южной Америки, «рвавшихся во что бы то ни стало вернуться на “счастливую родину”»[2].

Это были главным образом выходцы из бывшей Российской империи, включая эмигрантов-славян из Польши (в границах 1939 г.). К ним присоединилось и некоторое количество представителей антикоммунистической эмиграции, по образному выражению Д. Константинова, «заболевших вдруг ностальгией и решивших присоединиться к жаждущим уехать в СССР». В совокупности «речь шла о весьма большом количестве потенциальных возвращенцев», и именно итоги Второй мировой войны, советская пропаганда, на его взгляд, породили эти десятки тысяч советских патриотов, чему помогала и западная печать, «отождествлявшая советскую победу в войне с русской

русских эмигрантов. В 1949 г. преимущественно на базе посольств возникли группы в Голландии, Канаде, Ливане. В январе 1952 г. аналогичная группа появилась в Австралии.

[1] См.: *Антошин А.В.* Российские эмигранты в условиях «холодной войны». – Екатеринбург, 2008. – С. 161.

[2] См.: *Константинов Д.* (протоиерей). Через туннель XX столетия / Под ред. А.В. Попова. – М., 1997. – С. 424.

победой и СССР с Россией»[1]. Задержку с отъездом вплоть до середины 1950-х гг. людей, получивших советские паспорта и принявших советское гражданство, отец Д. Константинов объяснял тем, что Москва использовала таким образом «этих добровольных пропагандистов и агентов» на территории Латинской Америки в собственных интересах, что имело под собой определенные основания, хотя нельзя исключать при этим бюрократические проволочки и трудности с организацией массового переезда людей за океан.

Работа по выявлению советских граждан и их репатриации из стран Латинской Америки наталкивалась на многочисленные трудности и препятствия. В странах Латинской Америки не существовало специальных групп Управления Уполномоченного по репатриации, и потому основная нагрузка в этой работе пала именно на посольских работников, которые, как показал исследуемый материал, не имели ни полномочий, ни достаточных средств для ведения подобной работы за границей (только в июле 1949 г. в аппарате посольства Аргентины появился специальный человек – Д.А. Мишин в качестве атташе помощника представителя Уполномоченного по репатриации). В Аргентине эту работу выполняло посольство СССР, приступившее к своей деятельности в 1946 г. во главе с первым советским послом в Аргентине М.Г. Сергеевым, в Бразилии – до разрыва дипломатических отношений посольство во главе с Я.З. Сурицем, в Уругвае – посольство во главе с Н.В. Гореликом.

Ситуацию на континенте осложняло состояние международных отношений в условиях «холодной войны», когда под влиянием доктрины Монро правительства ряда латиноамериканских стран пошли на разрыв дипломатических отношений с СССР (в 1947 г. это были Бразилия и Чили, в 1948 г. – Колумбия, в 1952 г. – Куба и Венесуэла). Новая послевоенная ситуация, сложившаяся на континенте, сказалась на положении просоветски настроенных эмигрантских организаций в этих стра-

[1] См.: *Константинов Д.* (протоиерей). Через туннель XX столетия… – С. 425.

нах и состоянии их связей с советской стороной. В 1946 г. были закрыты Славянский союз Бразилии и Славянская организация Парагвая, в 1949 г. – Славянский союз Аргентины, вслед за чем последовала высылка из страны лидеров славянского движения, в то время как именно они поставляли информацию для советских органов[1].

При этом, если в Аргентине сразу после войны выходило свыше 10 славянских газет, журналов и информационных бюллетеней, симпатизировавших СССР, то к концу 1940-х годов из них осталась только одна – «Русский в Аргентине»[2]. В Бразилии после разрыва дипломатических отношений с СССР также начались гонения «на все русское». Преследованиям подвергся Русский комитет в Сан-Пауло, созданный еще в годы войны и обвиненный в коммунистической пропаганде. 31 декабря 1947 г. по приказу бразильской тайной политической полиции Комитет был закрыт (на тот момент И.Ф. Лихоманов являлся его последним председателем), а некоторые из членов правления были арестованы[3].

В сложившихся условиях советским дипломатическим работникам, остававшимся на континенте, всю работу по выявлению перемещенных советских граждан и агитационно-пропагандистскую деятельность среди них нередко приходилось вести в полулегальных условиях. И здесь ставка вновь была сделана на Всеславянский комитет, который к тому времени продолжал сохранять и поддерживать те контакты и связи с патриотически настроенной эмиграцией, которые были установлены еще в годы войны.

В 1949 г. из-за событий в Югославии, где к тому времени располагалась штаб-квартира Всеславянского комитета, деятельность этой организации была приостановлена, а ее функции в странах «народной демократии» перешли к национальным Славянским комитетам. Соответственно в СССР начал действо-

---

[1] ГА РФ. Ф. Р-6646. Оп. 1. Д. 66. Л. 66; Там же. Ф**.** Р–7928. Оп. 2. Д. 1621. Л. 20.

[2] См.: Славяне. –1950. – № 9. – С. 19.

[3] БФ РЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. М–237. Кн. 5. Л. 1319–1320.

вать Славянский комитет СССР (СК СССР), который в рассматриваемый период выполнял уже не просто информационно-пропагандистские функции, но был призван содействовать общегосударственной политике по репатриации на родину бывших советских граждан, а также эмигрантов с территории Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики. В связи с этим на мартовском 1949 г. заседании Президиума СК СССР отмечалась необходимость продолжить линию усиления связей с прогрессивными организациями славянской эмиграции капиталистических стран, в том числе Латинской Америки[1]. Этими решениями и руководствовался Славянский комитет СССР в своей дальнейшей деятельности, вплоть до его реорганизации в 1960 г.

Особое внимание в работе со странами Латинской Америки по-прежнему обращалось на сотрудничество со славянской прессой, а также на радиопропаганду. В проекте плана работы на 1949 г. отделу печати СК СССР поручалось использовать проводимые Всесоюзным радиокомитетом еженедельные славянские передачи на страны американского континента, организуя их не только на русском, но и на других языках славянской эмиграции[2]. На заседании Президиума СК СССР от 13 марта 1951 г. вновь была выдвинута задача более широкого использования радио для пропаганды на страны латиноамериканского континента[3].

При этом в работе с соотечественниками выделялся дифференцированный подход: так, для украинских изданий, в частности, в Аргентине готовились материалы по разоблачению «клеветы фашистской украинской печати в этой стране о Советском Союзе», «предательской роли украинских националистов во время войны и в послевоенный период»; для русской и белорусской печати наиболее актуализирована была тема «успехов хозяйственно-политического строительства в СССР с ак-

[1] ГА РФ. Ф. Р–6646. Оп. 1. Д. 206. Л. 44.
[2] Там же. Л. 44, 51.
[3] Там же. Д. 266. Л. 39.

центом на РСФСР и Белоруссию»[1]. Статистика отправки статей на латиноамериканский континент свидетельствовала о ее положительной динамике: в 1945 г. были направлены 62 оригинальные статьи и 267 копий, в 1949 г. – 403 статьи и 65 фото; за восемь месяцев 1950 г. только в Аргентину было отправлено 272 статьи и 79 фото, в Уругвай – 16 статей. О степени эффективности предпринимаемых советской стороной усилий в отношении славянских периодических изданий в Латинской Америке свидетельствовал такой факт: в полученных в Москве 11 номерах аргентинской украинской газеты «Знання» была напечатана 51 статья, предоставленная для них Славянским комитетом СССР[2]. Подобного рода материалы, по заявлению центрального органа СК СССР журнала «Славяне», должны были помочь просоветски настроенным эмигрантам в разоблачении «происков поджигателей войны из числа украинских, польских, литовских и других националистов в своих странах» и противостоять им в их борьбе против репатриации[3].

Пропагандистская литература (популярна была, например, пьеса С. Михалкова «Я хочу домой») распространялась также через посольские службы в латиноамериканских странах, осуществлялась публикация обращений и заявлений правительств союзных республик, писем и статей репатриантов в просоветской эмигрантской печати. Когда после войны в Восточном Берлине советское правительство наладило издание газеты «За возвращение на родину», многие из русских эмигрантов в Латинской Америке стали получать ее бесплатно. Находились добровольцы, которые разносили газету по домам эмигрантов, в частности, этим занимался член Русского комитета в г. Сан-Пауло Г.В. Сакун, за что вскоре был арестован бразильскими властями сроком на 13 месяцев, а затем и вовсе выслан из страны «как нежелательный элемент»[4].

---

[1] ГА РФ. Ф. Р–6646. Оп. 1. Д. 267. Л. 181, 13.
[2] См.: Славяне. – 1952. –№ 2. – С. 23.
.[3] АВП РФ. Ф. 076. Оп. 18. Папка № 112. Д. 12. Л. 21.
[4] БФ РЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. М–237. Кн. 5. Л. 1335.

После закрытия Славянских союзов Бразилии и Аргентины наиболее тесные контакты у Славянского комитета СССР сложились со Славянским союзом Уругвая (ССУ) и его председателем М. Левичарским, зам. председателя Н.А. Емельяненко, ответственным секретарем, редактором газеты «Вос эслава» («Славянский голос») С. Цихоной, а также председателем правления Культурного центра им. М. Горького в г. Сан-Хавьер М.М. Росликом[1].

Здесь в 1945 г. на базе Общества культурных связей с СССР, созданного еще в 1938 г., был основан Уругвайско-советский институт культуры, с 1947 г. – Культурно-просветительный центр им. М. Горького, в который входило более 500 человек. При содействии советской миссии в самый разгар «холодной войны» здесь открылись курсы русского языка, которые работали на протяжении 24 лет, были созданы хоровой, драматический и музыкальный кружки, школа народных танцев. Действовал также кружок по изучению государственного устройства СССР и истории СССР[2]. Еженедельно Культурный центр проводил получасовую радиопередачу на русском языке через одну из широковещательных радиостанций г.Монтевидео, чего не делалось ни в одной из стран Латинской Америки[3]. Культурный центр, в свою очередь, установил тесную связь с эмигрантскими культурно-просветительными организациями в г. Пайсанду, Фрай-Бентос и русских колониях Джонг и Сан-Хавьер в департаменте Рио-Негро, куда ежегодно в «неделю туризма», которая отмечалась в Уругвае как национальный праздник, выезжали драматический, хоровой и музыкальный кружки, демонстрировались советские кинофильмы, направлявшиеся советской миссией вместе с этими культбригадами[4].

Всего, как нам удалось установить, к 1956 г. СК СССР поддерживал связь с 40 эмигрантскими организациями в Кана-

---

[1] ГА РФ. Ф. Р–6646. Оп. 1. Д. 288. Л. 35, 41; Там же. Д. 368. Л. 1.

[2] См.: Русские в Уругвае: история и современность. – Монтевидео, 2009. – С. 145.

[3] АВП РФ. Ф. 0133. Оп. 15. Папка № 105. Д. 10. Л. 18.

[4] Там же. Л. 19.

де, США, Австралии. В Латинской Америке это были: в *Аргентине* – Славянский союз Аргентины, Общество взаимопомощи «Белорусский очаг», Культурно-просветительные общества им. М. Горького, им. Н. Островского, им. П. Тычины, им. Л. Украинки, Культурно-спортивные клубы им. В. Маяковского, им. А. Толстого; в *Уругвае* – Славянский союз Уругвая, Культурный центр им. М. Горького и его филиалы в г. Сан-Хавьер, русская колония в провинции Рио-Негро[1].

Параллельно, начиная с 1940–1941 гг., советскими посольствами велась работа по регистрации советских граждан в странах Латинской Америки. Этим занимался Консульский отдел посольства СССР в США. Согласно указу от 30 июля 1945 г. проводилась регистрация выходцев из Западных областей Украины и Белоруссии[2]. В начале сентября 1946 г., после открытия советского посольства и начала работы консульства в Бразилии, сюда из Уругвая были переданы все консульские дела, относившиеся к Бразилии, в их числе 1,2 тыс. неоформленных дел о приеме в совгражданство, 1728 дел по регистрации, также неоформленных, около 4 тыс. неотвеченных писем, которые требовали внимательного изучения и соответствующего реагирования[3]. Среди ходатайств о приеме в совгражданство имелись дела, которые были начаты еще в 1939 и 1940 гг. и на тот момент так и не были отправлены в Москву. Большинство дел имело трех- и четырех-летнюю давность. Из-за царившей в делах путаницы многие граждане оформляли ходатайства по два – три раза, каждый раз платили консульский сбор и производили другие затраты. В ряде случаев, признавал Я.З. Суриц, граждан вводили в заблуждение, заверяя в том, что их ходатайства были направлены в Москву на рассмотрение, в то время, как дела лежали по нескольку лет без движения[4].

Характер корреспонденций, которые поступали в Консульский отдел от потенциальных репатриантов, можно разде-

[1] ГА РФ. Ф. Р–6646. Оп. 1. Д. 333. Л. 19–20; Там же. Д. 428. Л. 33.
[2] АВП РФ. Ф. 070. Оп. 18. Папка № 112. Д. 12. Л. 49.
[3] АВП РФ. Ф. 076. Оп. 8. Папка № 101. Д. 9. Л. 6.
[4] Там же. Л. 6.

лить на четыре основные категории. Это были запросы о порядке оформления советского гражданства, об отправке частных посылок в СССР, о въезде в СССР, о розыске родственников. Большинство обращавшихся в Консульский отдел эмигрантов, как оказалось, были совершенно неграмотны и поэтому сотрудникам отдела приходилось писать за них заявления, автобиографии, заполнять анкеты. И здесь дипломатические работники столкнулись с очередным препятствием: Консульский отдел не имел людей, знавших португальский язык (многие письма приходили на португальском языке). По этой же причине оставались без движения ходатайства о приеме в советское гражданство, оформленные на португальском языке[1]. Из-за загруженности текущей перепиской и приемом посетителей посольство не имело возможности уделять достаточно внимания другим сторонам консульской работы, таким, как «изучение советской колонии страны пребывания и ее законоположений, языка, имущественным делам», и были вынуждены задерживать предоставление статистических отчетов и информационных докладов для МИД СССР. Я. З. Суриц сетовал: «Недостатки в работе Консульского отдела дискредитируют Посольство и наносят ущерб престижу Советского Союза в глазах местного населения»[2].

В докладной записке в МИД СССР от 28 марта 1947 г. советский посол высказал предложение упростить требования к предъявляемым при регистрации документам, так как проживавшие в странах Латинской Америки эмигранты не продлевали своих национальных паспортов со времени въезда в страну, многие прибывали без паспортов, по метрикам, семейным спискам и другим документам. Соответственно, единственным доказательством происхождения этих эмигрантов служили, например, в Бразилии «удостоверения личности для иностранца», которые выдавались Управлением по регистрации иностранцев. Зачастую при выдаче этих удостоверений у иностранца отбира-

[1] АВП РФ. Ф. 076. Оп. 8. Папка № 101. Д. 9. Л. 6.
[2] Там же. Л. 7.

лись национальные паспорта или другие национальные документы. Поэтому посольством ставился вопрос о разрешении проведения регистрации по предъявлении просроченных национальных паспортов, свидетельств о рождении, военных билетов и других документов, удостоверяющих личность и происхождение регистрируемого, в том числе «удостоверения личности для иностранца»[1].

К октябрю 1947 г. незадолго до разрыва дипломатических отношений между Бразилией и СССР, по словам консула в Сан-Пауло Резова, там было подано около 1,5 тыс. ходатайств, «главным образом – от литовцев, от белогвардейцев – только 80, остальные – от других национальных меньшинств»[2]. Вместе с тем, как отмечал Я.З. Суриц, наблюдалось и разочарование среди той части эмигрантов, которые подавали заявления еще в 1940 и 1941 гг. и к 1947 г. уже потеряли всякую надежду на возвращение[3].

Что касается Аргентины, то работу по регистрации проживавших там эмигрантов также осуществлял в октябре – декабре 1945 г. Консульский отдел миссии СССР в Уругвае. По Аргентине было зарегистрировано более 28 тыс. человек, что вместе с членами семей составляло около 50 тыс. человек, дела которых после создания Консульского отдела посольства СССР в Аргентине были пересланы туда в феврале 1947 г. И как в случае с Бразилией, Консульский отдел советской миссии в Уругвае выдачей документов лицам, проживавшим в Аргентине и зарегистрированным на основании этого указа, не занимался, поэтому они в течение более полутора лет проживали без документов, так как их польские паспорта прилагались к заявлениям о регистрации и были переданы в советское посольство. Отсутствие документов у людей при ухудшении внутриполитическо-

[1] АВП РФ. Ф. 076. Оп. 8. Папка № 101. Д. 1. Л. 7.
[2] БФ РЗ. Ф.1. М–237. Оп. 1. Кн. 5. Л. 1343.
[3] АВП РФ. Ф. 076. Оп. 9а. Папка № 105. Д. 3. Л. 6. С 1947 г. по январь 1962 г., в период отсутствия дипломатических отношений между СССР и Бразилией, интересы советских граждан было поручено защищать польскому консульству в г. Сан-Пауло.

го положения в Аргентине использовалось местными властями как повод для притеснения этих граждан: их выгоняли с работы, принуждали принимать аргентинское гражданство, лишали детей права поступления в учебные заведения, отказывали в предоставлении пенсий и страхования по работе и т.д.[1]

Консульский отдел посольства в Аргентине также располагал минимумом сотрудников (двумя стажерами), которые не успевали справляться с обслуживанием текущего приема посетителей. Для того чтобы осуществить выдачу совзагранвидов для всех лиц, зарегистрированных в течение двух лет на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 июля 1947 г., требовалось не менее 10 человек. Именно с этой просьбой 8 мая 1947 г. обращался в своем письме на имя министра иностранных дел В.М. Молотова посол в Аргентине М.Г. Сергеев[2]. М.С. Сергеев обращал внимание министра на «неоперативное руководство со стороны Консульского Управления Министерства иностранных дел СССР», которое не отвечало на запросы посольства по очень важным проблемам[3].

В свою очередь, посольские работники ставили перед МИД Аргентины вопрос о предоставлении в их распоряжение списков перемещенных лиц, привезенных в эту страну, настаивали на оказании содействия в их репатриации, ссылаясь на резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от 12 февраля 1946 г., за которую Аргентина проголосовала, предусматривавшую, что «главная задача в отношении перемещенных лиц заключалась в том, чтобы поощрять их скорейшее возвращение в страны их происхождения и содействовать этому возвращению всеми возможными способами»[4].

В связи с ужесточением политического режима генерала Хуана Доминго Перона положение совграждан в Аргентине заметно ухудшилось. Совпаспорта не только не признавались ме-

---

[1] АВП РФ. Ф. 076. Оп. 9а. Папка № 105. Д. 3. Л. 9.
[2] АВП РФ. Ф. 076. Оп. 15. Папка № 104. Д. 25. Л. 7-8.
[3] Там же. Л. 8.
[4] АВП РФ. Ф. 070. Оп. 18. Папка № 112. Д. 12. Л. 37.

стными властями, но служили поводом для всякого рода издевательств над их владельцами, особенно тяжелое положение создалось в провинции[1]. Разрыв дипломатических отношений между СССР и Бразилией также повлек за собой наступление на права эмигрантов: последовали увольнения из государственных и частных учреждений, конфискация земель, отказ в аренде, переселение в отдаленные и неосвоенные районы Бразилии.

Развернутая на континенте деятельность советских служб (включая посольства, комитет «За возвращение на родину», СК СССР, ВОКС и др.) по пропаганде идей репатриации в очередной раз расколола российскую эмиграцию на сторонников и противников возвращения. Среди невозвращенцев, которых в литературе еще называют «западниками», наряду с представителями белой эмиграции и коллаборантами, были в основном жители Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии, Северной Буковины. Борьба с репатриацией в латиноамериканских странах велась в рамках широко поставленной антикоммунистической пропаганды. Свою роль в негативном отношении латиноамериканских властей к процессам репатриации сыграло и то, что, вслед за США, многие из них не признали факта включения Прибалтийских республик в состав СССР, следствием чего стала поддержка с их стороны эмиграционных правительств, созданных после войны в зарубежье.

Активными участниками борьбы с репатриацией были представители литовской эмиграции в странах Латинской Америки. В частности, значительная колония литовцев (около 3 тыс. человек) проживала в Уругвае, и уругвайское правительство продолжало признавать так называемые «эмигрантские правительства прибалтийских стран». В Монтевидео в качестве представителя эмиграционного литовского правительства М. Крупавичюса (располагавшегося в США) выступала «литовская миссия», возглавляемая Граужинисом, а интересы «эстонского и латвийского правительств» представляло английское

[1] АВП РФ. Ф. 076. Оп. 9а. Папка № 105. Д. 1. Л. 7.

посольство. Поскольку власти Уругвая, как и США, признали именно Граужиниса, то ему регулярно выплачивалось по 900 ур. песо в месяц, 200 ам. дол. – его помощнику, культурному атташе Чибирасу, 500 ур. песо – консулу Гришонасу[1]. В результате, пользуясь государственной поддержкой, антисоветски настроенная часть литовской эмиграции вела активную контрпропаганду против репатриации, используя для этого как местные печать и радио, так и свою национальную прессу – журналы «Свободная Литва», «Литовец Южной Америки», газету «Голос»[2].

В Бразилии, по данным литовских просоветских организаций, проживало около 30 тыс. литовцев, в основном выехавших в период 1928–1930 гг.; из них до 10 тыс. проживало в г. Сан-Пауло. К 1947 г. в Консульский отдел было подано около 2,5 тыс. ходатайств о приеме в советское гражданство, что составляло не более 15% от проживавших в стране эмигрантов этой национальности[3]. В Аргентине, по данным советских источников, также проживало до 30 тыс. бывших жителей Литвы, подлежавших регистрации в качестве советских граждан на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1940 г. После открытия советского посольства в Аргентине противникам репатриации удавалось убеждать своих соотечественников не возвращаться в Советскую Литву. Подобные настроения подогревались также информацией о том, что «Прибалтийские республики не добровольно присоединились к Советском Союзу, а были покорены, и что поэтому Советское правительство не принимает прибалтов в гражданство и не разрешает возвращаться на родину». Ссылаясь на секретные протоколы Германии и СССР от 23 августа и 28 сентября 1939 г., представители литовской эмиграции называли присоединение Прибалтики к СССР в 1940 г. «оккупацией»[4].

---

[1] АВП РФ. Ф. 0133. Оп. 16. Папка №107. Д. 12. Л. 33.
[2] Там же. Л. 13.
[3] АВП РФ. Ф. 0133. Оп. 15. Папка № 105. Д. 10. Л.20.
[4] АВП РФ. Ф. 076. Оп. 9а. Папка № 105. Д. 1. Л. 34.

Одним из активных борцом с репатриацией в Аргентине был И.К. Битте, латыш по национальности, в прошлом офицер русской императорской армии, доктор экономических наук, приехавший в Аргентину в 1928 г., где проработал в типографии «Голос польский». В течение ряда лет И.К. Битте издавал в Буэнос-Айресе журнал «Латвия», вел активную деятельность в местной латышской колонии, после войны возглавил Балтийскую комиссию, созданную в Буэнос-Айресе в 1947 г., которая помогала беженцам из Прибалтики переехать из послевоенной Европы в Аргентину. Он входил также во многие редакции выпускавшихся здесь на русском языке общественно-культурных национальных газет; почти каждые два месяца выступал по аргентинскому радио с разоблачениями «тоталитарной диктатуры коммунистической партии» в СССР[1].

Заметную активность в связи с начавшимся процессом репатриации проявляла многочисленная армянская колония, представители которой проживали в таких странах, как Аргентина (до 10 тыс.), Бразилия (до 7–8 тыс.), Уругвай (около 6,5 тыс.)[2]. В Уругвае в те годы действовала организация «Дашнакцаган», созданная еще в 1934 г. Н. Ахароняном, который в 1920 г. был министром иностранных дел дашнакского правительства, прибывшим в страну в качестве ответственного организатора дашнакских филиалов в Латинской Америке. Помимо Уругвая они были созданы также в Бразилии и Аргентине. «Дашнакцаган» являлась легальной организацией, пользовавшейся покровительством уругвайских властей[3]. Из 6 тыс. армян, проживавших в Уругвае, четверть симпатизировала дашнакской партии, хотя и не состояла ее членами. Ее поддерживало также местное духовенство, в результате просоветски настроенным армянским организациям было сложно противосто-

[1] См.: *Кублицкая М.А.* Русские издательства, типографии и библиотеки в Аргентине // emigrantika.ru/publications/838-bookiv (сайт «Эмигрантика. ru. Русское зарубежье»).
[2] АВП РФ. Ф. 076. Оп. 8. Папка № 101. Д. 9. Л. 4.
[3] АВП РФ. Ф. 0133. Оп. 16. Папка № 107. Д. 12. Л. 37.

ять влиянию таких организаций, как «Дашнакцаган»[1]. Сторонники дашнакской партии в эмиграции вели активную пропаганду против репатриации армян из Уругвая, против деятельности просоветской организации «Национальный армянский центр» и Комитета по репатриации армян, в том числе используя для этого еженедельную радиопередачу[2].

Наиболее сильные антирепатриационные настроения были в Аргентине, где борьбу с репатриацией вели представители старой эмиграции и русские из числа перемещенных лиц, объединенных в такие организации, как «Дело русских белых эмигрантов», «Славянское научное общество в Аргентинской Республике», «Православный русский очаг», Российская организация Красного Креста, РОВС, Союз российской молодежи, Суворовский союз, Русская православная церковь в Аргентине[3]. По данным журнала «За возвращение на Родину», в Буэнос-Айресе действовал также «Комитет бывших советских граждан», в состав которого входили в основном коллаборанты и который вел активную антисоветскую пропаганду в целях воспрепятствовать отъезду соотечественников на родину. С этой же целью в Аргентине был создан «Комитет противодействия возвращению в СССР», члены которого блокировали порты, после чего полиция арестовывала этих людей и снимала с парохода[4].

Достаточно влиятельной в ряде стран была антисоветски настроенная часть украинской диаспоры. В частности, в Аргентине ею были созданы такие организации, как «Украинский клуб» (1947), «Союз украинок» (1948), «Украинский пласт» (1949), «Союз украинской молодежи» (1950), «Украинский католический союз» (1951), «Союз бойцов 1-й дивизии УНА» (1951), «Аргентинский союз украинских студентов» (1953) и др.[5] В движении за невозвращение ди-пи на родину большую активность проявляли представители организаций украинских

---

[1] АВП РФ. Ф. 076. Оп. 9а. Папка № 105. Д. 1. Л. 36.
[2] АВП РФ. Ф. 0133. Оп. 16. Папка № 107. Д. 12. Л. 37.
[3] АВП РФ. Ф. 070. Оп.18. Папка № 112. Д. 12. Л. 16.
[4] За возвращение на Родину. – 1956. – № 42 (август). – С. 11.
[5] Украинцы в Аргентине. – Киев, 1997. – С. 12 (укр. яз.).

националистов – УПА и ОУН, а также «Украинская революционная демократическая партия», состоявшая из украинских перемещенных лиц[1]. В 1947 г. состоялся 1-й конгресс украинцев в Аргентине, на котором было создано Украинское центральное представительство, объединившее в своих рядах украинские национальные организации, за исключением просоветских[2]. Как писала газета «Украинское слово» в статье «Украинцы по эту сторону железного занавеса» от 10 февраля 1952 г., это была самая большая в украинской истории политическая эмиграция, в несколько раз больше, чем политическая эмиграция 1920-х гг., которая начиная с 1947 г. двигалась сначала в европейские страны, а с 1948 г. – за океан[3].

При этом советская сторона вынуждена была признать, что контрпропагандистская деятельность национальных антисоветских организаций, существовавших за рубежом, давала свои плоды, в результате чего вести работу по репатриации среди, как их называли, «сильно разложившихся политически, запуганных и терроризированных враждебными СССР организациями и властями» людей, было чрезвычайно трудным делом, а в отношении значительной части – бесперспективным[4]. В итоге, например, за девять месяцев после опубликования Указа Президиума Верховного Совета СССР «О регистрации выходцев из прибалтийских стран в качестве советских граждан» (от 30 марта 1948 г.) из трех тысяч литовцев, которые проживали в Уругвае, зарегистрировалось лишь 266 человек[5].

Как известно, репатриация была обязательна только для советских граждан и военных преступников. Все прочие, включая белоэмигрантов, репатриации не подлежали. Исключение делалось лишь для тех представителей белой эмиграции, как вспоминал И.Ф. Лихоманов, кто в годы Второй мировой войны занимал просоветскую позицию, участвуя в антифашистском

---

[1] АВП РФ. Ф. 070. Оп. 18. Папка № 112. Д. 12. Л. 16.
[2] См.: Украинцы в Аргентине. – Киев, 1997. – С. 12 (укр. яз.).
[3] АВП РФ. Ф.070. Оп. 19. Папка № 116. Д. 15. Л. 12.
[4] АВП РФ. Ф. 070. Оп. 18. Папка № 112. Д. 12. Л. 20–21.
[5] АВП РФ. Ф. 0133. Оп. 16. Папка № 107. Д. 12. Л. 36.

движении солидарности, а также, кто на тот момент являлся членом национальных компартий[1]. Так, советское руководство, положительно оценив деятельность в годы войны членов Русского комитета в Бразилии, разрешило некоторым из них вернуться на родину. Такое предложение было сделано И.Ф. Лихоманову, Г.В. Сакуну и даже князю А.Б. Голицыну. Хотя князь родился не в России, а в Швейцарии, где когда-то работал по дипломатической линии его отец, тем не менее ему в кратчайшие по тем временам сроки, в течение семи месяцев, пришел не только положительный ответ, но и готовый советский паспорт. Однако из всех троих только Г.В. Сакун воспользовался этим правом. При этом по возвращении в СССР реэмигрант, вопреки высказанному им пожеланию жить в Москве, был поселен в одном из птицесовхозов в Мирзачульском районе Туркестана.

Аналогичное предложение вернуться в СССР поступило и генералу А.В. фон Шварцу в Аргентине. Сам он по этому поводу писал: «Не так давно мне стало известно, что в отношении меня настроение советских властей изменилось настолько в мою пользу, что есть возможность получить доступ в Россию, т.к. меня якобы считают бывшим русским патриотом и относятся ко мне с уважением. Но все же разница в идеологиях …так велика, что совместная жизнь вряд ли возможна…»[2].

Наибольшее количество обращений с просьбой отправить в СССР шло в те годы от простых тружеников – крестьян и рабочих, так и не сумевших социально адаптироваться в новых условиях проживания. Значительное их число составляли бывшие крестьяне, завезенные в регион в 1920–1930-е гг. из Бессарабии, Польши, Прибалтики на работу по колонизации сельвы и на кофейных плантациях[3]. На призыв к репатриации откликнулась также просоветски настроенная часть литовской, армянской, еврейской диаспор. В Уругвае литовцы, тяготевшие к

[1] БФ РЗ. Ф. 1. М–237. Оп. 1. Кн. 5. Л. 1335.

[2] *Шварц А.В. фон*. Жизнь, мысли, дела и встречи. Часть V. На чужбине. Воспоминания (маш. копия с автор. правкой) // ГА РФ. Ф. Р –10027. Оп. 1. Д. 8. Л. 351.

[3] БФ РЗ. Ф. 1. М–237. Оп. 1. Кн.5. Л. 1320.

СССР, были объединены в организацию «Литуания либре» (Свободная Литва – *исп. яз*.), имевшую свой печатный орган на литовском языке – газету «Дарбас» («Труд»), выходившую три раза в месяц тиражом до 1 тыс. экземпляров, основными материалами которой служили статьи, поступавшие по линии Совинформбюро и ВОКСа из Москвы[1]. В 1947 г. по инициативе просоветских литовских организаций в Уругвае, Бразилии и Аргентине был созван литовский конгресс, который принял обращение к правительствам трех стран о разрыве дипломатических отношений с представителями «бывшего литовского фашистского правительства», которое рассматривалось в этих странах как единственно законная власть Литовского государства[2].

Проживавшая в Латинской Америке колония армян, которые в основном занимались мелкой торговлей и некоторые на тот момент были достаточно состоятельными, в отличие от славянской колонии, располагала внутренними средствами для оплаты расходов по репатриации, в том числе благодаря помощи Армянского комитета в США, который, в частности, выделил из своих средств около 50 тыс. дол. для армянской колонии в Бразилии[3]. В г. Сан-Пауло был создан Комитет по оказанию помощи в репатриации армян в Советскую Армению. Как отмечалось в советских документах, армянские организации в Бразилии прогрессивной направленности – «Консехо Насиональ Армению» (Национальный армянский совет – *исп. яз*.) и «Сентро Насиональ Армению» (Национальный армянский центр – *исп. яз*) – были тесно связаны с родственными организациями в Аргентине, совместно с которыми они издавали свой печатный орган – газету «Ай Мамоул». Все они были также участниками армянского конгресса 1947 г., проходившего в США[4]. Имелись сведения и о существовании еврейских коми-

[1] АВП РФ. Ф. 0133. Оп. 15. Папка № 105. Д. 12. Л. 13.
[2] Там же. Л. 19.
[3] АВП РФ. Ф. 076. Оп. 8. Папка № 101. Д . 9. Л. 5.
[4] АВП РФ. Ф.0133. Оп. 15. Папка № 105. Д. 10. Л. 21.

тетов в Рио-де- Жанейро и Сан-Пауло, объединявших евреев, желавших переселиться в Биробиджан[1].

В 1947 г. в Монтевидео также был создан Комитет по репатриации армян в Советскую Армению, благодаря деятельности которого на 1 августа 1947 г. были подготовлены к отправке на родину две артели – сапожников и транспортников, общей численностью 672 человека (вместе с детьми). После разрыва дипломатических отношений между СССР и Бразилией усилиями того же комитета из числа проживавших в Бразилии армян была подготовлена к отправке на родину очередная артель портных общей численностью 350 человек, также с учетом детей[2]. Но это больше были единичные случаи, поскольку на протяжении 1947–1948 гг. сохранялись значительные трудности с отправкой репатриантов различных национальностей в СССР.

Учитывая социальный состав основного контингента репатриантов, посольства предлагали своему руководству организовать массовый выезд советских граждан на родину, поскольку при индивидуальном оформлении дел на въезд большинство потенциальных репатриантов не было способно оплатить дорогостоящий проезд на родину. В случае разрешения массовой репатриации предполагалось организовать специальные рейсы советских пароходов за репатриантами либо использовать пароходы, совершавшие регулярные рейсы в Аргентину и другие страны Южной Америки, и таким образом можно было, как считалось, перевезти до 4–5 тыс. человек вместе с детьми, что в дальнейшем и было сделано.

Но в целом, как свидетельствуют документы, в 1946–1951 гг. большого успеха работа по репатриации в странах Латинской Америки не имела. Отправка репатриантов на родину через океан постоянно задерживалась. С 1948 г. людей, если и отправляли, то небольшими партиями – по 5–10 человек. Лишь к 1956 г. положение стало меняться. К этому времени произошла смена методов репатриационной деятельности в СССР и бы-

[1] АВП РФ. Ф. 070. Оп. 17. Папка № 108. Д. 12. Л.7.
[2] АВП РФ. Ф. 0133. Оп. 15. Папка № 105. Д. 10. Л. 21.

ла создана новая организация «Комитет за возвращение на Родину» (под эгидой КГБ). После принятия постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР об амнистии перемещенных лиц от 6 января 1955 г. был подписан указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945» (за исключением карателей, п.7) от 17 сентября 1955 г., на основании которого от ответственности освобождались находившиеся за границей советские граждане, которые в период войны сдались в плен врагу или служили в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях, а также те, которые занимали во время войны руководящие должности в созданных оккупантами органах полиции, жандармерии и пропаганды, в том числе и вовлеченные в антисоветские организации в послевоенный период, если они искупили свою вину последующей патриотической деятельностью в пользу Родины или явились с повинной. Постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР от 29 июня 1956 г. «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей» положения амнистии 1955 г. распространялись на военнопленных, отказавшихся от коллаборационизма.

В соответствии с действовавшим законодательством как смягчающее вину обстоятельство рассматривалась явка с повинной находившихся за границей советских граждан, совершивших в период Великой Отечественной войны тяжкие преступления против Советского государства. В этих случаях наказание, назначенное судом, не должно было превышать пяти лет ссылки. Совету Министров СССР было поручено принять меры к облегчению въезда в СССР советским гражданам, находившимся за границей, а также членам их семей, независимо от гражданства, и их трудоустройству в Советском Союзе[1]. Одновременно, благодаря принятым документам, был дан новый импульс для ведения активной пропаганды среди эмигрантов за их

[1] См.: За возвращение на Родину. – 3 сентября 1958 г. – № 73 (264). – С. 55.

возвращение через письма, газету «За возвращение на Родину», ежедневные радиопередачи[1].

Благодаря новым правовым документам с конца 1955 г. начался выезд людей из стран Латинской Америки в СССР (по 30–40 человек) на обычных пароходах, совершавших регулярные рейсы Аргентина–Италия (дальнейший маршрут был различен: часть попадала в СССР через австро-венгерскую границу, другая ехала через Ригу и т.д.). Проезд оплачивался советским правительством. Багаж разрешалось везти в неограниченном количестве также за счет принимающей стороны[2]. 25 марта 1956 г. на пароходе «Энтре Риос» в Одессу (это был первый рейс) выехало 782 человека – жителей Аргентины, Уругвая, Парагвая, главным образом выходцев из Западных областей Украины и Белоруссии. 1 июня этот же пароход вторым рейсом вывез из Аргентины еще 780 человек. 28 июня 1956 г. на пароходе «Санта Фе» в СССР выехало 613 человек. 11 июля на пароходе «Сальта» в Одессу прибыла группа в 1025 человек, среди которых были руководители славянских организаций тех стран, с которыми поддерживал связь Славянский комитет СССР, в их числе председатель Славянского комитета Аргентины П.П. Шостаковский с семьей (включая детей и внуков), член правления комитета К.Л. Комарчук-Лазарчук, редактор-издатель «Нашей газеты» в Аргентине П.Н. Бойко (в дальнейшем ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки); председатели аргентинских обществ им. В.Г. Белинского (В. Жданеня), им. Н. Островского (С.П. Яремчук), им. В. Маяковского (А. Конюх); председатель Славянского союза Уругвая М. Левичарский и его ответственный секретарь, редактор газеты «Вос эслава» С. Цихона и др.

После этого столь крупных отправок из Латинской Америки уже не было (хотя какое-то время еще прибывали группы по 80–150 человек). Всего, таким образом, по разным данным,

---

[1] См.: *Полян П.П.* Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. – М., 2002. – С. 328, 332.

[2] БФ РЗ. Ф. 1. М–237. Оп. 1. Кн. 5. Л. 1333.

через Аргентину в СССР выехало к концу 1950-х гг. более 4 тыс. человек (по данным аргентинских газет – не более 3 тыс. иммигрантов русского, украинского и белорусского происхождения)[1]. Давая оценку репатриации, М. А. Кублицкая приводит следующие слова представителя «второй волны» эмиграции: «Нашими земляками было взято 90 000 советских паспортов. Однако они продолжали жить в Аргентине с советскими паспортами до 1956 года, когда была объявлена добровольная репатриация, и примерно 12 000 человек выехали в СССР»[2]. Следует заметить, что приводимая цифра пока не получила своего документального подтверждения.

Возвращавшиеся в СССР расселялись главным образом за Уралом, в том числе в Казахстане, и по понятным причинам не всегда могли вернуться к своей прежней профессии. Но были и более удачные примеры. В 1951 г. из Аргентины в страну приехал скульптор С.Д. Эрьзя. В обнаруженной нами записке заместителя министра госбезопасности СССР П. Федотова на имя заместителя министра иностранных дел СССР А.Я. Малика от 14 апреля 1947 г. говорилось следующее: «Материалами, препятствующими возвращению в Советский Союз ЭРЗЬ (НЕФЕДОВА Степана Дмитриевича), МГБ СССР не располагает. Нашему посольству в Аргентине он хорошо известен. МГБ СССР не будет возражать против возвращения его в СССР…»[3]. С.Ф. Эрьзя одному из немногих реэмигрантов было разрешено поселиться в Москве и открыть здесь свою творческую мастерскую.

В 1957 г. в СССР репатриировался писатель Ю.Г. Слепухин, который поселился под Ленинградом, в г. Ломоносове, затем во Всеволожске и более 30 лет руководил секцией прозы

---

[1] См.: Аргентинская репатриация (По материалам Аргентинского отдела СБОНРа). – Мюнхен, 1956. – С. 4. 6.

[2] См.: *Кублицкая М.А.* Русские издательства, типографии и библиотеки в Аргентине // emigrantika.ru/publications/838-bookiv (сайт «Эмигрантика. ru. Русское зарубежье»).

[3] АВП РФ. Ф. 070. Оп. 15. Папка № 104. Д. 25. Л. 2. Подлинник.

литературного объединения Ленинградского дома ученых[1]. Были немногочисленные случаи возвращения представителей политической эмиграции первой волны. В их числе, например, была семья бывшего полковника Императорской армии, участника Белого движения, члена РОВС Г.А. Бенуа, которая поселилась в г. Павлограде Казахской ССР.

В Минске по возвращении из Аргентины оказалась семья П.П. Шостаковского. Его внук С.А. Кортес вспоминает: «Дед подал документы на возвращение в 1948 году. Консул, который получил документы, оказался хорошим человеком. Он спрятал их в ящик и вытащил их только в 1953 году. В 1955 пришло разрешение вернуться за подписью Ворошилова.

…Нам просто сказали, что нас отправляют в Минск. Потому что оказалось, что брат работал в организации, которая соответствовала нашему Камвольному комбинату. Он сразу пошел работать, его послали в Москву на учебу. Мама и бабушка работали в инязе. Я, как будущий музыкант, начал играть со школы, потом пошел в консерваторию, аспирантуру… Для всех нашлось дело»[2]. Уже в СССР С.А. Кортес стал известным композитором, сегодня – народным артистом Беларуси. В одном из интервью он признался: «Не знаю, какой из уголков земли считать родиной. Страну, где родился, Чили, я практически не знаю. Меня увезли оттуда, когда мне было всего полтора года. Аргентина, где я прожил двадцать лет, конечно, мне близка. Там прошла юность, и латиноамериканская культура, которую я впитал с детства, остается со мной всю жизнь. Это, несомненно, накладывает отпечаток на творчество…»[3].

---

[1] Ю.Г. Слепухин – автор повести «Расскажи всем…», дилогии, состоящей из романов «У черты заката» (1961) и «Ступи за ограду» (1965), автобиографического романа «Южный крест» (1981) и др.

[2] *Вайткун А.* «Личное дело». Композитор Сергей Альбертович Кортес: Мне свойственен чилийский авантюризм! // news.tut.by/culture/246224.html (сайт «TVT.BY. Белорусский портал»).

[3] http://zn.by/sergei-kortes-slavyanskaya-dusha-%E2%80%93-latinoamerikanskii-temperament.html (сайт «Знамя юности»). В Белоруссии С. А. Кортес заведовал музыкальной частью ТЮЗа, Русского театра, был главным му-

Среди противников репатриации на Западе столь массовый выезд из Латинской Америки характеризовался как «крупный советский успех», который был призван «возместить провал работы «Комитета за возвращение на родину» генерала Н.Ф. Михайлова в других странах и выполнить таким образом запланированную цифру возвращенцев за счет едущих из Аргентины»[1]. Но следует признать, что, наряду с изменениями во внутренней политике СССР, этот «успех» был обусловлен также наличием прямых контактов, установленных советскими структурами с эмигрантами и их организациями в странах Латинской Америки. В этой связи мы разделяем точку зрения екатеринбургского исследователя А.В. Антошина о том, что не только антикоммунистические настроения определяли позицию эмигрантов в рассматриваемый период[2]. В среде российской диаспоры были и те, кто сотрудничал с советскими посольствами, поддерживал связи с родственниками или коллегами в СССР. Так, посол СССР в Аргентине М.Г. Сергеев, прибывший в страну в 1946 г., вспоминал: «Мы поддерживали постоянный контакт с руководителями «Славянского Союза» и активистами славянских федераций, – бывали на устраиваемых ими собраниях и празднествах по случаю революционных годовщин. Как посол я не раз выступал на торжественных многотысячных собраниях»[3]. М.Г. Сергеев отмечал важную роль «Славянского союза» в поддержании культурных связей и в распространении в Аргентине «правдивой информации об СССР» и признавал

зыкальным редактором «Беларусьфильма», 10 лет возглавлял белорусский Оперный театр. Он – автор опер «Джордано Бруно», «Матушка Кураж», «Визит дамы», «Юбилей», «Медведь», музыки к театральным постановкам и кинофильмам («Возьму твою боль», «Черный замок Ольшанский» и др.).

[1] Аргентинская репатриация (По материалам Аргентинского отдела СБОНРа)… – С. 7.

[2] См.: *Антошин А.В*. Российские эмигранты в условиях «холодной войны»… – С. 172.

[3] *Сергеев М.Г.* Воспоминания первого советского посла в Аргентине // Россия, СССР–Аргентина: 100 лет отношений. Сб. ст. Приложение. – М., 1985. – С. 182-183.

также, что после приезда в Аргентину советского посольства деятельность этой организации под председательством П.П. Шостаковского значительно активизировалась. С советским посольством в Бразилии, как видно из личных воспоминаний, активно сотрудничал эмигрант И.Ф. Лихоманов, бывший председатель Русского комитета, впоследствии директор Союза советско-бразильской дружбы и руководитель курсов русского языка в г. Сан-Пауло. В 1961–1962 гг. он прошел 10-месячную стажировку в МГУ им. М.В. Ломоносова по преподаванию русского языка как иностранного и за это время посетил другие города Советского Союза, включая родной Волгоград, и оставил письменные впечатления о пребывании на родине и о встречах с родственниками[1].

Дважды, в ноябре 1952 г. и летом 1955 г., члены Славянского союза Уругвая посетили Советский Союз. В свою очередь, делегация СК СССР в марте 1956 г. впервые прибыла в Латинскую Америку, где приняла участие в работе 13-го Славянского конгресса в Монтевидео (напомним, что первый Славянский континентальный конгресс антифашистских сил состоялся там же в апреле 1943 г.). Визит делегатов советского Славянского комитета вызвал неоднозначную реакцию на континенте. Так, уругвайская пресса сразу же назвала членов делегации «посыльными славянского комитета из-за «железного занавеса», «посланцами советской диктатуры», вынеся при этом заключение о «строгом контроле над гражданами славянской национальности в Латинской Америке»[2]. Повод для подобных заключений давали связи эмигрантов с советскими посольствами и организациями, включая случаи прямой материальной помощи, которую получали от них просоветские славянские объединения, в том числе в деле подготовки кадров и преподавания русского языка.

В частности, по просьбе Славянского союза Уругвая в 1950-е гг. трое его активистов были направлены в СССР на

---

[1] БФ РЗ. Ф. 1. М–237. Оп. 1. Кн. 4.

[2] El Dia. Buenos-Aires. 1956. 25 de marzo // Цит. по: ГА РФ. Ф. Р–6646. Оп. 1. Д. 400. Л. 185.

обучение в педагогическое училище им. К. Ушинского по специальности «Русский язык» и в училище Большого театра по классу народного танца. По возвращении в Уругвай один из выпускников педагогического училища М. Гурин преподавал русский язык на курсах, организованных в г. Сан-Хавьер и г. Пайсанду в филиале Института культурных связей СССР и Уругвая. Знания, полученные в училище, и опыт массовой работы, приобретенный во время пребывания в СССР, позволили также М. Гурину в короткий срок активизировать работу не только Культурного центра им. М. Горького в Монтевидео, но и всего Славянского союза Уругвая. Другой выпускник этого же училища Р. Загородько по возвращении в страну выступал с докладами о жизни в СССР, делился своими впечатлениями в газетах и на радиопередачах, организовал молодежную секцию при Славянском союзе.

С открытием 5 февраля 1960 г. Университета дружбы народов в Москве (с 1961 г. – имени Патриса Лумумбы), рассчитанного на подготовку кадров для стран Азии, Африки и Латинской Америки, специальное внимание было уделено и проживавшим в этих странах просоветски настроенным эмигрантам, которые восстановили связь с родиной в годы войны и поддерживали ее в послевоенный период. Для них выделялись специальные квоты на обучение в Университете. В частности, в апреле 1960 г. в Монтевидео в адрес Славянского комитета в Уругвае была направлена брошюра «О правилах приема в Университет дружбы народов»[1]. В Бразилии, по воспоминаниям И.Ф. Лихоманова, Общество дружбы с СССР также ежегодно получало из Москвы от руководства Университета сообщения о количестве забронированных мест для обучения на различных факультетах (обычно от 8 до 12; на 1961 г. было забронировано, в частности, 10 мест)[2].

Известно, что с 1962 по 1969 г. по стипендии, которую предоставили от имени советской стороны посольство и Уруг-

[1] ГА РФ. Ф. Р–6646. Оп. 1. Д. 400. Л. 23; Там же. Д. 465. Л. 34.
[2] БФ РЗ. Ф.1. М–237. Оп. 1. Кн. 5. Л. 2412.

вайско-советский институт культуры, в Москве, на медицинском факультете Университета дружбы народов имени П. Лумумбы, обучался Владимир Рослик, сын М.М. Рослика – председателя правления филиала Культурного центра им. М. Горького в г. Сан-Хавьер. По окончании Университета В. Рослик вернулся в свой город, где, как когда-то его отец, стал председателем Культурного центра им. М. Горького. После прихода к власти в Уругвае в 1973 г. военных в стране начались гонения и репрессии против наиболее активных сторонников контактов с СССР, в их числе оказался и В. Рослик, погибший в результате пыток 16 апреля 1984 г. После смерти мужа супруга В. Рослика основала фонд его имени. В сентябре 2009 г. мэрия Монтевидео приняла решение о присвоении одной из столичных площадей имени русского врача В. Рослика, который является сегодня национальным героем Уругвая[1].

Таким образом, послевоенная волна русской эмиграции в страны Латинской Америки носила во многом политический характер и отличалась от предыдущих эмиграционных потоков социальным составом, степенью и условиями адаптации, характером отношения к СССР и его власти. Неспособность вновь прибывших эмигрантов из Европы пользоваться языком доминирующего этноса вызвала у них потребность в создании различных институциональных центров (русскоязычных школ, общественных и культурных объединений, корпоративных организаций и политических объединений). При этом меньшая задействованность политических интересов в русской диаспоре в этот период вела к более тесной культурной и бытовой внутриобщинной жизни эмигрантов (хотя политические барьеры и разница в социальном положении продолжали разделять русскую диаспору еще многие годы).

Как показал рассмотренный материал, угроза национальной безопасности, возникшая с началом гитлеровской агрессии против СССР, способствовала смягчению внешнеполитической линии советского руководства в отношении соотечественников

[1] См.: Русские в Уругвае… – С. 123.

за рубежом, содействовала поиску им новых форм и способов налаживания контактов с русскоязычными диаспорами.

После войны состав перемещенных лиц, внешнеполитический курс латиноамериканских стран, помноженный на страх и опасения людей возвращаться обратно, сводили к минимуму эффективность работы советских репатриационных структур на континенте. Лишь улучшение политического климата в стране в период «хрущевской оттепели» позволило советским властям несколько изменить ситуацию с реэмиграцией.

Тем не менее, не преувеличивая значение связей, установленных СССР с различными эмигрантскими структурами, отметим, что во многом благодаря целенаправленной работе советских посольств и ряда общественных организаций с русской диаспорой, в 1950-е гг. латиноамериканский континент навсегда покинула часть наших соотечественников. Деятельность в этом направлении таких организаций, как ВОКС, Славянский комитет СССР, Комитет «За возвращение на родину», может рассматриваться сегодня как реальный «советский» опыт «сетевой дипломатии».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История русской эмиграции в странах Латинской Америки в XX веке является составной частью истории Русского зарубежья. Процесс становления русской диаспоры на южноамериканском континенте, был связан с появлением здесь послереволюционной эмиграции 1920–1930-х гг. и перемещенных лиц из Европы и Китая, которые заложили здесь основы культуры Русского мира, создав свои институциональные формы (в их числе военные, политические, культурно-просветительные организации, православные приходы, печать, библиотеки, издательства, театр и т.д.). В результате послевоенного пополнения белой эмиграции происходил процесс дальнейшего структурирования русской диаспоры, сохранения специфики ее менталитета.

При этом каждая из этих двух иммиграционных «волн» наряду с сохранением общих черт имела свои отличительные особенности, обусловленные причинами эмиграции, численностью, социальным и политическим составом, ареалом расселения и отсюда спецификой условий социально-экономической, политической, правовой и культурной адаптации, масштабами институционализации и глубиной интеграции эмигрантского сообщества.

Во многом это была вторичная эмиграция, обусловленная целым комплексом причин, среди которых наряду с политическими (неприятие нового государственного строя у себя на родине) являлись экономические (изменение социального статуса, проблемы с трудоустройством, безработица, недостаток земель для расселения в странах первичной эмиграции и т.д.). Выбор в пользу латиноамериканских стран был связан с достаточно либеральным иммиграционным законодательством в таких госу-

дарствах, как Аргентина, Бразилия, Парагвай, Уругвай, а также Чили, Венесуэла, наличием здесь незаселенной и дешевой земли, перспективами развития национальных экономик и востребованностью трудовых ресурсов. Кроме того, у латиноамериканских властей на волне борьбы с международным коммунистическим влиянием на континенте всегда было сочувственное отношение к антикоммунистической эмиграции, хотя подозрение к каждому русскому как к потенциальному максималисту (большевику) сохранялось на протяжении всего межвоенного периода и вновь появилось в связи с прибытием на континент перемещенных лиц из СССР.

Общими характеристиками иммигрантов первой и второй волны был достаточно высокий образовательный уровень, наличие среди них большего числа военных, технических специалистов, инженеров, интеллектуалов, представителей культуры, которые в дальнейшем включились в жизнь латиноамериканских стран в самых различных областях профессиональной, предпринимательской и культурной деятельности. С этим была связана специфика преимущественного расселения русской эмиграции в урбанизированные ареалы латиноамериканских стран и прежде всего в столицах и других крупных городах, хотя часть переселенцев, прежде всего из числа казачества и рядового крестьянства, оседала в районах сельскохозяйственной колонизации.

Своеобразие ситуации, сложившейся к тому времени в Латинской Америке, заключалось в том, что к моменту исхода на континент русского беженства из Европы здесь существовали многочисленные еврейская, немецкая, славянская (прежде всего, украинская, белорусская, незначительная русская) колонии выходцев из бывшей Российской империи, с которыми взаимодействия новой эмиграции в силу идейно-политических и социальных причин не произошло. Но именно эта часть дореволюционной трудовой и политической эмиграции Латинской Америки приняла участие в возвращенческом движении в 1920–1921 гг. и включилась в процесс репатриации в СССР в послевоенный период.

Диаспоральность русских в Латинской Америке поддерживалась своеобразным, свойственным только им стилем жизненного поведения, в основе которого лежала идея служения родине и ностальгическая вера в возможность возвращения в будущем в пределы Отечества. В связи с этим культурная и военно-политическая элита Русского зарубежья в Латинской Америке, как и в других странах рассеяния, была озабочена сохранением национальной самобытности в изгнании, составлявшей основу идентичности на пространстве инокультурного мира, где к тому времени через систему образования, язык, профессиональную деятельность, службу в армии, смешанные браки наблюдалось стирание этнокультурной самобытности, переделка национального сознания иммигрантов и их интеграция в новое социокультурное пространство. В результате во втором и третьем поколениях этническое самосознание русской диаспоры отличалось бивалентностью, включающей в себя как «русский», так и «латиноамериканский» компоненты.

В годы Второй мировой войны и последующие два десятилетия часть русской и в целом славянской диаспоры были вовлечены в развитие двусторонних контактов латиноамериканских стран с СССР, что проявилось в их участии в акциях материальной помощи Советскому Союзу в годы борьбы с фашизмом, в послевоенной репатриации, в сотрудничестве с советскими посольствами, ВОКСом, Всеславянским /Славянским комитетом СССР и др. Подобные изменения произошли благодаря новым тенденциям в общественной и культурной дипломатии СССР, которые позволили смягчить, а затем и частично преодолеть изоляцию русской эмиграции и восстановить контакты между диаспорой и родиной. Данный процесс содействовал добровольному переходу в советское гражданство в послевоенный период, стимулировал последующую реэмиграцию в СССР, участниками которой стали более 4000 человек, главным образом представители трудовой эмиграции. Но это никак не означало достижения общего примирения основной массы иммигрантов с советским политическим режимом и консолидации диаспоры.

Лишь в последние годы наметилась тенденция у адаптированных во втором и третьем поколениях эмигрантов из Латинской Америки к сближению с Россией. Этому, в свою очередь, способствует современная политическая практика институциональных взаимодействий нашего государства с соотечественниками за рубежом через различные формы функционирования неправительственных объединений. В Латинской Америке – это Федерация обществ бывших граждан СССР и Ассоциация друзей русской культуры в Аргентине, Российско-Бразильский институт культуры им. М. Ю. Лермонтова, Славянское культурное общество в Бразилии, Общество соотечественников «С тобой, Россия» в Перу, Культурный центр им. М.Горького в Уругвае и другие. Все это актуализирует процесс дальнейшего изучения исторического опыта существования русской диаспоры в Латинской Америке и открывает новые перспективы для укрепления позиций нашей страны в иберо-американском мире.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ)

1. Ф. 70 – Референтура.
2. Ф. 070 – Референтура по Аргентине.
3. Ф. 076 – Посольство Бразилии.
4. Ф. 0133 – Референтура по Уругваю.
5. Ф. 158 – Посольство СССР в Аргентине.

Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ)

6. Ф. 137 – Отчеты МИД Российской империи.
7. Ф. 138 – Секретный архив Министра иностранных дел.
8. Ф. 185 – Миссия в Мексике.
9. Ф. 221 – Российское консульство в Вальпараисо (Чили).
10. Ф. 265 – Консульство в Монтевидео.
11. Ф. 347 – Редакция «Известий МИД» (1913-1917).

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

12. Ф. Р–5680 – Канцелярия МИД при главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России, г. Париж.
13. Ф. Р–5760 – Российская миссия в Швейцарии.
14. Ф. Р–5764 – Объединение российских земских и городских деятелей в Чехословацкой Республике (Земгор, Пражский).
15. Ф. Р–5767 – Объединение российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике (Земгор, Парижский).
16. Ф. Р–5791 – Социально-сберегательная касса славянской взаимопомощи, г. Прага.
17. Ф. Р–5804 – Исполнительная комиссия частного совещания бывших членов Всероссийского Учредительного собрания, Париж.
18. Ф. Р–5806 – Организационное бюро в Риме «Союза возрождения России в единении с союзниками» (переписка с бывшей Российской миссией в Аргентине в 1918–1919 гг.).

19. Ф. Р–5809 – Временный главный комитет Всероссийского союза городов, Константинополь, Прага.

20. Ф. Р–5814 – Русский попечительский комитет об эмигрантах в Польше, Варшава.

21. Ф. Р–5826 – Русский Общевоинский союз, Париж.

22. Ф. Р– 5913 – Н.И. Астров.

23. Ф. Р–5916 – Особое совещание по оказанию помощи чинам флота и их семьям, Париж.

24. Ф. Р–5925 – Представительство временного главного комитета Всероссийского союза городов в Чехословакии, Прага.

25. Ф. Р–5985 – Объединение русских, окончивших высшие учебные заведения в Чехословацкой Республике.

26. Ф. Р–6094 – К.Н. Гулькевич.

27. Ф. Р–6096 – Русский национальный комитет, Париж.

28. Ф. Р–6127 – П.А. Гессе.

29. Ф. Р–6343 – Архиерейский синод русской православной церкви за границей (г. Сремски-Карловцы).

30. Ф. Р–6344 – В.А. Харламов.

31. Ф. Р–6378 – С.Н. Сомов.

32. Ф. Р–6425 – Совет по расселению русских беженцев, г. Константинополь.

33. Ф. Р–6461 – Канцелярии донского атамана А.П. Богаевского.

34. Ф. Р–6532 – С.В. Маракуев.

35. Ф. Р–6646 – Всеславянский комитет.

36. Ф. Р–6679 – Казачий союз в Париже.

37. Ф. Р–6784 – Русский культурно-исторический музей в Праге.

38. Ф. Р–6838 – В.В. Добрынин.

39. Ф. Р–6991 – Совет по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР.

40. Ф. Р–7493 – Объединенный совет Дона, Кубани и Терека (г. Константинополь).

41. Ф. Р–7518 –Штаб русского Общевоинского союза.

42. Ф. Р–8581 – Совинформбюро.

43. Ф. Р–9025 – Представительство донских казаков в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, Белград.

44. Ф. Р–9526. – Управление уполномоченного Совнаркома СССР – Совета министров СССР по делам репатриации.

45. Ф. Р–10015 – Ф.М. Легостаев.

46. Ф. Р–10027 – А.В. фон Шварц.

Российский государственный военный архив (РГВА)

47. Ф. 500к – Главное управление имперской безопасности (г. Берлин).

48. Ф. 501к – Управление государственной тайной полиции (гестапо) (г. Берлин).

49. Ф. 505к – Управление полиции (Гестапо) (г. Берлин).

Архив Академии наук РФ (Санкт-Петербургское отделение)

50. Ф. 827. – академик Н.С. Державин.

Библиотека-фонд «Русское зарубежье» им. А.И. Солженицына (БФ РЗ)

51. Ф.–1. М. 237. – И.Ф. Лихоманов.

52. Ф. 2. – архив Начальника Общей канцелярии великого Князя Николая Николаевича (младшего) Н.Л. Оболенского.

53. Ф.–2. М–79. –М.Д. Карачевский-Каратеев.

54. Ф.–2. М–75 – В.А. Архипов.

55. Ф.–3. М–102 – А.И. Калугин.

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ)

56. Ф. 97 – Еврейское колонизационное общество.

57. Ф. 358 – Н.А. Рубакин.

58. Ф. 587 – И.Т. Беляев и Е.М. Спиридонова.

Отдел рукописей Института мировой литературы имени А.М. Горького (ОР ИМЛИ)

59. Ф**.** 608. – В.Ф. Перелешин.

Документальный фонд Центрального музея Вооруженных Сил РФ (ЦМ ВС)

60. Архивное собрание американо-русского общества «Родина» (г. Лейквуд, США).

Русский архив Университета г. Лидс (Великобритания)

61. Ф. MS.780 – К. К. Изразцов (Collection: IZRAZTSOV, Konstantin Konstantinovich).

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Делопроизводственные документы эмигрантских политических, общественных, религиозных организаций

62. Архив Императорского Александровского лицея, временно хранящийся в Королевском военном музее в Брюсселе. – Tallin, 1937.

63. Бразилия. Как можно в ней устроиться. Выдержки из отчета. – Ревель, 1926.

64. Всероссийская фашистская организация. Бразильский сектор. 1-е публичное заседание русских фашистов. – Сан-Пауло: Изд. «Рус. газ.», 1934. – 31 с.

65. Всероссийская фашистская организация. Бразильский сектор. 2-е публичное заседание русских фашистов. – Сан-Пауло: Изд. «Рус. газ.», 1934. – 31 с.

66. Зарубежный «Союз русских военных инвалидов». 1920-1938. – Париж: Главное правленіе Зарубежнаго союза военныхъ инвалидовъ, 1939. – 35 с.

67. Обращение Главы Российского императорского дома великого князя Владимира Кирилловича ко всему свободному миру. – Нью-Йорк, 1952. – 12 с.

68. «Мексиканская авантюра Советского правительства в 1919 году». Доклад царского консула / Подготовка к публикации, предисловие, комментарии / В.Л. Хейфец, Л.С. Хейфец // Источник. – 1994. – № 4. – С. 63-79.

69. Общество помощи Русским военным инвалидам зарубежья в Америке. – Нью-Йорк, 1938. –160 с.

70. Отчет о деятельности Российского Земскогородского комитета помощи Российской армии за границей (февраль 1921 – сентябрь 1922). –Париж, 1922.

71. Отчет о деятельности Российского Земскогородского комитета помощи Российской армии за границей (февраль 1920 – январь 1922). – София, 1922.

72. Российское военно-национальное освободительное движение им. генералиссимуса А.В. Суворова (на правах рукописи). – Буэнос-Айрес, 1952. – 73 с.

73. Русский Красный Крест после 1917 года: Очерк деятельности Российского общества Красного Креста (старой организации) за отчетный период, 1921–1925 гг. – Париж, 1926. – 40 с.

74. Рыцари России: Памятка. Сбор об офицерах. – Буэнос-Айрес, 1964. – 16 с.

75. Устав Российского имперского союза-ордена (машинописн. экз.) – Буэнос-Айрес, 20 декабря 1965 г. // Документальная коллекция ЦМ ВС.

76. *Шатов М. В.* Материалы и документы освободительного движения народов России в годы Второй Мировой войны.

77. Совет по расселению русских беженцев. Материалы по эмиграции (Бразилия, Аргентина, Канада). Вып. 1. / М. В. Шатов – Константинополь, 1921. – 85 с.

78. Состояние Православной церкви в Южной Америке. Доклад протопресвитера Константина Изразцова Русскому заграничному синоду. – Владимирово: Русская церковная типография. 1929. –16 с.

СБОРНИКИ ДОКУМЕНТОВ РАЗЛИЧНОГО ВИДА

79. Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов / Отв. ред. Г.А. Трукан. – М.: Б.и, 1995. – 442 с.

80. Латинская Америка и Коминтерн / Составители: д.и.н. С.П. Пожарская, к.и.н. А.И. Саплин. – М.: Наука, 1998. – 394 с.

81. Русская армия в изгнании. Том XIII. Серия «Россия забытая и неизвестная». «Белое движение» / Сост., науч. ред., предисл. и коммент. С.В. Волков. – М.: Центрполиграф», 2003. – 515 с.

82. Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920-1930-е гг.) / Сост. Бочарова З.С. – М.: РОССПЭН, 2004. – 399 с.

83. Степан Эрьзя: биография в документах. Материалы архивов Мордовского республиканского музея изобразительных искусств им. С. Д. Эрьзи, Геленджикского историко-краеведческого музея, Алатырского художественного музея. – Саранск: Типография «Красный Октябрь», 2006. – 419 с.

84. В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции: Сб. статей и документов / Сост. Карпов В.С., Попов А.В., Троицкий Н.А.; под общ. ред. А.В. Попова; предисл. В.В. Захарова;

Вступ. статья А.В. Попова. – М.: РГГУ, 1997. – 376 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции; вып. 2).

85. Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы: Учебное пособие / Под ред. А.Ф. Киселева. – М.: ВЛАДОС, 1999. – 776 с.

86. Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 1-5 / Сост. Авдеев В.А., Алексеев Ю.А., Басик И.И. и др. – М., 1998–2010.

87. Россия и Мексика в первой половине XIX в.: Совместный советско-мексиканский сборник документов. – М.: ИЛА, 1989. – 94 с.

88. СССР (Россия) – Аргентина. Страницы истории. 1885–1986. Док-ты и мат-лы. – М.: Политиздат, 1990. – 335 с.

Публицистические источники

89. *Андрушкевич И.Н.* Великая смута: Статьи, интервью / И.Н. Андрушкевич. – Буэнос-Айрес: Наша страна, 1995. – 78 с.

90. *Андрушкевич И. Н.* Воспитание русской военной молодежи: Докл. В С.-Петербурге и Москве, на Первом общекадет. съезде в России в 1998 г. / И. Н. Андрушкевич. – Буэнос-Айрес, 1999. – 12 с.

91. Аргентинская репатриация (По материалам Аргентинского отдела СБОНРа). – Мюнхен, 1956. – 52 с.

92. Аргентинский альбом: Сборник статей о колонизации. – Одесса: Трецкий, 1892.

93. *Басанин М.* Еврейские колонии в Аргентине / М. Басанин // Исторический вестник. – СПб, 1898. –Т. 72. – № 4. – С. 179-205.

94. *Башкирова Г., Васильев Г.* Путешествие в Русскую Америку (рассказы о судьбах эмиграции) / Г. Башкирова, Г. Васильева. – М.: Политиздат, 1990. – 334 с.

95. *Бойков М.* Партизаны холодной войны. – Буэнос-Айрес: Наша страна. 1955. –101 с.

96. *Бондарь Г.Р.* Бразилия для русских эмигрантов / Г.Р. Бондарь. – Харбин, 1920. – 34 с.

97. *Беркенгейм А.М.* Аргентина и ее колонии / А.М. Беркенгейм. Ст. 1. Развитие колонизации и устройство земледельческих поселений. – М.: Типо-лит.т-ва И.Н. Кушнер и Комп. 1894. 52 с.;

Ст. 3. Жизнь в пампасах Южной Америки [Из поездки в Аргентину] – М.: т-во тип А.И. Мамонтова**,** 1895. – 30 с.

98. Бразилия. Как можно в ней устроиться. Выдержки из отчета. – Ревель, 1926.

99. Буэнос-Айрес–Асунсьон. 1935 г. – Буэнос-Айрес: Изд-во «Русский в Аргентине», 1935. – 64 с.

100. Буэнос-Айрес. Открытие храма соборной юрисдикции // Православная Русь. – 1948. – № 10. – С. 13-14.

101. *Бутков П.Н.* За Россию. Русские «белые» в борьбе против русских «красных», сталинского террора, нацизма и коммунизма (1917–1994) / П.Н. Бутков. – СПб.: Экополис и культура, 2001. – 413 с.

102. *Витвер И.А.* Бразилия и Аргентина / И. А. Витвер. – М.–Л.: Гос. изд-во, тип. «Красный пролетарий» в Мск., 1930. – 159 с.

103. Врангелевцы в Бразилии. – Сан-Пауло, 1958 (апрель).

104. Годовщина существования русского православного очага в Аргентине» // Православная Русь. – 1948. –№ 12 (416). – С. 9.

105. *Гутман И.А.* Жизнь колонистов в штате Сан-Пауло в Бразилии / И.А. Гутман. – Рига: типо-лит. Л. Гренцталь, б. «Гутенберг», 1908. – 40 с.

106. *Денисов Н.В.* Волшебный круг: русские в Венесуэле: повествования / Н.В. Денисов. – Шадринск: Шадринский дом печати, 2010 – 483 с.

107. Жизнь православных христиан в Каракасе // Православная Русь. – 1991. – №3. – С.15.

108. Календарь газеты «Русский в Аргентине». Буэнос-Айрес. Б.и., 1936. – 59с.

109. *Каратеев М.Д.* По следам конквистадоров: история группы русских колонистов в тропических лесах Парагвая / М.Д. Каратеев. – М.: Моск. информ.-изд. фирма «Мир и культура», 1991. – 240 с.

110. *Константинов Д., протоиерей.* Мюнхенский Институт. Из истории второй российской политической эмиграции / Протоиерей Д. Константинов // Трибуна русской мысли. – М., 2002. – № 4. – С.133–144.

111. *Королевич П.* История переселения казаков в Республику Перу / П. Королевич. – Новый Сад, 1930. – 138 с.

112. *Коряков М.М.* Моя Бразилия: Из записной книжки / М.М. Коряков // Новое русское слово, 3 марта 1950 г.

113. *Крымов Вл. Д.* О рулетке Монте-Карло, Южной Америке, гастрономии, модах и прочем / Вл. Д. Крымов. – СПб.: скл. изд. у авт., 1913. – 322 с.

114. *Лушев Е.* Русское рассеяние. Аргентина. Очерки / Е. Лушев. – Калининград: Янтарный сказ, 2007. – 320 с.

115. *Маракуев С.В.* Русские земледельческие колонии в Южной Америке / С.В. Маракуев. – Париж. Б.д. – 10 с.

116. Материалы по вопросу об эмиграции в Бразилии. – Париж: Изд-во Земгора, 1921. – 16 с.

117. *Моравский Н.В.* Остров Тубабао 1949–1951: последнее пристанище российской дальневосточной эмиграции / Н.В. Моравский. – М.: Русский путь, 2000. – 112 с.

118. *Никитенко С.* Рай-страна. – М.: Московский Парнас, 2008. – 700 с.

119. *Парчевский К.* В Парагвай и Аргентину. Очерки по истории Южной Америки / К.К. Парчевский. – Париж: Les ed. Reunis, 1936. – 304 с.

120. Переселение Ди-Пи (Что надо знать каждому Ди-Пи). – Мюнхен: Посев. 1948. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1954. – 32 с.

121. *Пилкин А.П.* Парагвай (Краткий очерк) / А.П. Пилкин. – Париж: Инициатив. группа «Станицы им. ген. Беляева», 1934. – 32 с.

122. *Поремский В.Д.* Политическая миссия российской эмиграции / В.Д. Поремский – М.: Посев, 1998. – 286 с.

123. *Поремский В.Д.* Стратегия антибольщевицкой эмиграции. Избранные статьи 1934–1997 / В.Д. Поремский – М.: Посев, 1998. – 288 с.

124. *Протопресвитер К. Изразцов*. Ответ священнику Д.Ткаченко, принявшему юрисдикцию советского митрополита Вениамина. Сан-Пауло. Бразилия / Протопресвитер К. Изразцов. – Буэнос-Айрес, 1942. – 25 с.

125. Пять волн русской эмиграции в Бразилию // Наша страна. – Буэнос-Айрес, 1997. – № 2437-2438.

126. Русский настольный календарь на 1931 год. – Сан-Пауло: Изд. В.Н. Антипина. 1931. – 73 с.

127. *Слепухин Ю.* Южный крест: Роман / Ю. Слепухин. – М.: Современник, 1987. – 462 с.

128. Юбилейный сборник. Ко дню 25-летия служения в архиерейском сане Высокопреосвященнейшего Феодосия, Архиепископа Сан-Паульского и всея Бразилии (1930-1955 гг.). – Сан-Пауло, 1956.

129. Южная Америка. Аргентина, Уругвай и Парагвай. Подробные сведения для русских переселенцев. – Белград: Изд-во «Союз хлеборобов Юга России», 1924. – 27 с.

МЕМУАРНЫЕ ИСТОЧНИКИ, ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

130. *Байдалаков В.М.* Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена…: Воспоминания председателя НТС, 1930–1960 гг. / В.М. Байдалаков. – М.: Авуар консалтинг, 2002. – 124 с.

131. *Байкалов-Латышев С*. Как я стал художником / С. Латышев-Байкалов // Из журнала «Кадетская перекличка» № 23 // http://xxl3.ru/kadeti/baikalov.htm (сайт проф. Л. Л. Лазутина).

132. *Беляев И.* Записки русского изгнанника / И. Беляев. – СПб.: Б.и. 2009. – 400 с.

133. *Берг З.М.* Мои воспоминания / З.М. Берг Париж, 1966. – 146 с. [Рукопись. Из личного архива проф. Н.Г. Георгиевой].

134. *Бенуа Г*. Сорок три года в разлуке. Воспоминания / Г. Бойко // Простор. – Алма-Ата, 1967. – № 9, 10, 12.

135. *Бойко П*. Семнадцать лет в Аргентине / П. Бойко // Славяне.– 1954. – № 4.

136. *Вавилов Н.И.* Пять континентов (Повесть о путешествиях в поиске новых растений) / Н.И. Вавилов. – М.: Географгиз, 1962. – 256 с.

137. *Волков Г.Г.* Полвека русской колонии в Венесуэле / Г.Г. Волков // Латинская Америка. – 1997. – № 11. – С. 84-88.

138. Генерал-лейтенант А.В. фон Шварц. Рассказы о жизни за границей // http://xxl3.ru/kadeti/shwarts.htm (сайт Л.Л. Лазутина «Магнитные бури нашего Отечества. Белое дело»).

139. *Григорьев С.Л.* Балет Дягилева. 1909–1929 / С.Л. Григорьев / Пер. с англ. Н.А. Чистяковой. – М.: Артист. Режиссер. Театр, 1993. – 382 с.

140. *Гуль Р.* Я унес Россию: апология эмиграции / Р. Гуль. – М.: Б. С. Г-Пресс, 2001. Т. 2: Россия во Франции. – 520 с.; Т. 3: Россия в Америке. – 496 с.

141. *Дандре В*. Анна Павлова. Жизнь и легенда / В. Дандре. – СПб.: Вита Нова, 2003. – 592 с.

142. *Константинов Д. (протоиерей)*. Через туннель XX столетия / протоиерей Д. Константинов; под ред. А.В. Попова. – М.: Ист.-арх. ин-т Рос. гос. гуманит. ун-т, 1997. – 589 с. (Материалы к истории рус. полит. эмиграции; вып. 3).

143. *Краснов Н.Н. (мл.)*. Незабываемое, 1945–1956 / Н.Н. Краснов (мл.). – Сан-Франциско: Изд. газ. «Рус. жизнь», 1957. – 339 с.

144. *Лермонтов А.Г.* Воспоминания. Ч. 1-6 / А.Г. Лермонтов // http://xxl3.ru/aglmem.htm (сайт профессора Л.Л. Лазутина – http://xxl3.ru/family/lazutin.htm).

145. *Лодыженский Ю.И.* От Красного Креста к борьбе с Коммунистическим Интернационалом / Ю.И. Лодыженский. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 576 с.

146. *Ордовский-Танеев Н.А.* Жизнеописание мое. Воспоминания / Н.А. *Ордовский-Танеев.* – Caracas. – М. – СПб.: издатель Михаил Ордовский-Танаевский, 1993. – 594 с.

147. *Папоров Ю.Н.* Великий Эрьзя. Признание и трагедия. Литературно-документальная повесть. – М.: Б.и., 1999. – 419 с.

148. *Протоиерей Д. Константинов*. Записки военного священника / протоиерей Д. Константинов. – СПб.: Независимая гуманитарная академия С.-Петербурга. 1994. – 81 с.

149. Русская эмиграция и фашизм: Статьи и воспоминания / Отв. ред. и сост. Ю. Н. Жуков. Науч. ред. В. Ю. Черняев. – СПб.: СПбГАСУ, 2011. – 264 с.

150. *Рубакин А.Н.* Над рекою времени: воспоминания / А.Н. Рубакин. – М.: Международные отношения, 1966. – 552 с.

151. Русская армия в изгнании. Том XIII. Серия «Россия забытая и неизвестная». «Белое движение» / Сост., науч. ред., предисл. и коммент. С.В. Волков. – М.: Центрполиграф». [Книги мемуарной серии «Белое движение»], 2003. – 515 с.

152. *Сергеев М.Г.* Воспоминания первого советского посла в Аргентине. Приложение / М.Г. Сергеев // Россия, СССР – Аргентина: 100 лет отношений. Сб. ст. – М.: ИЛА РАН, 1985. – С. 173-187.

153. *Сергеев М.* С Родиной в сердце / М. Сергеев // Скульптор Эрьзя. Биографические заметки и воспоминания. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. – С. 125-203.

154. СССР – Латинская Америка в годы Второй мировой войны. Сб.статей и воспоминаний. – М.: Б.и., 1975. – 95 с.

155. *Толстая А.Л.* Дочь / А.Л. Толстая. – М.: Книга и бизнес, 1992. – 462 с. (Время и судьбы).

156. Художники в СССР. Из воспоминаний Владимира Лемпорта. Вып. 2. Эрьзя в СССР // http://abhoc.com/arc_an/2003_10/218/.

157. *Шостаковский П.П.* Путь к правде / П.П. Шостаковский. – Минск: Госиздат БССР, 1960. – 356 с.

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

158. К пребыванию потемкинцев в эмиграции: (документы, письма и записи из тетради А.Н. Матюшенко). Ввод. статья Г.А. Арутюнова // Исторический архив. – 1955. – № 3. – С. 134-149.

159. Наша Венесуэла. Из писем Инесс Зариной (Аше). 1957–1959 // Русская Атлантида. – 2007. – № 26. – С. 57-68.

160. *Петрушенко К.* Письмо из Бразилии / К. Петрушенко // Русская Атлантида. – 2004. – № 13. – С. 61-64.

161. Письмо И.А. Ильина редакции первого выпуска литературно-художественного и военного сборника «Русский вестник» (Буэнос-Айрес). 16 декабря 1951 г., Швейцария // Михайлов День 2-й. Журнал исторической России. – СПб.: Б.и., 2010. – С. 371.

162. Письма запрещенных людей. Литература и жизнь эмиграции. 1950–1980-е годы. По материалам архива И.В. Чиннова / Сост. О. Ф. Кузнецова. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 832 с.

163. «Россия была мне мачехой…»: Письма Бориса Григорьева к Николаю Еленеву. 1926–1932 гг. // Независимая газета, 13 сентября 1996 г.

164. «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев – В.А. Маклакову. Переписка 1919–1951 гг. В 3 т. – М.: РОССПЭН, 2001.

165. «…Хоть капля воздуха России». Письма Валерию Перелешину от В. Яновского, А. Ладинского, Г. Адамовича, Д. Кленов-

ского, И. Чиннова, З. Шаховской. Публ. и вступ. статья О. Кузнецовой // Новый журнал. Нью-Йорк. – 2007. – Кн. 249. – С. 161-202.

166. Письма Г.А. Ватагина Д.Д. Иваненко. Турин. 1965–1975 гг. Архив [Электронный ресурс] // www.g-sardanashvily.ru/vj8.pdf (Г.А. Сарданашвили. Сайт о Д.Д. Иваненко).

167. Украинцы. Аргентинский славянский союз: Письма, приветствия и пожелания украинцев, проживающих в Аргентине тов. Сталину, трудящимся Советской Украины и народу Советского Союза. – Киев, 1947. – 30 с.

168. «Энергичные, знающие интеллигенты – для них Бразилия и создана»: Из эпистолярного наследия психолога Елены Владимировны Антиповой / Предисловие, составление, подготовка текста и комментарии Н.Ю. Масоликовой // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2010. – М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. – С. 363-384.

Периодические издания

169. Анархия. Ежемесяч. анархистская рабоче-крестьян. газ., Издатель – А. Черняков. Буэнос-Айрес, 1930–1932, 1938–1939.

170. Бунтарь. Ежемесяч. журнал Союза русских анархистов-коммунистов. Буэнос-Айрес, 1921, 1928.

171. Бюллетень Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей. – Париж, 1921. – № 1-9/10; 1929–1930. – № 55-62.

172. Бюллетень. Объединение кадетских Российских корпусов в Венесуэле. – Каркас, 1994 (декабрь), 1998. – № 2; 1999. – № 3, 4; 2000. – № 1-3.

173. Вестник. Орган русской национальной мысли в Южной Америк. Ред. В. В. Шапкин. – Буэнос-Айрес. – 17 октября 1942 г., 31 октября 1942 г.

174. Владимирский вестник. Ежемесячное издание Общества Св. Князя Владимира. Ред. В. Д. Мержеевский. – Сан-Пауло, 1956. – № 63; 1960. – № 82, 85, 86; май 1961 (№ 88).

175. Возрождение**.** Орган русской национальной мысли / Под ред. П. Струве. Лондон-Париж, 1926–1929, 1935.

176. Вольная мысль. Журнал, издание группы русских анархистов «Вольная мысль». – Буэнос-Айрес. 1932. – № 1-3.

177. Голос из подполья. Анархо-синдикалистский орган. – Буэнос-Айрес. – 1930–1931, 1933–1934.

178. Голос Родины. – 1961. – № 16 (февраль).

179. Голос труда. Буэнос-Айрес. Еженед. газ. анархо-синд. орган Федерации русских рабочих организаций Латинской Америки. Адм-р: Н. Чоловский. 1918–1930. 1924. № 99. 17 июля 1926 г.

180. За возвращение на Родину. – 1956. – № 42 (август); 1958. – № 73 (264) (сентябрь).

181. За правду. – Буэнос-Айрес, 6 февраля 1953 г., 10 апреля 1954 г., 9 апреля 1952 г.

182. Иллюстрированная Россия. – Париж, 22 июня 1935.

183. Информационный бюллетень Российского Национального союза. – Буэнос-Айрес, 1954. – № 339 (февраль).

184. Кадетская перекличка. – Буэнос-Айрес, 1979. – № 21.

185. Кадетское письмо. Издание правления Обще-кадетского объединения в Аргентине. Ред. А.Г. Денисенко. – Буэнос-Айрес, 1958–1959.

186. Наша газета. Еженед-к. славянской эмиграции. на рус. яз. Ред.-издатель П.Н. Бойко; ред. А. Макшевич. – Буэнос-Айрес, 1950–1965.

187. Наша страна. Русс. монарх. Еженед. газ. – Буэнос-Айрес, 1948–2011.

188. Новый мир. Ежедневная прогрес. общ. и экономич. газ. Изд. А. Павловский, М. Подольский. – Буэнос-Айрес, 1912, 1922. – № 466, 1923–1927, 1935 гг.

189. Общее дело. Газета кооперативного общества «Русская иммиграция в Венесуэле». Ред. О.Н. Мураховский. 1957–1960.

190. Петербургская газета. – 30 сентября 1913 г., 19 ноября 1913 г.

191. Под белым крестом / Ред. Балтасар. – Буэнос-Айрес, 1951–1956 гг.

192. Под южным крестом. Вестник группы русских писателей и журналистов в Аргентине. – Буэнос-Айрес, 1951.

193. Последние новости. Ежедневная газета. – Париж, 1927.

194. Рассвет: Ежедн. орган Рос. рабочих орг. Соед. Штатов и Канады / Изд. Ф. Кремер. – Нью-Йорк, 11 февраля 1937 г.

195. Россия. – Сан-Пауло, 1954–1955.

196. Русская газета. Профашистская еженед. газ. Ред.-изд. Н.Т. Дахов и С.К. Успенский. – Сан-Пауло, 1925. – № 317 (май); 1934. – № 404 (январь), № 405, 406, 408 (февраль), № 411-413 (март).

197. Русский в Аргентине. Еженед. газ. Изд. С.И. Стапран; ред. Г.М. Киселевский. – Буэнос-Айрес, 1929–1945.

198. Сеятель (Sembrador). Анархистское изд. Изд. Н. Чоловский. – Буэнос-Айрес, 1933–1943.

199. Славяне. Орган Всеславянского комитета. – Москва, 1944–1952.

200. Суворовец. Орган Российского военно-национального движения им. Фельдмаршала А.В. Суворова (Суворовский союз) / Отв. Г.В. Клименко. – Буэнос-Айрес, 1948, 1953 (№1-212).

201. Часовой. Орган связи русского воинства за рубежом, впоследствии орган Российского национального объединения / Ред. – изд-ль В.В. Орехов. – Париж, 1933–1936.

202. Электронное Кадетское письмо. Периодический электронный вестник Объединения кадет российских кадетских корпусов в Аргентине // kadetpismo@hotmail.com.

203. El Exelsior. – Mexico, 1 de Julio de 1941.

СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ

204. *Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова, 1944–1945 гг. / К.М. Александров. – СПб.: Рус.– Балт. информ. центр «Блиц», 2001. – 360 с.

205. *Волков С.В.* Офицеры армейской кавалерии. Биографический справочник/ С.В. Волков. – М.: Русский путь, 2009. – 617 с.

206. *Волков С.В.* Офицеры флота и морского ведомства. Опыт мартиролога / С. В. Волков. – М.: Русский путь, 2004. – 560 с.

207. *Волков С.В*. Русский офицерский корпус/ С. В. Волков. – М.: Центрполиграф, 2003. – 414 с.

208. *Волков С.В.* Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. / С.В. Волков – М.: Русский путь, 2002. – 568 с.

209. Газеты русской эмиграции в фондах отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки:

библиографический каталог /авт. Е.В. Макаревич. Вып.2. – М.: Б.и., 1994. – 60 с.

210. *Залеский В., Голлербах Е.* Распространение русской печати в мире. 1918-1939 гг.: Справочник: Изд-во Рос. нац. биб-ки, 1998. – 301 с.

211. Книга русского зарубежья в собрании Российской государственной библиотеки, 1918–1991: Библиографический указатель: в 3 ч. – СПб.-М.: Пашков дом, Ч. 1. – 1997. – 624 с.; Ч. 2. – 2001. –742 с.; Ч. 3. – 2002. – 526 с.

212. *Корнилов А.А.* Духовенство перемещенных лиц. Биографический словарь. – Нижний Новгород: Научно-исследовательская лаборатория «Русское Зарубежье», 2002. – 119 с.

213. Литературное зарубежье России: Энциклопедический справочник / Гл. ред. и сост. Ю.В. Мухачев. – М.: Парад, 2006. – 677 с.

214. Материалы по вопросу об эмиграции в Бразилии. – Париж: Б.и., 1921. – 16 с.

215. Незабытые могилы. Российское зарубежье: Некрологи. 1917–1999. В 6 т. / Составитель В.Н. Чуваков. – М.: Пашков дом, 1999–2005. – Т. 1-6.

216. Некрополь русского рассеяния: Русские могилы на британском кладбище в Буэнос-Айресе, Аргентина. Автор-составитель М.А. Кублицкая (Буэнос-Айрес) // Михайлов День 2-й. Журнал исторической России. – СПб.: Б.и., 2010.– С. 282-317.

217. Общественная мысль Русского зарубежья. Энциклопедия. / Отв. ред. В.В. Журавлев; отв. секр. А.В. Репников. – М.: РОССПЭН, 2009. – 704 с.

218. *Окороков А.В.* Русская эмиграция: политические, военно-политические и военные организации / А. В. Окороков. – М.: Авуар консалтинг, 2003. – 330 с.

219. *Попов А.В.* Российское православное зарубежье: история и источники. С прил. системат. библиогр. / А.В. Попов. – М.: Ин-т полит. и воен. анализа, 2005. – 619 с. (Мат-лы к истории русской политической эмиграции. Вып. 10).

220. Российское православие за рубежом: библиографический указатель литературы и источников. 1918–2006 / авт.-сост. А.В. Попов; ИПВА. – М.: Б.и., 2007, 630 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. 12).

221. Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках. Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг. В 4-х т. /науч. рук., ред. А.Г. Тартаковский, Т. Эммонс, О.В. Будницкий, ГПИБ, Стэнфорд. ун-т. – М., 2003. – Т. 1. – 672 с.; Т. 2. – М: РОССПЭН, 2004 – 694 с.; Т. 3. – М.: РОССПЭН, 2004 – 639 с.; Т. 4. Ч. 1. – М.: РОССПЭН, 2005. – 463 с.; Т. 4. Ч. 2. – М: РОССПЭН, 2006. – 540 с.

222. Русская армия на чужбине. Галлиполийская эпопея / Сост.-ред., пред. и коммент. д.и.н. С.В. Волкова. – М.: Центрполиграф, 2003. – 463 с.

223. Русский мир и Россия: модели и факторы единства и разъединения в XX веке: База данных и хрестоматия: Антошин А.В., Бордюгов Г.А. (руководитель), Бочарова З.С., Касаев А.М., Мосейкина М.Н. – М.: Фонд «Русский мир», 2009 // http://airo-xxi.ru/-xx- (сайт Ассоциации исследователей российского общества – АИРО-XXI).

224. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь / Под общей ред. В.В. Шелохаева. – М.: РОССПЭН, 1997. – 748 с.

225. Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы: 1917–1996 / Сост. А.И. Бардеева, Э.А. Брянкина, В.П. Шумова – М.: РОССПЭН, 1999. – 464 с.

226. Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга. 1917–1995 / Науч. ред. Л.А. Шилов. 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во РНБ, 1996. – 199 с.

227. Справочник по фондам Архива внешней политики Российской Федерации. 1917–1962 / МИД РФ. – М.: МИД РФ, 2002. – 416 с.

228. *Сухарев Ю.Н.* Материалы к истории русского научного зарубежья / Ю.Н. Сухарев. В 2 кн. – М.: Рос. архив, 2002.

229. *Филин М.Д.* Зарубежная Россия и Пушкин. Опыт изучения. Материалы для библиографии (1918-1940). Иконография / М.Д. Филин. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2004. – 432 с.

230. Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель / Отв. ред. Т.Ф. Павлова. – М.: РОССПЭН, 1999. – 671 с.

231. *Хейфец Л.С.* Латинская Америка в орбите Коминтерна (Опыт биографического словаря) / Л.С. Хейфец. – М.: ИЛА РАН, 2000. – 266 с.

Литература

232. Адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.). Исторические очерки / Отв.ред. академик Ю.А. Поляков. – М.: ИРИ РАН, 2006. – 343 с.

233. *Алексеев Д.Ю.* Российский солидаризм: теория, история и современность / Д.Ю. Алексеев, В.Ф. Печерица. – Уссурийск: Уссурийский гос. пед. ин-т, 2000. – 183 с.

234. *Ананян Е.В.* Эмиграция немцев Поволжья в страны Америки в 70-80-х гг. XIX в. / Е.В. Ананян. – Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2010. – 210 с.

235. *Андрушкевич И.Н.* Русская белая эмиграция (Историческая справка) / И.Н. Андрушкевич [Электронный ресурс // http:// ricolor.org/rz/latin_amerika/argentina/rossia/11/ (интернет-портал «Россия в красках»)

236. *Анна Рибера Карбо.* Сеня Флешин: русский анархист, мексиканский фотограф / А. Рибера Карбо // Латинская Америка. – 2006. – № 4. – С. 79-87.

237. *Антоненко Н.В.* Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20–30-е гг. XX в.): Монография / Н.В. Антоненко. – Мичуринск: Изд-во Мичуринского госагроуниверситета, 2011. – 307 с.

238. *Антошин А.В.* Российские эмигранты в условиях «холодной войны» (середина 1940-х – середина 1960-х гг.) / А.В. Антошин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. – 659 с.

239. *Антошин А.В.* Российские монархисты-легитимисты в эмиграции в Бразилии после Второй мировой войны / А.В. Антошин // Восьмые Романовские чтения. Тезисы регион. конф. – Екатеринбург, 2004. – С. 100-104.

240. *Антропов О.К.* Астраханское казачество. На переломе эпох / О.К. Антропов. – М.: Вече, 2008. – 416 с.

241. *Антропов О.К.* Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.) / О.К. Антропов. – Астра-

хань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008. – 326 с.

242. *Арзамаскин Ю.Н.* Заложники Второй мировой войны: репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. / Ю.Н. Арзамаскин. – М.: Фокус, 2001. – 144 с. (Рос. ист. воен. – полит. библиотека).

243. *Ахиезер А.С.* Эмиграция из России: культурно-исторический аспект / А.С. Ахиезер // Свободная мысль. – 1993. – № 7. – С. 70-78.

244. *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988) / П.Н. Базанов. 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: СПбГУКИ, 2008. – 468 с.

245. *Бегидов А.М., Ершов В.Ф., Парфенова Е.Б., Пивовар Е.И.* Российская военная эмиграция в 1920–1930-е гг. / А.М. Бегидов, В.Ф. Ершов, Е.Б. Парфенова, Е.И. Пивовар. – Нальчик: Б.и., 1998. – 198 с.

246. *Боровков А.Н.* Русская колония в Мексике / А.Н. Боровков // Латинская Америка. – 1987. – № 9. – С. 114-119.

247. *Бочарова З.С.* Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории / З.С. Бочарова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 304 с.

248. *Бочарова З.С.* «…не принявший иного подданства»: Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920-1930-е годы» / З.С. Бочарова. – СПб.: Нестор, 2005. – 251 с.

249. *Бочарова З.С.* Современная историография российского зарубежья 1920-1930-х годов / З.С. Бочарова // Отечественная история. – 1999. – № 1. – С. 91-102.

250. *Бригадина О.В.* «Три волны» российской советской эмиграции (1917–1991 гг.) / О.В. Бригадина. – Минск: БДУ, 2003. – 217 с.

251. *Будницкий О.В.* Деньги русской эмиграции: колчаковское золото: 1918-1957 / О.В. Будницкий. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 508 с.

252. *Будницкий О.В.* Попытка примирения / О.В. Будницкий // Диаспора: новые материалы. Вып. 1. – Париж – СПб., 2001. – С. 179-240.

253. *Будницкий О.В.* Дипломаты и деньги // Диаспора. Новые материалы. / О.В. Будницкий – Париж-СПб., 2002. – Т. IV. – С. 457-510; Т. V. – С. 283-332.

254. *Будницкий О.В.* Б. А. Бахметев – посол в США несуществующего правительства России / О.В. Будницкий // Новая и новейшая история. – 2000. – № 1. – С. 134-166.

255. *Будницкий О.В.* Нетипичный Маклаков (О политической деятельности В.А. Маклакова) / О.В. Будницкий // Отечественная история. – 1999. – № 2. – С. 12-26; № 3. – С. 64-81.

256. *Вандалковская М.Г.* Историческая мысль русской эмиграции. 20 – 30-е гг. XX в./ М.Г. Вандалковская. – М.: ИРИ РАН, 2009. – 432 с.

257. *Вандалковская М.Г.* П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: История и политика / М.Г. Вандалковская. – М.: Наука, 1992. – 285 с.

258. *Варшавский В.*С. Незамеченное поколение / В.С. Варшавский. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. – 387 с.

259. *Владимирская Т.Л.* Русские мигранты в Парагвае / Т.Л. Владимирская // Вопросы истории. – 1995. – № 11-12. – С. 158-160.

260. *Владимирская Т.Л.* Проблемы адаптации российских эмигрантов в странах Латинской Америки / Т.Л. Владимирская // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX вв. – М.: ИРИ РАН, 1996. – С. 152-162.

261. *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. 3-е изд. / С.В. Волков. – М.: Центрполиграф, 2002. – 509 с.

262. *Волошина В.Ю.* Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории»: монография / В.Ю. Волошина – Омск: Изд-во Ом. Гос. ун-та, 2010. – 219 с.

263. Государство и диаспоры: опыт взаимодействия / Н.В. Павлов, В.П. Басик и др. – М.: ТЕРРА, 2001. – 263 с.

264. *Волков А.* Иммиграция и колонизация в Аргентине / А. Волков // Мировое хозяйство и международная политика. – 1927. – № 7. – С. 109-115.

265. *Гладышева Н.* Уголок России в Парагвае. [Электронный ресурс] / Н. Гладышева // http://ricolor.org/rz/latin_amerika/pa/1/3 (интернет-портал «Россия в красках»).

266. Глобализация и мультикультурализм: Коллективная монография / Отв. ред. Н.С. Кирабаев. – М., 2005.

267. *Голдин В.И.* Армия в изгнании. Очерки истории Русского Общевоинского Союза / В.И. Голдин. – Архангельск – Мурманск: Солти, 2002. – 299 с.

268. *Голдин В.И.* Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны / В.И. Голдин. – Архангельск – Мурманск: Солти, 2005. – 616 с.

269. *Голдин В.И.* Солдаты на чужбине. Русский Общевоинский Союз, Россия и Русское зарубежье в XX–XXI веках / В.И. Голдин. – Архангельск: Солти, 2006. – 794 с.

270. *Гончаренко О.Г.* Белоэмигранты между звездой и свастикой / О.Г. Гончаренко. – М.: Вече, 2005. – 348 с.

271. *Дик Е.Н.* Из истории российской эмиграции в Аргентину (конец 19 – начало 20 в.) / Е.Н. Дик // Латинская Америка. – 1991. – № 6. – С. 79-86.

272. *Дик Е.Н.* Иммиграционный аспект российско-латиноамериканских отношений / Е.Н. Дик // Латинская Америка. – 1994. – № 11. – С. 95-97.

273. *Дик Е.Н.* Русские в Мексике: эмиграция и адаптация / Е.Н. Дик // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX вв. – М.: ИРИ РАН, 1996. – С. 163-172.

274. *Дик Е.Н.* У истоков российской эмиграции в Мексику: 1906–1926 годы (По мексиканским источникам) / Е.Н. Дик // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. – М.: ИРИ РАН, 1996. – С. 130-134.

275. *Денисенко М.Б., Ионцев В.А., Хорев Б.С.* Миграциология / М.Б. Денисенко, В.А. Ионцев, Б.С. Хорев. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 96 с.

276. *Дорончeнков А.И.* Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России / А.И. Дорончeнков. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 216 с.

277. *Ершов В.Ф.* Российская военно-политическая эмиграция в 1920–1945 гг.: Учеб. пособие / В.Ф. Ершов. – М.: Изд-во МГОУ, 2003. – 146 с.

278. *Ершов В.Ф.* Российское военное зарубежье в 1945–1980-гг.: стагнация и угасание / В.Ф. Ершов // История российско-

го зарубежья. Эмиграция из СССР – России. 1941–2001. – М.: ИРИ РАН, 2007. – С. 134-143.

279. *Ершов В.Ф.* Российское военно-политическое зарубежье в 1919–1945 гг. / В.Ф. Ершов. – М.: МГУ сервиса, 2000. – 294 с.

280. *Жизель Сильва Энсина.* Казак М.С. Краснов. Пленник за службу Чили / Жизель Сильва Энсина. Пер. с исп. яз. – Ростов-на-Дону: ЗАО «Книга». 2011. – 192 с.

281. *Жуков А.Ф., Жукова Л.Н.* История и судьба российской эмиграции: Вторая волна эмиграции, 1939–1950-е гг.: Учеб. пособие / А.Ф. Жуков, Л.Н. Жукова. – СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1998. – 124 с.

282. Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков: Учеб. пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – 320 с.

283. *Заринов И.Ю.* Путь длиннее века (Поляки в Бразилии) / И.Ю. Заринов. – М.: Б.и., 1998. – 118 с.

284. Зарубежная архивная Россика. Итоги и перспективы выявления и возвращения. – М.: Б.и., 2001. – 254 с.

285. Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. Сб. ст. / Ответ. ред. В.Ю. Черняев. – СПб.: Европейский Дом, 2003. – 512 с.

286. Зарубежье: история и современность / Под ред. А.В. Квакина и др. – М.: Рос. ин-т культурологии, 1998. – 297 с.

287. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960 / В.Н. Земсков. – М.: Наука, 2003. – 306 с.

288. *Земсков В.Н.* «Вторая эмиграция» и отношение к ней руководства СССР, 1947–1955 / В.Н. Земсков // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР – России. 1941–2001. – М.: ИРИ РАН, 2007. – С. 63-91.

289. *Земсков В.Н.* Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба / В.Н. Земсков // Социс. – 1995. – № 5. – С. 3-12.

290. *Земсков В.Н.* Рождение «второй эмиграции» (1944–1952) / В.Н. Земсков // Социс. – 1991. – № 4. – С. 3-24.

291. *Зернов Н.М.* Русское религиозное возрождение XX века / Н.М. Зернов. – Париж: ИМКА-Пресс, 1991. – 368 с.

292. *Зиновьева Р.А.* Латинская Америка: миграция населения и рост промышленного пролетариата / Р.А. Зиновьева – М.: Наука, 1978. – 167 с.

293. *Зинченко Н.Н.* Миграция населения: теория и практика международно-правового регулирования / Н.Н. Зинченко – М.: Внешторгиздат, 2003. – 261 с.

294. Iberica Americans. Латиноамериканская культура в дискуссиях конца XX – начала XXI века. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – 464 с.

295. Игумен Ростислав (Колупаев). Католические общины византийского обряда и русская диаспора / Игумен Ростислав (Колупаев). [Электронный ресурс] // http://zarubezhje.narod.ru/texts/frrostislav311.htm (сайт «Религиозные деятели Русского зарубежья»).

296. *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции / Г.З. Иоффе. – М.: Наука, 1977. – 320 с.

297. *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс / С.С. Ипполитов. – М.: Ипполитов, 2004. – 376 с.

298. Историческая демография: проблемы, суждения, задачи / Отв. ред. Ю.А. Поляков. – М.: Наука, 1989. – 286 с.

299. История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX в. Сб. статей / Отв. ред. чл.-кор. РАН Ю.А. Поляков (отв. ред.), д.и.н. Г.Я. Тарле, В.Н. Шамшуров. – М.: ИРИ РАН, 1996. – 174 с.

300. История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX–XX в.). Сб. ст. / Отв. ред. Ю.А. Поляков. – М.: ИРИ РАН, 2004. – 255 с.

301. История Российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX–XX в.). Сб. статей / Под ред. академика Ю.А. Полякова, д.и.н. Г.Я. Тарле. – М.: ИРИ РАН, 2004. – 225 с.

302. История российского зарубежья. Эмиграция из СССР-России 1941–2001 гг. Сб.статей / Под ред. академика РАН Ю.А. Полякова, д.и.н. Г.Я. Тарле, д.и.н. О.В. Будницкого. – М.: ИРИ РАН, 2007. – 293 с.

303. Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. Сб. ст. / Под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. – М.: ИРИ РАН, 1997. – 191 с.

304. *Кабузан В.М.* Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политиче-

ских границ русского народа / В.М. Кабузан. – СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «БЛИЦ», 1996. – 347 с.

305. *Кабузан В.М.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX в. / В.М. Кабузан. – М.: Наука, 1998. – 268 с.

306. *Качараба С.П.* Эмиграция из Западной Украины. 1919–1939. – Львов: Львовский национальный университет им. И. Франко, 2003. – 416 с. (укр. яз.).

307. *Квакин А.В.* Россия – интеллигенция – эмиграция (О соотношении амбивалентности русского архетипа и российской эмиграционной системы) / А.В. Квакин // Некоторые современные вопросы анализа российской интеллигенции.– Иваново: ИвГУ, 1997.– С. 99-113.

308. *Квакин А.В.* Культурная миссия российской интеллигенции в эмиграции: к постановке проблемы / А.В. Квакин // Культура Российского зарубежья. – М.: Российский ин-т культурологии, 1995. – С. 21-26.

309. *Кириченко В.П.* Солидарность народов Латинской Америки с СССР в поддержке борьбы против фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны / В.П. Кириченко // Вестник Киевского университета. Серия «Международные отношения и международное право». – 1976. – № 3 / В.П. Кириченко – С. 57-68.

310. *Коваль М.* Украинцы на Кубе / М. Коваль // Всесвіт. – 1963. – № 5. – С. 40-42 (укр. яз.).

311. *Коваль О.В.* Формирование политических центров белорусской диаспоры в межвоенный период // История народов России. Мат-лы XV Всероссийской научно-практической конференции. Москва, РУДН, 19–20 мая 2011 г. – / О.В. Коваль – Москва: РУДН, 2011. – С. 195-201.

312. *Коваль О.В.* Периодические издания белорусской диаспоры как исторический источник (1939–1960 гг.). / О.В. Коваль. – Минск: РІВШ, 2008. – 166 с. (белор. яз.)

313. *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970) / П.Е. Ковалевский. – Paris. Librairie descinqs continents, 1971. – 347 с.

314. *Кодин Е.В.* «Гарвардский проект» / Е.В. Кодин. – М.: РОССПЭН, 2003. – 208 с.

315. *Комин В.В.* Белая эмиграция и II мировая война / Е.В. Кодин. – Калинин: КГУ, 1979.– 61 с.

316. *Кононова М.М.* Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг.) / М.М. Кононова. – М.: ИВИ РАН, 2004. – 240 с.

317. *Корель Л.В.* Социология адаптаций: этюды апологии / Л.В. Корель. – Новосибирск: ИЭИОПП, 1997. – 158 с.

318. *Королев Н.В.* Страны Южной Америки и Россия (1890–1917 гг.). / Н.В. Королев. – Кишинев: Штиинца, 1972. – 180 с.

319. *Костиков В.* Не будем проклинать изгнанье… Пути и судьбы русской эмиграции / В. Костиков. – М.: Междунар. отношения, 1990. – 464 с.

320. *Костюков А.* Русская зарубежная церковь в первой половине 1920-х годов. Организация Церковного правления в эмиграции и его отношение с Московской патриархией при жизни патриарха Тихона / А. Костюков. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. – 398 с.

321. *Котовская М.Г., Шалыгина Н.В.* Гендерная проблема в странах Латинской Америки // М.Г. Котовская, Н.В. Шалыгина // Латинская Америка. – 2005. – № 4. – С. 57–71.

322. *Кублицкая М.А.* Русские воины в Аргентине. Часть I. Кадеты / М.А. Кублицкая. – Буэнос-Айрес: Издание Объединения кадет российских кадетских корпусов в Аргентине, 2004.

323. *Кублицкая М.А.* Русские могилы в Аргентине. Никифор Аввакумович Чоловский / М.А. Кублицкая // Михайлов День 1-й. Журнал исторической России. – Ямбург: Изд-во Псковского областного центра народного творчества, 2005. – С. 184-198.

324. *Кублицкая М.А.* Русские издательства, типографии и библиотеки в Аргентине / М.А. Кублицкая [Электронный ресурс] // emigrantika.ru/publications/838-bookiv // (сайт «Эмигрантика. ru. Русское зарубежье»).

325. *Кублицкая М.А.* Пушкин в Аргентине [Электронный ресурс] // http://xxl3.ru/kadeti/kublitskaya.htm (сайт профессора Л.Л. Лазутина).

326. *Кулешов А.С.* Аксаковы. История разбитых судеб / А.С. Кулешов. – М.: Территория, 2009. – 325 с.

327. Америка XX века. Социальная антропология бедности. – М.: Наука, 2007. – 287 с.

328. *Лебедев Л., протоиерей.* Российский Имперский Союз – Орден: краткая история (с добавочным материалом из архива РИС-О) / Протоиерей Л. Лебедев // Имперцы:70 лет. 1929–1999. – Б.м., 1999. – С. 4-11, 16-20, 25-33, 34-40.

329. *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций / Н.М. Лебедева. – М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1993. – 195 с.

330. *Лебедева Н.М.* Новая русская диаспора: социально-психологический анализ. / Н.М. Лебедева. – М.: ИЭА, 1995. – 166 с.

331. *Левин З.И.* Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ) / З.И. Левин. – М.: ИВ РАН «Крафт+», 2001. – 170 с.

332. *Мартынов Б.Ф.* Парагвайский Миклухо-Маклай. Повесть о генерале Беляеве / Б.Ф. Мартынов. – М.: ИЛИ РАН, 1993. – 111 с.

333. *Мартынов Б.Ф.* Парагвайские встречи / Б.Ф. Мартынов // Латинская Америка. – 1995. – № 9. – С. 53-59.

334. *Мартынов Б.Ф.* Русские в Бразилии / Б.Ф. Мартынов // Латинская Америка. – 1995 – № 11. – С. 78-84.

335. *Мартынов Б.Ф.* Новые подробности Чакской войны / Б.Ф. Мартынов // Латинская Америка. – 2004. – № 11. – С. 76-82.

336. *Мартынов Б.Ф.* Русский Парагвай. Повесть о генерале Беляеве, людях и событиях прошлого века / Б.Ф. Мартынов. – М.: Воениздат, 2006. – 239 с.

337. *Мацан К.* Русская по сердцу: В гостях у правнучки писателя Николая Лескова / К. Мацан [Электронный ресурс] // ricolor.org/journal/18/intervie/3/ (интернет–портал «Россия в красках»).

338. Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война. – М.: РГГУ, 2004. – 346 с.

339. Миграционные процессы в России и СССР. Вып. 1. – М.: ИНИОН, 1991. – 129 с.

340. *Миронова Е.М.* Дипломатия белой России: От императорского МИДа к Совету послов русского зарубежья / Е.М. Миронова // Rossica. Научные исследования по русистике, украинистике и беларустике. – Прага, 2002. – № 5-6 (2000–2001 гг.). – С. 119-142.

341. *Миронова Е.М.* Дипломатические представительства Белой России в эпоху революций, Гражданской войны и эмиграции.

История деятельности. Создание новых форм. Принципы существования / Е.М. Миронова // Диаспора. Новые материалы [Альманах]. Вып. VI. – Париж – СПб.: Феникс, 2004. – С. 89-133.

342. *Миронова Е.М.* Совет послов накануне Второй мировой войны / Е.М. Миронова // Нансеновские чтения-2009. – СПб.: Северная звезда, 2010. – С. 33-41.

343. Михайлов День. 1-й. Журнал исторической России. – Ямбург: Изд-во Псковского областного центра народного творчества. 2005. – 379 с.

344. Михайлов День. 2-й. Журнал исторической России. – СПб: Б. и., 2010. – 379 с.

345. *Монастырева Г.Г.* Русский Парагвай / Г.Г. Монастырева // Русская история. – 2010. – №3-4 (11-12). – С. 84-87.

346. *Мосс В.* Православная церковь на перепутье (1917–1999) / Пер. с англ., редактор перевода Т.А. Сенина. – СПб.: Алетейя, 2001. – 415 с.

347. *Мухачев Ю.В.* Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР / Ю.В. Мухачев – М.: Мысль, 1982. – 269 с.

348. *Назаров М.* Миссия русской эмиграции. Т.1 / М. Назаров – М.: Родник, 1994. – 414 с.

349. Нансеновские чтения. 2008. – СПб.: Сударыня, 2009. – 468 с.

350. Нансеновские чтения. 2009. – СПб.: Северная звезда, 2010. – 489 с.

351. Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. Сб. статей. / Под ред. акад. РАН Ю.А. Полякова, д.и.н. Г.Я. Тарле. – М.: ИРИ РАН, 2001. – 331 с.

352. *Нечаев С.Ю.* Русские в Латинской Америке / С.Ю. Нечаев. – М.: Вече, 2010. – 320 с.

353. *Нечаева Т.Ю.* Адаптация русских эмигрантов в Латинской Америке / Т.Ю. Нечаева // Латинская Америка. – 1996. – № 12. – С. 64-71.

354. *Никандров Н.* Иван Солоневич. Народный монархист / Н. Никандров.– М.: Алгоритм, 2007. – 672 с.

355. *Нитобург Э.Л.* Об истоках русской колонии в Венесуэле/ Э.Л. Нитобург // Новая и новейшая история. – 1999. – № 2-3. – С. 90-94.

356. *Нитобург Э.Л.* Русские «перемещенные лица» в США: история и судьбы / Э.Л. Нитобург // Новая и новейшая история. – 2001. – № 4. – С. 34-50.

357. *Носик Б.* М. На погосте XX века / Б.М. Носик. – СПб.: Zolotoĭ vek, 2000. – 560 с.

358. НТС: Мысль и дело. 1930–2000. – М.: Посев, 2000. – 128 с.

359. *Окороков А.В.* Русские добровольцы – история русских / А.В. Окороков. – М.: ООО Авуар-Консалтинг, 2004. – 446 с.

360. *Окороков А.В.* Фашизм и русская эмиграция (1920–1945) / А.В. Окороков. – М.: Русаки, 2002. – 593 с.

361. *Окороков А.В.* Молодежные организации русской эмиграции (1920–1945 гг.). Серия «Россия. Историческая Военно-Политическая Библиотека» / А.В. Окороков. – М.: Б.И., 2000. – 120 с.

362. *Окунцов И.К.* Русская эмиграция в Северной и Южной Америке / И.К. Окунцов. – Буэнос-Айрес: Сеятель, 1967. – 486 с.

363. Очерк истории католического апостолата в русском зарубежье в 1917–1991гг. ///vselenstvo.narod.ru/library/rus_apostolate_17_91.htm#chapt3d (сайт «Вселенство»).

364. Очерки по культурной антропологии американского города / Отв. ред. Э.Л. Нитобург, В.А. Тишков – М.: Наука, 1997. – 314 с.

365. *Пеньковский Д.Д.* Эмиграция казачества из России и ее последствия (1920–1945 гг.) / Д.Д. Пеньковский. – М.: Национальный институт бизнеса, 2006. – 432 с.

366. *Пеньковский Д.Д.* Эмиграция казачества в составе белых войск из России (1920–1930 гг.). – М.: Национальный институт бизнеса, 2005. – 330 с.

367. *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье XIX – первой половины XX века: некоторые итоги изучения проблемы / Е.И. Пивовар // Исторические записки. – 2000. – № 3. – С. 237-253.

368. *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии / Е.И. Пивовар – М.: РГГУ, 2008. – 545 с.

369. Положение беженцев в мире: пятьдесят лет гуманитарной деятельности. УВКБ ООН. – М.: Интердиалект+, 2000. – 362 с.

370. *Полоскова Т.В.* Русские в Аргентине / Т.В. Полоскова // Дипломатический вестник. – 1998. – № 1. – С. 40-43.

370. *Полоскова Т.В.* Русские в Аргентине / Т.В. Полоскова // Дипломатический вестник. – 1998. – № 1. – С. 40-43.

371. *Полоскова Т.В.* Диаспоры в системе международных связей / Т.В. Полоскова. – М.: Научная книга, 1998. – 199 с.

372. *Поляков Ю.А.* Проблемы эмиграции и адаптации в свете исторического опыта / Ю.А. Поляков // Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 40-49.

373. *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине / П.М. Полян. – М.: РОССПЭН, 2002. – 896 с.

374. *Полян П.М.* Не по своей воле…История и география принудительных миграций в СССР / П.М. Полян. – М.: ОГИ – Мемориал, 2001. – 328 с.

375. *Попов А.В.* Фонд Н.А. Троицкого в Государственном архиве Российской Федерации: Опыт архивного обзора / А.В. Попов // Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. 1. – М.: ИАИ РГГУ, 1994. – 96 с.

376. *Попов А.В.* Российское православное зарубежье: история и источники. С приложением системат. библиогр. / А.В. Попов. – М.: Ин-т полит. и воен. анализа, 2005. – 619 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. 10).

377. *Попов А.В.* Канонические и церковно-православные основы существования Русской Православной Церкви за границей и других российских православных юрисдикций за рубежом / А.В. Попов // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. – СПб.: Сударыня, 2006. – С. 299-317.

378. *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке / Д.В. Поспеловский. – М.: Республика, 1995. – 511 с.

379. Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. Сб. науч. трудов. – СПб.: Сударыня, 2006. – 354 с.

380. Проблемы изучения истории российского зарубежья: Сб. статей / Ред.: чл.-кор. РАН Ю.А. Поляков, д.и.н. Г.Я. Тарле. – М.: ИРИ РАН, 1993. – 103 с.

381. Проблемы истории Русского зарубежья: в материалах и исследованиях / Ин-т всеобщ. Истории. – М.: Наука, 2005. Вып 1. – 453 с.; Вып. 2. – М.: Наука, 2008. – 451 с.

382. *Пронин А.А.* Историография российской эмиграции / А.А. Пронин. – Екатеринбург: Изд-во урал. гос. ун-та, 2000.

383. *Прохоренко А.В.* Философское россиеведение в идейной полемике пореволюционной эмиграции (первая половина XX века) / А.В. Прохоренко. – СПб.: СПбГУ, 2005. – 294 с.

384. *Псарев А.В.* Архиепископ Леонтий Чилийский. Материалы к жизнеописанию архипастыря гонимой Церкви Российской / А.В. Псарев // Православная жизнь (Orthodox life). Приложение к «Православной Руси». – 1996. – № 5. – 33 с.

385. *Путятова Э.Г.* К вопросу о «трудовой эмиграции» из России в начале XX века / Э.Г. Путятова // Научно-теоретический журнал. «Ученые записки». – 2007. – № 4 (26). – С. 70-73.

386. *Путятова Э.Г.* Культурная миссия православной церкви в Южной Америке (кон. XIX – нач. XX в.) / Э.Г. Путятова // Общество и власть. Материалы Всероссийской научной конференции. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2003. – С. 251-257.

387. *Путятова Э.Г.* Российские эмигранты в Аргентине (конец XIX – начало XX в.) / Э.Г. Путятова // Латинская Америка. – 2005. – № 7. – С. 75-81.

388. *Путятова Э.Г.* Русская церковь в Буэнос-Айресе // Э.Г. Путятова. – Латинская Америка. – 2007. – № 11. – С. 78-88.

389. *Путятова Э.Г.* Российско-южноамериканские отношения в годы Первой мировой войны / Э.Г. Путятова // Научно-теоретический журнал «Научные проблемы гуманитарных исследований». Вып. 9 (2). – 2009. – С. 102-109.

390. *Путятова Э.Г.* Россия и Южная Америка: трудовая эмиграция и дипломатические отношения в конце XIX – начале XX в. / Э.Г. Путятова. – СПб., 2006.

391. *Пушкарев Б.С.* Народно-трудовой союз российских солидаристов / Б.С. Пушкарев // Библиография. – 1994. – № 2. – С. 46-55.

392. *Пушкарева Н.Л.* Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом / Н.Л. Пушкарева // Отечественная история.– 1996. – № 1.– С. 53-65.

393. *Пушкарева Н.Л.* Пути формирования русской диаспоры после 1945 г. / Н.Л. Пушкарева // Этнографическое обозрение. – 1992. – № 6. – С. 18-30.

394. Пушкин в эмиграции. 1937 / Сост., коммент., вст. очерк В. Перельмутера. – М.: Прогресс-Традиция, 1999. – 800 с.

395. *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919– 1939. Пер. с англ. / М. Раев. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – 293 с.

396. *Ратушняк О.В.* Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920–1937 гг.): Учеб. пособие / О.В. Ратушняк. – Краснодар: Изд-во Куб. гос. ун-та, 1997. – 164 с.

397. Российская военная эмиграция в 1920–30-е годы / Бегидов А.М., Ершов В.Ф., Парфенова Е.Б., Пивовар Е.И. – Нальчик: Б.и., 1998. – 225 с.

398. Российская интеллигенция на родине и в зарубежье. Сб. науч. ст. к 30-летию начала научно-педагогической деятельности профессора кафедры истории Российского государства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова А.В. Квакина. – М.: Ветераны спецслужб, 2005. – 303 с.

399. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения) / Под ред. Е.И. Пивовара. – М.: б/и, 1994 (Серия «Новые учеб. пос. по историч. дисциплинам»). – 117 с.

400. *Российский М.А.* Русское зарубежье на Кубе: Страницы истории / М.А. Российский. – М.: Вече, 2002. – 221 с.

401. Российское Зарубежье: история и современность / Под ред. А. В. Квакина и др. – М.: Рос. ин-т культурологии, 1998. – 297 с.

402. Россия в изгнании: Судьбы российских эмигрантов за рубежом / Е.И. Пивовар (рук.), Е.И. Алдюхова, В.Ф. Ершова и др. – М.: Институт всеобщей истории РАН, Центр теорет. пробл. ист. науки ист. фак-та МГУ, 1999.– 458 с.

403. *Руденко А.В.* Белорусские иммигранты в антифашистском движении Аргентины / А.В. Руденко // Латинская Америка: современный этап развития. Вып. 2. – М.: ИЛА, 1975. – С. 122-141.

404. *Русак В.С.* История Российской церкви от основания до наших дней. / В.С. Русак. – Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1993. – 580 с.

405. Русская православная церковь за границей: 1918–1968. Т. 1–2. / Под ред. гр. А.А. Соллогуба. – Нью-Йорк: Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem, 1968.

406. Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. – М.: РГГУ, 2000. – 495 с.

407. Русские в Мексике / Под общ. ред. В.И. Морозова. – М.: Фортуна ЭЛ, 2009. –272 с.

408. Русские в Уругвае. – Монтевидео, 2009. – 229 с.

409. Русский исход / Отв. ред. Е.М. Миронова. – СПб.: Алетейя, 2004. – 320 с.

410. Русский общевоинский союз: Краткий исторический очерк / Сост. И.Б. Иванов. – СПб., 1994. – 23 с.

411. Русское зарубежье в Латинской Америке. Сб. ст. – М.: ИЛИ РАН, 1993. – 80 с.

412. *Ручкин А.Б.* Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века / А.Б. Ручкин. – М.: Национальный институт бизнеса, 2006. – 464 с.

413. *Сабенникова И.В.* Формирование принципов международно-правового регулирования положения беженцев в Европе, 1926–1951 гг. / И.В. Сабенникова // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР – России 1941–2001 гг. Сб. статей. – М.: ИРИ РАН, 2007. – С. 5–13.

414. *Сабенникова И.В.* Социальная и правовая помощь русским эмигрантам первой волны (20–30-е годы) / И.В. Сабенникова // Российский журнал социальной работы. – 1995. – № 2.– С. 39-47.

415. *Сабенникова И.В.* Русская эмиграция как социально-культурный феномен / И.В. Сабенникова // Мир России. – 1997. – № 3. – С. 155-184.

416. *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование / И.В. Сабенникова. – Тверь: Федеральная архивная служба России; ВНИИДАД, 2002. – 431 с.

417. *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция 1917–1939 годов: структура, география, сравнительный анализ / И.В. Сабенникова // Российская история.– 2010. – № 3. – С. 58-80.

418. *Савельев И.Р.* Японцы за океаном: История японской эмиграции в Северную и Южную Америку / И.Р. Савельев – СПб.: Центр «Петерб. Востоковедение», 1997. – 216 с.

419. *Савельев Н.Р.* Японская диаспора в Латинской Америке / Н.Р. Савельев // Страны и народы Востока – СПб.: Наука , 2002. – Вып. XXI: Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 6. – С. 143-158.

420. *Сбруев В.В.* Журналистика Латинской Америки от первой газеты до начала концентрации и монополизации СМИ / В.В. Сбруев – М.: Изд-во РУДН, 2008. – 260 с.

421. *Свириденко Ю.П., Ершов В.Ф.* Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–1945 гг. / Ю.П. Свириденко, В.Ф. Ершов. – М.: Б.и., 2000. – 198 с.

422. Святой Георгий. Интернат для детей русских эмигрантов во Франции. Константинополь. Намюр. Париж. Медон. Пер. с фр. Под общ. ред. А.Н. Кельчевского. Пер. с фр. и переработка текста Н.Ю. Сахаровой, при участии Ю.В. Балакшиной и И.В. Сахарова. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2003. – 248 с.

423. *Селунская В.М.* Проблемы интеграции эмигрантов в российском зарубежье между двумя мировыми войнами в отечественной историографии / В.М. Селунская // Вестник Московского университета. – Серия 8. История. – 1998. – № 4. – С. 3-26.

424. *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны / М.И. Семиряга. – М.: РОССПЭН, 2000. – 863 с.

425. *Семиряга М.И.* Судьбы советских военнопленных / М.И. Семиряга // Вопросы истории. –1995. – № 4. – С. 19-33.

426. *Сизоненко А.И.* По страницам газеты русских монархистов / А.И. Сизоненко // Латинская Америка. – 1995. – № 9. – С. 650-68.

427. *Сизоненко А.И., Панков Н.А.* Наши соотечественники в Латинской Америке / А.И. Сизоненко, Н.А. Панков. – М.: Ампресс, 2002. – 82 с.

428. *Сизоненко А.И.* Россия на латиноамериканском направлении / А.И. Сизоненко. – М.: БФРГТЗ Слово, 2002. – 286 с.

429. *Сизоненко А.И.* Русская эмиграция в Аргентине / А.И. Сизоненко // Изучение латиноамериканистики в Российском университете дружбы народов: Доклады и выступления ученых РУДН на X Всемирном конгрессе латиноамериканистов 26–29 июня 2001 г. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – С. 150-161.

430. *Сизоненко А.И.* Русские открывают Латинскую Америку / А.И. Сизоненко. – М.: ИЛА РАН, 1992. – 113 с.

431. *Сизоненко А.И.* Русские в Латинской Америке (очерки) / А.И. Сизоненко. – М.: ИЛА РАН, 2005. – 164 с.

432. *Сизоненко А.И.* Русская диаспора в Латинской Америке: проблемы сохранения национальной самобытности / А.И. Сизоненко // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. Сб. статей. – М.: ИРИ РАН, 2006. – С. 146-151.

433. *Смолянский Г.* Мировая эмиграция и иммиграция / Г. Смолянский. – М.: изд. Профинтерна, 1926. – 44 с.

434. Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.). Сб. ст. Ред.: акад. РАН Ю.А. Поляков и д.и.н. Г.Я. Тарле. – М.: ИРИ РАН, 1999. – 269 с.

435. *Степанов М.С.* Четыре открытия Венесуэлы / М.С. Степанов // Латинская Америка. – 1999. – № 2-3.

436. *Столыпин А.П.* На службе России: Очерки по истории НТС / А.П. Столыпин. Frankfurt a. – М.: Посев, 1986. – 303 с.

437. *Стрелко А.А.* Славянское население в странах Латинской Америки (Исторический очерк) /А.А. Стрелко. – Киев: Наук. думка, 1980. – 142 с.

438. *Стрелко А.А.* Первые иммигранты-украинцы на латиноамериканском континенте / А.А. Стрелко // Латинская Америка. – 1972. – № 4. – С. 86-92.

439. Советский Союз – Латинская Америка в годы Второй мировой войны. – М: ИЛА РАН, 1975. – 95 с.

440. *Тарле Г.Я.* История российского зарубежья: термины; принципы периодизации / Г.Я. Тарле // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. Кн. 1. – М: Специализир. изд.-торг. предприятие «Наследие», 1994. – С.16-24.

441. *Тарле Г.Я.* Российское зарубежье и Родина. – М.: ИНИОН РАН, ИРИ РАН, 1993. – 98 с.

442. *Тарле Г.Я.* Источники разработки нормативных документов по истории иммиграции и реэмиграции в Россию / Г.Я. Тарле. Ч. 1.: 1917–1921 // Археографический ежегодник за 1996 год. – М.: Наука, 1998. – С. 143-161.

443. *Тарле Г.Я.* Российская эмиграция в 1940–1950-е гг. / Г.Я. Тарле // Россия и современный мир. – 1999. – № 3. – С. 108-129.

444. *Тарле Г.Я.* Изучение истории адаптации российских эмигрантов / Г.Я. Тарле // Этот противоречивый XX век: К 80-летию со

дня рождения акад. РАН Ю.А. Полякова.– М.: РОССПЭН, 2001. – С. 65-77.

445. *Тимонин Е.И.* Исторические судьбы русской эмиграции (1920–1945 гг.) / Е.И. Тимонин. – Омск: Изд-во СибАДИ, 2000. – 300 с.

446. *Тишков В.А.* Исторический феномен диаспоры / В.А. Тишков // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв.: Сб. ст. /под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. – М.: ИРИ РАН, 2001. – С. 9-44.

447. *Тишков В.А.* Русский мир / В.А. Тишков // Стратегия России. – 2007. – № 6. http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii.html (персональный сайт В.А. Тишкова).

448. *Тлостанова М.В*. Диаспорные идентичности и литература в постнациональном мире: к проблеме переосмысления понятий / М.В. Тлостанова // Международный журнал социальных и гуманитарных наук «Личность. Культура. Общество». Т. XIII. – Вып. 1 (61-62). – 2011. – С. 167-180.

449. *Тлостанова М.В.* Карибская транскультурная философия в контексте диалога культур / М.В. Тлостанова // Культурологический журнал. Электронное периодическое рецензируемое научное издание. ISSN 2222-2480. –№ 2 (4) 2011. – (12 стр.)

450. *Толстой Н.Д.* Жертвы Ялты / Н.Д. Толстой. – М.: Русский путь, 1996. – 542 с.

451. *Тудоряну Н.Л.* Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма (в Германию, Скандинавские страны и США) / Н.Л. Тудоряну. – Кишинев: Штиинца, 1986. – 309 с.

452. Украинцы в Аргентине. – Киев, 1997 (укр. яз.).

453. *Улевичус П., Эйдинтас А.* Литовская эмиграция в страны Северной и Южной Америки в 1868–1940 гг. / Р. Улевичус. – Вильнюс: Мокслас, 1989. – 217 с.

454. *Ульянкина Т.И.* «Дикая историческая полоса...»: судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950) / Т.И. Ульянкина. – М.: РОССПЭН, 2010. – 640 с.

455. *Ульянова О., Норамбуэна К.* Русские в Чили / О. Ульянова и К. Норамбуэна. – Santiago: Usach, 2009. – 423 с.

456. *Урядова А.В.* Советская Россия 1920-х: восприятие эмиграции / А.В. Урядова. – Ярославль: ЯРГУ, 2011. – 392 с.

457. *Фрейкман-Хрусталева Н.С.* Эмиграция и эмигранты: История и психология / Н.С. Фрейкман-Хрусталева, А.И. Новиков. – СПб.: Б.и., 1995. – 153 с.

458. *Хачатуров К.А.* Латиноамериканские уроки для России / К.А. Хачатуров. – М.: Международные отношения, 1999. – 394 с.

459. *Хейфец В.Л.* Американская и российская радикальная эмиграция в Мексике в 1920-е гг. / В.Л. Хейфец // Актуальные проблемы американистики. – Нижний Новгород: изд. ННГУ, 2003. – С. 131-137.

460. *Хейфец В.Л.* Российская эмиграция как фактор развития левого движения Мексики / В.Л. Хейфец // Зарубежная Россия. 1917–1939. Кн. 2. – СПб.: Лики России, 2003. – С. 94-101.

461. *Хейфец Л.С.* Коминтерн в Латинской Америке. Формирование и эволюция организационных связей III Интернационала и его национальных секций (от зарождения коммунистического движения до создания Южноамериканского секретариата ИККИ) / Л.С. Хейфец. – СПб.: Наука, 2004. – 191 с.

462. *Хейфец В.Л, Хейфец Л.С.* Провал «аргентинских Лениных». Коминтерн, Коммунистическая партия и российская эмиграция в Аргентине, 1919–1922 гг. // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. Сб. ст. – СПб.: Европейский дом, 2000. – С. 93-101.

463. *Хейфец В.Л.* Коминтерн и эволюция левого движения Мексики / Л.С. Хейфец.– СПб.: Наука, 2006. – 414 с.

464. *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. – 204 с.

465. *Хисамутдинов А.А.* По странам рассеяния: История российской эмиграции первой волны в Китае, странах АТР и Южной Америке в 1900–1970-е годы. В 2 ч. / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2000. Ч 1. – 360 с.; Ч. 2. – 176 с.

466. *Хисамутдинов А.А*. Русские в Бразилии / А.А. Хисамутдинов // Латинская Америка. – 2005. – № 9. – С. 86-100.

467. *Хмельницкий Д.* Под звонкий голос крови. Советская эмиграция и национальная идея / Д. Хмельницкий. – М.: Яуза, 2004. – 235 с.

468. *Хорев Б.С., Чапек В.Н.* Проблемы изучения миграции населения: Статистическо-географическое исследование / Б. Хорев. – М.: Мысль,1978. – 254 с.

469. *Худобородов А.Л.* Вдали от Родины: российские казаки в эмиграции. Учебное пособие к спецкурсу / А.Л. Худобородов. – Челябинск: Факел, 1997. – 112 с.

470. *Цепилова В.И.* Историческая наука русского зарубежья (1920–2004) / В.И. Цепилова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. – 292 с.

471. *Цурганов Ю.С.* Неудавшийся реванш: Белая эмиграция во Второй мировой войне / Ю.С. Цурганов. – М.: Intrada, 2001. – 287 с.

472. *Челышев Е.П.* Российская эмиграция: 1920–1930-е годы // Е. Челышев. – М.: УМИЦ Граф-Пресс, 2002. – 278 с.

473. *Черненко А.М.* Российская революционная эмиграция в Америке (конец XIX в. – 1917 г.) / А.М. Черненко – Киев: Выща шк., 1989. – 202 с.

474. *Черненко А.М., Шляхов А.Е.* Участники первой русской революции в Аргентине / А.М. Черненко // Латинская Америка. – 1980. – № 11. – С. 103-107.

475. *Чичерюкин-Мейнгардт В.Г.* Воинские организации Русского Зарубежья после Второй мировой войны / Научн. ред. В.Л. Телицын. – М.: Б.и., 2008. – 166 с.

476. *Шапаров А.Е.* Иммиграционная политика: генезис и современные тенденции (Австралия, Великобритания и Канада) / А.Е. Шапаров. – Архангельск: С(А)ФУ, 2010. – 305 с.

477. *Шевяков А.А.* Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупированных зонах государств антигитлеровской коалиции / А.А. Шевяков // Население России 1920–1950-е гг.: численность, потери, миграция. Сб. науч. тр. – М.: Б.и., 1994. – С. 195-222.

478. *Шевяков А.А.* «Тайны» послевоенной репатриации / А.А. Шевяков // Социс. – 1993. – № 8. – С. 3-11.

479. *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции / Л.К. Шкаренков. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 1986. – 272 с.

480. *Шкаренков Л.К.* Российское зарубежье: заметки историка / Л.К. Шкаренков // Россия и современный мир. – 1994. – № 1. – С. 89-97.

481. *Шейнбаум Л.С.* Аргентинский этнос: этапы формирования и развития / Л.С. Шейнбаум. – Л.: Наука, 1989. – 168 с.

482. *Шейнбаум Л.С.* Русские в Аргентине (Из истории российской эмиграции) / Л.С. Шейнбаум // Латинская Америка. – 1993. – № 5. – С. 113-120.

483. *Шейнбаум Л.С.* Предпосылки сложения русской диаспоры в Аргентине / Л.С. Шейнбаум // Русские в современном мире. Серия «Новые исследования по этнологии и антропологии». – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998. – С. 348-356.

484. *Щеров И.П.* Миграционная политика в России 1914–1922 гг. / И.П. Щеров. – Смоленск: Б.и., 2000. – 316 с.

485. *Шабага А.В.* Исторический субъект в поисках своего Я: Монография / А.В. Шабага. – М.: РУДН, 2009. – 524 с.

486. *Шемякин Я.Г.* Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории / Я.Г. Шемякин. – М., 2001. – 391 с.

487. *Шпаковская М.А.* А. А. Кизеветтер в отечественной историографии / М.А. Шпаковская. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – 305 с.

488. Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. Окороков. – М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. – 490 с.

489. Этнические процессы в странах Южной Америке. – М.: Наука, 1981. – 534 с.

490. *Юдин А.В.* Филипп де Режис и Станислав Тышкевич: два подхода к служению Католической Церкви в России / А. В. Юдин [Электронный ресурс] // www.religare.ru/article47433.htm (портал "РЕЛИГИЯ и СМИ" (www.religare.ru).

491. *Armus D.* Notas sobre el impacto inmigratorio ultramarino a la Argentina y la vision de los protagonistas / D. Armus // Rev. de Indias. – Madrid, 1984. – a. 44. – № 174. – P. 489-504.

492. *Brym R.* The jews of Moscow, Kiev and Minsk: identity, antisemitism, emigration / R. Brym, R. Ryvkina. – New York: New York University Press, 1994. – 400 p.

493. Del proyecto «El escultor ruso Erzia y la Argentina». Articulos de los autores latinoamericanos sobre el escultor ruso. Yuri Paporov. El Gran Erzia/ Reconocimiento y tragedia/ Novela literaria y documental. – M.: Avanglion, 2010. – 396 p.

494. Inmigracion y desarollo economico. – Buenos-Aires, 1961.

495. *Holborn L.* W. The International Refugee Organization / L.W. Holborn. – New York, 1956.

496. *Jelin E.* Las comunidades de extranjeros en la Argentina y sus asociaciones / E. Jelin. – Buenos-Aires, 1963.

497. *Korn F.* Algunos aspectos de la asimilacion de Imigracion en Buenos-Aires / F. Korn // America Latina. – Rio de Janeiro. – V.8. – № 2.

498. *Lattes A.* Las migraciones en la Argentina entre mediados del siglo 19 – 1961 / A. Lattes // Desarollo economico. – Buenos-Aires. – 1973. – V. 12. – № 48.

499. La historia de los judios del Uruguay. – Montevideo, 1986.

500. La Inmigracion en la republica Argentina y la situacion social. – Buenos-Aires, 1924.

501. La migracion internacional en Venezuela // Revista sobre relaciones industriles y laborales. – Caracas, 1986. – № 18. – P. 5–82.

502. *Lattes A.* Las migraciones en la Argentina entre mediados del siglo 19 – 1961 // Desarollo economico. –1973. –V. 12. – №. 48.

503. Mexico en la Gran Guerra Patria del pueblo sovietico. – Mexico: Nuestro tiempo, 1985. –208 p.

504. *Moiseev A., Egorova O.* Los rusos en Cuba.Cronicos historicas: juicios y testimonies / A. Moiseev, Egorova O.– La Habana: Casa Editora Abril, 2010. – 215 p.

505. Poblacion y desarrollo: tendencias y nuevos desafios // Pensamiento iberoamericano. – Madrid, 1995. – № 28. – P. 9-388.

506. *Roi Y.* The struggle for Soviet – Jewish emigration. 1948–1967 / Y. Roi. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

507. *Salmeron R.A.* Gleb Wataghin // Estudos Avançados. São Paulo – 2001. Jan.– apr. – vol. 15. – N. 41. [Электронный ресурс] // http://www.scielo.br/scielo.php?pid=S0103-40142001000100016&script=sci_arttext (сайт «SciELO The Scientific Electronic Library Online»).

508. *Stempowski R.* Los colonos eslavos del Nordeste Argentino (1897-1938): Problematica, fuentes e investigaciones en Polonia / R. Stempowski // Estudios latinoamericanos / Pol. akad. nauk. Inst. historii. – Wroclaw etc., 1985. – 10.1986. – P. 169-183.

509. *Torino D.* El problema de imigracion y el problema agrario en la Argentina / D.Torino. – Buenos-Aires, 194.

510. *Vila Villar.* Los Rusos en America / E. V. Villar. – Sevilla: Escuela de Estudios Hispano-Americanos, 1966. – 104 p.

511. Українці в зарубіжному світі. – Київ, 1991. – 61 с.

512. Зарубіжні українці. Довідник. – Київ: Вид-во «Україна», 1991. – 252 с.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авельянеда Н. 74-75, 83
Авраменко Д. 276
Агапеев В. П. 261
Адлерберг В. 262
Адыров М. С. 136
Аксаков П. А. 243
Аксаков С.С. 243-244
Алдан М. А. 269
Александрович Н. П. 180
Алексеев М. В. 254
Алексеев Н. М. 254
Алексеева А. Н. 254
Алексий I, патр. 196
Андерс В. 220
Андрушкевич И. Н. 22, 236, 253, 255, 266
Аничков Б. 203
Аничков М. О. 203
Антипин В. Н. 145, 186
Антипова Е. В. 150
Антоний (Храповицкий), митр. 135, 184
Антошин А. В. 21, 273, 310, 332
Архангельский М. 148
Арцюк Е. Н. 262
Аугусто Сандино 71
Ахаронян Н. 322
Ахаткин К. З. 173,174
Базанов П. Н. 21, 183, 262
Базиль В. де
(В.Г. Воскресенский) 63, 157- 158
Базили Н. А. де 245
Байдалаков В. М. 261
Байкалов-Латышев С. Н. 287
Балк А. П. 19, 254
Баранов Р. В. 180
Баумгартен В. Ф. 268,293
Баумгартен А. А. фон 240
Баумгартен А. В 274
Баумгартен М. В. 297
Бахметьев Б. А. 95, 223
Башилов М. 295, 303-305
Баширов Д. И. 144
Башкирова Г. Ф. 181
Бейер А. А. 106, 124, 130
Белякова С. И. (Четверикова) 243
Беляев И. Т. 17, 45, 47, 54, 64, 66, 68, 97, 106, 117-118
Беляев Н. Т. 54
Беннигсен Э. П. 203
Бенуа Г. А. 110, 178, 181, 190, 197, 205, 331
Берберова Н. Н. 130
Берг З. М. 30
Бердяев Н.А. 192, 306
Берри Л. де 32
Битингоф А. В. 240
Бобринский Б. 54
Бобровский С. П. 107, 111-112, 195
Богаевский А. П. 54
Богданович П. Н. 261, 302
Богомолец М. А. 163
Бодиско В. В. 59, 282
Бойко П.Н. 329
Бойков М. Н. 256, 272, 304, 305
Болтовский С. Д. 282
Больмонт А. 155

Бондарев Г. Г. 151
Боронат С. А. 110
Боткин П. С. 44
Бочарова З. С. 8, 28, 40
Брагин А. П. 64, 71
Бразоль Б. Л. 260
Брандт Г. 35, 91, 96
Брубейкер Р. 10
Брунст В. 44
Будницкий О. В. 92
Булыгин П. П. 118
Быстроумов Л. С. 148, 173
Бэк В. М. 194
Вавилов Н. И. 152
Вандалковская М. Г. 14
Варгас Жетулио Дорнеллас 182
Василькиотти Н. П. 244
Ватагин Г. В. 151, 203
Венденгаузен-Розенберг В. Л. 91, 180
Вербицкий В. Ф. 245, 256, 267, 303, 305
Вершинина Н. А. 159
Вильдгаузен 35-36
Вишняк М. В. 170
Владимир Кириллович,вел. кн. 179, 258
Владимирская Т. Л. 18
Волков Г. Г. 248, 280
Волков С. В. 21
Волкова А. П. 260
Волконская О. А. 126
Волконский Ю. Н. 125
Вонсяцкий А. А. 183, 186
Воскресенский В. Г. (В. де Базель) 63, 157-158
Врангель П. Н. 31, 63, 96, 172, 264
Всеволод (Рошко), о. 225
Выборов В. И. 29, 63
Высоколян С. Л. 107, 149
Гавриленко Д. А. 149
Гаврилов И. А. 148
Гагарин П. К. 111, 154
Гальченко А. А. 279
Гартман К. Е. 278, 306
Гедда К. Н. 286
Генералов А. 154, 287
Георгий (Коваленко), о. 305
Геринг А. А. 297
Герцог Ю. А. 261, 296
Гершельман А. С. 241, 243
Гершельман М. А. 241-243
Гершельман С. К. 243
Гессе П. А. 30, 41-43, 100-102, 173
Гессель В. Ф. 68, 172
Гирс М. Н. 41
Глинка Г. В. 43-44
Глинский И. Ф. 153
Голдин В. И. 26
Голиков Ф.И. 211, 309
Голицын А. Б. 203, 325
Головин Н. Н. 265, 302-303
Голощапов Н. И. 240
Голубев К. Д. 220
Голубинцев С. В. 173, 262
Гордеев А. С. 163
Гордиенко П. 105, 169, 179
Горелик А. 311
Горский П. 279
Горчаков К. А. 245
Горький А. М. 131, 201, 279, 300, 315-316, 340
Граббе Г., о. 222
Гранитов В. И. 244
Граужинис 32-321
Григорьев Б. Д. 154-155
Григорьева Е. М. 136
Григорьева Т. 157
Губер М. 51
Гуль Р. 10
Гулькевич К. Н. 29, 33, 39, 46-49, 103
Гучков А. И. 254
Гучков Н. Н 254

Гучков Н. И. 254
Давыдов В. М. 4
Дандре В. 156-157
Дахин В. 173
Дахов Н. Т. 56, 144, 183-186, 262
Деникин А. И. 223
Джонсон Т. 40, 48
Дик Е. Н. 19
Дирин С. П. 175
Дмитренко Н. М. 267
Дмитрий (Константинов) прот. 241, 252-253, 296-297, 310-311
Добровольский В. В. 125, 149
Долгорукий П. Д. 45
Доленга-Пискорский Н. Н. 240
Доронченков А. И. 272
Дягилев С. П. 155-156, 159
Евдокимов В. 202
Евлогий, митр. 93
Ершов В. Ф. 13, 175
Ефремов А. Н. 172, 174
Жиров К. 131
Жуковский В. А. 282
Жуковский В. Г. 92
Загустин А. И. 281
Земсков В. Н. 20, 235
Зинченко К. Е. 194
Зубакин А. А. 261, 270
Зуев В. В. 127, 173
Ибаньес дель Кампо 87
Иваницкий Б. Е. 44
Иванов Л. А. 110, 173
Иванов Н. И. 164
Изразцов К. Г., прот. 42, 90,92-94, 107-109, 111, 132-133, 135-137, 146, 177, 184, 196-197, 288-289
Изразцов К. К. 132
Ильин В. С. 281-282
Ильин И. А. 272
Ильин С. Н. 32
Иоанн (Максимович) Шанхайский, архиеп. 222
Кабузан В. М. 66, 234
Камарра Хелдер Дон, еп. 229
Каппель В. О. 27
Каратеев М.Д. 67, 118, 282-284, 286, 303, 306
Карлос Ибаньес 154
Карлос Исамит 154
Карсавина Т. П. 155-156
Каспелетович Кучук 267
Керманов Н. 68
Кизеветтер А. А. 124
Кисверк Б.Я. 56
Киселевский Г. М. 143, 180
Кишкин С.С. 276
Ковалевский П. Е. 7, 123, 181
Колчак А. В. 27
Комин-Александровский М. А. 140, 163, 165
Константинов А. А. 277
Коппе Эд. 277
Кортес С.А. 331
Королев Н. В. 15
Костевич М. М. 148-149
Кравченко Б. К. 173
Краснов П. Н. 267-268
Краснов С. Н. 268
Краснов-старш Н.Н. 267-268
Краснов-Марченко М. С. 268
Краснов-младш. Н.Н. 267-268
Краснянский Б. 154
Крассовский–Добров П. 178
Кривошеин Н. Г. 149
Кублицкая М. А. 22, 243, 146, 298, 304, 330
Кугушев П. И. 130
Кушелевский А. В. 183
Лампе А. А. фон 295
Ланской И. Н. 276
Лапьер Х. 54
Левичарский М. 329
Легостаев Ф. М. 269
Лежнев В. В. 180

Лейбов И. Л. 142
Лермонтов А. Г. 277
Лермонтов М. Ю. 277, 340
Лесков Н. С. 158
Лескова Т. Ю. 158
Лигнау Т. Е. фон 294
Липшуц А. 152
Лихоманов И. Ф. 67, 99, 103, 203, 312, 325, 333-334
Лодыженский А. И. 254, 262
Лодыженский Ю. И. 31, 38, 168-169, 251, 254
Ломоть И. И. 125, 144
Лорец-Эблин М. В. 136
Лубков В. 61
Лукин Б. А. 297
Лукин Г. Л. 274, 275
Лукомский М. Н. 94
Мамонтов С. 243
Мамуков Е. И. 295
Мандельштам А. Н. 82
Маракуев С. В. 45, 48, 50
Мартынов Б. Ф. 17, 191, 198
Масветов Ф. С. 56
Махно Н. 142
Мержеевский В. Д. 138, 259, 300-301
Месснер Е. Э. 264
Миллер Е. К. 64
Милюков П. Н. 27, 192
Миронова Е. М. 19
Михаил (Кляровский), о. 136
Михайлов К. А. 219-220
Михайлов Н. Ф. 333
Михельсон (Бодер) Д. 166
Мишин Д. А. 226, 311
Молотов В. М. 319
Муравьев-Апостол А. 222, 238
Навроцкий А. А. 298
Нансен Ф. 27, 29, 33, 51, 108, 221
Наумов А. А. 261
Нейкирх В. 173
Нечаев С. Ю. 19, 286
Нижинская Б. Ф. 157
Нижинский В. 155
Никандров Н. 259
Никитенко Н. И. 278, 299
Никитенко С. Н. 237, 346, 249
Никитин Д. О. 166
Николай II, имп. 245
Николай Николаевич-мл., вел. кн. 176-179
Никонов В. А. 11
Никулин Ф. Е. 281
Нитобург Э. Л. 12, 20, 235
Новак Н. 279
Новиков М. М. 43
Новицкий В. И. 49
Нольде Б. Э. 39
Норамбуэна К. 22, 70, 203, 249
Обер Т. 168
Оболенский В. А. 29, 95
Оболенский Н. Л. 176, 178-179
Обручев В. В. 267
Окороков А. В. 21, 180
Оленева М. 159
Оранжереев И. 178
Ордовский-Танаевский В. Н. 249
Ордовский-Танаевский Р. В. 249
Ордынцев Л. Э. 233
Оржих Б. Д. 164
Остолопов В. А 203
Павличенко И. Д. 119, 183
Павлова А. 155-157, 159
Павловский А. Я. 139
Пален И. С. фон дер (И. Астрау) 142, 172, 256, 276
Пантелеимон, архиеп. 288
Парчевский К. К. 55, 67, 85, 90, 102, 112
Перелешин В. Ф. 284-286
Перон Хуан Доминго 106, 222, 230, 236, 241, 265, 319
Пеньковский Д. Д. 19, 63

Пивовар Е. И. 8, 12, 309
Пилкин А. П. 45, 47
Поляков Ю. А. 5, 8, 12
Полян П. 220, 234, 237
Поремский В.Д. 67, 234, 236
Потоцкий Н.Г. 296
Поярков М. П. 177
Проктор 36, 40, 43
Путятова Э. Г. 19, 60
Пушкин А. С. 123-127, 275-276, 278, 280, 299, 304
Раев М. 123
Ракитина А. Г. 136
Рахманинов С. В. 280
Режис Филипп де, о. 224, 237, 290, 301
Ридигер Н. Д. 136
Римский-Корсаков В. Ф. 196
Рогов Е. А. 105
Родзаевский К. В. 182-183, 186
Розанов М.В. 290
Розовский Ю. 166
Романов Б. Г. 157
Рослик В. М. 335
Рослик М. М. 315, 335
Российский М. М. 158
Рубакин Н. А. 129
Рубинштейн Я. Л. 39
Руднев Г. В. 236
Рузвельт Ф. 208
Рюминский В. 145, 181
Ряснянский Б. Н. 305
Ряснянский С. Н. 305
Сабенникова И. В. 8, 80, 227
Саблин Е. В. 32
Сазонов С. Д. 96
Сакун. Г. В. 203, 314, 325
Сапелкин В. В. 298, 304-305
Сахаров В. Н. 137, 203
Сахновский Н. И. 258, 296
Святополк-Мирский Л. С. 183
Седляревич М. М. 296
Семенов Г. М. 27
Сергеев М. Г. 311, 319, 332
Сизоненко А. И. 17, 96, 164, 189
Сиротин А. С. 164
Скородумов М. Ф. 264
Слезкин Ю. А. 303
Слепухин Ю. Г. 252, 330
Смирнова Е. А. 157
Снегирев Л. П. 270
Снеж Ж. 137
Соколов А. А. 287
Солженицын А. И. 276, 300
Солодовников Б. И. 46, 203
Солоневич И. Л. 259, 295, 303-304
Сосновский А. С. 125
Спесивцева О. 157
Спиридонова Е. М. 201
Ставровский А. 290
Сталин И. В. 142, 198-199
Стапран С. И. 104-105, 143
Стрелко А. А. 16, 204
Суворов А. В. 263, 265
Суриц Я. З. 311, 316-318
Тарле Г. Я. 5, 12, 66
Тимэ В. Ю. де 145
Тишков В. А. 9, 10, 11, 127, 198
Толмачева Г. И. 143
Толстая А. Л. 233, 275
Тома А. 33, 40, 42
Торо Руйлова 89
Туманов Я. К. 130
Туманова Н. 130
Туркул А. В. 174
Улагай К. К. 266-267
Ульянова О. 22, 70, 203, 249
Уманский К. А. 199
Урибуру Хосе Феликс 182
Успенский С. К. 144, 173, 307
Фези-Желинский В. Г. 63-64
Феодор (Текучев), еписк. 288-289, 300

Феодосий (Самойлович), архиеп. 133, 138, 196, 294
Фердинандов Н. А. 154
Флейшер А. Н. 111
Флиге Н. Н. 126
Харламов В. А. 267
Хейфец В. Л. 20, 166
Хейфец Л. С. 20, 166
Хитрово Н. А. 263
Хитрово С. А. 263
Хольмстон-Смысловский. А. (фон Регенау) 265-266, 303
Хуторев Г. А. 180
Церетели А. 157
Цихона С. 329
Чайльдс Л. 29, 41, 48, 51, 101
Чегодаев А. Н. 294
Чернощеков В. В. 270
Чеславский В. В. 226
Четвериков И. С. 243
Четвериков С. И. 243
Чичерюкин-Мейнгардт В. Г. 256
Чоловский Н. А. 129, 141-142, 146, 297, 302
Чумаков И. Н. 41, 53
Чухнов Н. Н. 260
Шапкин В. В. 186
Шаховская З. А. 286
Шварц А. В. фон 19, 95, 106, 110, 147-148, 179, 192-194, 196, 325
Шейнбаум Л. С. 15
Ширяев Б. Н. 303
Шкуро А. Г. 302
Шмагайлов Г. Л. 136
Шостаковский П. П. 90, 125, 153, 200, 288, 231, 333
Штейн Е. Ф. 46, 60, 91, 92-95, 171
Шуберт Б. К. 94, 106, 170-171, 173, 176-178
Щербатский А. И. 91, 96
Экштейн-Дмитриев А. Г. фон 191, 198
Эмерсон Г. 52
Эрн Н. Н. 159
Эрн Н. Ф. 19, 107, 118, 159, 172, 174, 246, 295
Эрьзя С. Ф. 153, 330
Юденич Н. Н. 65
Яворский Н. П. 158
Яковлев И. И. 163

Научное издание

Марина Николаевна Мосейкина

«РАССЕЯНЫ, НО НЕ РАСТОРГНУТЫ»: РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В 1920-1960 гг.

Монография

Редактор *Ж.В. Медведева*
Технический редактор *Т.В. Анисимова*
Компьютерная верстка *М.Н. Заикина*
Дизайн обложки *М.В. Рогова*

Подписано в печать 05.09.11 г. Формат 60×84/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24,25. Тираж 1000 экз. Заказ 1494

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК